МОСКОВСКІЙ

ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Оксенштирнъ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1827.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810882
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Сентября 28 го дня, 1827 года.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE
EXCHANGED

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XVII.

Отдѣленіе первое.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.
II. КРИТИКА.
III. БИБЛІОГРАФІЯ.
IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Нѣсколько мыслей о Лекенѣ и Театральномъ Искуствѣ.

(Соч. Тальмы.)

Я совсѣмъ не думаю быть писателемъ; все мое ученье направлено было къ моему искуству; цѣль сего искуства: въ одно время доставить удовольствіе и дать урокъ. Трагедія и комедія, одна живописью добродѣтелей и преступленій, другая изображеніемъ странностей и пороковъ, занимаютъ, заставляютъ смѣяться и въ тоже время исправляютъ и научаютъ. Общники великихъ писателей, актеры болѣе нежели переводчики ихъ: переводчикъ ничего не прибавляетъ къ мыслямъ переводимаго имъ писателя, актеръ, вѣрно становясь на мѣсто представляемаго лица, долженъ пополнить мысль автора, котораго онъ истолкователь. Одно изъ великихъ несчастій въ нашемъ искуствѣ есть то, что оно, такъ сказать, умираетъ съ нами; между тѣмъ, всѣ дру-

Digitized by Google

гіе артисты оставляютъ памятниками свои произведенія. Когда актеръ сошелъ со сцены, талантъ его существуетъ только въ воспоминаніи тѣхъ, кто его видѣлъ и слышалъ. Это должно придать цѣны сочиненіямъ, размышленіямъ, урокамъ, оставленнымъ великими актерами. Сочиненія ихъ могутъ быть еще полезнѣе, если они объяснены, оспорены актерами, приобрѣтающими нынѣ нѣкоторые успѣхи.

Ободряясь тридцати-семи лѣтнею опытностью и продолжительными успѣхами, изъ коихъ иные, можетъ быть, были и заслуженные, думаю, что могу отважиться на сіи размышленія. Надѣюсь, что въ сей увѣренности читатель не увидитъ ни излишняго самолюбія, ни ложной скромности.

У Лекена не было учителя; всякій актеръ долженъ быть самъ себѣ наставникомъ. Если въ немъ самомъ нѣтъ способностей, необходимыхъ для выраженія страстей, для живописи характеровъ, то ихъ не могутъ дать ему совѣты цѣлаго свѣта; генію не выучиваются: эта творческая способность родится съ нами. Но если актеръ одаренъ ею, то совѣты людей, надѣленныхъ вкусомъ, могутъ его руководствовать, и какъ въ искусствѣ читать стихи есть, нѣкоторымъ образомъ, техническая часть, есть извѣстныя правила, которыя можно себѣ предписать, то уроки актера совершеннаго, вводящаго

Digitized by Google

человѣка, имѣющаго зародышъ таланта, въ тайны собственной опытности, могутъ много избавить отъ хода ощупью, ученья и потери времени.

Лекенъ, при самомъ вступленіи на свое поприще имѣлъ величайшіе успѣхи; его дебюты продолжались семнадцать мѣсяцовъ. Однажды онъ игралъ при Дворѣ, въ присутствіи Людовика XV, и Король, по окончаніи пьесы, сказалъ: «Этотъ человѣкъ заставилъ меня плакать, а я никогда, кажется, не плачу.» Такое знаменитое свидѣтельство доставило ему мѣсто въ числѣ актеровъ Французскихъ. Не явившись еще на ихъ театрѣ, онъ уже пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность на театрахъ общественныхъ; тамъ увидѣлъ его и замѣтилъ въ первый разъ Вольтеръ, тамъ началась связь Лекена съ симъ великимъ писателемъ. Подробности сей эпохи его жизни можно видѣть въ повѣствованіи, написанномъ имъ самимъ.

Тогдашняя система декламаціи была родъ какого-то псалмопѣнія, печальная *мелопея*, начавшаяся съ рожденія театра (*).

(*) Здѣсь, можетъ быть, кстати сказать о несообразности слова: *декламація*, служащаго къ выраженію искуства актера. Это слово, кажется, означаетъ нѣчто другое, а не естественную способность выраженія; представляетъ собою понятіе какой-то условной выразительности, употребленіе которой

Digitized by Google

Лекенъ, противъ воли подвергшись вліянію примѣра, чувствовалъ необходимость избавиться отъ этого однозвучнаго пѣнія и сбросить съ себя правила приличія, стѣснявшія его пламенный геній, готовый развернуться; не смотря на принужденіе, останавливавшее его, въ чтеніи Лекена въ первый разъ услышали въ театрѣ истинные звуки природы. Исполненная чувствительности сильной и глубокой, пламени, сожигающаго и сообщительнаго, его игра, сначала бурная и не-

---

восходитъ вѣроятно до того времени, когда трагедію дѣйствительно пѣли. Я увѣренъ, что это слово часто давало ложное направленіе ученью молодыхъ актеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, декламировать, значитъ говорить надуто; слѣдовательно декламаторское искуство есть искуство говорить такъ, какъ не говорятъ. Къ тому-же, мнѣ кажется, странно употреблять для означенія искуства слово, которое также употребляютъ критикуя сіе искуство. Я-бы очень затруднился, если-бъ надобно было замѣнить сіе выраженіе другимъ, приличнѣйшимъ.

Играть трагедію скорѣе означаетъ забаву, чѣмъ искуство; *читать* (dire) трагедію, кажется мнѣ, слово холодное и выражающее простое *произнесеніе* (débit), безъ дѣйствія. Англичане употребляютъ многія слова, лучше выражающія сію мысль: *to perform tragedy*, исполнять (exécuter) трагедію, to act a part, дѣйствовать въ роли (agir un rôle). У насъ есть существительное: *актеръ*, но нѣтъ глагола, долженствующаго выражать идею приведенія въ дѣйствіе, идею исполненія.

Digitized by Google

управляемая законами опыта, нравилась юношеству, увлеченному пылкостью его игры, жаромъ его произнесенія, и еще болѣе, возмущенными звуками голоса, глубоко трагическаго. Любители стариннаго псалмопѣнія, вѣрные своимъ стариннымъ удивленіямъ, жестоко критиковали его и называли *быкомъ*. Они не находили въ немъ этой повторительной и пышной декламаціи, этого поющаго и стукающаго выговора, гдѣ глубокое почтеніе къ цезурѣ и риѳмѣ заставляло стихъ падать въ правильный кадансъ. Въ его поступи, движеніяхъ, *жестахъ*, положеніяхъ, не было этого благородства, этой пріятности, прадѣдовскихъ, составлявшихъ когда *прекраснаго актера* (*le bel acteur*) и преподававшихся Марселями своего времени, показывавшими ученикамъ тайны красотъ менуэта. Лекенъ, простой плебей, вырванный изъ мастерской золотыхъ дѣлъ, правда, не былъ воспитанъ на колѣняхъ Королевъ, какъ должны-бы, по мнѣнію Барона, воспитываться актеры; но природа, лучшая наставница, сама позаботилась открыть ему свои таинства.

Со временемъ, Лекенъ достигъ того, что исправилъ всѣ несообразности, сначала необходимо наброшенныя на игру его неопытностію. Онъ научился укрощать свой жаръ и расчислять движенія онаго; однакожь не осмѣлился, съ самаго начала, совершенно оставить размѣренное пѣніе,

Digitized by Google

почитавшееся тогда прелестнымъ идеаломъ декламаторскаго искусства, котораго актеръ не забывалъ даже въ жару страстей. Дѣвица Клеронъ, Гранваль и другіе современные актеры слѣдовали, также какъ и онъ, системѣ сей декламаціи, пышной и съ крѣпкими удареніями, которую они застали утвердившеюся. Даже въ общество ввели они этотъ торжественный тонъ, занятой ими въ театрѣ: какъ будто опасались отвыкнуть отъ него! Но въ Лекенѣ эта пышность, эта приправа, эта торжественность не были замѣтны при игрѣ исполненной жара, при патетическихъ, или ужасныхъ, потрясавшихъ всѣ души звукахъ его голоса. Одна дѣвица Дюмениль безъ принужденія слѣдовала всѣмъ порывамъ природы, непокоренной искусствомъ. Подобно Лекену, одаренная драгоцѣнною и рѣдкою способностью — живо ощущать страсти своихъ лицъ — и глубокою чувствительностью, сею основою истиннаго таланта, она безъ правилъ и безъ искусства предавалась всѣмъ волненіямъ души своей. Нечувствительная къ красотамъ приличія, страшась холода разсчетовъ, она неспособна была подвергнуться игу привычки и примѣра, и за то, хотя всегда удивительная, сколько должна была выдержать критикъ! Сколько поводовъ къ зависти подавала она своей соперницѣ, впрочемъ великой актрисѣ, но игра которой, совершенно расчи-

Digitized by Google

сленная и размѣренная, и полная декламація, больше нравились защитникамъ старой системы. Зависть осмѣлилась сказать даже, что безыскуственная непринужденность, какой предавалась дѣвица Дюмениль, была дѣйствіемъ пьянаго состоянія! Ничтожная клевета, незаслуживающая даже труда опровергать оную!

Желая нравиться публикѣ, приученной съ самаго рожденія театра къ сему пышному псалмопѣнію, могли-ли актеры того времени, и даже самъ Лекенъ, отваживаться на нововведенія слишкомъ смѣлыя, желать, однимъ порывомъ, безъ посредствующихъ степеней, приближиться къ природѣ, великой, возвышенной, но простой, истинной? Успѣхъ въ сихъ покушеніяхъ, слишкомъ быстрыхъ, былъ-бы очень сомнителенъ; при нихъ актеры подвергались слишкомъ большимъ опасностямъ и имъ казалось лучше оставаться на избитой дорогѣ, нежели пускаться въ уклоненія. Непріятности, осужденія, испытываемыя дѣвицею Дюмениль, устрашали ихъ; они удивлялись ей и не смѣли подражать ея дерзости. Сіи правила приличія тяготѣли иногда на талантахъ во всѣхъ родахъ. Какъ же устранились-бы отъ нихъ актеры болѣе нежели писатели? Не видимъ-ли величайшихъ писателей, сгибающихся подъ вліяніемъ своего времени? И даже самъ Расинъ, великій Расинъ, развѣ не часто забываетъ, въ семъ отношеніи, вы-

Digitized by Google

сокосшь своего генія? Многіе изъ героевъ его носятъ на себѣ отпечатокъ *любезничества* (de la galanterie) вѣка Людовика XIV, а не отпечатокъ своего времени. Вольтеръ, въ своемъ *Храмѣ Вкуса*, обличаетъ сей недостатокъ, въ сужденіи равно умномъ и справедливомъ. Въ Андромахѣ, въ этой удивительной пьесѣ, Орестъ и Пиладъ, которыхъ дружба вошла въ пословицу, поставлены не на одну доску. Орестъ говоритъ Пиладу *ты*, а тотъ почтительно величаетъ своего друга *seigneur* и никогда не относится къ нему иначе, какъ съ словомъ *вы*. Тогда наперсникъ не соблюлъ бы приличій театральныхъ, если-бы обращаясь къ главному лицу, говорилъ *ты*. Можетъ быть, въ семъ странномъ различіи виноватъ актеръ, назначенный въ ролю Ореста, тогда какъ Расинъ давалъ свою пьесу: можетъ быть онъ былъ возмущенъ такою простотою въ обхожденіи со стороны друга, котораго Авторъ почелъ необходимымъ низвести до второклассной степени наперсника. Безъ сомнѣнія, актеры, по примѣру существеннаго міра, и въ театрѣ очень много уважали свои мнимыя степени и были между собою строги въ разсужденіи приличій и этикета.

Также, это вліяніе современныхъ нравовъ особенно чувствительно въ Британникѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли Нерона. Сначала, Неронъ описываетъ Нарциссу любовь свою къ Юніи, красками, от-

Digitized by Google

крывающими душу огненную и порочную. Въ этой любви есть какой-то примѣсъ буйства и раждающагося звѣрства. Слезы, крикъ, ужасъ юной Принцессы, ночью выхваченной изъ ея жилища, влекомой передъ него солдатами, посреди воинскаго убранства и факеловъ: вотъ какое зрѣлище горести и насилія плѣняетъ Нерона и увеличиваетъ его любовь. Онъ, нѣкоторымъ образомъ, наслаждается горестью, украшающею Юнію въ глазахъ его:

J'aimais jusqu'à ses pleurs que je faisais répandre.

Доселѣ все взято изъ природы и извѣстнаго характера Нерона; но въ слѣдующемъ явленіи, гдѣ Неронъ и Юнія, въ немъ уже не та необузданная любовь, разстроивающая всѣ чувства: въ Неронѣ можно признать любезничество, отличавшее Дворъ Людовика XIV:

Pourquoi, de cette gloire exclus jusqu'à ce jour,
M'avez-vous, sans pitié, relégué dans ma cour?

En vain de ce présent ils m'auraient honoré,
Si votre coeur devait en être séparé;
Si tant de soins ne sont adoucis par vos charmes;
Si, tandis que je donne aux veilles, aux alarmes,
Des jours toujours à plaindre et toujours enviés
Je ne vais quelquefois respirer à vos pieds.

Это явленіе, къ концу опять принимающее свой настоящій цвѣтъ, сначала чрезвычайно трудно для игры. Тутъ оттѣнокъ сладкаго жеманства холодитъ акте-

Digitized by Google

ра; страстное движеніе, сначала данное ролѣ Нерона, необузданность его желаній, его смущеніе, его безпорядокъ, такъ хорошо выраженные въ предшествующемъ явленіи, кажется, вдругъ какъ-бы прекращаются. Они могли быть замѣнены только простымъ выраженіемъ собственнаго удержанія, естественнаго, невольнаго, часто налагаемаго на самую жесточайшую страсть видомъ робкой и беззащитной добродѣтели; но Неронъ этотъ, столь необузданный, что его ничто уже не въ состояніи удержать, вдругъ начинаетъ говорить языкомъ придворнаго любезника. Во время Людовика Четырнадцатаго, когда не осмѣливались нарушить законовъ любезности, когда Дворъ бралъ образецъ съ Монарха, славившагося пріятнымъ умѣньемъ приближаться къ женщинамъ, и въ театрѣ не потерпѣли-бы, чтобы какой нибудь государь говорилъ своей любовницѣ иначе, нежели самъ ихъ Монархъ. Для разговора съ женщинами всегда надобны *были изящные пріемы* (de belles manières) и Расинъ подумалъ-бы что нарушилъ всѣ приличія, показавъ Нерона, въ разговорѣ съ Юніею, обуреваемымъ тѣмъже огнемъ, упоеніемъ и разстройствомъ, какъ въ предшествующемъ явленіи: такой языкъ слишкомъ оскорбилъ-бы уши, привыкшія къ нѣжному языку спаленъ (au doux langage de ruelles).

Digitized by Google

Вкусъ къ изящнымъ пріемамъ являлся тогда въ самыхъ трагическихъ положеніяхъ, и даже при видѣ смерти. Ифигенія Расинова отказывается отъ пособій Ахиллеса и своей матери, и кажется совсѣмъ не чувствуетъ движенія, неизбѣжнаго въ молодой дѣвушкѣ, идущей на смерть. Эврипиду не нужно было наблюдать подобныхъ приличій и онъ очень остерегся, не одаривъ своей Ифигеніи такою поддѣльною преданностью; напротивъ, Расинъ подумалъ-бы что унизилъ свою, заставивъ ее страшиться смерти. Во время владычества эпикеша, Принцесса всегда должна была поддерживать свое достоинство, даже въ тѣ минуты, когда природа всего болѣе оказываетъ свои права. Въ семъ случаѣ великій геній еще долженъ былъ покориться могуществу приняпыхъ понятій.

Этому-же должно приписать малый успѣхъ наряда во время Лекена. Безъ сомнѣнія, онъ почиталъ вѣрность наряда очень важнымъ предметомъ: это видно даже изъ того, что онъ употреблялъ всѣ усилія сдѣлать его не такъ смѣшнымъ, какъ то было въ его время. Дѣйствительно, испина одѣянія, также какъ и декорацій, усугубляетъ театральное очарованіе, переноситъ зрителя въ тотъ вѣкъ и страну, когда и гдѣ жили представляемыя лица. Эта вѣрность даетъ самому актеру средства сообщать особенную физіогномію каждому представляемому ли-

Digitized by Google

цу. Но, сверхъ того, гораздо важнѣйшая причина заставляетъ меня смотрѣть на актеровъ, пренебрегающихъ сею важною частію ихъ искусства, какъ на истинно виновныхъ. Театръ долженъ представлять юношамъ, нѣкоторымъ образомъ, курсъ живой Исторіи; но эта небрежность не обезображиваетъ-ли ее въ глазахъ ихъ? Не значитъ-ли это сообщать имъ совершенно ложныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народовъ и лицахъ, оживляемыхъ трагедіею? Я самъ очень помню, что въ юности моей, читая Исторію, я всегда воображалъ царей и героевъ такъ какъ видѣлъ ихъ въ театрѣ. Баярда я представлялъ себѣ пріятно одѣтымъ, въ платьѣ цвѣта серны, безъ бороды, напудреннымъ, завитымъ какъ щеголя осьмнадцатаго вѣка. Цезарь являлся мнѣ запятнутымъ въ прелестное платье изъ бѣлаго атласа, съ развѣвающимися волосами, собранными въ узлы съ лентами. Если иногда актеръ приближался нарядомъ къ древнему одѣянію, то скрывалъ простоту онаго подъ излишествомъ смѣшнаго шитья, и я думалъ, что ткани бархатныя и шелковыя столь-же общи въ Аѳинахъ и Римѣ, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Лекенъ только отчасти успѣлъ изгнать тогдашніе смѣшные театральные наряды, но не могъ ввести такихъ, какіе должно было употреблять въ театрѣ. Въ то время эта часть знанія была совершенно неизвѣстна даже

Digitized by Google

живописцамъ. Статуи, древнія рукописи украшенныя миніатюрами, памятники, существовали какъ и нынѣ, но съ ними не совѣтовались. Это было время Буше и Ванлоо, ужасно боявшихся слѣдовать примѣру Рафаэля и Пуссена въ расположеніи драпировки. Уже въ то время, когда явился нашъ славный Давидъ, тогда, одушевленные имъ живописцы и ваятели, и особенно молодые люди, занялись сими изысканіями. Я былъ въ дружбѣ съ большею частью изъ нихъ; чувствовалъ всю пользу, какую можетъ принесть театру это изученіе, и занялся имъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Я сдѣлался живописцомъ по своему. Много препятствій и предразсудковъ надобно мнѣ было побѣдить, и не столько со стороны публики, какъ со стороны актеровъ; но наконецъ успѣхъ увѣнчалъ мои усилія, и не боясь осужденія въ тщеславіи, могу сказать, что мой примѣръ имѣлъ большое вліяніе на всѣ театры Европейскіе. Лекенъ не могъ-бы преодолѣть столькихъ затрудненій: не пришло еще время. Могъ-ли онъ отважиться выйдти на сцену съ голыми руками, въ древней обуви, въ волосахъ безъ пудры, въ платьѣ съ длинною драпировкою и въ льняной одеждѣ? Осмѣлился-ли бы онъ до такой степени оскорбить приличія времени? Этотъ суровый нарядъ показался-бы тогда одѣяніемъ очень неприличнымъ и особенно очень мало благопристойнымъ. Лекенъ

Digitized by Google

сдѣлалъ все что только могъ сдѣлать, и театръ обязанъ ему признательностью. Онъ сдѣлалъ первый шагъ, и то, на что онъ отважился, побудило насъ отваживаться далѣе.

Актеры безпрестанно должны поставлять своимъ образцомъ природу; она должна быть постояннымъ предметомъ ихъ изученій. Лекенъ чувствовалъ, что блестящія краски Поэзіи служили къ тому, чтобы придать болѣе великости и величія красотамъ природы. Онъ зналъ, что въ обществѣ, люди, глубоко взволнованные сильными страстями, угнетенные сильными горестями, или жестоко возмущенные великими политическими выгодами, говорятъ, правда, языкомъ болѣе возвышеннымъ, болѣе идеальнымъ, но что сей языкъ все таки принадлежитъ природѣ. Слѣдовательно, эта благородная, одушевленная, возвышенная, но вмѣстѣ и простая природа, должна быть предметомъ постоянныхъ изученій актера и поэта; Лекенъ могъ найдти въ самыхъ сочиненіяхъ властителей сцены примѣры сего величія безъ надутости. Въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ образцовыхъ произведеніяхъ, самыя возвышенныя выраженія суть также и самыя простыя.

Я часто слышу въ обществѣ, что люди, впрочемъ очень образованные, говорятъ будто-бы трагедія находится не въ природѣ: эта мысль, повторяемая безъ раз-

Digitized by Google

мышленія, распространяется, и кончится тѣмъ, что ее примутъ за истину. Свѣтскіе люди, занятые совсѣмъ другими предметами, не изучиваютъ глубоко всѣхъ движеній страстей; они судятъ легковѣрно; къ тому, дурные авторы и актеры, невнимательно занимающіеся своимъ искуствомъ, укрѣпляютъ это заблужденіе. Конечно, понятіе ихъ о трагедіи, слогъ однихъ и игра другихъ не могутъ освободить отъ сей ложной мысли. Но пусть разсмотрятъ большую часть политическихъ или страстныхъ лицъ Корнеля и Расина. Какъ часто языкъ ихъ простъ и вмѣстѣ возвышенъ! Въ слогѣ Вольтера самолюбіе поэта часто явнѣе; но какое патетическое и истинное выраженіе у него, когда онъ объятъ страстью! Вѣрно, въ изящныхъ сценахъ сихъ великихъ поэтовъ находятся не небрежность и нерадивость народнаго разговора: нѣтъ, это простосердечный языкъ, это возвышенное, но вѣрное выраженіе самой природы. Пусть разсмотрятъ, во всѣхъ отношеніяхъ, завязку и развязку *Венцеслава*, пятое дѣйствіе *Родогуны*, *Цинны*, роль стараго Горація, сцены Агамемнона и Ахиллеса, роли Іоада, Эдипа, обоихъ Брутовъ, Цезаря, роли Федры, Андромахи, Гермioны, и проч. — Вызываю сказать: можно-ли вложить въ уста ихъ языкъ болѣе естественный и истинный? Отнимите риѳму, и всѣ сіи лица не иначе заговорили-бы въ существенномъ быту.

Digitized by Google

Тоже являютъ намъ нѣкоторые актеры, прославившіе Французскую сцену: Лекенъ, дѣвица Дюменилъ, Моле, Монвель. Только вѣрнымъ подражаніемъ истинному доставили они просвѣщенной націи наслажденіе живыми волненіями и послѣ нихъ еще существующими въ воспоминаніи. Слѣдовательно, образцовыя сочиненія однихъ и дарованіе другихъ неоспоримо доказываютъ, что трагедія не такъ удалена отъ природы, какъ воображаютъ себѣ, и что единая безталантность придала нѣкоторый вѣсъ противоположному мнѣнію.

Впрочемъ, надобно сказать, что изъ множества актеровъ всѣхъ странъ, весьма немногіе разыскивали сію истину. Однакожъ Мольеръ и, еще прежде него, Шекспиръ, оставили превосходные уроки актерамъ своего времени. У перваго, въ его *Impromptu de Versailles*, находимъ, какъ онъ осмѣиваетъ актеровъ de l'hôtel de Bourgogne, за жеманство и надутость ихъ произнесенія.

»Такъ это-то по вашему называется »читать стихи? Что за шутовство! На»добно выражаться надменно. Послушай»те . . . Видите-ли это положеніе? Тутъ, »хорошенько удержите голосъ на послѣд»немъ стихѣ. Вотъ что выманиваетъ одо»бреніе и творитъ театральную сумато»ху!« — Но, М. Г., мнѣ кажется, что Король, разсуждая наединѣ съ своимъ капитаномъ гвардіи, долженъ говорить *болѣе человѣчески* (un peu plus humainement) и не при-

Digitized by Google

нимать такого сверхъестественнаго тона. — „Ты не понимаешь этого: попробуй »читать такъ, какъ ты читаешь теперь: »увидишь, вырвется-ли у кого нибудь »хотъ одно: ахъ!« и проч. Скапенъ говоритъ въ *Fourberies:* »Погоди! приложи руку »къ боку, выпяли глаза понеистовѣе и »ступай театральнымъ королемъ.«

Кажется, по мнѣнію самого Мольера, актеры не вѣрили, что Короли на сценѣ должны ходить и говорить также какъ всѣ люди.

Шекспиръ, во время болѣе отдаленное, когда театръ едва выходилъ изъ младенчества, влагаетъ въ уста Гамлета превосходные совѣты актерамъ: »Передайте этотъ разговоръ такъ, какъ я произнесъ его передъ вами: легко и естественно; но если вы усилите голосъ и зареветe, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, то лучше мнѣ заставить какого нибудь городскаго крикуна прокричать стихи мои. О, ничто не терзаетъ мнѣ душу столько, какъ человѣкъ, до нелѣпости здоровый, выражающій страсть свою восклицаніями и криками, отъ которыхъ трещатъ уши у толпы; а ей только крикъ и нуженъ. Я-бы желалъ посѣчь того театральнаго Ирода, кто хочетъ перещеголять самого Ирода яростью. Но не будьте и слишкомъ холодны: пусть разсудокъ служитъ вамъ вождемъ: соразмѣряйте дѣйствіе съ словомъ и слово съ дѣйствіемъ; наблюдайте, чтобы невыйдти изъ приличій природы,

Digitized by Google

потому, что все удаляющееся отъ этого правила удаляется отъ цѣли драматическаго представленія, состоящаго въ томъ, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, природѣ представить зеркало, добродѣтели показать истинныя черты ея, смѣшному сходный съ нимъ образъ, и каждому вѣку, каждой эпохѣ времени, форму ея и отпечатокъ. Если эта живопись усилена или ослаблена, ею будутъ утѣшаться невѣжды, но людей разсудительныхъ она оскорбитъ, а ихъ мнѣніе для васъ должно быть всегда дороже мнѣнія толпы. О! есть актеры: я видѣлъ ихъ игру, слышалъ, какъ увеличенно хвалили ихъ, а у нихъ, чтобы не сказать хуже, не было пріемовъ ни христіанскихъ, ни языческихъ, ни человѣческихъ: они надувались и горлопанили такъ ужасно, что ихъ можно было почесть изображеніями идоловъ, грубо обтесанными руками низшихъ подмастерьевъ природы: такъ скверно они подражали человѣку.«

Какимъ-же образомъ, не смотря на предупрежденія сихъ двухъ великихъ артистовъ, и безъ сомнѣнія противъ мнѣнія многихъ другихъ изъ ихъ современниковъ, ложная система напыщенной декламаціи водворилась на большемъ числѣ Европейскихъ театровъ и была провозглашена нами, какъ единое основаніе театральнаго подражанія? Доказательство, что истину во всѣхъ искусствахъ всего труднѣе найдти и постигнуть. Статуя Минервы суще-

Digitized by Google

ствуетъ въ кускѣ мрамора; одинъ рѣзецъ Фидія можетъ ее раскрыть. Эта способность есть даръ очень немногихъ актеровъ; между тѣмъ посредственность многочисленнѣе: она сотворила законъ, и со временемъ, утвердила ложное подражаніе своей слабости, какъ единственный образецъ для подражанія.

(Оконч. въ 19-й книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Замѣчанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (Взглядъ на исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литтературы въ Россіи).

Ученый подвигъ Г-на Адріана Бальби, заслуживъ благосклонный пріемъ въ Европѣ, заслуживаетъ и отъ насъ, какъ народа, желающаго въ вѣжливости и образованности не отстать отъ другихъ, пріемъ благосклонный и вниманіе признательное. Мы говоримъ о книгѣ, изданн. Г-мъ Бальби (Парижъ 1826 г.), подъ названіемъ: Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes d' aprés leurs langues (*Этнографическій атласъ земнаго шара или распредѣленіе древнихъ и новыхъ народовъ по ихъ языкамъ*). Сія книга состоитъ изъ 42 таблицъ, мѣлкими буквами напеча-

Digitized by Google

танныхъ, на большихъ полулистахъ и листахъ: 56 таблицъ представляютъ общія раздѣленія и подраздѣленія всѣхъ извѣстныхъ, бывшихъ и существующихъ нынѣ, языковъ и нарѣчій, съ замѣчаніями о сущности, распространеніи, раздѣленіи и нынѣшнемъ состояніи каждаго изъ нихъ. За тѣмъ на пяти таблицахъ представленъ небольшой сравнительный *Полиглоттическій* Словарь, т. е. собраніе нѣсколькихъ словъ, почти на 700 языкахъ и нарѣчіяхъ, сравнительно. Къ Атласу Г-на Бальби принадлежитъ особенное *Введеніе*, состоящее изъ книги, подъ названіемъ: Introduction à l'atlas etnograph. du globe (CXLIII и 415 стр. in 8). Здѣсь Авторъ, послѣ объясненія о Лингвистикѣ, правилахъ ея и трудахъ своихъ предшественниковъ, входитъ въ разысканія о сущности языковъ вообще, графическихъ системахъ всѣхъ народовъ, причинахъ классификаціи, принятой имъ въ Атласѣ, и разныхъ подробностяхъ, не вошедшихъ въ Атласъ. Читатели послѣ сего могутъ сами судить, какъ полезно сочиненіе Г-на Бальби для географовъ, историковъ и филологовъ. Разумѣется, что Г-нъ Бальби долженъ былъ имѣть множество матеріяловъ и сотрудниковъ; выборъ того и другаго дѣло весьма большое: на немъ основана вся ученая важность труда, ибо при всемъ уваженіи, какое можно имѣть къ Автору, мы знаемъ, что невозможно одному человѣку быть знатокомъ всѣхъ языковъ. И съ сей стороны Г. Бальби заслуживаетъ величайшую благодарность: онъ былъ вспомоществуемъ извѣстнѣйшими учеными людьми и путешественниками, пользовался богатыми пособіями, какія только дѣятельная жизнь наукъ и знаній въ Парижѣ

Digitized by Google

можетъ доставить (*). Теперь, трудъ Автора конченъ: онъ сдѣлалъ, что могъ. Для признанія труда его классическимъ долженъ начаться трудъ критиковъ: и въ Европѣ онъ начатъ; о книгѣ Г-на Бальби мы читали уже нѣсколько рецензій и анти-рецензій.

Вообще, въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, коими изобилуютъ въ наше время Французская, Нѣмецкая и Англійская Литтературы, которые являются подъ именемъ атласовъ, картъ, таблицъ историческихъ и проч. и въ объемѣ своемъ касаются всего свѣта, должно давать голосъ и намъ Русскимъ. Причинъ тутъ много. Кромѣ того, что пора намъ принимать дѣятельнѣйшее участіе въ занятіяхъ нашихъ Европейскихъ собратій, должно согласиться, что они такъ мало знаютъ насъ, по большей части такое невѣрное имѣютъ понятіе почти обо всемъ, что касается не только Руси, но и вообще Славянскихъ народовъ, что мы обязаны вступаться за себя и соплеменниковъ нашихъ и указывать иноплеменнымъ ихъ ошибки и недоразумѣнія. Они и не подумаютъ за это сердиться; напротивъ, будутъ намъ благодарны, и въ этомъ убѣждаетъ насъ то, съ какимъ жаромъ хватаютъ въ Европѣ все, что касается до Россіи, съ какимъ уваженіемъ начинаютъ смотрѣть на Россію во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣчего жаловаться: будь только мы

(*) Г-ну Бальби помогали въ трудахъ его между прочимъ: Агубъ, Щези, Champollion, Деппингъ, Дюперре, Фрейсине, Газе, В. и А. Гумбольдты, Жомаръ, Жоберъ, Клапротъ, Крузе, Малшебрёнъ, Аб. Ремюза, Сенъ-Мартенъ и проч.

Digitized by Google

словоохотны, не отставай отъ другихъ и возьми себѣ за правило въ литтературѣ и ученыхъ занятіяхъ терпимость, послѣ чего не все иностранное будетъ намъ казаться вредомъ и враньемъ и не отъ всего родимаго будемъ мы кричать съ удивленіемъ — иностранцы готовы принять насъ съ распростертыми объятіями.

По крайней мѣрѣ Сочинитель Этнографическаго Атласа оправдываетъ слова наши. Кромѣ того, что мы, потомки Славянъ и Нордмановъ, съ своими родичами, заняли у него по праву почетное мѣсто (Таб. XIV, *Introd.* стр. 182 и слѣд.), онъ, посвящая книгу свою ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, благоволившему принять подношеніе Автора, отдѣляетъ въ книгѣ своей особенную статью нашей Русской Литтературѣ, нашему просвѣщенію и образованію. Вниманія нашего къ книгѣ Г-на Бальби, кажется, мы ничѣмъ такъ доказать не можемъ, какъ участіемъ въ усовершенствованіи оной, о чемъ проситъ и чего желаетъ Г-нъ Бальби.

Критика на его Атласъ можетъ раздѣлиться на двѣ части: первая *филологическая*, должна заключать сужденія ученыхъ филологовъ вообще о планѣ, расположеніи Атласа и основныхъ его частяхъ, на примѣръ: изложеніи сущности языковъ и Грамматикъ вообще, системахъ, по коимъ распредѣлены въ Атласѣ языки и нарѣчія, выводахъ Автора, и проч. Другая часть можетъ назваться *лингвистическою* и ограничиться частными замѣчаніями каждаго знающаго свой родной языкъ, свои отношенія, о томъ, что особенно касается его роднаго языка и его отечества.

Digitized by Google

За критику перваго рода мы не осмѣливаемся теперь приняться, ибо Г-нъ Бальби отъ себя почти ничего не говоритъ, а при каждомъ мнѣніи собираетъ авторитеты извѣстнѣйшихъ ученыхъ людей. Замѣтимъ только, что онъ, кажется, не вполнѣ знакомъ съ твореніями новыхъ Нѣмецкихъ филологовъ, которые могли-бы ему сказать кое-что новое и любопытное о Всеобщей Граммашикѣ. Касательно Славянъ и Руси, авторитетъ его составляютъ: Фатеръ, Шлецеръ, Добровскій, Карамзинъ и Копитаръ: имена знаменитые, авторитетъ важный. Здѣсь, если что нибудь кажется намъ не такъ, то, кромѣ того, что мы не должны винить Г-на Бальби, намъ не льзя и говорить просто, что то или другое несправедливо; сказать это весьма не легко. Все, съ чѣмъ не льзя здѣсь согласиться, должно быть еще предметомъ обширныхъ изслѣдованій, доказательствъ, можетъ быть спора, а это едва-ли было-бы совмѣстно съ самымъ объемомъ Телеграфа, ибо можетъ вовлечь насъ въ статьи весьма огромныя. Мы предоставляемъ себѣ со временемъ отдѣльныя замѣчанія, тѣмъ болѣе, что авторитетъ Г-на Бальби въ отношеніи Славянъ и Руси есть авторитетъ вообще многихъ другихъ ученыхъ. Почти каждый изъ нихъ, начавъ писать о Славянскомъ языкѣ, берется за Добровскаго, о Русской Исторіи, за Шлецера и Карамзина, о сродствахъ языковъ Славянскихъ съ Азіятскими, за Фатера и Клапрота. Не льзя-же требовать, чтобы всякій самъ занимался прилежно и отдѣльно нами, не льзя не сказать и того, что упомянутый авторитетъ важенъ и весьма удовлетворителенъ. Мы замѣтимъ здѣсь только, что приведенные нами Авторы, по

Digitized by Google

недостатку матеріяловъ или по времени, въ какое они писали, могли ошибаться. Ни мало не уменьшаетъ славы Карамзина, если кто нибудь, занимаясь однимъ изъ множества предметовъ, въ его *Исторіи Гос. Росс.* заключающихся, проникъ въ сей отдѣльный предметъ глубже, или славы Добровскаго, если онъ, мало зная Восточныхъ Славянъ и Русскія Древности, ошибался въ своихъ посылкахъ, которыя можетъ исправить знающій сію часть лучше. Повторяемъ, что честь великаго труда всегда останется неотъемлемою честью.

И такъ, не будемъ мы здѣсь входить въ общій разборъ всего Атласа Г-на Бальби, ниже всего того, что онъ говоритъ о Славянскихъ языкахъ и Исторіи Славянъ, ибо это должно быть, какъ мы сказали, предметомъ особыхъ статей, изъ коихъ одну мы имѣемъ уже въ виду, по поводу недавно изданнаго VI-го тома, Précis de la Géographie universelle, Мальтебрёна, гдѣ о Славянахъ и Руси почти тоже нашли мы, что и у Г-на Бальби. Этимъ подтверждается наше мнѣніе объ однообразномъ авторитетѣ. Мы хотимъ теперь единственно разобрать въ Атласѣ Г-на Бальби (стр. 321 — 383) 8-ю главу *Вступленія*, статью совершенно отдѣльную отъ цѣлаго сочиненія и названную имъ: *Взглядъ на исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литтературы въ Россіи.*

Руководствовала-ль въ семъ случаѣ Автора благодарность за вниманіе Россійскаго Монарха къ его книгѣ, или вообще замѣтное желаніе иностранцовъ узнавать Россію, или даже тотъ духъ времени, замѣтный во всеобщемъ стремленіи народовъ

Digitized by Google

вѣдать всѣ подробности языка, литтературы и образованія каждаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ Г-нъ Бальби дѣлаетъ намъ большую честь, посвящая Рускимъ значительное отдѣленіе въ своей книгѣ и говоря о насъ съ уваженіемъ отличнымъ. Онъ защищаетъ насъ противъ обвиненій въ варварствѣ и невѣжествѣ (стр. 184, 322, 381 и друг.). Но усердіе должно быть руководимо познаніемъ. Г-нъ Бальби насъ *уважаетъ* и *хвалитъ*: это дѣло рѣшенное; теперь другой вопросъ: *могъ-ли знать* насъ Г-нъ Бальби? Нѣтъ! Въ этомъ самъ Г-нъ Бальби признается. На какомъ-же авторитетѣ утверждается онъ, разсказывая довольно подробно исторію нашей литтературы, нашего просвѣщенія? У насъ самихъ нечѣмъ похвастать: мы сами имѣемъ объ этомъ кой-какія весьма неудовлетворительныя историческія извѣстія. Вотъ уже лѣтъ 100, какъ мы приступили къ литтературѣ Европейской, но исторіи нашей литтературы у насъ нѣтъ. Г-нъ Бальби поступилъ какъ могъ лучше: онъ просилъ одного Русскаго Литтератора, qui a parcouru presque toute la Russie d'Europe, et la partie occidentale de celle d'Asie, et qui, à la connaissance profonde de sa langue nationale ancienne et moderne, et de sa littérature, réunit l'avantage d'avoir été sur les lieux, et d'avoir pu juger par lui même des différences offertes par les principaux dialectes du russe, qu'il a entendu parler à Tobolsk, à Kharkhof, à Moscou, à Pétersbourg, etc. etc. Къ извѣстію, составленному симъ Русскимъ Литтераторомъ, Г-нъ Бальби присовокупилъ, особыми прибавленіями, статьи Г-на Лемонте, Сочинителя предисловія къ Французскому переводу Басенъ Крылова, Г-на Ферюссака, Издателя Всеобщаго

Digitized by Google

Бюллетеня, Г-на Геро, сотрудника въ Revue Encyclopédique, Г-на Нейенкирхена, Нѣмецкаго Литтератора, живущаго въ Петербургѣ. Хотя, по старинной аксіомѣ, *le mot* ne fait rien à l'affaire; но здѣсь мы желали-бы знать *имя Русскаго Литтератора*, положившаго основаніе статьѣ о Русской Литтературѣ въ Атласѣ Г-на Бальби. Надобно, чтобы Г-нъ Бальби былъ очень увѣренъ въ его свѣдѣніяхъ и въ добротѣ его пособій, ручаясь за него весьма сильно (стр. 321). Къ сожалѣнію, мы видѣли въ наше время нѣсколько опышовъ извѣстій, писанныхъ нашими соотечественниками о Россіи и Русской Литтературѣ, появлявшихся въ иностранныхъ Журналахъ, и весьма невѣрныхъ. Даже духъ партій нашей Литтературы перелеталъ нѣсколько разъ за границу; случалось и то, что писатель, за неимѣніемъ похвалъ въ Россіи, Богъ знаетъ какими средствами, бывалъ расхваливаемъ въ Парижѣ или Гёттингенѣ. Воля Г-на Бальби, а статья о Русской Литтературѣ не одною рукой вся писана: въ ней такое собраніе мнѣній старыхъ и новыхъ, справедливаго и несправедливаго, хорошаго и дурнаго, что понять не можно, какъ могъ все это написать одинъ и тотъ-же литтераторъ. Можно подозрѣвать даже, что статья, оставленная у Г-на Бальби сочинителемъ, была подвергнута поправкамъ и дополненіямъ Г-на Л. Н., написавшаго замѣчанія на Антологію Сенъ-Мора въ Mercure du XIX siècle (77 livrais. стр. 505 и слѣд.): и здѣсь и тамъ есть что-то похожее. Споръ, бывшій нѣкогда по поводу сихъ замѣчаній, могъ быть поучителенъ для Г-на Бальби. Жалѣемъ, что Г-нъ Геро, которому Французская Журналистика обязана статьями о Русской

Digitized by Google

Литтературѣ, основательно и съ познаніемъ предмета писанными, жалѣемъ, что онъ, по видимому, узналъ поздно о намѣреніи Г-на Бальби и могъ участвовать въ его предпріятіи только небольшими библіографическими прибавленіями. Но не будемъ судить безъ доказательствъ, послѣдуемъ за Сочинителемъ *Взгляда на исторію просвѣщенія и литтературы въ Россіи*, изложимъ его извѣстія и мнѣнія, и послѣ того рѣшимъ: хорошо-ли исполнилъ нашъ соотечественникъ препорученіе Г-на Бальби. Нѣсколько замѣчаній на прибавленія Г-дъ Ферюссака, Геро и Нейенкирхена заключатъ нашу статью. Замѣтимъ, къ чести нашего соотечественника, что онъ берется отвѣтствовать за всѣ свои ошибки, не слагая вины ни на кого, ибо руководствовался въ сужденіяхъ своихъ и описаніяхъ собственными мнѣніями и замѣчаніями.

Онъ *начинаетъ съ начала*, какъ говорятъ Французы, сказываетъ намъ прежде всего, что нашъ Русскій языкъ принадлежитъ къ происшедшимъ отъ Славянскаго, и упоминаетъ о различіи мнѣній филологовъ, изъ коихъ одни утверждаютъ, что *Церковный* нашъ языкъ, то есть, языкъ, на который переведены были наши церковныя книги въ IX вѣкѣ, есть коренной Славянскій, неразобщавшійся еще на нарѣчія; но что другіе филологи этому противорѣчатъ, и полагаютъ, что для перевода церковныхъ книгъ служило какое нибудь изъ Славянскихъ *нарѣчій*. Послѣднее можно почесть доказаннымъ. Авторъ говоритъ, что *нынѣшній Сербскій* языкъ походитъ на церковный. Здѣсь онъ впадаетъ въ большую ошибку, желая подтвердить мнѣніе Аббата Добровскаго, ибо Добровскій и за нимъ дру-

Digitized by Google

гіе филологи, изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, указывали на Сербское, только не на нынѣшній, а *древній Сербскій* языкъ, сохранившійся въ письменныхъ памятникахъ, отъ котораго Сербскій нынѣшній, разговорный, весьма разнится. Добровскій нынѣ отказывается отъ своего мнѣнія; но имѣя многія причины, мы не можемъ согласиться на его отказъ. Говоря о различіи нарѣчій собственно-Русскаго языка, Авторъ называетъ *главнѣйшимъ* (principal) Малороссійское: если онъ разумѣлъ, что Малороссійское нарѣчіе есть самое далекое отъ кореннаго Русскаго, такъ; но если-жъ онъ подразумѣвалъ обширнѣйшее по числу говорящихъ имъ, то это несправедливо, и въ такомъ случаѣ Сѣверное нарѣчіе (или Новогородское) будетъ главнѣйшимъ.

Упомянувъ о изобрѣтателяхъ Славянской азбуки Кириллѣ и Меѳодіи, Авторъ (стр. 324) объявляетъ читателямъ, что онъ преимущественно будетъ заниматься обозрѣніемъ *Изящной Словесности Русской* (belles-lettres) и только поверхностно обозритъ исторію Наукъ и Искусствъ въ Россіи. Онъ излагаетъ за тѣмъ начало Россійскаго Государства, при чемъ повторены имъ извѣстныя описанія великолѣпія Кіевскаго Двора при Владимірѣ и Ярославѣ. Замѣтимъ, что о супружествахъ дочерей Ярослава Авторъ долженъ былъ умолчать, какъ о дѣлѣ весьма сомнительномъ, тѣмъ болѣе, что на этомъ утверждены у него доказательства великаго просвѣщенія и славы Россіи въ X и XI вѣкахъ, болѣе нежели сомнительнаго въ глазахъ исторической критики. Описывая древнѣйшіе, сохранившіеся до насъ письменные памятники наши, напрасно по-

Digitized by Google

читаетъ Авторъ *Правду Русскую* сочиненіемъ Ярослава и *дѣтей его:* она, какъ означено въ ней, написана вся въ правленіе Ярослава; но по новѣйшимъ изысканіямъ и это оказывается сомнительнымъ. Не понимаемъ, почему Авторъ видитъ въ ней памятникъ »языка и судебной системы, употребительныхъ въ XI вѣкѣ *во всѣхъ земляхъ, обитаемыхъ Нордманами.*« Надобно вспомнить, что Нордманы разселились въ Италіи, Сициліи, Франціи, Англіи, и едва-ли наша Русская Правда можетъ быть памятникомъ *языка* и судебной системы Нордмановъ, жившихъ въ помянутыхъ земляхъ. Говоря о Несторовой Лѣтописи, Авторъ сказываетъ, что она »простирается отъ начала Россіи до XII вѣка, времени смерти Нестора, но была продолжаема до XVII столѣтія, *почти безъ перерыва.*« Авторъ »хо»шелъ указать на древнѣйшіе памятники, достой»ные вниманія ученыхъ людей.« Для *ученыхъ людей* надобно было дѣлать сіи указанія съ ученою точностію. Несторъ, какъ полагаютъ, кончилъ въ началѣ XII вѣка (1110 годомъ, хотя это послѣ многихъ соображеній оказывается невѣрно); но Лѣтопись его начинается раздѣленіемъ земли между сынами Ноевыми, и подъ его именемъ продолжается одинаковымъ образомъ, въ одномъ замѣчательномъ спискѣ до 1224 года; въ другомъ, еще болѣе важномъ и самомъ древнѣйшемъ, до 1303 года: извѣстно, что *подлинникъ Лѣтописи Нестора* не дошелъ до насъ. Всѣ-же другія лѣтописи *не продолженіе Лѣтописи* Нестора, а просто лѣтописи, писанныя каждая въ своемъ духѣ, въ разныхъ мѣстахъ, со многими одна пропивъ другой отмѣнами, и проч.

Digitized by Google

Упомянувъ о *Пѣсни о Полку Игоревомъ*, Авторъ говоритъ о народныхъ пѣсняхъ нашихъ. Здѣсь слѣдовало ему сказать о раздѣленіи сихъ пѣсенъ, ибо однѣ изъ нихъ (подобныя собраннымъ Киршею Даниловымъ) суть небольшія поэмы, отличныя отъ обыкновенныхъ пѣсенъ, которыя поются въ народѣ. Авторъ вдругъ переходитъ здѣсь къ Россіи послѣ освобожденія ея отъ ига Татаръ. Онъ говоритъ о маломъ вліяніи иностранцовъ на Россію въ это время и что кромѣ Новгорода вездѣ все зашихло; но послѣ этого какъ странно читать (стр. 328), что при жестокостяхъ Іоанна IV *Музы убѣжали изъ Россіи*. Во первыхъ убѣжать было нѣкому, если самъ Авторъ говоритъ, что Музы и не приходили въ Россію; во вторыхъ, напрасно не разсмотрѣлъ онъ, что царствованіе Іоанна, хотя ознаменованное жестокостью, было благопріятно для просвѣщенія Россіи, по крайней мѣрѣ, благопріятнѣе въ этомъ отношеніи царствованій слабаго отца его и строгаго дѣда. Подвиги наши въ царствованіе Іоанна IV донынѣ составляютъ эпоху народныхъ преданій. При немъ учреждена была первая типографія въ Москвѣ, пріѣхали въ Россію многіе художники, медики; словомъ: Іоаннъ любилъ просвѣщеніе и науки, сколько время, въ которое жилъ онъ и его образованіе это позволяли. Карамзинъ весьма справедливо сказалъ, что жестокость Іоанна осталась въ лѣтописяхъ Исторіи, а слава въ памяти народа. — »Борисъ Годуновъ (говоритъ Авторъ) явилъ Россіи нѣсколько лучей надежды, привлекъ ко двору своему иностранныхъ ученыхъ, посылалъ молодыхъ Русскихъ дворянъ за границу учиться и далъ сыну своему воспитаніе достойное его сана и высо-

Digitized by Google

каго предназначенія.« Кажется, говоря объ Іоаннѣ, Авторъ увлекся въ несправедливость слухами о его жестокости, а о Годуновѣ говорилъ по слуху, полагая, что поелику Борисъ былъ государь мудрый, слѣдовательно, долженъ былъ покровительствовать наукамъ. Ему было нѣкогда думать объ этомъ, по крайней мѣрѣ, кромѣ того, что онъ призвалъ въ Россію нѣсколько ученыхъ людей, мы ничего другаго не знаемъ, не знаемъ, на чемъ основываясь Авторъ говоритъ, что по смерти Годунова »за прекрасною зарею послѣдовала глубокая ночь.« Если ночь была при Іоаннѣ, то она не прерывалась ни при Годуновѣ, ни послѣ, до Петра Великаго.

Авторъ опять впадаетъ въ ошибку, утверждая, что Царь Алексій учредилъ въ Россіи регулярныя войска. При семъ Царѣ была сдѣлана только первая попытка и весьма слабо: Петру предоставлено было совершить сіе великое дѣло. Замѣчаніе Автора о вредѣ для Русскаго языка, происшедшемъ отъ вліянія Бѣлорусскаго и Кіевскаго духовенства, послѣ присоединенія Кіева къ Россіи, несправедливо. Правда, тамошнее духовенство писало испорченнымъ Польско-Славянскимъ языкомъ (несправедливо названнымъ отъ нѣкоторыхъ писателей *Бѣлорусскимъ* нарѣчіемъ); но вліяніе сего измѣненія языка ограничилось тамошними писателями, которые составляютъ въ Исторіи Русской Литературы особый отдѣлъ; да и не могло оно распространиться въ Россіи, ибо Свящ. Писаніе оставалось неприкосновенно (*), а духовное кра-

(*) Авторъ напрасно говоритъ (стр. 323), что переводъ Св. Писанія претерпѣлъ множество измѣненій „отъ наклонности Русскаго духовенства сближать языкъ церковный

Digitized by Google

сторѣчіе тогда въ Россіи еще не существовало. Немногія книги, писанныя въ то время въ Великой Россіи, чужды вліянія полонизмовъ.

Авторъ говоритъ, что Симеонъ Полоцкій былъ первымъ драматическимъ писателемъ въ Россіи, и что его духовныя драмы играли при Дворѣ, Царевна Софія, сестра Царя Ѳеодора, и молодые вельможи и дамы, находившіяся въ ея штатѣ. Авторъ могъ не знать, что еще при Царѣ Алексіѣ бывали при Дворѣ, и у любимца его Матвѣева, театральныя представленія. Но, какъ онъ, будучи Русскій и слѣдственно зная старинные обычаи наши, образъ старинаго обхожденія съ женщинами въ Россіи, могъ написать, что придворныя дамы и вельможи вмѣстѣ разыгрывали комедіи! Софія точно завела у себя представленіе комедій, только не при Царѣ Ѳеодорѣ, а въ то время, когда сама она властвовала престоломъ; и тутъ женщины отъ мужчинъ были совершенно отдѣлены.

Все что до сихъ поръ мы замѣчали ошибочнаго, могло произойдти отъ недостатка пособій и неопытности Автора; но какъ оправдать его, когда онъ (стр. 329) представляетъ читателямъ превращ-

---

„съ собственно-Русскимъ." Исправлялись въ Св. Писаніи только ошибки противъ Греческаго подлинника, а языкъ церковный оставался въ немъ неизмѣненъ, кромѣ орѳографіи. Несправедливо и то, что въ Петербургской ИМПЕРАТОРСКОЙ Библіотекѣ хранится древнѣйшій списокъ перевода Библіи, сдѣланнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ, списанный въ 1056 г. По году догадываемся, что Авторъ хотѣлъ сказать о древнѣйшемъ Новогородскомъ спискѣ Евангелія, извѣстномъ подъ именемъ *Остромірова*.

Digitized by Google

ное и совершенно несправедливое мнѣніе о величайшемъ изъ всѣхъ Государей, незабвенномъ нашемъ Петрѣ! »Взошедши на престолъ вмѣстѣ съ сестрою своею Софіею и старшимъ братомъ Іоанномъ, Петръ не замедлилъ освободиться отъ той и отъ другаго. Софія какъ опаснѣйшая], была заключена въ монастырь. Историки, слѣдуя правилу, что побѣжденный всегда виноватъ, можетъ быть, слишкомъ стараются обвинять ее въ заговорахъ противъ брата.« Кромѣ того, что Петръ, низвергнувъ власть Софіи, благоговѣйно чтилъ своего старшаго брата Іоанна и царствовалъ съ нимъ вмѣстѣ, по самую смерть сего добраго Государя, какъ можетъ Авторъ оправдывать Софію въ гибельныхъ ея замыслахъ? Бунтъ стрѣльцовъ, погибель Нарышкиныхъ, смерть Машвѣева, гибель, угрожавшая драгоцѣнной жизни Петра, гибель отъ которой нѣсколько разъ только чудо могло спасать его, все это сдѣлано Софіею: и Авторъ увѣряетъ насъ, что историки s' empressérent peut-être trop de l' accuser de complots? Должно-ли такъ писать Исторію? . . . Не будемъ опровергать Автора, ни въ этомъ, ни въ другихъ мнѣніяхъ его о Петрѣ Великомъ, сказавъ, что съ грустію видимъ, какъ худо понялъ онъ Великаго Петра, Государя, которому примѣра Исторія не представляетъ ни въ какой другой странѣ, ни въ какомъ другомъ вѣкѣ! Пусть Авторъ самъ прочитаетъ 330-ю стр. своего Обозрѣнія, гдѣ изложено, что было слѣдствіемъ трудовъ сего Монарха — и онъ согласится съ нами. Если-бы и въ самомъ дѣлѣ въ дѣлахъ Петра оказывались какіе нибудь недостатки, то въ глазахъ иностранцовъ Рускому не должно было выстав-

Digitized by Google

лишь ихъ; впрочемъ, если-бы Исторія и могла обвинить Петра, то вѣрно не за то, что мы находимъ у нашего Автора на стр. 329-й и 330-й.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1827 года.

100. *Элегіи и другія стихотворенія Дмитрія Глѣбова.* Съ эпиграфомъ:

> L'art, des transports de l'âme est un foible interprète;
> L'art ne fait que des vers; le coeur seul est poëte.

М. 1827 г. въ тип. Августа Семена, in 8, IV и 301 стр.

Сіе собраніе раздѣляется на нѣсколько отдѣленій: двѣ книги элегій, баллады, посланія, романсы и пѣсни, поэмы и смѣсь. Главная часть стихотвореній, здѣсь помѣщенныхъ, состоитъ въ переводахъ съ уважаемыхъ Французскихъ поэтовъ: Бертеня, Легуве, Мильвуа и другихъ. Переводы вообще не безъ достоинства и являютъ признаки искусства въ стихотворствѣ; но въ мѣстахъ, требующихъ бо́льшей силы и движенія, они отстаютъ отъ подлинниковъ. Французская школа у насъ теперь не въ чести: мы, какъ своевольные дѣти, вырвавшись изъ подъ надзора учительскаго, вымѣщаемъ на учителяхъ ученическіе годы. Вѣкъ оставаться учениками не должно, но за чѣмъ предавать проклятію, *бранить* своихъ прежнихъ учителей, хотя въ возрастѣ размышленія и видимъ, что не во всемъ при-

Digitized by Google

мѣръ ихъ для насъ быть долженъ непреложенъ, и не все то, чему учились мы у нихъ, свято и ненарушимо. Къ чему опять исключительность? А къ тому-же, если сказать правду, отставъ отъ одного подражанія, не пристаемъ-ли мы къ другому? Я вовсе не Сеидъ *классическаго абсолютизма* и непогрѣшимости Французскихъ поэтовъ; но между тѣмъ не понимаю: почему утверждать, что Мильвуа не поэтъ, потому, что поэты Шиллеръ, Байронъ, Гёте. Признаю возвышенность ихъ генія, но признаю несомнительность и дарованія Мильвуа. Многіе изъ стиховъ его присвоиваются памятью и сердцемъ: въ нихъ отзывается чувство, принадлежащее всѣмъ школамъ и равно живое подъ перомъ классическимъ и романтическимъ. Скажу болѣе: Мильвуа не рабски слѣдовалъ по стезѣ, пробитой его предшественниками: если преждевременная смерть не похитила-бы его у Французскихъ Музъ, онъ, безъ сомнѣнія, пошелъ-бы еще далѣе по влеченію собственнаго дарованія, и занималъ-бы нынѣ едва-ли не первое мѣсто въ числѣ современныхъ поэтовъ Франціи. Можно сказать, что Ламартинъ перехитрилъ и слѣдовательно испортилъ то, что началъ Мильвуа. У сего послѣдняго было не менѣе той *мечтательности*, которою Ламартинъ навелъ свою поэзію; но у него болѣе строгости въ слогѣ, разнообразія въ пріемахъ и болѣе истиннаго чувства. Критикъ безпристрастный не подосадуетъ на Г-на Глѣбова, что онъ передаетъ намъ произведенія Французскихъ стихотворцовъ, а напротивъ поощритъ его изучать прилежнѣе свои подлинники, если дарованіе его влечетъ избрать ихъ себѣ образцами. Пускай онъ, подобно имъ, болѣе сжимаетъ и ярче

Digitized by Google

расцвѣчиваетъ свой стихъ, который у него иногда блѣденъ и растянутъ. Жуковскій и Батюшковъ показали что можно и какъ должно переводить Мильвуа. Не станемъ входить въ подробный разборъ стихотвореній и вообще стихотворства Г-на Глѣбова. Скажемъ только: читатель въ книгѣ его не почерпнетъ впечатлѣній глубокихъ, ощущеній сильныхъ; но найдетъ во многихъ мѣстахъ чувства, пріятно и вѣрно выраженныя, цѣнитель искуства оцѣнитъ въ ней языкъ вообще чистый и правильный, стихосложеніе довольно свободное, вкусъ по большой части непогрѣшительный, и однимъ словомъ: вольно успѣшное соблюденіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ неминуемыхъ условій, отъ коихъ стихотворство признано тайною, для многихъ недоступною, а для многихъ столь опасною. Ободряя занятія въ переводѣ Французскихъ поэтовъ, должно совѣтовать Г-ну Глѣбову не браться за Байрона. Его переводъ превосходнаго произведенія Англійскаго Поэта можно назвать непростительнымъ. *Сонъ*, Байрона, одно изъ твореній сего Поэта самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ: въ немъ, какъ въ зеркалѣ фантастическомъ, отражается вся сокращенная жизнь Поэта. Одно начало перевода есть уже противорѣчіе съ подлинникомъ:

Друзья! внимайте чудный сонъ!
Готовьте долгое терпѣнье!

Думалъ-ли Байронъ шутить, когда онъ готовился, такъ сказать, вылить всю свою душу, выразить исповѣдь сокровенныхъ впечатлѣній, надеждъ и страданій жизни своей столь превратной и бурной. Искажать смыслъ и духъ подобныхъ, такъ сказать,

Digitized by Google

задушевныхъ твореній великаго Поэта, есть похищеніе поэтическое.

Изданіе стихотвореній Г-на Глѣбова очень красиво и приноситъ честь, какъ вкусу и расположеніямъ Автора, такъ и изящному исполненію типографіи Г-на Семена. У насъ многіе изъ авторовъ и издателей не знаютъ, или не хотятъ знать, что есть въ литературномъ, или просто книжномъ мірѣ, законы вѣжливости, предписанные образованностью и общежительностью: книга худо напечатанная есть поступокъ неучтивый.

Лс.

101. *Гречанка.* Съ эпиграфомъ:

И если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ!
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Державинъ.

СПб. 1827 г. въ Тип. Деп. Нар. Просв. in 16, 40 стр.

Въ началѣ этой поэмы, повѣсти, или анонимки въ спискѣ стихотворческихъ созданій, есть вступленіе, предисловіе, или нѣчто предварительное, въ стихахъ: должно похвалить поэта за выраженное въ нихъ чувство состраданія, съ коимъ онъ взираетъ на жребій злополучныхъ Грековъ и пожалѣть, что исполненіе не отвѣчало доброму намѣренію. Современныя событія Востока давно уже служатъ въ Европѣ обильнымъ источникомъ вдох-

Digitized by Google

новеніямъ молодыхъ поэтовъ. Мы, какъ-то оставались въ сторонѣ и не подавали поэтическаго голоса въ пользу героевъ, оживившихъ передъ нами чудеса древняго патріотизма. Вотъ починъ! Въ торговлѣ *продать для почина*, значитъ продать дешево, чтобы съ легкой руки продавать послѣ много и съ выгодою. Если на эти стихи смотрѣть и намъ въ такомъ отношеніи, то мы должны быть благодарны Поэту, желая, чтобы рука его была легче для чужихъ стиховъ, чѣмъ для своихъ. Между тѣмъ выпишемъ ихъ для повѣрки: со временемъ любопытно будетъ знать, какіе были у насъ первые филеллинические стихи.

О, скоро-ль лишься христіанъ
Кровь на поляхъ родныхъ престанетъ,
И удалится бранный станъ
Враговъ креста, и миръ настанетъ
Для славной Греціи дѣтей?
Когда въ странѣ несчастной сей
Престанутъ плѣнницы младыя,
Питомки Церкви Пресвятыя,
Томить печалію себя
Въ гаремахъ варваровъ природы,
Лишась родныхъ, друзей, свободы,
И въ сердцѣ милыми горя?
Великій Богъ! дождусь-ли я,
Той древней Греціи спасенья,
Взошла откуда просвѣщенья
Для насъ прекрасная заря? —
Уже-ли братья Христіане
Потерпятъ долѣе позоръ,

Digitized by Google

Единовѣрцамъ намъ въ укоръ,
Гнетутъ которымъ Музульмане
Невинныхъ Греціи дѣтей,
Средь ихъ отеческихъ полей?

Почти тоже говорили Байронъ и Казимиръ Делавинь, только иначе. Что-же дѣлать? Но вотъ и *Гречанка*, о которой здѣсь идетъ рѣчь: Зара любила соплеменника своего Ольдастана; уже согласіе родныхъ готово было освятить ихъ союзъ. Настала война Грековъ съ притѣснителями, женихъ пошелъ на брань, но неудачно: отрядъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, не устоялъ, и онъ побѣжалъ за нимъ, или съ нимъ, а можетъ и передъ нимъ. Зара досталась въ плѣнъ Турку Омару, и не теряя времени, отъ бездѣлья, скуки, или, какъ намекаетъ она въ разсказѣ своемъ, съ досады, что любила труса, отвѣчаетъ любви своего властелина и приживаетъ съ нимъ дочь. Жребій войны непостояненъ, а особливо-же по счастію для пользъ Турецкихъ: вдругъ Ольдастанъ является побѣдителемъ въ гаремъ, гдѣ содержится Зара; она сначала принимаетъ его очень худо; онъ, чтобы подслужиться ей, объявляетъ, что убилъ Омара: она пуще сердится; не видя успѣха въ убійствѣ соперника, убиваетъ онъ дочь Зары и Омара, и она снова отдается Ольдастану. Повѣсть эта, какъ вы видите, писана не совсѣмъ въ филеллиническомъ духѣ и не въ весьма благопріятномъ свѣтѣ показываетъ намъ характеръ Гречанокъ. Предисловіе не то обѣщало. Новое доказательство, что предисловіямъ вѣрить не можно. За то стихи въ повѣ-

Digitized by Google

сти лучше предыдущихъ: они очень забавны. Тутъ найдете вы, что

Чалмы на сшогнахъ закипѣли,

или

Чалмы катаются въ пыли.

Эти два стиха живо напомнили мнѣ знаменитый горшокъ, кажется съ картофелемъ, который во время Петербургскаго наводненія, попалъ изъ печи въ воду, а изъ воды въ Русскіе Журналы: они долго переливали имъ споры свои изъ пустаго въ порожнее. Еще разъ является чалма также необыкновеннымъ образомъ: Зара, исчисляя передъ Ольдастаномъ права Омара на ея любовь, говоритъ, что когда она попалась въ руки непріятелямъ:

Ужь неистовый взоръ
Кровожадныхъ звѣрей
Ждалъ обиды моей;
Ужь я слышала смѣхъ
Гнусныхъ изверговъ тѣхъ.
Смертный ужасъ стыда
Обезсилѣлъ меня,
И ругаясь злодѣй,
На позоръ всѣхъ людей,
Кровы съ груди сорвалъ;
И смѣясь, показалъ
Трепетъ персей моихъ.

Но является Омаръ рыцаремъ несчастной жертвы; онъ ее отбиваетъ и Зара продолжаетъ разсказъ:

Я въ восторгъ перешла;
Я его обняла

Digitized by Google

Чувствъ въ волненьи моихъ,
Средь злодѣевъ своихъ.
Спѣшно юноша сей
Снявъ, *чалмою своей*
Робко грудь мнѣ покрылъ, и проч.

Признаюсь, это новое положеніе чалмы, кажется мнѣ, еще удивительнѣе *чалмъ кипящихъ, чалмъ катающихся въ пыли*, или горшковъ, катающихся по водѣ. Не иначе, какъ собственными глазами могъбы я увѣриться въ истинѣ сказаннаго Гречанкою, а на слово ей не повѣрю. Чалма навела читателей на стихи: они не лучшіе въ своемъ родѣ; но кажется, все довольно хороши, чтобы за дальнѣйшія выписки не приниматься. Около двухъ третей повѣсти писаны четырехъ-стопными ямбами; но съ испуга и съ печали, когда Зара узнаетъ, что Омаръ ея убитъ, сбивается она на трехъ-стопные. Отчаянье выражается скороговорками. Если эпиграфъ относится къ лицу критики, то можно сказать откровенно, что поэму подобную Гречанкѣ *погладить* не за что, а *потрепать* совѣстно.

Ас.

102. *Аннибалъ на развалинахъ Карѳагена.* Драматическая поэма. Сочиненіе Д. Струйскаго. Съ эпиграфомъ: *Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ.* СПб. 1827 г. въ тип. Н. Греча, in 8, 42 стр.

Имя Струйскаго уже извѣстно въ лѣтописяхъ нашего Стихотворства, то есть, извѣстно малому числу литтературныхъ антикваріевъ нашихъ. По

Digitized by Google

большой части, не говорю уже для читателей, но и для нашихъ писателей, каталогъ старинныхъ Русскихъ стихотворцовъ, заключается въ нѣсколькихъ именахъ почетныхъ. Любопытство ихъ не изыскательно и они знаютъ исторію своей литтературы, какъ многіе знаютъ исторію человѣческаго рода, по именамъ нѣкоторыхъ счастливцовъ. Безъ сомнѣнія многіе услышатъ отъ меня въ первый разъ, что есть книга *Сочиненій Николая Струйскаго*, посвященная Екатеринѣ Великой, напечатанная въ 4-ку, въ 1790 году, и, по тогдашнему, съ отмѣнною роскошью типографическою: прекраснымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, съ затѣйливыми виньетами, медалями. Въ этой книгѣ множество стиховъ *печатью мѣлкою убитыхъ:* элегій, пѣсенъ, надписей, посланій, эпиграммъ, билетцовъ, одъ и проч. Тогда разнообразный, или по крайней мѣрѣ разнопредпріимчивый, Сумароковъ гнался за всѣми родами поэзіи и современники его разсыпались за нимъ по всѣмъ тропинкамъ Парнасса. Любопытные найдутъ въ собраніи Николая Струйскаго между прочимъ Эпиграмму на Карла XII-го и стихи: *На смерть вѣрнаго моего Зяблова, послѣдующую въ Рузаевкѣ, 1784 года, узнанную мною въ Москвѣ.* Если эти стихи не доказываютъ, что Г-нъ Струйскій былъ великій поэтъ, то доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ попечительный и признательный помѣщикъ, а это также чего нибудь да стоитъ. Этотъ Зябловъ, служитель нашего поэта, былъ обученъ имъ живописи, подъ руководствомъ Рокотова, знаменитаго живописца того времени и друга поэта, былъ нѣсколько смышленъ и въ архитектурѣ,

Digitized by Google

Хотя искусству былъ сему и не ученъ,
Но былъ его (или *ево*, сходно съ текстомъ) сни-
скать усердьемъ привлеченъ.

Прошу позволенія выписать біографическія черты служителя, тѣмъ болѣе, что въ нихъ будутъ и поэтическія черты господина, съ примѣсью нѣсколькихъ его домашнихъ обстоятельствъ: все это, надѣюсь, не наскучитъ читателямъ. Мы такъ мало знаемъ свою старину, мы такъ спесиво съ нею обращаемся (и право не знаю изъ какихъ доходовъ), что я всегда радъ изъявить ей свидѣтельство моего внимательнаго почтенія и вмѣстѣ показать, что я не слишкомъ чванюсь тѣмъ, что̀ многіе, съ такою важностью и съ такимъ самодовольствіемъ, называютъ *нынѣ*. Какъ будто въ слѣдъ за этимъ *нынѣ* не придетъ *завтра*, которое также въ свою очередь разжалуетъ наше настоящее въ давнопрошедшее. Вотъ что говоритъ поэтъ о своемъ артистѣ доморощеномъ:

Лишь шибкую черту Бушера онъ узрѣлъ,
Къ плафонну мастерству не тщетно возгорѣлъ.
Мнѣ въ родѣ сихъ трудовъ оставилъ онъ примѣты:
Въ двухъ комнатахъ верхи ево рукой одѣты.
Овальную-ль кто зритъ; иль мой квадратный залъ:
Всякъ скажетъ! Зябловъ здѣсь всю пышность показалъ!
Рачитель строгихъ думъ, достойный слезъ теченья!
Спаситель моего ты былъ изобрѣтенья. . .
Премерзостнѣйшій видъ... то лихоимства смрадъ
Съ которымъ въ міръ свою! къ намъ дщерь, изрыгнулъ адъ?

Digitized by Google

Ко омерзенью въ свѣтъ что первымъ мной явленну;
Чрезъ кисть твою шамъ зрятъ въ плафонѣ оживленну.
Къ которому свой взоръ сколь крашъ ни возведутъ,
Проклятіе и честь столь крапножъ воздадутъ!..
Но естьли въ Божій храмъ Царя Царей кто всходитъ;
Тотъ Бога въ существѣ присутственна находитъ?
Вездѣ съ политры шамъ разсыпанъ, фиміямъ!
Надзоромъ подъ ево и сей созижденъ храмъ.
Подобно весь мой домъ, въ которомъ обитаю;
Я дѣло рукъ ево повсюду обрѣтаю.
Внутри! съ наружиль что; плѣнить коль можетъ взоръ:
Иль стройно обнесенъ какъ кажется мой дворъ!
Иль Іонической архитектуры виды;
Раченью въ томъ ево не здѣлаютъ обиды.

Чѣмъ стихи эти не стихи? Можно даже безъ большаго затрудненія доказать, что тутъ есть очевидныя примѣты романтизма; оспоривать народность этихъ стиховъ невозможно: они крѣпостные Русскіе; мѣстныхъ красотъ, кажется, также довольно, оригинальность ихъ не подложная. Признаюсь, они для меня и трогательны; я охотно желалъ-бы узнать, гдѣ лежитъ помѣстье *Рузаевка* и поклониться памяти и памятникамъ поэта и живописца. *Страдъ лихоимства* и все что до него относится, нѣсколько темно; но вѣроятно идетъ тутъ рѣчь объ аллегорической картинѣ, изобрѣтенной бариномъ, а исполненной слугою. Въ стихотвореніяхъ Г-на Струйскаго много достается приказнымъ лихоимцамъ: это также дѣйствіе направленія, дан-

Digitized by Google

наго Сумароковымъ, который, съ патріотическою смѣлостью напиралъ на пороки и злоупотребленія своего времени. Сумароковъ имѣлъ въ Г-нѣ Струйскомъ горячаго поклонника и усерднаго заступника. Въ его книгѣ есть *Апологія къ потомству отъ Николая Струйскаго или начертаніе о свойствѣ нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравственныхъ его поученіяхъ:* Апологія писана въ опроверженіе статьи, напечатанной въ Петербургскомъ Вѣстникѣ, 1778 года, въ которой заключается нѣсколько предосудительныхъ, хотя прочемъ и умѣренныхъ отзывовъ о характерѣ Сумарокова. При Апологіи находится и Письмо къ Митрополиту Платону, котораго сравниваетъ Авторъ съ Сократомъ; Митрополитъ, благодаря его за присылку сочиненія и за вниманіе, говоритъ ему между прочимъ: »*Что надлежитъ до выхваленій, кои вами приписываемыхъ, не признаю, чтобы я то заслужилъ. Трудился я въ проповѣданіи истины Евангельской, которая столько превосходитъ Сократову, сколько небо землю.* Все это любопытно въ отношеніи къ духу того времени; однимъ словомъ, въ старыхъ книгахъ нашихъ болѣе исторіи, чѣмъ въ новѣйшихъ: въ сихъ послѣднихъ болѣе Метафизики. Проза Г-на Струйскаго гораздо нитіевашѣе его поэзіи: она часто такъ кудрява, что я не взялся-бы давать истолкованіе каждой фразѣ; но между нѣмъ все можно понять, изъ многаго, что онъ дорожилъ славою Сумарокова; какъ патріотъ и современникъ, съ жаромъ, если не всегда съ искуствомъ, вступался за него и наконецъ заслуживаетъ уваженіе наше, если оно не воздается единственно дарованію и успѣху. Много

Digitized by Google

еще хотѣлось-бы мнѣ поговорить о моемъ неизвѣстномъ поэшѣ и право есть что сказать, хотя объ *Эпистолѣ къ нехранящимъ уставы*, объ *Еротомдахъ*, о *Кащеѣ*, о *Наставленіи хотящимъ быти петиметрами*, и о разныхъ другихъ произведеніяхъ; но надобно-же знать честь: Аннибалъ насъ и такъ давно уже ждетъ. Дайте сказать еще слово и кончу. Мнѣ въ этой книгѣ очень понравилась недомолвка въ одномъ заглавіи. Слѣдующіе стихи:

Хорошъ и твой Милонъ!
Изволька посмотрѣть, ошвѣсилъ онъ
Какой поклонъ!

названы не эпиграммою, какъ прочіе стихи такого рода, а *Епиг.* Это застѣнчивое усѣченіе мило до крайности и совѣтую многимъ изъ нашихъ эпиграммашистовъ перенять его при случаѣ. И у нихъ эпиграммы часто безъ конца, какъ переломленныя стрѣлы.

Отъ Г-на Струйскаго столѣтія прошедшаго, перейдемъ къ его соименнику нашего столѣтія. Только не бойтесь, любезные читатели; зная что нашъ вѣкъ гораздо быстрѣе на ходу, чѣмъ старый, пробѣгу съ вами наскоро новое произведеніе и самъ не засижусь съ *Аннибаломъ на развалинахъ Карѳагена.* Каково кажется вамъ это заглавіе? Вы, можетъ быть, скажете, что Аннибалъ не видалъ развалинъ Карѳагена, что этотъ городъ подвергнулся роковому обрѣченію настойчиваго Катона уже въ третью Пуническую войну, что Аннибалъ погибъ до нее, что слѣдовательно онъ не умеръ на развалинахъ Карѳагена, какъ умираетъ во второй разъ прямо насильственною смертью въ поэмѣ Г-на

Digitized by Google

Струйскаго: все это такъ, по Исторіи; но во первыхъ уже сказано: не всякому слуху вѣрь; во вторыхъ, въ этомъ заглавіи есть вымыселъ поэтическій, а нашихъ поэтовъ именно и упрекаютъ въ бѣдности вымысла. Поэтъ хотѣлъ пощеголять своимъ, на зло товарищамъ, и преобразовалъ жребій Аннибала по своему. Драматическая поэма раздѣлена на три отдѣленія: въ первомъ, Аннибалъ говоритъ самъ съ собою и потомъ съ супругою своею Берисою; во второмъ: разговоръ Сципіона съ Аннибаломъ похожъ въ нѣкоторомъ отношеніи на разговоръ Триссотина съ Вадіусомъ, начатый мадригалами и конченный эпиграммами. Въ третьемъ, Аннибалъ увѣщаваетъ своихъ воиновъ идти на освобожденіе Карѳагена, но воины отпѣкиваются и тѣмъ кончается, что *Аннибалъ вынимаетъ ядъ и поспѣшно его выпиваетъ*. Въ числѣ многихъ римъ, употребленныхъ поэтомъ произвольно, замѣчательна одна, также по вымыслу, риѳма на анаграмму: *Рима* и *мира*. На нашемъ языкѣ, бѣдномъ риѳмами, можетъ быть и эта попытка не лишняя.

Легко станется, что для многихъ читателей такой разборъ, какъ тотъ, который здѣсь предлагается, покажется совершенно неумѣстнымъ, нескладно поверхностнымъ, и однимъ словомъ, не довольно дѣльнымъ. И такъ въ угодность имъ вотъ степенное сужденіе о Драматической поэмѣ Г-на Д. Струйскаго. Основаніе ея, какъ мы видѣли, несообразно съ истиною въ такомъ предметѣ, гдѣ поэту непозволено искажать событія до этой степени. Въ рѣчахъ Аннибала и Сципіона мы также не слышимъ знакомыхъ намъ героевъ древности, какъ не узнаемъ Аннибала на развалинахъ Карѳагена. Со всѣмъ тѣмъ, въ семъ

Digitized by Google

произведенiя встрѣчается нѣсколько хорошихъ и сильныхъ отдѣльныхъ стиховъ, оттѣняющихся нѣкоторый жаръ въ выраженiи, нѣкоторая твердость и движенiе въ сочиненiи. Однимъ словомъ, сдается что-то поэтическое. Сбудется-ли въ другомъ творенiи сiе, слегка означенное предчувствiе, или нѣтъ, неизвѣстно; но на всякiй случай можно посовѣтовать Поэту поступать съ Исторiею осторожнѣе и почтительнѣе, не заставляя героевъ переступать насильственно шагъ: *отъ великаго до смѣшнаго*. Къ чему относится Авторъ избранный имъ эпиграфъ? догадаться трудно. Если къ своему герою, то не основательно. Въ древности, бѣдствiе великаго человѣка не имѣло въ себѣ ничего смѣшнаго: осмѣянiе (*le ridicule*) есть горькiй плодъ новѣйшей образованности. Въ паденiи Аннибала съ вершины славы нѣтъ ничего смѣшнаго, а много грознаго и поучительнаго.

Ас.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общiй взглядъ на путешествiя для открытiй, оконченныя въ теченiе послѣднихъ годовъ и вновь предполагаемыя. Десятилѣтнiй, почти непрерывный миръ, употребленъ въ пользу науками: онѣ своими изысканiями замѣнили или заняли воображенiе многихъ, вдругъ лишенное пищи. Въ тоже время, когда у большей части народовъ величайшее число людей направило по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знанiй сiю умственную дѣятельность, сей

Digitized by Google

духъ изысканій, каковой, знаменующій нашъ вѣкъ, правительства посвятили благу человѣчества части средствъ, предъ симъ употребляемыхъ ими на взаимныя войны. Успѣхи Географіи и Мореплаванія, познаніе разныхъ частей земнаго шара, нами обитаемаго, обратили на себя особенное ихъ вниманіе, и потому, для тщательнаго разсмотрѣнія странъ, еще не совершенно намъ извѣстныхъ и достиженія въ страны вовсе намъ невѣдомыя, вездѣ предприняты были экспедиціи, имѣвшія болѣе или менѣе счастливыя послѣдствія. Надобно признаться, что не смотря на ближайшіе къ намъ успѣхи свои, Географія была далеко не на одной точкѣ съ большею частію прочихъ знаній и, казалось, непремѣнно требовала дальнѣйшихъ пособій. Но она ежедневно обогащается новыми, положительными открытіями; все заставляетъ предполагать, что покушенія, со всѣхъ сторонъ направленныя къ столькимъ различнымъ пунктамъ, доставятъ намъ познаніе обоихъ материковъ, столь точное, какого только можно надѣяться при человѣческихъ средствахъ.

Періодическія сочиненія, въ свое время, сообщали публикѣ извѣстія о путешествіяхъ для открытій, предпринятыхъ въ послѣдніе годы; но, мы думаемъ сдѣлать угодное нашимъ читателямъ, представляя здѣсь полную, хотя и не въ большомъ размѣрѣ, картину подвиговъ и успѣховъ, бывшихъ въ сихъ любопытныхъ путешествіяхъ, коихъ начальники вообще отличились своею непобѣдимою смѣлостію и преданностію, достойною величайшихъ похвалъ.

Путешествіями Капитана Кинга около береговъ Австраліи, съ 1818 до 1821 года, приобрѣтено,

Digitized by Google

о сей пятой части свѣта болѣе подробностей, нежели сколько могли получить ихъ съ самаго открытія оной. Совершенно неизвѣстная нашимъ древнимъ мореплавателямъ, Австралія въ продолженіе многихъ лѣтъ была посѣщаема очень мало. Путешествія Кука, Ванкувера, Флиндерса и нѣкоторыхъ другихъ, доставили намъ очень несовершенныя извѣстія о семъ обширномъ материкѣ, и только въ послѣдніе годы собрали мы о ней свѣдѣнія положительныя. До изысканій Капитана Кинга, берега сѣверные, сѣверо-западные и западные, отъ залива Арнгемова до сѣверо-западнаго мыса, были совершенно неизвѣстны. Желая обозрѣть и опредѣлить положеніе оныхъ и направленіе, Капитанъ Кингъ отправился изъ Портъ-Джаксона, на кушперѣ, въ 84 тонны, *Сирене*, съ небольшимъ экипажемъ, состоявшимъ изъ девятнадцати человѣкъ. Г. Алланъ Кюннингамъ, отличный ботаникъ и Г. Бунгарекъ, владѣлецъ въ Портъ-Джаксонѣ, рѣшились участвовать въ сей экспедиціи, которая и отправилась къ югу, коснувшись *Двойнаго Залива* и прошла черезъ проливъ Бассъ, между Новою Голландіею и землею Ванъ-Димена. Отсюда пошедши подлѣ берега, Капитанъ Кингъ останавливался на нѣсколько дней въ проливѣ Георгія III-го, продолжалъ свое путешествіе на сѣверъ, до сѣверо-западнаго мыса, съ величайшимъ тщаніемъ опредѣляя извилины всѣхъ береговъ. Съ такимъ-же вниманіемъ обозрѣлъ онъ мѣли, еще сѣвернѣе находящіяся, названныя мѣлями Роулея, и острова Гоульбюрна, заливы Моунтъ-Норрисъ и Раффлесъ, по сѣверному берегу. Онъ остановился въ портѣ Эссингтонѣ, между Новою Голландіею и Явою имѣя сно-

Digitized by Google

шенія съ флотомъ Малайскихъ судовъ. Экипажъ выдержалъ во время одного изъ отдыховъ своихъ на сѣверномъ берегу нападеніе толпы туземцовъ, разбойничьяго поколѣнія, столь отчаяннаго, что всякую минуту надобно было остерегаться ихъ покушеній и даже предать имъ въ жертву свои лодки. Послѣ разъѣздовъ, продолжавшихся семь мѣсяцовъ, уже въ Іюлѣ, *Сирена* возвратилась въ Портъ-Джаксонъ, привезя изъ сего перваго плаванія многіе роды новыхъ растеній, сѣмена, нѣсколько замѣчательныхъ насѣкомыхъ и множество минералогическихъ образчиковъ.

Нѣсколько мѣсяцовъ употреблено для черченія картъ пройденныхъ странъ. Въ началѣ Декабря *Сирена* снова пустилась въ море и прибыла въ землю Димена, гдѣ городъ Гобартъ и портъ Макарри были особеннымъ предметомъ вниманія путешественниковъ. Они производили частыя сношенія съ туземцами и составили словарь ихъ языка, кажется, достойнаго обратить на себя вниманіе филологовъ. Почти два мѣсяца посвящены были симъ наблюденіямъ.

Въ Маѣ 1819, Капитанъ Кингъ предпринялъ третье путешествіе и былъ сопутствуемъ бригомъ *Леди Нельсонъ*, находившимся подъ начальствомъ Лейтенанта Окслея. Оба судна быстро обслѣдовали восточный берегъ; но бригъ принужденъ былъ воротиться и *Сирена* одна продолжала изысканія, направляя свой путь къ сѣверу. Тутъ открыли заливъ, названный заливомъ Родда; посѣтили острова Перси и проливы и рукава, раздѣлявшіе ихъ; наконецъ пришли къ рѣкѣ Эндивоуру, на сѣверо-восточной части твердой земли. Вѣроятно въ этомъ мѣстѣ, за

Digitized by Google

сорокъ девять лѣтъ Капитанъ Кукъ выгрузилъ запасы, имѣя надобность исправить свой корабль. Капитанъ Кингъ тамъ-же вышелъ на берегъ съ своими людьми, но изъ осторожности зажегъ высокую траву, покрывавшую берегъ, дабы не дать средства туземцамъ сдѣлать нечаянное нападеніе и поступить съ нимъ также какъ съ его знаменитымъ предшественникомъ. Сіи дикари чрезвычайно недовѣрчивы; они носили щиты, черные, вырѣзанные наподобіе луны. Довольно маловажное обстоятельство, въ первый день, могло произвести жестокую ссору между ними и экипажемъ. Въ другомъ случаѣ, по всегдашней своей привычкѣ, они покусились украсть нѣкоторыя вещи, принадлежащія морякамъ и, при сопротивленіи сихъ послѣднихъ, начали бросать въ нихъ свои дротики, къ счастію не сдѣлавшіе никакого вреда. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на воздухъ, вскорѣ заставили дикихъ разсѣяться и дали время предупредить и избавить отъ ярости ихъ Г-на Кюннингама, находившагося тогда для сбора травъ и растеній въ лѣсу.

Одна лодка вошла въ рѣку Эндивоуръ, въ которой вода, на девять миль отъ устья, прѣсная и не глубокая. Окрестности, близъ моря, покрыты грубою травою и кустарникомъ, перемѣшаннымъ съ красными деревьями. Далѣе почва земли пологая и безплодная. Теченіе рѣки чрезвычайно излучисто.

Сирена продолжала идти близъ берега, отъ самаго устья Эндивоура до мыса Іорка, сѣверной оконечности Новой Голландіи, и прошла чрезъ великое число находящихся въ семъ мѣстѣ проливовъ и между множествомъ острововъ, подводныхъ кам-

Digitized by Google

дей и песчаныхъ мѣлей, болѣе или менѣе сближенныхъ. Наконецъ она прошла мимо сѣвернаго берега, въ противоположномъ противъ прошлогодняго направленіи. По небольшому числу рѣкъ, находящихся въ сихъ мѣстахъ, важнѣйшимъ открытіемъ сей части путешествія можно почесть рѣку Ливерпуль. Проходя ночью мимо ея устья, экипажъ былъ вдругъ созванъ къ тревогѣ и готовъ взяться за оружіе, услыша страшные крики на берегу; но скоро узнали, что это крикъ стада птицъ, которыхъ карканье такъ походитъ на человѣческій голосъ, что легко можно ошибиться. Рѣка Ливерпуль почти въ четыре мили ширины при устьѣ своемъ, въ полмили черезъ три льё выше, и такъ уменьшается постепенно въ сей пропорціи. Таковы почти всѣ рѣки въ Австраліи, и изъ сего можно заключить, что въ срединѣ ея нѣтъ горъ, служащихъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ образовываются хранилища и истоки воды извѣстнаго объема.

Рыбы и земноводные многихъ родовъ, такъ сказать, кипятъ въ водахъ рѣки Ливерпуля; однакожь аллигаторы самые огромные не бываютъ тамъ болѣе какъ около двѣнадцати футовъ въ длину и слѣдовательно не равняются съ обитающими въ рѣкѣ *Аллигаторовъ*. На землѣ видѣли много цаплей и попугаевъ, хохлатыхъ, бѣлыхъ, и принуждены были защищаться отъ безчисленнаго множества мустиковъ, похожихъ на Американскихъ и столь же досадительныхъ. Въ Октябрѣ 1819 прошли мимо всего сѣвернаго берега, до мыса Лондондерри, составляющаго сѣверо-западную оконечность онаго. Приставали еще къ острову Савю, гдѣ владѣлецъ принялъ очень благосклонно Капитана Кинга и его

Digitized by Google

экипажъ; послѣ сего, *Стрѣла* возвратилась въ Портъ Джаксонъ.

Прежде отправленія въ путь въ 1820 году, принуждены были налить корабль водою, для истребленія мышей и корабельныхъ таракановъ, размножившихся въ немъ. Но средство сіе не было дѣйствительно противъ таракановъ, потому что яйца ихъ не истребились и они не замедлили развестись снова. Путешествіе сіе имѣло цѣлію обозрѣніе нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ мѣстъ.

Капитанъ Кингъ занялся ближайшимъ наблюденіемъ нравовъ и обычаевъ туземцовъ. Онъ узналъ что они употребляютъ оружіе, довольно странное и болѣе опасное нежели какъ казалось-бы по виду его. Это просто кусокъ крѣпкаго дерева, согнутый тупымъ угломъ, имѣющій отъ осьмнадцати до пятнадцати дюймовъ длины, при трехъ толщины. Бросая его съ руки и всегда противъ вѣтра, ему сообщаютъ круговое движеніе, чрезвычайно быстрое. Стрѣлки убиваютъ имъ кангару и другихъ животныхъ очень ловко. Тутъ-же была ссора совсѣмъ неожиданная и за самое смѣшное дѣло: экипажъ производилъ мѣлочную мѣну съ туземцами, и одинъ матросъ показалъ имъ небольшое зеркальцо; они поглядѣлись въ него, другъ послѣ друга, и сами себѣ показались такъ безобразны, что разсердились на Англичанъ и въ отчаяніи бросились на нихъ. Надобно было много терпѣнія и умѣренности, чтобы утишить обиженное самолюбіе дикарей и не довести дѣла до огнестрѣльнаго оружія. Сіи жители высоки и тонки; голова у нихъ квадратная, волосы длинные, локонами.

Digitized by Google

Сирена не могла болѣе служить, и потому снарядили для новой экспедиціи *Дромадера*, судно во 170 тоннъ, названное *Батурстомъ*; Капитанъ Кингъ отправился на немъ въ Маѣ 1821 года, съ тридцатью двумя человѣками экипажа. Для узнанія нѣкоторыхъ мѣстъ восточнаго берега, онъ снова объѣхалъ его, и сверхъ того многіе острова, до тѣхъ поръ изслѣдованные очень не совершенно. На семъ берегу ловили рыбу сначъ, необыкновенной толщины: именно, болѣе осьмнадцати футовъ въ діаметрѣ, такъ, что одною рыбою, разрѣзанною въ куски, наполнялась бочка. Другой предметъ пріятно развлекъ мореплавателей въ ихъ трудахъ: они открыли близъ берега пещеру, достойную вниманія, состоящую изъ многихъ галлерей. Стѣны ея, изъ красной охры, были покрыты грубыми изображеніями, начерченными мѣломъ и представлявшими рыбъ, черепахъ, ящерицъ, кангару, собакъ, лодки, тыквы и проч. Раковины черепахъ и другіе остатки, находившіеся въ разныхъ углубленіяхъ вокругъ, показывали, что дикіе часто избирали эту странно украшенную пещеру мѣстомъ своихъ празднествъ.

Обошедши сѣверный берегъ, мимо котораго снова прошли во всемъ его протяженіи, на сѣверо-западномъ берегу увидѣли рѣку *Принца Регента*, представившую взорамъ путешественниковъ предметъ, который можно почесть феноменомъ въ сей странѣ. Это превосходный водопадъ, составленный изъ многихъ послѣдовательныхъ паденій воды и почти ста пятидесяти футовъ въ вышину.

816882

Digitized by Google

Рѣка Принца Регента, быстрая и опасная, въ десяти миляхъ отъ своего устья течетъ среди крутыхъ скалъ. Нѣсколько далѣе струится источникъ: его свѣтлая и прозрачная вода удивительно разнится отъ воды рѣчной, грязной и мутной, потому что приливъ восходитъ даже до этого мѣста. Впрочемъ окрестная земля совершенно безплодна. На пятнадцать миль отъ моря и при первомъ паденіи воды, нашли аллигаторовъ, пятнадцати футовъ въ длину, головлей, морскихъ свиней и родъ небольшихъ земноводныхъ, дюймовъ въ девять: они стадами были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода не такъ глубока, въ тысячѣ направленіяхъ гонялись другъ за другомъ и, плавая съ величайшею быстротою, вдругъ исчезали, всѣ вмѣстѣ, будто волшебствомъ, закапываясь въ илъ, какъ скоро къ нимъ приближались. Они скоро появлялись опять, но движенія ихъ были такъ быстры, что только послѣ множества покушеній удалось убить изъ нихъ двухъ или трехъ. Они углубляются въ тину посредствомъ крѣпкихъ плавательныхъ перьевъ, на землѣ служащихъ имъ вмѣсто ногъ.

Въ *заливѣ Ганноверскомъ*, гдѣ послѣ сего выходили на берегъ, хирургъ экспедиціи Г. Монтгоммери былъ опасно раненъ копьемъ, которымъ ударилъ его одинъ туземецъ въ спину. Въ наказаніе за это оскорбленіе, на другой день сдѣлали настоящее нападеніе на дикихъ. Одного изъ нихъ убили и взяли большую часть ихъ оружій и приборовъ.

Капитанъ Кингъ заходилъ къ Иль-де Франсу, гдѣ останавливался на нѣсколько дней и отправился къ юго-западному берегу Новой Голландіи. Въ

Digitized by Google

проливѣ Георгія III-го экипажъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ жителями страны, которые столь-же были кротки и обходительны, какъ всѣ до тѣхъ поръ видѣнные жестоки и недовѣрчивы. Сіи дикари питаются мясомъ морскихъ коровъ и ѣдятъ его сырое, самымъ отвратительнымъ образомъ. Они одѣваются въ кожи кангару, служащія имъ также сѣдалищами и постелями. Одинъ изъ нихъ, правда не безъ труда, согласился дать себя выбрить и одѣть въ платье одного моряка. Они разрисовываютъ свое тѣло охрою и жиромъ морскихъ коровъ; вмѣсто украшеній носятъ попугаичьи перья и небольшія раковины, изъ которыхъ дѣлаютъ родъ перевязи, нанизывая ихъ на высушенную кишку. Эта перевязь, обходя множество разъ вокругъ тѣла, служитъ имъ поясомъ. Кажется, они боятся моря: у нихъ нѣтъ ни одной лодки и ничего такого, что-бы показывало хотя малѣйшее понятіе о мореплаваніи. Толпа, состоявшая человѣкъ изъ сорока, продала Англичанамъ почти всѣ свои оружія и приборы, отдавая каждую вещь за половину сухаря.

Напослѣдокъ изслѣдовали берегъ западный. Въ сихъ мѣстахъ путешественники много разъ замѣтили чрезвычайно удивительное дѣйствіе морскаго отраженія. Можно было сказать, что корабль находился среди пространства водъ, окруженнаго скалами, деревами и берегами, то зеленѣющими, то безплодными. Эта естественная панорама слѣдовала за кораблемъ, ежеминутно перемѣняла видъ, и вдругъ, при измѣненіи температуры, исчезала какъ декорація въ операѣ. Безъ сомнѣнія такому-то фе-

Digitized by Google

номену должно приписать назначеніе нѣкоторыхъ земель, существующихъ только на каршахъ. Замѣтили какъ особенность, стоющую обнародованія и замѣчанія, что близъ сего берега, на большей части острововъ, изъ коихъ иные въ весьма близкомъ отъ него разстояніи, произрастенія совсѣмъ не тѣ что на твердой землѣ.

Окончивъ свои морскія наблюденія, Капитанъ Кингъ возвратился въ Портъ-Джаксонъ, въ Апрѣлѣ 1822, и скоро отправился въ Англію, гдѣ ожидало его уваженіе соотечественниковъ за труды и непоколебимость въ усиліяхъ. Вотъ, въ немногихъ словахъ, слѣдствіе его различныхъ плаваній.

Сѣверный и сѣверо-западный берега Австраліи совершенно описаны: они могутъ быть обходимы безъ малѣйшей опасности, на протяженіи тысячи пяти-сотъ миль. Дознано, что приближеніе къ западному берегу затруднительно и имѣетъ только одну пристань: Заливъ аккулъ. Въ странѣ сей находится немного родовъ четвероногихъ, но множество родовъ птицъ. Ботаника тамошняя очень богата; привезено большое число растеній, посаженныхъ въ Королевскомъ саду Кью, и правникъ, содержащій въ себѣ болѣе пяти сотъ родовъ.

Именемъ Британскаго Правительства принято въ обладаніе, въ 1824 году, нѣсколько новыхъ пунктовъ въ Австраліи, между прочимъ въ землѣ Арнгема, на мысѣ Ванъ-Димена и на островѣ Мельвилѣ, гдѣ основана колонія, обѣщающая великія выгоды. Сначала тамъ принуждены были много разъ имѣть схватки съ природными жителями, поколѣніемъ буйныхъ и воинственныхъ дикарей. Колонія состояла

Digitized by Google

изъ ста двадцати шести человѣкъ, въ числѣ коихъ было только три женщины, и сорокъ пять изгнанниковъ. Почва и климатъ острова позволяютъ разводить тамъ всѣ произведенія Востока и особенно пряные коренья. Удобная и надежная пристань находится въ самомъ выгодномъ мѣстѣ для торговли. Одинъ недостатокъ въ судоходныхъ рѣкахъ долго будетъ еще препятствовать образованію поселеній во внутренности Австраліи; но промышленность и искуства ежедневно дѣлаютъ столь быстрые успѣхи, что и здѣсь можно надѣяться всего отъ ихъ пособія.

Теперь Капитанъ Кингъ совершаетъ путешествіе въ другой странѣ, на двухъ военныхъ судахъ, превосходно устроенныхъ и снабженныхъ всѣми инструментами, необходимыми для Физики и Астрономіи. Онъ проходитъ моря, находящіяся на полдень отъ Южной Америки. Къ этой экспедиціи подало поводъ путешествіе Капитана Ведделя, въ тѣхъ-же странахъ, который, съ двумя судами самаго малаго размѣра, не побоялся идти въ даль, по морямъ неизвѣстнымъ и презирать всѣ опасности. Описаніе его любопытныхъ подвиговъ такъ извѣстно, что мы не почитаемъ нашею обязанностью сообщать извлеченія изъ онаго. Тамъ съ удовольствіемъ видимъ надежду, что есть возможность достигнуть къ Антарктическому полюсу: въ этомъ Капитанъ Веддель основывается на столь-же точныхъ, какъ и справедливыхъ наблюденіяхъ.

Очень мало еще знаемъ мы о путешествіяхъ Капитана Оуэна, предпринятыхъ для изслѣдованія береговъ Африки и почитаемыхъ въ числѣ любопы-

Digitized by Google

пнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ въ наше время. Вотъ легкое начертаніе его плаваній и подвиговъ, продолжавшихся четыре года, съ усердіемъ и дѣятельностью неутомимыми. Отправившись изъ Англіи, онъ заходилъ въ Лиссабонъ, къ островамъ: Мадерѣ, Тенерифу, Канарскимъ, Зеленаго мыса, Троицѣ, въ Рio-Жанейро и къ Мысу Доброй Надежды. Отсюда онъ пришелъ въ заливы Алгойскій, Делагойскій, посѣтилъ берега Святой Маріи Мадагаскарской, Мозамбикъ, и возвратился къ Мысу, зашедши въ другой разъ въ заливы Алгойскій и Делагойскій. Много замѣчательныхъ происшествій и нѣсколько непріятныхъ случаевъ было въ продолженіе сего путешествія. Въ числѣ первыхъ можно упомянуть объ уступкѣ Королевства Темби, сдѣланной Англійскому Правительству Африканцами, прежде обладавшими сею страною. Во второе путешествіе, отправившись отъ Мыса, Капитанъ Ояэнъ посѣтилъ Алгою, Делагою, Киллимену, Ингамбамъ, Софалу, Мозамбикъ, Бомбай, Маскатту, Аравійскій берегъ, Сокошору и весь берегъ Африки отъ 12° Сѣверной широты, до 18° Южной. Оттуда онъ снова пришелъ въ Делагою и наконецъ къ Иль-де-Франсу. Этотъ длинный переходъ исполненъ множествомъ странныхъ происшествій. Древнія Королевства: Момбасъ и Мелинда, болѣе ста лѣтъ терявшіяся изъ виду, были узнаны Англійскимъ Капитаномъ, который именемъ своего Правительства снова принялъ ихъ во владѣніе.

Пошедши отъ Иль-де-Франса, онъ изслѣдовалъ весь берегъ Мадагаскара, Іоганну, Мозамбикъ, Момбасъ, Могадоксу, Занзебаръ, западную часть остро-

Digitized by Google

ва Мадагаскара и наконецъ возвратился въ тоже мѣсто, откуда вышелъ. Въ это путешествіе Англійское судно взяло въ плѣнъ корабль съ неграми. Возвращаясь къ Мысу Доброй Надежды, Капитанъ Оуэнъ заходилъ въ землю Наталъ и успѣлъ достать полную исторію племени Кафровъ, тамъ обитающихъ. Каждый пунктъ, гдѣ останавливалась экспедиція въ продолженіе пути столь-же продолжительнаго какъ и разнообразнаго, былъ предметомъ любопытныхъ наблюденій или мѣстомъ необыкновенныхъ происшествій, придающихъ живую занимательность описанію сего путешествія, появленія котораго ожидаютъ нетерпѣливо. Послѣ сего Капитанъ Оуэнъ прошелъ мимо всего берега Западной Африки.

Вотъ нѣсколько подробностей, которыя дадутъ понятіе о происшествіяхъ и обстоятельствахъ, сопровождающихъ путешествія сего рода. Нѣсколько человѣкъ экипажа были посланы на одной большой Киллименской лодкѣ обозрѣть теченіе рѣки Замбези. Эта небольшая экспедиція, подъ начальствомъ Лейтенанта Броуна, состояла изъ Гг. Форбеса, натуралиста, Киркъ-Патрика, лекаря, двухъ служителей и нѣсколькихъ гребцовъ. Они отправились на разсвѣтѣ и при захожденіи солнца остановились въ Чингоалла, небольшомъ городѣ, принадлежащемъ Правителю Киллимены. На другой день перешли Архипелагъ небольшихъ острововъ, и вечеромъ прибыли въ Бокко-де Рio, большой городъ, управляемый человѣкомъ, по имени Моккамбужіо, Кафрскимъ повелителемъ, довольно свободно говорив-

Digitized by Google

шимъ по-Португальски. Въ этомъ мѣстѣ песчаная отмѣль, простиравшаяся на много миль, занимала русло рѣки такъ, что не льзя было плыть, почему и принуждены взять съ лодки все необходимое для дороги. Экспедиція оставалась четыре дни въ Боккаде Ріо и продолжала путь въ паланкинахъ, которые съ поклажею и путешественниками несены были туземцами. Въ два часа прибыли къ жилищу Манголлы, другаго Кафрскаго начальника, и у него ночевали. Назавтра остановились у одного Мулатра; въ слѣдующій день у Креола, оказавшаго путешественникамъ самое нѣжное вниманіе. Нездоровье Г-на Форбеса заставило ихъ остановиться въ семъ мѣстѣ на двѣ недѣли. Послѣ сего они помѣстились въ четыре небольшія лодки и прибыли въ Кипангу, родъ фермы на берегахъ рѣки. Маріоно находится при сліяніи Киллимены и Люцилліса. Отсюда, цѣпь небольшихъ острововъ и песчаныхъ отмѣлей пересѣкаетъ русло первой изъ сихъ двухъ рѣкъ и образуетъ изъ нея два рукава, изъ коихъ одинъ очень глубокъ до Кипанги, гдѣ сія цѣпь соединяется съ берегомъ. Въ этомъ мѣстѣ путешественники замѣтили отмѣль рѣчную, обитаемую множествомъ гиппопотамовъ. Львы, тигры и всѣ дикіе звѣри Африки водится во множествѣ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Почва представляетъ, такъ сказать, одинъ необозримый лѣсъ красныхъ деревъ. Маисъ, бобы и горохъ, произращаются здѣсь во множествѣ; волы и особенно овцы, чрезвычайно рѣдки. Жители почти исключительно питаются зеленью и не знаютъ инаго мяса, кромѣ дичины и кабановъ. Софала на восемь дней ходьбы отъ сего мѣста.

Digitized by Google

Продолжая идти вверхъ по рѣкѣ, экспедиція, черезъ два дни по отбытіи изъ Кипанги, перешла удивительно дикое мѣстоположеніе, гдѣ не замѣтила ничего кромѣ безчисленнаго множества гиппопотамовъ. Тотчасъ послѣ этого она перебралась черезъ страну покрытую густымъ лѣсомъ. Правый берегъ Киллимены обитаемъ поколѣніями дикими и независимыми, презирающими поколѣнія противнаго берега, покорившіяся Португальцамъ.

Въ это время умеръ Г-нъ Форбесъ; тѣло его отослано было въ Сенну, для погребенія. Сопутники умершаго, продолжая свое путешествіе, скоро должны были проходить чрезъ мѣста совершенно пустынныя и долины болотистыя, или и совершенно покрытыя водою. Гг. Броунъ и Киркъ-Патрикъ, съ двумя служителями неграми, прожили мѣсяцъ въ Сеннѣ, занимаясь охотою или съемкою видовъ страны. Но Г-нъ Броунъ скоро сталъ жертвою сего нездороваго климата, и другъ его, послѣдній живой Европеецъ въ экспедиціи, не замедлилъ подвергнуться той-же участи.

Вотъ другой эпизодъ изъ того-же путешествія, кончившійся не менѣе горестнымъ образомъ. Въ то время какъ изслѣдывали берегъ Мадагаскара, два офицера, Бави и Парсонсъ, были посланы на лодкѣ для обозрѣнія небольшаго острова. Исполнивъ препорученное имъ дѣло, они позволили матросамъ отдалиться для сбора раковинъ и сами остались беречь лодку. Выходя на берегъ, они не замѣтили ни одного жителя, но вскорѣ увидѣли, что къ

Digitized by Google

нимъ приближается человѣкъ, съ двумя копьями. Ему позволили взять заряженное ружье, которымъ онъ дѣйствовалъ очень ловко. Удаляясь, матросы оставили его подлѣ лодки, но возвратившись черезъ полчаса, были равно изумлены и устрашены, не видя двухъ офицеровъ. Ихъ обоихъ зарѣзали. Тѣло Г-на Парсонса найдено въ водѣ, туазахъ въ двадцати отъ берега, а тѣло Г-на Бави въ самой лодкѣ, покрытое кровью. Ружья, само собой разумѣется, не нашли.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XVII.

Отдѣленіе второе.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.
II. СМѢСЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Цвѣты, выбранные изъ Греческой Анѳологіи (*).

(Другіе отрывки сего перевода отборныхъ Греческихъ надписей, съ подлинника, были напечатаны въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и *Полярной Звѣздѣ* 1825 года.)

Путь добрыхъ.

(Игисиппъ.)

Правой стезей отъ костра, вѣщаютъ намъ, Ермій крылатый
Души творившихъ добро внизъ къ Радаманѳу ведетъ.
Онымъ блаженнымъ путемъ Аристоной, сынъ Херестрата,
Плачу не внемля родныхъ; въ домъ Айдонея сошелъ.

(*) Издатель Телеграфа приноситъ свою чувствительную благодарность, какъ за доставленіе прекраснаго перевода съ драгоцѣннаго памятника Греческой Поэзіи, такъ и за вниманіе просвѣщеннаго Переводчика къ Московскому Телеграфу. Одобрительное вниманіе людей, достойныхъ общаго уваженія по ихъ дарованіямъ и характеру, лучшая награда журналиста и лучшее утѣшеніе его въ трудахъ и непріятностяхъ, сопряженныхъ съ его званіемъ.

Digitized by Google

Голосъ изъ гроба младенца.

(Македоній Ипатъ.)

Васъ я привѣтствую, Матерь Земля и Матерь Илѝда!
Жизнь мнѣ одною дана; въ нѣдрахъ почію другой.
Краткій я путь совершилъ; но ошкуда на оный поставленъ,
Кто былъ въ мірѣ и чей? вы не повѣдали мнѣ.

Гробъ юноши.

(Неизвѣстный.)

Сынъ погребенъ здѣсь отцомъ: не юношѣ-ль плакать на гробѣ
Старца! Природы уставъ Рокомъ жестокимъ забытъ.

Гробъ Тимона.

(Тѝмонъ мизантропъ.)

Здѣсь я расторгнулъ оковы души, отягченной печалью.
Злые, не знайте кто я, и смертію гибните злою!

(Игисиппъ.)

Острые колья и терніе гробъ окружаютъ: и ногу,
Пушникъ, твою повредятъ, если къ нему подойдешь.
Тѝмонъ лежитъ здѣсь, людей ненавистникъ. Прочь ошъ могилы!
Съ бранью, какъ хочешь, ступай; только скорѣй проходи!

Digitized by Google

Фокіонов Кенотафъ.

(Фалекъ.)

Чуждыхъ береговъ достигая, Фокіонъ смерть обрѣлъ внезапно:
Корабль его не снесъ стремленья черныхъ волнъ;
Плавателъ, съ ними боряся, погибъ въ пучинѣ Эгейской
И вихремъ потопленъ, крушащимъ Понтъ до дна.
Гробъ сей, ему въ отчизнѣ воздвигнутый, пустъ;
но мать Промѳа,
Какъ птица скорбная, лишенная птенцовъ,
Каждое утро печаль изливаетъ надъ онымъ въ сѣнаньи,
И сына тѣнь изъ мглы безвременной зоветъ.

Гробъ погибшаго въ кораблекрушеніи.

(Платонъ философъ.)

Прахъ погребенъ здѣсь пловца; напротивъ, орашая пепелъ:
Морю и сушѣ равно близокъ подземный Аидъ.

Ограбленный трупъ.

(Платонъ философъ.)

Тѣло ты видишь пловца: примчавъ бездыханнаго къ брегу,
Море оставило мнѣ, сжалясь, послѣдній покровъ.
Хищникъ погибшаго трупъ обнажилъ безболзненной дланью:
Малый прибытокъ ему былъ святотатства цѣной!

Digitized by Google

Пусть-же покровомъ моимъ онъ будетъ одѣянъ въ Аидѣ;
Съ нимъ да предстанетъ на судъ грозному пѣней Царю!

Награжденное состраданіе.

(Карфилидъ.)

Хитроизвитую уду рыбакъ закинувши въ море,
Вытянулъ черепъ пловца, весь обнаженный власовъ.
Жалость въ душѣ ощутилъ: мертвецу, лишенному тѣла,
Вырылъ безъ заступа гробъ, памятникъ бѣдный воздвигъ. . .
Роя могилу, нашелъ онъ скрытое злато. О смертный!
Будь милосердъ — и всегда примешь достойную мзду!

Немеса рядомъ съ Надеждою.

(Неизвѣстный.)

Евной воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Нѐмесой рядомъ.
Что знаменуютъ? . . . »Желай! . .« »Скроменъ въ желаніяхъ будь!«

Приношеніе Фиву.

(Мнасалкъ.)

Лукъ искривленный съ колчаномъ въ твоемъ святилищѣ, Ди́лій,
Ти́мархъ привѣсилъ къ столбу, жертвуя ими тебѣ.
Стрѣлъ не принесъ онъ пернатыхъ: на полѣ кровавыя битвы
Въ трупахъ осталисъ враговъ — грозны Арея дары!

Digitized by Google

Отсроченная казнь.

(Палладъ.)

Ветхую стѣну опорой избравъ, повѣсившуюся, убійца
Сну предавался; но вдругъ Сараписъ взорамъ
предсталъ,
Гибель ему пророчая: »О ты, здѣсь лежащій небрежно,
»Встань, для покоя спѣши лучшаго мѣста искать!«
Въ ужасѣ оный вспрянулъ. И вслѣдъ за бѣгущимъ,
мгновенно
Ветхое зданье валясь, долу обрушилось все.
Радостно жертву богамъ спасенный приноситъ за
благость,
Мня, что на гнусныхъ убійцъ онымъ пріятно
взирать!
Сараписъ снова ему въ ночномъ явился видѣньи,
Грозно вѣщая: »Тебѣ-ль благости ждать отъ бо-
говъ!
»Нынѣ ты мною спасенъ; но смерти избѣгнулъ без-
бѣдной:
„Скоро позорную жизнь кончишь, злодѣй, на
крестѣ!«

Спартанскій борецъ.

(Дамагишъ.)

Я не Мессенскій борецъ; не въ Аргосѣ древнемъ
родился;
Спарта отчизна моя, Спарта, подвижниковъ мать.
Пусть за искусство вѣнчаютъ другихъ: но я (какъ
прилично
Лакедемона сынамъ) въ силѣ побѣды ищу.

Digitized by Google

Заяцъ, морскимъ псомъ гонимый.

(Германикъ Кезарь.)

Псомъ я исторгнушъ изъ челюсти пса. На сушѣ и въ морѣ
Нѣтъ спасенья: враги злою намъ смертью грозятъ.
Гдѣ укрываться отъ нихъ? уже-ли въ горнемъ эеирѣ?
Ахъ, и на тверди небесъ встрѣтимъ мы звѣзднаго пса!

Еротъ пастухомъ.

(Миринъ.)

Тирсисъ, пріявшій отъ Нимфъ храненье на пажити стада,
Тирсисъ, кто съ Паномъ-бы могъ въ бой на свирѣли вступить,
Въ полдень заснулъ, отягченный виномъ, подъ сосной тѣнистой:
Смотритъ за стадомъ Еротъ, посохъ въ рученку схвативъ.
Нимфы, о Нимфы, будите скорѣй пастуха-звѣроловца!
Хищнымъ въ добычу волкамъ преданъ малютка Еротъ.

Киприда на поморіи.

(Анита.)

Роща Кипридина здѣсь. Надъ моремъ взнесенна богиня
Съ брега привѣтно глядитъ въ зеркало свѣтлое водъ;

Digitized by Google

Даруешъ путь благоспѣшный пловцамъ. И Понтъ предъ кумиромъ
Съ робостью волны смирилъ, горней дивясь красотѣ.

Къ истукану Афродиты въ Книдѣ.

(Неизвѣстный.)

Въ Книдійскихъ рощахъ узрѣвъ Киприда Киприду, вскричала:
»Боги! гдѣ могъ Праксите́лъ видѣть нагую меня!«

Могущество Ерота.

(Палладъ.)

Нѣтъ на Еротѣ покрова; ни лукъ, ни горящія стрѣлы
Нѣжныхъ раменъ не тягчатъ; взоры улыбка живитъ.
Ликъ сей не тщетно представленъ съ цвѣткомъ въ рукѣ и дельфиномъ:
Суши державу и водъ оный являетъ символъ.

Фидіевъ Зевсъ.

(Филиппъ Ѳессалоникскій.)

Зевсъ-ли на землю сошелъ, и тебѣ явилъ свой безсмертный
Образъ? или ты самъ видѣлъ его въ небесахъ?

Къ Мироновой кравѣ.

(Неизвѣстный.)

Далѣе стадо держи, о пастухъ! да Ми́рона краву,
Вмѣстѣ съ своими смѣшавъ, въ поле не сгонишь отсель.

Digitized by Google

(Леонидъ Тарентскій.)

Миронъ не создалъ меня: изъ среды пасомаго стада
Съ поля похитивши, здѣсь къ камню навѣкъ приковалъ.

(Антипатръ Сидонскій.)

Прочь отъ меня, шелецъ! не мычи у подножья напрасно:
Дивный ваятель млека въ мѣдны сосцы не вложилъ.

(Димитрій Виѳинскій.)

Миронъ къ подножью металлъ прикрѣпилъ. Но пастыри часто
Камнями мечутъ въ меня, думая къ стаду пригнать.

Коза, кормящая волка.

(Неизвѣстный.)

Хищнаго волка невольно кормлю своими сосцами;
Тщетно противлюсь: меня нудитъ безумный пастухъ.
Мною воспитанный звѣрь врагомъ жесточайшимъ мнѣ будетъ.
Сердца, рожденнаго злымъ, благость не можетъ смягчить!

Время,

истуканъ Лисипповъ.

(Посидиппъ.)

Гдѣ изваявшій тебя рожденъ? — »Въ Сикіонѣ.« —
Какъ имя? — »Лисиппъ.« —

Digitized by Google

Кто ты, истуканъ? — »Время, владыка всего« —
Что ты на перстахъ идешь? — »Бѣгомъ я свой
путь совершаю.« —
Крылья за чѣмъ на ногахъ? — »Быстрый явля-
ютъ мой бѣгъ.« —
Сталь изощренную вижу въ рукѣ. . . — »Она зна-
менуетъ:
»Время, какъ острая сталь, губишь земные
цвѣты.« —
Вѣютъ зачѣмъ власы на лицо? — »Пусть, встрѣ-
тясь со мною,
»Ловятъ скорѣе за нихъ.« — Что-же нѣтъ сзади
власовъ? —
»Смертный! не медля лови, пока я мчусь предъ
тобою:
»Послѣ не можешь меня, сколь ни желай, воз-
вратить.« —
Мудрый художникъ тебя почто изваялъ? — «О
прохожій!
»Вамъ въ поученье: и съ тѣмъ ликъ мой предъ
храмомъ воздвигъ.«

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

Голосъ изъ гроба младенца. — *Илиѳа, Илиѳія*, богиня присутствовавшая при родахъ: Римляне называли ее *Луциною*.

Гробъ Тимона. Для совершеннаго разумѣнія сихъ двухъ надписей нужно прочитать остроумный разговоръ Лукіановъ: *Тимонъ мизантропъ*. Тамъ описаны жизнь и болѣзнь сего славнаго человѣконенавистника.

Фокіоновъ Кенотафъ. Здѣсь 1-й и 5-й стихи двойные: въ каждомъ прибавлены три хорея къ строкѣ дактилической четырехстопной; 3-й и 7-й обыкновенные ексаметры; а прочіе — шестистопные ямбы, иногда замѣняющіе пентаметры въ древнихъ надписяхъ.

Немеса рядомъ съ Надеждою. Нѣмеса или *Немесида*, богиня *мѣры и обузданія* (по выраженію Гердера), не мститъ смертнымъ, не преслѣдуетъ и не мучитъ ихъ, подобно Аѳи и Евменидамъ. Она предупреждаетъ неправду и гонитъ прочь зависть: не терпитъ излишества и высокомѣрія, и гдѣ примѣтитъ ихъ, тамъ обращаетъ мгновенно колесо счастія.

Отсроченная казнь. Сарапіесъ или *Сераписъ*, богъ древнихъ Египтянъ. Нравоученіе, содержащееся въ сей надписи, прекрасно выражено Гроціемъ въ Латинскомъ двустишіи:

Non est ista salus, facili quod morte negatum
Defungi: crux est poena parata tibi.

Digitized by Google

Спартанскій борецъ. Аргивяне славились въ борьбѣ искуствомъ; напротивъ того Спартанцы пренебрегали онымъ. См. *Плутарха II.* 233: »Лакедемоняне не даютъ борцамъ учителей (гимнастовъ), дабы возбудить соревнованіе не въ искуствѣ, а въ добродѣтели.«

Еротъ пастухомъ. Вѣроятно какая нибудь картина подала стихотворцу первую мысль къ сей надписи. Прекрасную часть Греческой Анѳологіи (говоритъ Гердеръ) составляютъ надписи къ разнымъ произведеніямъ Изящныхъ Искуствъ: и сіи отрывки столь выразительны, что въ нихъ часто Поэтъ по видимому состязается съ Художникомъ. Но состязанія нѣтъ: первый слѣдуетъ за вторымъ, остроумно описывая его твореніе, или изъясняя то чувство, которое въ зрителѣ хотѣлъ возбудить Художникъ.

Киприда на поморіи. Афродита, рожденная изъ морскихъ волнъ, покровительствовала мореходцовъ. Посему-то Горацій (1, Ода III) молитъ ее о сохраненіи корабля Виргиліева, а Парисъ хвалится ея помощію въ любви и въ плаваніи (Овидій, Ироид. XVI. 20). — ст. 4. Tibi rident aequora ponti, говоритъ Лукрецій, I. 8.

Время, истуканъ Лисипповъ. Древніе часто упоминаютъ о семъ изваяніи, представлявшемъ *Время* или *Случай.* Подробное описаніе онаго находимъ въ *Каллистратѣ*, гл. VI.

Digitized by Google

Заколдованный домъ.

Повѣсть, взятая изъ рукописей Доктора Дидриха фанъ-Нейккербоккера (*).

Недалеко отъ стариннаго городка Мангаттое, еще за немного лѣтъ, былъ старый домъ, въ ребячествѣ моемъ извѣстный въ сосѣдствѣ подъ именемъ *Заколдованнаго дома.* Это былъ одинъ изъ весьма немногихъ остатковъ зодчества старинныхъ Голландскихъ поселенцовъ и видно въ старое время, былъ этотъ домъ зданіе значительное. Онъ состоялъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей, у которыхъ края кровель были сдѣланы лѣсенкой. Все построено было, частію изъ дерева, частію изъ Голландскихъ кирпичиковъ, ко-

---

(*) Сочиненіе Ирвинга Вашингтона. Имя Никкербоккера выдумано: подъ симъ именемъ разсказываетъ Ирвингъ преданія Американскія, были и небылицы. Докторъ Никкербоккеръ является у него въ Sketch book, гдѣ передаетъ читателямъ, въ *Похожденіяхъ Рипъ-фанъ-Винкля*, остроумное изображеніе прежняго и нынѣшняго состоянія Соединенныхъ Штатовъ. The haunted house, другую повѣсть Никкербоккера, которая кажется намъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ сочиненій Ирвинга, мы теперь сообщаемъ читателямъ нашимъ. Она помѣщена Ирвингомъ въ Bracebridge hall, продолженіи Sketch book. Въ послѣдствіи надѣемся познакомить читателей съ *Исторіею Нью-Іорка*, выданною Ирвингомъ также подъ именемъ Никкербоккера, и въ которой талантъ Автора развивается въ полномъ блескѣ. *F.*

Digitized by Google

порые приваживали съ собою почтенные переселенцы изъ Голландіи, пока открыли они тайну, что и въ другихъ мѣстахъ можно дѣлать кирпичи. Далеко отъ дороги, посреди широкаго поля, стоялъ Заколдованный домъ; аллея изъ старыхъ акацій вела къ нему; нѣкоторыя изъ деревьевъ оной были поражены молніею и два или три дерева сломлены вѣтромъ. Нѣсколько яблоней разсѣянно росли по полю; еще видны были слѣды, что тутъ когда-то находился огородъ; но забора уже не было, огородныя растенія исчезли, или росли задичавшія, и болѣе было дурныхъ, нежели полезныхъ травъ. Тамъ и здѣсь росли еще кусты розъ, также одичавшихъ, и подсолнечники пробивались между шерновникомъ, печально повѣсивъ свои головки, какъ будто горюя объ окружавшемъ ихъ опустошеніи. Часть крышки стараго дома упала, окошки были разбиты, двери выломаны, заколочены досками, и два ржавые флюгера, на концахъ дома, производили страшный скрыпъ, повертываясь кругомъ, хотя всегда показывали невѣрно. Наружность всего мѣста была печальна, уныла и въ хорошее время; но въ ненастную погоду, свистъ вѣтра вокругъ ветхаго, стараго строенія, скрыпъ флюгеровъ, хлопанье и стуканье немногихъ уцѣлѣвшихъ оконничныхъ ставней, все это казалось такъ дико и производило такое дѣйствіе, что сосѣдніе жители всегда съ тре-

Digitized by Google

потомъ называли старый домъ сборищемъ привидѣній. Я хорошо помню эти старыя хоромины, и не забылъ еще, какъ много разъ, веселый, беззаботный шалунъ, я бродилъ вокругъ ихъ, съ нѣсколькими школьными товарищами, въ воскресные дни послѣ обѣда, когда мы отправлялись на добычу въ запустѣлый огородъ. Тамъ росло одно дерево, подлѣ самого дома, съ прекрасными, вкусными плодами; но это было заколдованное мѣсто, и мы столько слыхали о немъ страшныхъ разсказовъ, что боялись и приближаться туда. Иногда, осмѣливались мы, подходили ближе къ Гесперидской нашей яблони, уставивъ глаза на домъ и бросая робкіе взгляды на разбитыя его окна; но только что были мы готовы наградить себя за отвагу, восклицаніе кого нибудь изъ нашей гурьбы, или нечаянный шумъ, приводили насъ въ ужасъ: мы опромегью бѣжали прочь и считали себя безопасными только тогда, когда выбѣгали на дорогу. Тутъ разсказывали мы другъ другу множество страшныхъ подробностей о нелѣпыхъ крикахъ и стонахъ, нами слышанныхъ, или какой-то безобразной рожѣ, нечаянно выглянувшей на насъ въ окошко стараго дома. Мало помалу перестали мы ходить въ уединенное это мѣсто, и только, остановясь отъ него подалѣе, бросали на крышку дома камешки: какое-то ужасающее удовольствіе чувствовали мы, слы-

ша стукъ камешковъ, падавшихъ на кровлю, или разбивавшихъ иногда осшашки звонкихъ стеколъ въ окошкахъ.

Преданіе объ основаніи этого дома было потеряно во мракѣ, покрывающемъ первые періоды исторіи Мангаштойской области, подъ властію Ихъ Высокомочій Генеральныхъ Шташовъ. Иные говорили, что это былъ деревенскій домъ Вильгельма Кефша, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *чудака*, одного изъ Голландскихъ Губернаторовъ Новаго Амстердама; другіе разсказывали, что домъ построенъ былъ морскимъ капитаномъ, который служилъ съ Фанъ-Тромпомъ, и обойденный чиномъ, оставилъ службу съ досады, сдѣлался философомъ по неволѣ и перенесъ всѣ свои богатства въ Мангаштое, такъ, что могъ жить здѣсь, какъ хотѣлъ и смѣяться надъ цѣлымъ свѣтомъ. Причины запустѣнія дома были также источникомъ споровъ. Одни говорили, будто онъ принадлежалъ правительству и потому брошенъ, что поправка его стоила болѣе того, что приносилъ онъ пользы; но болѣе общій, и слѣдовательно, болѣе достовѣрный разсказъ былъ тотъ, что домъ посѣщали привидѣнія и люди спокойно не могли жить въ немъ. Тѣмъ несомнительнѣе было это, что множество разсказовъ подтверждали общее мнѣніе: всякая старушка въ сосѣдствѣ могла разсказать ихъ, по крайней мѣрѣ, десятка два. Былъ еще одинъ сѣ-

Digitized by Google

дой Негрѣ, жившій неподалеку отъ Заколдованнаго дома, и онъ могъ насказать о немъ цѣлую книгу исторій, изъ коихъ большая часть случилась съ нимъ самимъ. Помню, что я и школьные товарищи мои много разъ останавливали его и просили разсказать намъ что нибудь. Старикъ жилъ въ хижинкѣ, на небольшомъ клочкѣ земли, засаженной картофелемъ и Индійскимъ пшеномъ: все это подарилъ ему при отпускѣ на волю бывшій господинъ его. Онъ подходилъ бывало къ намъ, съ заступомъ въ рукахъ, когда мы усаживались, какъ стая ласточекъ, на осташкахъ палисадника, и въ тихомъ сумракѣ лѣтняго вечера разсказывалъ намъ такія страшныя исторіи и такъ страшно ворочалъ притомъ бѣлками своихъ глазъ, что мы ужасались даже шороха нашихъ шаговъ, когда возвращались послѣ того домой въ темнотѣ.

Бѣдный старый Помпи! Много уже лѣтъ прошло, какъ онъ умеръ и отправился въ общество привидѣній, о которыхъ такъ любилъ разсказывать. Его схоронили въ уголкѣ его собственнаго небольшаго поля; плугъ часто проходилъ послѣ того по его могилѣ, уравнялъ ее съ остальнымъ полемъ: и никто не думаетъ уже болѣе о старомъ Негрѣ. Нечаянно бродилъ я въ сосѣдствѣ его жилища, много лѣтъ спустя, когда былъ уже взрослымъ человѣкомъ, и набрелъ на толпу кумушекъ, разсуждающихъ надъ черепомъ, который желѣзо плуга

Digitized by Google

вырыло изъ земли. Онѣ утвердили наконецъ, что это былъ черепъ человѣка, когда-то тутъ убитаго, и разсказывая о немъ, вспомнили кой-какія преданія о Заколдованномъ домѣ. Я узналъ черепъ бѣднаго Помпи, но почелъ за лучшее молчать, уважая наслажденіе людей, разсказывающихъ и слушающихъ повѣсти о мертвецахъ и привидѣніяхъ; послѣ схоронилъ я снова кости моего стараго друга, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ не потревожитъ рука человѣка. Когда сидѣлъ я на травѣ и смотрѣлъ на это погребеніе, продолжительный разговоръ завязался у меня съ однимъ старымъ сосѣднимъ дворяниномъ, Джономъ Іосіею Фан-дер-Мееромъ, веселымъ говоруномъ, всю жизнь свою посвятившимъ на слушанье и разсказыванье новостей своей области. Онъ вспомнилъ стараго Помпи и его разсказы о Заколдованномъ домѣ; но увѣрялъ, что можетъ разсказать мнѣ исторію, страннѣе всѣхъ тѣхъ, какія Помпи бывало разсказывалъ. Видя нетерпѣливое любопытство Мое слушать его, онъ сѣлъ подлѣ меня на траву и разсказалъ мнѣ слѣдующую повѣсть. Постарался-бы я передать вамъ ее, сколько возможно, даже собственными его словами; но тому уже прошло много лѣтъ, старъ я сталъ и память моя сдѣлалась плоха. Но если не могу ручаться за слова, по крайней мѣрѣ, точно и вѣрно передамъ вамъ самыя обстоятельства.

Digitized by Google

Въ старыя времена, въ области Нью-Іоркской, когда еще страдала она подъ тиранскою властью Англійскаго Губернатора Лорда Корнбюри, простиравшаго жестокость свою къ Голландскимъ переселенцамъ сей области до того, что безъ особеннаго позволенія губернаторскаго не дозволялось ихъ *Доминусамъ*, или школьнымъ учителямъ, молиться на своемъ родномъ языкѣ, въ тѣ времена, въ красивомъ и еще нестаромъ городкѣ Мангаттое, жила почтенная старушка, извѣстная подъ именемъ Госпожи Гейлигеръ. Она осталась вдовою послѣ Голландскаго моряка, неожиданно умершаго отъ лихорадки, приставшей къ нему въ то время, когда онъ хорошо поработалъ и потомъ еще лучше покушалъ, при всеобщемъ смятеніи Мангаттойскихъ обитателей, въ страхѣ бросившихся укрѣплять свой городокъ отъ нападенія небольшаго Французскаго корсара. Это было въ 1705 г. — Мужъ оставилъ ей немного денегъ и сына, одно дитя, пережившее всѣхъ другихъ. Доброй женщинѣ была надобна большая бережливость, чтобы сводить концы съ концами и сохранять притомъ приличную наружность. Впрочемъ, такъ какъ супругъ ея палъ жертвою ревности своей ко благу общему, то всѣми единогласно признано было, что »*вдовѣ надобно дать что нибудь*,« и въ надеждѣ на это *что нибудь*, она кое-какъ прожила много лѣтъ. Всѣ о ней жалѣли, всѣ говори-

Digitized by Google

ли много добраго, а это и помогало ей надѣяться.

Она жила въ маленькомъ домикѣ, на маленькой улицѣ, называемой *Садовою*, вѣроятно потому, что тутъ когда-то былъ садъ. Между тѣмъ нужды ея всякій годъ становились больше, а голосъ публики: *«дать что нибудь вдовѣ»* становился годъ отъ году тише, и она принуждена была наконецъ сама дѣлать что нибудь для себя и пособлять себѣ какими нибудь средствами поддержать свою независимость, весьма угрожаемую нуждами.

Живучи въ торговомъ городѣ, она заняла немного духа промышленности и рѣшилась пускать свои небольшія денжонки въ большую лотерею торговли. Вдругъ иногда, къ великому удивленію всей улицы, являлось передъ ея окошками множество разбитыхъ стаканчиковъ, иные съ сахарными лепешками, другіе съ пряничными сухариками; иногда-же и еще болѣе, разныхъ сортовъ пироги, и ячменные сахарники, и Голландскія куклы, и деревянныя лошадки, съ тамъ и сямъ раскладенными книжечками; отъ времени до времени являлись у нее мотки нитокъ или нѣсколько фунтовъ свѣчь. У дверей домика сидѣлъ котъ доброй старушки, скромное, важное животное; казалось, онъ мѣрялъ шаги каждаго проходящаго и критиковалъ его походку. Отъ времени до времени, вытягивалъ онъ свою шею и гля-

Digitized by Google

дѣлъ съ внезапнымъ любопытствомъ, желая видѣть, что дѣлается на другой сторонѣ улицы; но если, случайно какая нибудь лѣнивая, бродящая собака подходила и оказывалась неучтивою ... фыркъ! брысь! ... шерсть у кота щетинилась, онъ мурчалъ и лапы его были выпянуты и готовы. Онъ также казался раздраженнымъ тогда, какъ старая и некрасивая дѣва, когда видитъ она приближеніе какого нибудь неучтиваго проказника.

Хотя добрая старушка принуждена была прибѣгать къ такимъ смиреннымъ средствамъ существованія, но всегда сохраняла она чувство наслѣдственной гордости, происходя отъ знаменитыхъ Фанъ-Дер-Шпигелей Амстердамскихъ; фамильный гербъ былъ у нее написанъ и расписанъ красками надъ каминомъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ бѣдняки весьма уважали ее; домъ ея былъ точно мѣстомъ сборища старушекъ изъ всего сосѣдства. Онѣ заходили къ Госпожѣ Гейлигеръ, будто мимоходомъ, въ зимніе вечера, когда она сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ передъ камелькомъ вязала чулки, кошъ ея мурлыкалъ по другую сторону, а чайникъ шипѣлъ на огонькѣ передъ нею. Добрыя *кумушки* оставались у нее весь вечеръ. Тутъ всегда было почетное мѣсто Питеру Грудту (иначе называемому Питеромъ долгимъ, а еще иначе Питеромъ долгоногимъ), писарю и ключарю небольшой Люттеранской церкви,

Digitized by Google

старому другу хозяйки и совершенному оракулу ея вечернихъ собраній передъ огонькомъ. Даже и самый *Доминусъ* не пренебрегалъ, отъ времени до времени, заходить къ ней, поговорить о состояніи души ея и выпить рюмку особенно приготовленной доброй настойки. Впрочемъ, онъ никогда не упускалъ посѣщать ее въ новый годъ и желать ей новаго счастья; добрая старушка, немного тщеславная на нѣкоторыхъ пунктахъ, спѣшила въ такомъ случаѣ вручить ему пирогъ, огромнѣйшій изъ всѣхъ пироговъ, какіе у нее когда были испечены.

Я сказалъ, что у нее былъ сынъ. Это дитя преклонныхъ лѣтъ ея едва-ли могло назваться утѣшеніемъ матери, потому что Дольфъ Гейлигеръ изъ всѣхъ шалуновъ былъ самый негодный шалунъ. Не льзя было сказать, что онъ злой мальчишка; но онъ казался источникомъ шалостей и проказъ и блисталъ тѣмъ остроуміемъ, которымъ восхищаются въ дѣтяхъ богатыхъ людей и которое ненавидятъ въ дѣтяхъ бѣдняковъ. Безпрестанно попадался онъ въ шалостяхъ; мать его безпрестанно слышала жалобы на разныя штуки, какими угодно было ему забавляться; безпрестанно присылали къ ней счеты о разбитыхъ имъ окнахъ; словомъ: еще не было Дольфу четырнадцати лѣтъ, какъ все сосѣдство рѣшило, что онъ „злая собака, самая злая собака въ цѣлой улицѣ.“ Даже,

Digitized by Google

одинъ сосѣдъ, старый дворянинъ, съ сухимъ лицомъ и хорьковыми глазами, одѣтый въ платье цвѣта винныхъ дрожжей, зашелъ слишкомъ далеко, и лично увѣрялъ Госпожу Гейлигеръ, что сынъ ея, рано или поздно, попадется на висѣлицу.

Не смотря на все это, добрая старушка любила своего сына. Казалось, что она любила его тѣмъ болѣе, чѣмъ хуже онъ становился, и что онъ тѣмъ болѣе приходилъ къ ней въ милость, чѣмъ болѣе уменьшалась къ нему милость всѣхъ знакомыхъ. Матери вообще легкомысленны, вообще созданіе слишкомъ любящее: разсуждая, трудно разувѣрить ихъ въ этомъ случаѣ, и впрочемъ, у бѣдной старушки сынъ былъ все, что любило ее въ здѣшнемъ мірѣ, и потому легко угадать, что она глухими ушами слушала своихъ добрыхъ друзей, спѣшившихся доказать ей, что Дольфъ долженъ дошалиться до веревки.

Надобно отдать справедливость Дольфу, что онъ горячо привязанъ былъ къ своей матери. Онъ никогда не хотѣлъ бы причинять ей горести и когда что нибудь бывало напроказничаетъ, стоило бѣдной матери поглядѣть на него молчаливо и печально, то на сердцѣ его становилось горько и тяжело. Но онъ былъ вѣтренъ и ни за что въ свѣтѣ не могъ противиться первому искушенію на шалость или проказы. Исправный въ ученьѣ, когда хотѣлъ быть прилежнымъ,

Digitized by Google

онъ всегда оставался дурнымъ ученикомъ и съ лѣнивыми товарищами и съ бродягами школы отправлялся раззорять птичьи гнѣзды, воровать въ огородахъ и купаться въ Гудзоновой рѣкѣ.

Такимъ-то побытомъ росъ и выросъ Дольфъ и сдѣлался крѣпкій, статный юноша. Тогда мать его стала очень задумываться, что̀ съ нимъ дѣлать, или какъ поставить его на такую дорогу, чтобы онъ могъ самъ для себя что нибудь сдѣлать; о немъ прошла вездѣ уже такая слава, что по охотѣ едва-ли кто нибудь подумалъ-бы занять его у себя чѣмъ нибудь.

Много разсужденій держано объ этомъ съ Питеромъ-Грудтомъ, писаремъ и ключаремъ, бывшимъ у нее первымъ совѣтникомъ. Питеръ былъ также затрудненъ, какъ она сама, потому что мнѣніе его о Дольфѣ было очень невыгодно и онъ думалъ, что изъ Дольфа ничего путнаго не выйдетъ. Когда-то вздумалось было ему послать Дольфа погулять по морямъ: средство, которое можно было употребить только въ случаѣ самомъ крайнемъ; но госпожа Гейлигеръ слышать объ этомъ не захотѣла: она не могла и подумать разстаться съ своимъ Дольфомъ. Вотъ однажды сидѣла она передъ камелькомъ и вязала чулки въ большомъ раздумьѣ, какъ вдругъ ключарь вошелъ къ ней съ необыкновенною живостью и веселостью. Онъ явился прямо съ похоронъ: хоронили маль-

Digitized by Google

чика Дольфовыхъ лѣтъ, жившаго въ наукѣ у славнаго Нѣмецкаго Доктора и умершаго отъ чахотки. Правда, шептали въ народѣ, будто покойникъ доведенъ былъ до гроба тѣмъ, что Докторъ дѣлалъ надъ нимъ разные опыты врачебнаго веществословія, заставляя его отвѣдывать микстуры и принимать вновь изобрѣтенные порошки и пилюли. Впрочемъ, вѣроятно это было злорѣчіе, и Пиперъ Грудтъ всему этому не вѣрилъ. Если-бы доставало у насъ времени пофилософствовать, то кстати, любопытный былъ-бы однакожъ предметъ для изслѣдованій, почему докторскія семейства бываютъ такъ сухощавы и скелетны, а семьи мясниковъ такія плотныя и краснощокія.

Пиперъ Грудтъ, какъ уже сказалъ я, вошелъ въ домъ Г-жи Гейлигеръ съ необыкновенною веселостью. Онъ еще полонъ былъ яркою мыслью, которая пришла ему въ голову во время похоронъ и отъ которой невольно улыбался онъ, когда бросали землю въ могилу Докторскаго ученика. Ему вздумалось, что если мѣсто покойника теперь остается незаняшое, то оно можетъ быть мѣстомъ для Дольфа. У мальчика есть дарованія: онъ можетъ толочь въ иготи и бѣгать по городу съ порученіями Доктора, не хуже всякаго другаго, а чего-жъ болѣе требовать отъ ученика?

Digitized by Google

Предположенія мудраго Пипера показались матери Дольфа благодатнымъ видѣніемъ. Она мысленно видѣла уже своего сына съ тростью подлѣ носа, звонкомъ на дверяхъ и съ большими буквами: Д. М. въ концѣ имени, словомъ: однимъ изъ важнѣйшихъ особъ въ городѣ.

Однажды рѣшенное, скоро было исполнено. Ключарь имѣлъ нѣкоторое вліяніе на умъ Доктора. Оба они сталкивались даже своими занятіями: одинъ лечилъ, другой хоронилъ людей, и въ первое за тѣмъ утро Пиперъ Грудтъ позвалъ съ собою нашего шалуна, одѣтаго въ воскресное платье, и повелъ его на экзаменъ къ Доктору Карлу Людовику Нейпергаузену.

Они застали Доктора сидящимъ въ огромныхъ креслахъ, въ углу его библіотеки или лабораторіи, съ огромною Нѣмецкою книгою, передъ нимъ лежавшею. Это былъ невысокій, круглый человѣчекъ, съ угрюмымъ, овальнымъ лицомъ, которое казалось еще болѣе угрюмымъ отъ чернаго бархатнаго колпака. Красноватый носъ его немного походилъ на очко червоннаго туза и украшенъ былъ огромными очками, которыя на обѣихъ сторонахъ важнаго лица его казались круглыми окошками.

Дольфъ ощутилъ благоговѣйный трепетъ, представъ предъ ученаго мужа и озираясь вокругъ съ дѣтскимъ изумленi-

Digitized by Google

емъ на все находившееся въ храминѣ знаній, показавшейся ему пещерою волшебника. По срединѣ стоялъ съ грифоновыми ножками столъ, а на немъ поставлены были иготь съ пестикомъ, чаша, чашки, горшки и свѣтлые аптекарскіе вѣсы. Въ одномъ концѣ комнаты виднѣ былъ шкафъ для платья, обращенный Докторомъ въ хранилище для травъ и микстуръ. Противъ него, на стѣнахъ висѣли: Докторова шляпа, шапка и палка съ золотымъ набалдашникомъ, представляющимъ человѣческій черепъ. На каминѣ поставлены были стклянки съ змѣями, ящерицами и препаратами въ спиртѣ. Еще шкафъ, у котораго дверцы были отломаны, на трехъ полкахъ заключалъ такое собраніе книгъ и между ними нѣсколько такихъ огромныхъ фоліантовъ, что Дольфъ до того времени ничего подобнаго не видывалъ. Впрочемъ, книги не замѣщали всего шкафа и Докторская ключница заняла остальное банками съ пикулями и конфектами, а между ужасными инструментами врачебной науки она навѣшала цѣлыя нитки краснаго перцу, тщательно сберегаемаго на сѣмена.

Питеръ-Грудтъ и его protégé были приняты съ великою важностію и гордостію Докторомъ, ибо онъ былъ истинный мудрецъ, небольшаго роста, но значительная особа, и никогда не смѣялся. Онъ осмотрѣлъ Дольфа съ ногъ до головы и кругомъ

Digitized by Google

сквозь свои очки и сердце бѣднаго мальчика трепетало, когда два огромные стеклянные кружка устремлены были на него, какъ два полные мѣсяца. Докторъ выслушалъ все, что Питеръ Грудтъ высказывалъ въ пользу своего молодаго кандидата и потомъ помочивъ концемъ своего языка большой палецъ, началъ потихоньку перебирать, листъ за листомъ, страницы огромной черной книги, передъ нимъ лежавшей. Наконецъ, послѣ многихъ *хмъ!* и *гумъ!* послѣ потиранья подбородка и всего мѣшканья и размышленья, съ коими мудрый человѣкъ приступаетъ къ исполненію того, что имъ рѣшено съ самаго начала, Докторъ благоволилъ принять молодца въ ученики, согласился дать у себя квартиру, пищу, одѣвать его и наставлять въ наукѣ цѣленія, за что все Дольфъ долженъ былъ служить ему до двадцать перваго года своего возраста.

И такъ, нашъ герой вдругъ, изъ шалуна мальчишки, бѣгавшаго по улицамъ безъ дѣла, преобразился въ студента Медицины и прилежно началъ толочь въ игопи подъ руководствомъ ученаго Доктора Карла, Людовика Нейпергаузена. Какое счастіе для его доброй старой матери! Она восхищалась, воображая, что сынъ ея возстановитъ нѣкогда славу предковъ и когда нибудь рядомъ станетъ ходить съ адвокатомъ, жившимъ противъ нее въ обшир-

Digitized by Google

номъ домѣ и — кто знаетъ? — можетъ быть, съ самымъ *Доминусомъ!*

Докторъ Нейпергаузенъ былъ родомъ изъ Палатината Нѣмецкаго, откуда вмѣстѣ съ многими земляками отправился онъ въ Англію, избѣгая преслѣдованій нѣкоторыхъ сектаторовъ, съ которыми заспорилъ. Онъ находился въ числѣ трехъ тысячъ Нѣмцовъ, удалившихся изъ Англіи, въ 1710 году, подъ покровительство Губернатора Голландскихъ заселеній въ Америкѣ, Гунтера. Гдѣ учился Докторъ, какъ приобрѣлъ познанія Медицинскія и гдѣ получилъ свои дипломы, нынѣ объяснить весьма трудно, потому что и при жизни его никто этого не зналъ. То извѣстно только по преданію, что его глубокія свѣдѣнія и тайныя познанія были предметомъ всеобщей молвы и удивленія жителей дальнихъ и ближнихъ областей.

Образъ леченія былъ у него совершенно отличный отъ образа леченія всѣхъ другихъ медиковъ и состоялъ изъ таинственныхъ смѣшеній лекарствъ, только ему одному извѣстныхъ, въ приготовленіи и разложеніи коихъ, какъ онъ говаривалъ, всегда должно руководствоваться созерцаніемъ планетъ. Высокое мнѣніе о знаніяхъ Доктора было такъ утверждено, особенно между Нѣмецкими и Голландскими обитателями, что къ нему бѣгали во всѣхъ отчаянныхъ казусахъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ вра-

Digitized by Google

чей, которые изумляютъ неожиданными, удивительными изцѣленіями, когда больной объявленъ неизцѣльнымъ отъ всѣхъ врачей обыкновенныхъ, послѣ чего, въ случаѣ смерти, Докторъ имѣетъ право сказать, что больной слишкомъ долго непопадался въ его руки и отъ того умираетъ. Докторова библіотека была предметомъ разговоровъ всего сосѣдства, могу сказать, всего города. Добрые Мангаттойцы съ почтеніемъ смотрѣли на человѣка, прочитавшаго три полки книгъ, на коихъ многія книги были толще всякой видѣнной ими. Много было споровъ между членами совѣта небольшой Лютеранской кирхи о томъ, кто мудрѣйшій и ученѣйшій человѣкъ, Докторъ или Доминусъ? Многіе изъ почитателей Доктора дошли даже до того, что объявили, будто онъ зналъ — болѣе чѣмъ самый Губернаторъ! Словомъ: рѣшено было всѣми, что нѣтъ предѣловъ знаніямъ Доктора.

Когда Дольфъ принятъ былъ въ семью Доктора, то по праву наслѣдства получилъ во владѣніе жилище своего предмѣстника, чердакъ, подъ крутою кровлею Голландскаго дома, куда дождь падалъ сквозь крышу, молнія свѣтила сквозь щели, вѣтеръ въ ненастное время разгуливалъ на свободѣ, и гдѣ цѣлыя стада голодныхъ крысъ скакали кругомъ, не боясь мышеловокъ и отравы.

Digitized by Google

Дольфъ скоро по уши засѣлъ въ ученіе Медицины, будучи утромъ, послѣ обѣда и ночью занятъ кашаньемъ пилюль, пропускаиьемъ тинктуръ или толченьемъ въ иготи, въ одномъ углу лабораторіи, когда Докторъ сидѣлъ въ другомъ углу, гдѣ обыкновенно сидѣлъ онъ, когда нѣчего было ему дѣлать въ другомъ мѣстѣ, или когда принималъ онъ своихъ посѣтителей, или когда въ своемъ утреннемъ нарядѣ и бархатной шапкѣ хотѣлъ углубиться въ содержаніе какого нибудь толстаго фоліанта. Правда, что однозвучное стуканье Дольфовой иготи, или, можетъ быть, усыпляющее жужжанье мухъ убаюкивали и погружали ученаго мужа въ глубокій сонъ, но очки его никогда не спали и постоянно устремлены были на книгу.

Жила еще одна особа въ домѣ Доктора, которой Дольфъ обязанъ былъ особеннымъ почтеніемъ. Хотя и холостякъ, и человѣкъ столь великаго достоинства и важности, Докторъ былъ однакожъ, какъ и многіе другіе ученые люди, подвластенъ женскому владычеству. Онъ совершенно покорялся могуществу своей ключницы, скупой, хлопотливой, вздорливой домоводки, всегда ходившей въ маленькомъ, кругломъ, теплomъ Нѣмецкомъ чепчикѣ, съ ужасною связкою ключей, брянчащихъ на поясѣ безконечной ея поясницы. Фрау Илзе сопровождала Доктора въ его многообразныхъ переселеніяхъ изъ Германіи въ Англію и

Digitized by Google

изъ Англіи въ Америку, сберегала хозяйство и его самого, поглаживая его ласковою ручкою, хотя желѣзною рукою управляла всѣми остальными домочадцами. Какъ приобрѣла она власть надъ Докторомъ, право, я не умѣю растолковашь вамъ. Былъ правда слухъ . . . но чего не злословилъ народъ сначала вѣка? Кто растолкуетъ, какимъ образомъ женщины умѣютъ поворотить все на свой ладъ? Мужъ, кое-когда все еще можетъ быть господиномъ въ своемъ домѣ, но кто видалъ холостяка, у котораго ключница не управляла-бы самовластно?

Впрочемъ, власть Фрау Илзе не ограничивалась Докторскимъ домомъ. Она была одна изъ тѣхъ любопытныхъ кумушекъ, которыя знаютъ дѣла другихъ лучше самихъ хозяевъ, и у которыхъ всезрящіе глаза и всеговорящіе языки дѣлаются ужасомъ сосѣдства.

Ничто, едва промелькнувшее въ соблазнъ другимъ, не избѣгало вѣдѣнія Фрау Илзе. У нее была куча знакомокъ, безпрестанно посѣщавшихъ, съ драгоцѣнными вязеницами новостей, ея маленькую пріемную; но, иногда выслушивала она цѣлую книгу тайныхъ сплетней, растворивъ вполовину двери на улицу, и пожирала разсказы какой нибудь болтливой кумушки, забывъ что на дворѣ трескучій Декабрьскій морозъ.

Digitized by Google

Съ такимъ Докторомъ и съ такою ключницею Доктора, нѣчего сказать, Дольфу лѣниться было нѣкогда. Фрау Илзе ходила въ ключахъ, говоря яснѣе: держала все за ключами, и можно было околѣть съ голоду оскорбивъ ее; но Дольфу изученіе характера Фрау Илзе казалось труднѣе изученія всякой Медицины. Когда не было дѣла въ лабораторіи, онъ долженъ былъ бѣгать туда и сюда за ея препорученіями, а по воскресеньямъ ходить за нею въ кирху и изъ кирхи, съ книжкою. Сколько разъ бѣдный проводникъ принужденъ бывалъ стоять дрожа отъ холода, дуть въ иззябшіе пальцы и отогрѣвать свой носъ, когда Фрау Илзе, столкнувшись съ какими нибудь кумушками, грѣлась движеніемъ неумолкающаго языка и перзала чью нибудь добрую славу.

При всѣхъ такихъ удобствахъ, Дольфъ сдѣлалъ весьма небольшіе успѣхи въ наукѣ. Впрочемъ тутъ ужь конечно не Докторъ былъ виноватъ, потому что ученикъ кипѣлъ въ работѣ съ утра до вечера, какъ въ смолѣ, то стуча въ иготь, то бѣгая по городу съ микстурами и пилюлями, и если чуть Дольфъ лѣнился въ исправленіи должности, Докторъ начиналъ сердиться, браниться и гнѣвно спрашивалъ: какимъ-же образомъ думаетъ онъ выучиться, если не будетъ заниматься прилежнѣе? Дѣло состояло въ томъ, что у Дольфа все еще оставались старыя замашки къ лѣности и

Digitized by Google

палостямъ, какими означено было его ребя-
ество, и казалось, что эти замашки укрѣп-
ялись съ лѣтами и приобрѣтали новыя
илы, когда имъ поперечили и противи-
ись. Дольфъ становился упрямѣе и нако-
ецъ потерялъ благосклонность Доктора и
го ключницы.

Въ это время Докторъ шелъ въ гору,
рославлялся и богатѣлъ. Онъ сдѣлался
особенно знаменитъ леченіемъ такихъ бо-
ѣзней, которыхъ не найдемъ въ Лечебни-
ахъ; на примѣръ: онъ чудесно исцѣлилъ
многихъ старухъ и молодыхъ дѣвушекъ
отъ порчи, страшной болѣзни, въ былое
ремя сильнѣе свирѣпствовавшей въ Аме-
иканскихъ областяхъ, нежели нынѣ вода
ая болѣзнь. Онъ совершенно вылечилъ
ину плотную деревенскую дѣвушку, ко-
орая была до того испорчена, что чув-
твовала, какъ у нее ходили по всему
ѣлу иголки, а это почиталось уже неиз-
ѣльною степенью болѣзни. Люди погова-
ивали также между собою, шопотомъ, что
окторъ обладалъ еще важною тайной
риворачивающихъ порошковъ, и что до-
ольно было ему занятія исцѣлять мно-
ество больныхъ, приходившихъ къ нему
ъ такихъ случаяхъ! Это составляло тай-
ую часть его практики, при чемъ, какъ
оворится, онъ *ѣлъ пирогъ съ грибами, а*
ержалъ языкъ за зубами. Когда такіе
орые люди прихаживали къ Доктору на
онсультацію, Дольфъ долженъ былъ ос-

Digitized by Google

тавлять лабораторію, и только сквоз
замочную щелочку смотрѣлъ онъ на та
инственное леченіе.

Богатѣя, Докторъ началъ разширять
свои владѣнія и посматривать впередъ, н
то время, когда онъ, какъ и другіе вели
кіе люди, можетъ удалиться на покой в
сельское жилище: въ этомъ предположеніи
купилъ онъ себѣ ферму, или, какъ говорит
ся, дачу. Тамъ прежде жило одно богато
семейство, съ нѣсколькихъ лѣтъ оставив
шее свое мѣстопребываніе и уѣхавшее в
Голландію. Большой опустѣлый домъ сто
ялъ посреди Докторовой дачи и по нѣкото
рымъ особеннымъ причинамъ извѣстен
былъ подъ именемъ *Заколдованнаго дома*.
По этимъ-ли причинамъ, или по тому, что
домъ былъ великъ и ветхъ, Докторъ нахо
дилъ невозможнымъ отдать его въ наемъ
и чтобы домъ совсѣмъ не развалился, пока
самому хозяину можно будетъ въ него пе
реселиться, Докторъ помѣстилъ деревен
скаго мужика съ семействомъ въ одномъ
изъ флигелей, условясь съ нимъ, что он
долженъ за то изъ части обрабатывать
землю.

Тогда-то Докторъ почувствовалъ все
величіе сельскаго помѣщика. Въ немъ была
частица гордости Нѣмецкихъ помѣщиковъ
и онъ началъ смотрѣть на себя, как
на владѣльца недвижимой собственности.
Вдругъ началъ онъ жаловаться на устал
лость отъ трудовъ и часто отправлялся

Digitized by Google

ся за городъ »посмотрѣть свое хозяйство.« Эти маленькія поѣздки сопровождались шумомъ и величіемъ, имѣвшими необыкновенное дѣйствіе на всѣхъ сосѣдей. Кривая лошадь Доктора стояла передъ домомъ его, топая ногами и обмахивая хвостомъ ушахъ, до отъѣзда за цѣлый часъ. Послѣ того выносили и прилаживали Докторское сѣдло; потомъ черезъ нѣсколько времени выпаскивали его свернутый плащъ и укрѣпляли за сѣдломъ, а наконецъ выходили съ зонтикомъ и прикрѣпляли его подлѣ сѣдла. Между тѣмъ толпа общипанныхъ мальчишекъ собиралась вокругъ и все замѣчала съ удивленіемъ. Тутъ являлся наконецъ самъ наѣздникъ-Докторъ, въ огромныхъ сапожищахъ выше колѣнъ и въ трехугольной низенькой шляпѣ. Будучи невысокій, толстый человѣчекъ, онъ долго лѣзъ на сѣдло и вскарабкавшись, еще долѣе уравнивалъ стремена и укладывался въ сѣдлѣ, а между тѣмъ вполнѣ наслаждался изумленіемъ и ропозѣйствомъ зрителей. Поѣхавши, останавливался онъ посреди улицы и ворочался два, три раза назадъ отдавать разные приказы, на которые ключница откликалась ему изъ дверей, Дольфъ изъ ученой комнаты, Негръ работникъ изъ погреба и служанка съ чердака. За всѣмъ тѣмъ, обыкновенно оставалось еще нѣсколько вопросовъ и домашніе кричали ему вслѣдъ даже и тогда, какъ онъ заворачивалъ уже за уголъ.

Digitized by Google

Все сосѣдство бывало взволновано та-
кимъ величественнымъ зрѣлищемъ. Баш
мачникъ оставлялъ свои шилья и колодки
цырюльникъ выглядывалъ изъ окошка, с
полуобритою бородою; всѣ двери отворя
лись, отвсюду показывались головы, и
отъ одного конца улицы до другаго разда-
вались одни торжественныя восклицанія
»Докторъ ѣдетъ въ свое помѣстье!«

Золотые бывали эти часы для Дольфа
Только что Докторъ изъ глазъ, въ сторо
ну иготь и пестикъ, береги лабораторію
кто хочетъ и Докторскій ученикъ бѣжал
изъ дому за шалостями.

Надобно признаться, что Дольфъ, чѣм
болѣе росъ, тѣмъ болѣе, казалось, попадал
на прекрасную дорогу, по которой легк
могъ онъ дойдти до исполненія предвѣща-
ній стараго дворянина въ платьѣ цвѣта
винныхъ дрожжей. Онъ сдѣлался участни-
комъ всякихъ праздничныхъ веселостей
вечернихъ забіячествъ, словомъ: всѣхъ ро
довъ шалостей и удалыхъ похожденій.

Ничто такъ небезпокойно, какъ геро
на маленькой лѣсенкѣ, или лучше сказать
герой въ маленькомъ городкѣ. Вскорѣ Дольф
сдѣлался ужасомъ мирныхъ жителей, доб
рыхъ хозяекъ, старыхъ обитателей Ман
гаттое, всѣхъ кто не терпѣлъ шума
не любилъ шалостей. Старушки смотрѣ
ли на него, какъ на негодяя, прятали до
чекъ, когда онъ приближался и указывал
на него пальцами своимъ сыновьямъ. Ни

Digitized by Google

кто не смотрѣлъ на него съ уваженіемъ, кромѣ городскихъ шалуновъ, которыхъ привлекалъ онъ къ себѣ своимъ разгульнымъ житьемъ и добрымъ товариществомъ, и Негровъ, которые на всякаго гуляку смотрятъ какъ на человѣка высшаго званія. Даже и добрый Питеръ Грудтъ, почитавшій себя нѣкоторымъ образомъ за покровителя Дольфова, начиналъ въ немъ отчаяваться и сомнительно покачивалъ головою, прихлебывая ежевичную наливку, которою Фрау Илзе подчивала его, вычитывая всѣ жалобы свои на Дольфа.

Но мать еще не могла разлюбить его, не смотря на все, что ни дѣлало ея милое дитя. Она не унывала, слушая разсказы объ его похожденіяхъ, которыми утѣшали ее безпрестанно добрые друзья. Правда, не было ей радости, какою наслаждаются богатые люди, слыша только однѣ похвалы своимъ дѣтямъ; но за то всѣ жалобы казались ей какими-то нападками на Дольфа, и послѣ каждаго разсказа онъ казался ей лучше прежняго. Она любовалась, какъ онъ выросталъ, становился бравымъ молодцомъ и смотрѣла на него съ тайною гордостью родительскаго сердца. Первое желаніе ея было, чтобы Дольфъ являлся вездѣ одѣтый щегольски, и всѣ деньжонки ея шли на карманные расходы Дольфа и красивое его платье. Она смотрѣла вслѣдъ за нимъ изъ окошка, когда онъ, лихо разодѣтый, молодецкою

Digitized by Google

поступью шелъ по улицѣ и сердце ея хотѣло выпрыгнуть отъ радости. Когда однажды Питеръ Грудтъ въ воскресное утро, пораженный щегольскою выступкою Дольфа, сказалъ ей: »какъ-бы кто ни говорилъ, а Дольфъ лихой молодецъ!« — слезы радости показались на глазахъ старушки. »Ахъ! сосѣдъ, сосѣдъ!« сказала она, »пусть говорятъ что хотятъ, а бѣдный мой Дольфъ, право, опередитъ другихъ!«

Между тѣмъ Дольфу было почти двадцать одинъ годъ и время его ученія Медицинѣ приближалось къ окончанію. Признаться надобно впрочемъ, что онъ зналъ Медицину немного лучше того, какъ въ первый разъ вступилъ въ Докторскую лабораторію. Можетъ быть, это происходило и не отъ недостатка способностей, ибо онъ доказывалъ свои дарованія успѣхами во многихъ познаніяхъ, которымъ успѣвалъ мимоходомъ учиться. Онъ былъ лучшій стрѣлокъ въ городѣ и выигрывалъ всѣхъ святочныхъ гусей и Индійскихъ пѣтуховъ (*); отлично ѣздилъ верхомъ, славно боролся, славно прыгалъ, изрядно игралъ на скрыпкѣ, плавалъ какъ рыба и былъ первый мастеръ играть въ кегли и шары.

Всѣ сіи совершенства однакожъ мало доставляли благосклонности отъ Докто-

(*) Народная забава у Американцовъ: стрѣлять о святкахъ въ гуся или Индійскаго пѣтуха. Попавшій беретъ себѣ птицу, при чемъ бываетъ много веселья, шуму и закладовъ. *Перев.*

Digitized by Google

ра Нипергаузена, который тѣмъ брюзгливѣе и несноснѣе становился, чѣмъ ближе подходилъ срокъ ученію Дольфа. Фрау Илзе безпрестанно находила какую нибудь причину поднимать страшную бурю надъ головою ученика и рѣдко проходила встрѣча съ Дольфомъ, чтобы языкъ ея не прозвонилъ ему шумнаго набата, такъ, что наконецъ брянчанье ключей, возвѣщавшее приближеніе Фрау Илзе, было все равно, какъ для зрителей въ театрѣ свистокъ суффлёра повѣсткою приближающейся громовой тучи. Не смотря на все это, добрый нравъ Дольфа заставлялъ его сносить домашнюю тиранніо безъ всякаго возмущенія. Явно было, что Докторъ и его ключница готовились безъ всякаго спасиба выполкать бѣднаго ученика за порогъ, какъ только кончится срокъ его ученья. Этотъ манеръ не разъ случалось Доктору удачно употреблять съ безполезными учениками.

Надобно прибавить, что маленькій Докторъ сдѣлался еще болѣе сердитымъ, раздражительнымъ, въ слѣдствіе различныхъ заботъ и досадъ, которыя накликалъ на себя своимъ помѣстьемъ. Доктора безпрестанно тревожили слухи и разсказы, вездѣ разносимые объ его старомъ деревенскомъ домѣ и ему сдѣлалось весьма затруднительнымъ дѣломъ, удерживать своего поселенца-крестьянина съ семьею, не смотря на то, что они жили даромъ. Каждый

Digitized by Google

разъ, когда Докторъ пріѣзжалъ на свою дачу, жильцы и сосѣди надоѣдали ему какою нибудь свѣжею жалобою о нелѣпыхъ крикахъ или страшныхъ явленіяхъ, пугавшихъ обитателей дачи въ самую полночь; отъ этого Докторъ ѣхалъ домой съ кислымъ, сердитымъ лицомъ и разсѣвалъ свою досаду только перебранивши всѣхъ своихъ домашнихъ. Невыгоды помѣстья касались и кошелька его и гордости. Ему грозила совершенная потеря доходовъ отъ его владѣнія, и притомъ, что̀ за радость была ему владѣть такимъ домомъ, въ которомъ, кромѣ домовыхъ и мертвецовъ никто не хотѣлъ жить!

Впрочемъ, добрые люди замѣтили, что Докторъ, какъ ни сердился, но самъ никогда не оставался ночевать въ своемъ домѣ; еще болѣе, что онъ даже никогда не замѣшкивался на дачѣ до темной ночи, но скорехонько убирался въ городъ, лишь только летучія мыши начинали порхать въ сумракѣ. Дѣло просто было въ томъ, что Докторъ, во глубинѣ души, не могъ не вѣрить домовымъ и мертвецамъ, проживъ большую часть лѣтъ своихъ въ такой землѣ, гдѣ ихъ большое изобиліе. Шла рѣчь между народомъ, что Докторъ, будучи еще ребенкомъ, своими глазами видѣлъ лѣшаго на Гарцовскихъ горахъ, въ Германіи.

Наконецъ, мученія Доктора дошли до послѣдней крайности. Однимъ утромъ, когда онъ сидѣлъ за толстою книгою, въ сво-

Digitized by Google

емъ ученомъ кабинетѣ, или лабораторіи, его исторгнулъ изъ сладкой дремоты нечаянный крикъ и шумъ ключницы.

»Надобно это чѣмъ нибудь кончишь!« кричала она, входя въ комнату. »Вонъ, Клаусъ Гопперъ явился со всѣмъ добромъ и животомъ съ дачи и божится, что ни за что въ свѣтѣ не пойдетъ туда болѣе. Вся семья его перебѣсилась; въ послѣднюю ночь вокругъ этого бѣсова жилища былъ такой шумъ и стукъ, что никто не могъ заснуть ни на одну минуту.«

— Donner und Blitzen (вскричалъ съ досадой Докторъ)! Или у тебя не о чемъ больше говоришь, какъ только объ этомъ домѣ? Что за дураки: даютъ себя мышамъ и крысамъ пугать и выгонять изъ хорошей квартиры!

»Да, да, крысамъ!« вскричала Фрау Илзе, значительно покачивая головою и оскорбляясь тѣмъ, что Докторъ не вѣритъ разсказамъ о мертвецахъ. »Тутъ что-то поболѣе крысъ и мышей! Всѣ сосѣди одно говорятъ о домѣ и видали тамъ виды. Питеръ Грудтъ сказывалъ мнѣ, что хозяева, которые продали домъ и уѣхали въ Голландію, намекали кое-кому странныя дѣла и говорили, что рады сбыть съ рукъ свои хоромищи, въ которыхъ ни одинъ человѣкъ не уживется.«

— Питеръ Грудтъ твой дуракъ, старая баба! закричалъ Докторъ сердито. Я увѣренъ, что онъ набилъ голову этому

Digitized by Google

народу своими разсказнями. Вотъ точно также болталъ онъ о какомъ-то домовомъ, который будто-бы ходилъ на колокольню, когда самъ Пиперъ полѣнился пойдти и ударить въ набатъ, въ холодную ночь, какъ загорѣлось у Германа Бринкгергофа. — Пошли ко мнѣ Клауса!

Явился Клаусъ Гопперъ: простой деревенскій мужикъ, испуганный тѣмъ, что его позвали въ ученую комнату господина Доктора Ниппергаузена и отъ того совершенно смѣшавшійся, когда ему велѣно было разсказать подробно и обстоятельно о причинѣ его страха. Онъ стоялъ, перебирая свою шляпу, переступалъ, то на ту, то на другую ногу, поглядывая изъ подлобья, то на Доктора, то на человѣческій черепъ, лежавшій на шкафѣ и, какъ ему показалось, скалившій на него зубы.

Докторъ употребилъ всѣ средства убѣдить Клауса возвратиться на дачу; но все было напрасно. Тотъ стоялъ упорно въ своемъ рѣшеніи, и на множество доказательствъ и увѣщаній, повторялъ одинъ и тотъ-же краткій отвѣтъ: »Ich can nicht Mynheer!«

Есть пословица: *маленькій горшокъ скорѣй закипитъ* (little pot and soon hot); терпѣніе Доктора истощалось; упрямый отказъ Клауса Гоппера казался ему бунтомъ, возмущеніемъ; Докторъ разгорячился, зашумѣлъ, посыпалась брань и Клаусъ — давай Богъ ноги!

Digitized by Google

Когда прибѣжалъ онъ въ комнату Фрау Илзе, тамъ собрались уже Питеръ Грудтъ и нѣсколько другихъ вѣрующихъ въ привидѣнія и готовыхъ слушать его. Тогда Клаусъ вознаградилъ себя за принужденіе въ комнатѣ Доктора и высыпалъ цѣлыя исторіи о Заколдованномъ домѣ, изумившія всѣхъ слушателей. Ключница повѣрила-бы всему ужь за то одно, что Докторъ такъ неучтиво принялъ ея извѣстія. Питеръ Грудтъ все подтверждалъ своими разсказами о чудесныхъ преданіяхъ изъ временъ первыхъ Голландскихъ поселенцовъ въ Америкѣ, повѣстью о Бѣсовомъ камнѣ, о морскомъ разбойникѣ, повѣшенномъ на Гиббетовомъ островѣ и долго болтавшемся на воздухѣ, когда уже и слѣдовъ висѣлицы не было, о тѣни Губернатора Лейслера, повѣшеннаго за измѣну и по ночамъ бродившаго по крѣпости и въ домѣ губернаторскомъ. Говорливые собе сѣдники разошлись нагрузившись самыми страшными разсказами. Ключарь выгрузилъ свои разсказы въ совѣтѣ приходскихъ старшинъ, бывшемъ въ тотъ-же самый день; кухарка забыла свою кухню и все утро пробыла и проговорила у колодца, куда отправилась за водою и гдѣ было сборное мѣсто кухарокъ и служанокъ, сносившихъ со всего города вѣсти. Въ нѣсколько часовъ весь городъ заговорилъ о Заколдованномъ домѣ. Одни утверждали, что Клаусъ Гопперъ лично видѣлъ

Digitized by Google

тамъ самого домоваго дѣдушку; другіе повторяли, что весь домъ набитъ былъ выходцами съ того свѣта, которыхъ Докторъ отправилъ туда своими микстурами, и что потому-то онъ самъ не осмѣливался жить въ Заколдованномъ домѣ.

Какъ бѣсился Докторъ, слыша и зная все это! Онъ грозилъ мщеніемъ тому, кто осмѣлится унижать достоинство его владѣнія нелѣпыми бреднями; горько жаловался, что его безславятъ, разсказывая глупыя сказки; но въ тайнѣ рѣшался наконецъ позвать Доминуса и черезъ него постараться освободить домъ свой отъ безпокойныхъ гостей. Какъ-же велика была его радость, когда среди шума и досады, Дольфъ выступилъ впередъ и спокойно предложилъ, что онъ хочетъ ночевать въ Заколдованномъ домѣ. Дольфъ слышалъ всѣ разсказы Клауса Гоппера и Пиппера Грудша; онъ искалъ приключеній, любилъ чудесное и его воображеніе разыгралось отъ слышанныхъ странныхъ исторій. Притомъ ему такъ надоѣло житье у Доктора и раннее вставанье поутру, что онъ восхищался, думая, какъ будетъ онъ самъ господинъ въ цѣломъ домѣ, хотя-бы домъ полонъ былъ домовыми. Предложеніе принято охотно; условились, что Дольфъ отправится на стражу въ эту-же самую ночь. Одного просилъ онъ; скрыть его предпріятіе отъ матери! Дольфъ зналъ, что добрая старушка не уснетъ всю ночь,

Digitized by Google

когда провѣдаетъ, что сынъ ея отправился на войну съ мертвецами.

Наступила ночь; начали снаряжать Дольфа на его опасное предпріятіе. Старая Негритянка, кухарка, единственный другъ его въ цѣломъ домѣ, приготовила ему въ дорогу кое-что поужинать и ночную свѣчку, а потомъ повѣсила ему на шею какую-то ладанку, подаренную ей Африканскимъ колдуномъ, за самое вѣрное средство противъ злыхъ духовъ. Дольфа сопровождали Докторъ и Питеръ Грудтъ, согласившійся идти съ нимъ до Заколдованнаго дома и оставить его въ добромъ здоровьѣ. Ночь была темная, хоть глазъ выколи, когда трое странствователей приближились къ ужасному мѣсту. Ключарь шелъ впереди и свѣтилъ; но въ акаційной аллеѣ, свѣтъ фонаря, перебѣгавшій съ куста на кустъ и съ дерева на дерево, часто заставлялъ безстрашнаго Питера трепетать и пятиться на своихъ товарищей. Докторъ, держась за Дольфову руку, замѣчалъ только, что дорога была скользка и неровна. Едва было не обратились всѣ они въ бѣгство, когда летучая мышь пропорхнула мимо фонаря, въ то время, какъ шучи жуковъ, около деревьевъ, и лягушка, въ ближнемъ прудѣ, составляли печальное, усыпительное пѣснопѣніе.

Дверь въ домъ отворилась съ такимъ скрыпомъ, что Докторъ поблѣднѣлъ. Странствователи вошли въ большія сѣни,

Digitized by Google

какія обыкновенно бываютъ въ загородныхъ домахъ Американцовъ и въ теплое время служатъ имъ комнатою для общаго семейнаго сбора. Отсюда поднялись они по широкой лѣстницѣ, которая скрыпѣла и пищала подъ ихъ ногами и у которой каждая ступенька издавала особенный звукъ, точно какъ струны на клавикордахъ. Лѣстница привела къ другимъ сѣнямъ, во второмъ этажѣ, изъ которыхъ всѣ вошли въ комнату, гдѣ Дольфу опредѣлено было ночевать. Комната была большая и нѣкогда, какъ замѣтно, хорошо меблированная и съ закрытыми ставнями; но какъ ставни большою частію были изломаны, то вѣтеръ свободно разгуливалъ въ комнатѣ. Видно было по всему, что это была та комната, которую Голландскія хозяйки называютъ *главною спальнею*, гдѣ ставятъ лучшую мебель и гдѣ почти никогда и никто не спитъ. Великолѣпіе этой спальни было постигнуто полнымъ разрушеніемъ. Тутъ валялись только обломки мебелей; по срединѣ стоялъ сосновый столъ, а подлѣ него огромныя кресла, все это, вѣроятно, современное построенію дома. Каминъ въ комнатѣ былъ большой и сдѣланъ изъ Голландскихъ изразцовъ, съ разными изображеніями, но нѣкоторые изъ нихъ выпали и завалили полъ камина. Ключарь засвѣтилъ свѣчку и Докторъ боязливо оглядывая комнату, увѣщавалъ Дольфа не робѣть, быть твердымъ, какъ

Digitized by Google

вдругъ раздался въ каминѣ шумъ, какъ будто тамъ спорили и дрались: ключарь обезпамятѣлъ отъ ужаса, бросился бѣжать съ своимъ фонаремъ, Доктоpъ за нимъ, ступеньки заскрыпѣли и запищали подъ ихъ ногами и умножили страхъ бѣгущихъ. Они захлопнули за собою дверь на улицу и Дольфъ слышалъ, какъ спѣшили они по аллеѣ, какъ шорохъ шаговъ ихъ пропадалъ въ отдаленіи. Что Дольфъ не присоединился къ ихъ поспѣшному уходу, можетъ быть произошло отъ того, что онъ былъ похрабрѣе своихъ товарищей, или что открылъ причину ихъ ужаса въ ласточкиномъ гнѣздѣ, упавшемъ въ каминъ сквозь трубу.

Теперь Дольфъ оставленъ былъ одинъ одинёхонекъ, сошелъ внизъ, обезопасилъ себя тѣмъ, что заперъ внѣшнюю дверь на крюкъ и на засовъ; осмотрѣлъ: заперты-ли всѣ другіе входы, и возвратился въ свою опустошенную комнату. Здѣсь вынулъ онъ изъ корзинки запасъ, положенный въ нее доброю старою кухаркою, поужиналъ, заперъ ключемъ свою комнату, и наконецъ легъ на тюфякъ, разостланный въ одномъ углу. Ночь была тиха и спокойна; ничто не прерывало глубокой тишины, кромѣ чириканья сверчка, въ дальней комнатѣ. Свѣчка, стоявшая на серединѣ сосноваго стола, бросала самый слабый свѣтъ, едва освѣщая комнату и рисуя на стѣнахъ не-

Digitized by Google

ровныя тѣни отъ платья Дольфова, брошеннаго имъ на спинку одного стула.

При всей бодрости Дольфа, было что-то страшное въ зрѣлищѣ опустошенія, его окружавшемъ, и онъ почувствовалъ, что смѣлость его уменьшается, когда поглядѣлъ на свою бѣдную постелю и хорошо осмотрѣлся въ комнатѣ. Онъ началъ думать о прежней своей безпечности, о томъ, что ждетъ его впереди, глубоко вздыхая отъ времени до времени, когда вспоминалъ притомъ о доброй старой матери своей. Тишина и мракъ ночи невольно наводятъ мрачныя думы на самую безстрашную душу. Но, вотъ! Дольфъ чувствуетъ, Дольфъ слышитъ. . . . Точно: внизу кто-то ходитъ! Дольфъ слушаетъ и ясно различаетъ шаги по лѣстницѣ: кто-то тяжело, ровно ступаетъ по ступенькамъ: *тукъ*, *тукъ*, *тукъ!* Это была явно походка какого-то тяжелаго существа; но какъ оно могло зайдти въ домъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго шума? Дольфъ самъ осматривалъ всѣ входы и былъ увѣренъ, что все заперто. Онъ думаетъ — а шаги приближаются: *тукъ*, *тукъ*, *тукъ!* Явно, что подходящее существо не воръ, не разбойникъ: оно ступаетъ такъ свободно, такъ небрежно и тяжело; воръ крался-бы иначе, тихо, осторожно. Но вотъ ужъ шаги слышны на верху лѣстницы; они идутъ по верхнему этажу, отзываясь въ тихомъ обширномъ зданіи: самый свер-

Digitized by Google

чокъ прекратилъ свой унылый напѣвъ: ничто не развлекаетъ ужасающаго стука шаговъ. Дверь въ Дольфову комнату, запертая изнутри, тихо, медленно отворяется сама собою: шаги вступаютъ въ комнату, хотя ничего и никого не видно. Шаги идутъ по комнатѣ, тихо, но явно увеличиваясь: *тукъ, тукъ, тукъ!* Но то, что производило стукъ этотъ, было невидимо. Дольфъ проширяетъ свои глаза, смотритъ изъ всѣхъ силъ; онъ можетъ видѣть всѣ уголки въ полуосвѣщенной своей комнатѣ: все пусто, ничего не видно. . . Но онъ явно слышитъ таинственные шаги, расхаживающіе кругомъ по комнатѣ. Вдругъ они не слышны: прежняя тишина и молчаніе! Ужасное что-то было въ этомъ невидимомъ посѣщеніи, такъ, что все страшное - *видимое* не могло-бы произвесть подобнаго страха. Тутъ было что-то неопредѣленное, необыкновенное. Дольфъ слышалъ, какъ сердце его колотилось въ ребры, холодный потъ выступилъ у него на лбу и нѣсколько минутъ состояніе его было неизобразимо. . . .

(До слѣд. книжки.)

Digitized by Google

II. СМѢСЬ.

Отрывки писемъ изъ Парижа.

. . . . Журналы Французскіе ограничиваютс нынѣ толками о прибывшемъ сюда изъ Египта *Жи рафѣ*. Вниманіе публики обратилось еще на дикихъ, пріѣхавшихъ сюда съ береговъ Миссисипи или Мис сури (одинъ Журналистъ сказалъ вчера: Les chat ne les aiment qu'à demi, parce qu'ils sont *demi - souri* (de Missouri). Съ утра до вечера непроходима толпа стоитъ подъ окнами сихъ дикарей, хоти одинъ изъ нихъ, въ первый день прибытія своего не очень благосклонно попотчивалъ толпу любо пытныхъ. Учтивые Парижане, покричавъ немного утихли и продолжаютъ толпиться подъ окошкам ихъ. Я видѣлъ дикарей сихъ въ театрѣ, гдѣ он пили за здоровье публики, привѣтствовавшей их сильнѣйшими рукоплесканіями.

Французская Литтература мало обогащаетс новыми произведеніями, особенно Поэзія совершенн увядаетъ; нѣсколько стишковъ, самыхъ посредствен ныхъ, въ пользу Грековъ, произведенія доселѣ нико му неизвѣстныхъ стихотворцовъ, составляютъ по блекшій репертуаръ Французскаго Парнасса. Вкус публики рѣшительно остановился на Запискахъ (Mémoires); назову замѣчательнѣйшія: 1-е, *Увара* бывшій Генералъ-Интенданть Французской арміи содержась въ тюрьмѣ за разныя взятки и начеты на досугѣ издаетъ свои Записки; первыя части вышли и любопытны по сношеніямъ Увара съ за мѣчательнѣйшими особами политическаго міра; сверх

того, писаны съ большимъ талантомъ. 2-е *Mémoires du C-te de Beausset, Prefet du Palais de Napoléon.* Если кто любопытенъ знать, какъ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ бывшій Императоръ Французовъ, тотъ можетъ въ сей книгѣ почерпнуть подробныя свѣдѣнія по сему предмету; есть нѣкоторые отрывки довольно занимательные, но вообще книга отзывается кухнею. — 3-е *Mémoires d'une contemporaine.* Какая-то женщина, бывшая, по словамъ ея, свидѣтельницею значительнѣйшихъ событій нашего вѣка, съ ребяческимъ чистосердечіемъ разсказываетъ всѣ свои любовныя и другія похожденія, называя по именамъ всѣхъ людей, съ коими она была въ тѣсныхъ связяхъ; многіе изъ нихъ нынѣ устарѣли и занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ; современница безъ жалости открываетъ заблужденія и шалости ихъ молодости. Хотя она и утверждаетъ, что перомъ ея управляла истина, но я не очень вѣрю ея разсказамъ; болѣе-же всего возбуждаетъ мое сомнѣніе описаніе ея происхожденія: она называетъ себя Венгеркою и говоритъ, что происходитъ отъ знаменитой фамиліи, что она дочь *Графа Толстаго* и ближайшая родственница многихъ Польскихъ Старостъ, что она была за мужемъ за Голландцомъ фонъ М. — Не взирая на все это, книга имѣетъ большой успѣхъ. — На Французскомъ театрѣ появилась новая пьеса подъ заглавіемъ: *Emilio ou la folle.* Марсъ играетъ въ ней съ неописаннымъ совершенствомъ: она ужасна и неподражаема! Особенно въ послѣднемъ дѣйствіи, признаюсь, волосы мои не разъ становились дыбомъ и я млѣлъ отъ ужаса при видѣ Марсъ, въ образѣ бѣшеной женщины. Если-бъ мнѣ предложили нарочно ѣхать изъ Москвы въ Па-

Digitized by Google

рижъ съ тѣмъ, чтобы только видѣть дѣвицу Марсъ въ этой пьесѣ и возвратиться назадъ, я тотчасъ бы согласился.

Я. Т.

Литературныя извѣстія.

Вотъ замѣчательныя новости изъ иностранныхъ журналовъ. »Съ удовольствіемъ узнали мы,« пишутъ въ одной Англійской газетѣ, »вѣроятно и читатели также съ удовольствіемъ узнаютъ отъ насъ, что В. Скоттъ, занимаясь огромнымъ историческимъ сочиненіемъ своимъ, для отдыха, продолжалъ и кончилъ новый романъ свой, коимъ начнется особенный отдѣлъ его романовъ, подъ названіемъ: *Канонгетскія Лѣтописи* (the Chronicles of the Canongate). Романъ будетъ изданъ въ Октябрѣ сего года и вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ выданъ будетъ еще другой романъ В. Скотта, подъ названіемъ: *Дѣдушкины повѣсти* (Tales of Grandfather), коего содержаніе взято изъ Шотландской Исторіи.«

Одинъ молодой Французъ, живущій въ Веймарѣ, пишетъ слѣдующее о славномъ Гёте. »Великому Поэту Германіи совершилось нынѣ 80 лѣтъ; но я видѣлъ его нѣсколько разъ въ домашнемъ кругѣ и по нѣскольку часовъ слушалъ, какъ Гёте говорилъ, соединялъ съ опытнымъ и необыкновеннымъ умомъ старца убѣдительное краснорѣчіе и жаръ юноши. Гёте, съ сѣдыми волосами и въ бѣломъ, какъ снѣгъ, шлафрокѣ своемъ, окруженный внучатами, играющими съ нимъ, похожъ на древняго Патріарха. Онъ многое разсказывалъ намъ о томъ, что *сдѣлалъ* донынѣ и что *хотѣлъ сдѣлать*. Легко замѣтите, что

Digitized by Google

Гёте дорожитъ своею славою, не вникъ не оскорбляется, потому, что въ то же время видитъ, какъ отдаетъ онъ справедливость другимъ. Онъ разсказываетъ съ чувствомъ о Шиллерѣ; съ почтеніемъ говоритъ о Лафонтенѣ и Мольерѣ; удивляется Гоголи; наизусть читаетъ пѣсни Беранже и знаетъ все, даже Парижскіе водевили нынѣшніе. — Я читалъ въ рукописи новое, необыкновенное твореніе Гёте, которое скоро будетъ напечатано; онъ началъ его, будучи 77 лѣтъ: это дополненіе къ *Фаусту*, которое самъ Гёте называетъ фантасмагоріею, и мнѣ кажется, это сочиненіе непереводимо. Между страннымъ и темнымъ, какая глубокость и поэзія! Не могу сказать вамъ, что это такое: отъ осады Трои до паденія Миссолунги, Греческая Миѳологія, средніе вѣки, Байронъ — все находится тутъ: это видѣніе великой, самобытной души!« —

Журналистика.

У насъ являются отъ времени до времени жалобы на изобиліе Журналовъ. Приводя въ доказательство довольно прозаическіе стихи:

. . . Вижу я въ странѣ моей родной,
Журналовъ тысячи, а книги ни одной,

жалобщики утверждаютъ, что бѣдные *Журналы* Русскіе виноваты въ неурожаѣ *книгъ* на почвѣ отечественной Литературы. Основательно-ли это говорится? Всего навсе выходитъ теперь въ Россіи *шесть* литературныхъ журналовъ, и тѣ не вполнѣ литературные (всѣ-же другіе опредѣлены

Digitized by Google

на службу совершенно по какой нибудь отдѣльной части наукъ и знаній, и по существу своему мѣшать литературѣ не могутъ); во всѣхъ, на двѣ оригинальныя статьи, вѣрно, восемь переводныхъ; спрашиваемъ: каково-же мнѣніе жалобщиковъ о Литературахъ нашихъ, когда такое укромное поприще журнальное полагаютъ они главною причиною паденія Литературы (если только *было* *чему* падать)? Можно-бы поспорить съ ними и о томъ: точно-ли Журналы вредятъ успѣхамъ Литературы. Но дѣло не въ этомъ спорѣ; мы сказали о Русскихъ журналахъ мелькомъ, и хотимъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

Если есть гдѣ раздолье *Журналистикѣ*, то это въ Англіи. По вѣрному счету, въ концѣ прошлаго года, въ Лондонѣ и Эдимбургѣ, главныхъ пунктахъ Англійской Журналистики, выдавалось болѣе *сорока* Газетъ и до *ста пятидесяти* Журналовъ, на нѣсколькихъ языкахъ. Это покажется для насъ неимовѣрнымъ; но между тѣмъ совершенная правда. На Газеты въ Англіи употреблялось еженедѣльно, въ 1826 г., 570,000 листовъ; надобно припомнить, что листы Англійскихъ Газетъ вдвое болѣе Французскихъ и нашихъ Русскихъ, печатаются въ 4—5 колоннъ, самымъ мѣлкимъ шрифтомъ и что съ нихъ берется большая пошлина; но каковъ-же расходъ на Газеты, когда Перри, Издатель *Утренней Лѣтописи* (Morning Chronicle) продалъ, въ 1819 году, право на изданіе сей Газеты за 100 т. ф. ст. (2,500,000 рублей)! Впрочемъ, Газеты, гдѣ пишутъ о политикѣ и всякой всячинѣ, гдѣ находятся извѣстія обо всемъ, начиная съ тайнъ всего свѣта, до послѣдней драки на Лондонскихъ ули-

Digitized by Google

цахъ, читаются всѣми, и неди́во, если послѣдній поденьщикъ въ Англіи отдаетъ трудовой пенсъ свой за листокъ Газеты; количество и сбытъ Журналовъ Англійскихъ кажутся намъ болѣе удивительны. Надобно-бъ быть худу съ Англійской Литтературой, если Журналы точно вредятъ литтературѣ; но въ Англіи она цвѣтетъ и благоденствуетъ, а журналы, сдѣлавшись общественною потребностію, находятъ себѣ многочисленныхъ читателей. Вотъ краткій обзоръ Англійской Журналистики за 1826-й годъ. Извѣстія выбираемъ мы большею частію изъ Журналовъ Франц. и Нѣмецкихъ, ибо Англійскихъ Журналовъ донынѣ до насъ доходитъ немного, вѣроятно, по безмѣрной дороговизнѣ ихъ (*). Въ Англіи они не слишкомъ дороги, но перевозка набиваетъ цѣну.

Всѣ Англійскіе Журналы вообще можно раздѣлить, по времени изданія ихъ, на три части: одни выходятъ *черезъ три мѣсяца*; другіе *каждый мѣсяцъ*; третьи *каждую недѣлю*. По содержанію своему дѣлятся они: на журналы, *посвящаемые одному какому-либо предмету* и на *политическо-литтературные или критическіе*.

Поговоримъ о послѣднихъ: они гораздо важнѣе и народнѣе первыхъ и кругъ читателей ихъ обширнѣе и многообразнѣе. Всего болѣе придаетъ имъ живости ихъ взаимная оппозиція. Извѣстны двѣ партіи, давно раздѣляющія политиковъ Англіи на *Виговъ* и *Торіи*; сіи партіи находятъ себѣ поборни-

(*) Вотъ цѣны нѣкоторыхъ Газетъ Англійскихъ въ Москвѣ, съ выпискою черезъ почту: The Courier 750; The new Times 750; British Press 700; Evening Mail 400; The Globa 700; The Morning Herald 700; The Observer 400; The Statesman 700; The Sun 700.

Digitized by Google

ковъ въ разныхъ Журналахъ, жарко спорятъ и пишутъ. Нѣсколько Журналовъ держатъ неутралитетъ; есть и другія частныя измѣненія. Политическое направленіе отзывается въ литературномъ духѣ почти каждаго Англійскаго Журнала.

Изъ всѣхъ заслужившихъ болѣе другихъ славы и уваженія должно почесть первымъ извѣстное *Эдинбургское обозрѣніе* (The Edinburgh Review). Оно выходитъ въ Эдинбургѣ, черезъ три мѣсяца, книжками, листовъ въ 15. Его началъ Джефферн съ товарищами; въ 1804 г. — Въ 1817 году расходилось его 12,000 Экземпляровъ; теперь расходится болѣе 15,000. Въ Обществѣ, издающемъ Журналъ сей, всегда участвовали главнѣйшіе *Виги*, и нынѣ участвуютъ въ немъ Брумъ, Макинтошъ и многіе славные писатели Англіи. Книжки состоятъ изъ большихъ рецензій и, рѣдко, статей о политикѣ, Политической Экономіи, и т. п. — Книгъ въ рецензіи входитъ немного; но разнообразіе выбора и особенный образъ критики, особенный способъ писать статьи о книгахъ, раздвигая объемъ воззрѣнія на сущность предмета и удаляя подробности, даетъ Журналу великую важность. Полное собраніе *Эдинб. обозрѣній* драгоцѣнно, и первые годы его донынѣ нѣсколько разъ были перепечатаны. Журналъ страшенъ своимъ ученымъ критическимъ трибуналомъ и его не могло уронить даже грозное перо Байрона, когда Издатели отозвались невыгодно о первыхъ сочиненіяхъ Поэта. Направленіе Эд. обозр. обращено было прежде явно къ сторонѣ Виговъ или конституціонной; но со времени принятія должности главнаго Редактора Макъ-Колокомъ, извѣстнымъ сочиненіями своими о

Digitized by Google

Политической Экономіи, Журналъ въ политикѣ сдѣлался умѣреннѣе. — Джеффери, человѣкъ неуступчивый, вспыльчивый, самъ былъ причиною появленія сильнаго Литературно-Политическаго противника. The Quarterly Review, составился въ 1812 году, когда одинъ изъ сотрудниковъ Edinb. Rev. Джиффордъ, поссорился съ Эдимбургскою редакціею и рѣшился основать отдѣльный журналъ, совершенно предавшійся партіи *Тори*, или Аристократической. Сей Журналъ съ тѣхъ поръ выходитъ въ Лондонѣ, огромными книжками, также четыре раза въ годъ, и вообще въ расположеніи и образѣ статей совершенно сходно съ своимъ родоначальникомъ Обозрѣніемъ Эдимбургскимъ: одни рецензіи составляютъ и здѣсь всю сущность. Джиффорда смѣнилъ въ редакціи Колериджъ, извѣстный врагъ Байрона и странный Поэтъ. Нынѣ главный Редакторъ, зять В. Скотта, Локкардъ. Вмѣстѣ съ нимъ работаютъ придворный Поэтъ Сутей, Кракеръ, Мильманъ и многіе другіе извѣстные люди. Число подписчиковъ простирается до 12,000. Критика и голосъ сего изданія уважаются въ Англіи, хотя иногда аристократизмъ дѣйствуетъ сильно на Издателей. Все старое, все феодальное находитъ себѣ сильную защиту въ Quarterly Review, для котораго, слова: *иностранное* и *новое*, синонимы худаго и негоднаго.

На такомъ-же точно планѣ и расположеніи, какъ Эдимбургское и Лондонское Обозрѣнія, основалось въ 1824 году, по всѣмъ догадкамъ подъ покровительствомъ Каннинга, совершенный противникъ того и другаго Журнала, *Вестминстерское Обозрѣніе* (Westminster Review), къ которому при-

Digitized by Google

совокупились сильные реформаторы Англійской Политики и Литературы: Бентамъ, Милль, Боурингъ, Плась и проч. Самъ Каннингъ писалъ по нѣскольку статей въ годъ для сего Журнала, и потому статьи политическаго содержанія въ семъ журналѣ почитались Англичанами почти полуоффиціяльными.

Вотъ три главные атлета Англійской Журналистики. На нихъ обращено всеобщее вниманіе Англіи; появленія ихъ книжекъ трепещутъ поэты и прозаики, ждутъ министры, члены Парламента, ученые люди, простые читатели. Нѣсколько тысячъ экземпляровъ ихъ разлетается по всему свѣту отъ Бенгала до Канады и отъ Архангельска до Новой Голландіи. Всѣ другіе соперники сихъ великановъ на журнальномъ поприщѣ, или слишкомъ новы, или меркнутъ передъ блескомъ Журнальнаго Триумвирата Великобританіи. Но часто управляемые духомъ партій, три соперника входятъ въ споры и впадаютъ въ противорѣчія. Разумѣется, что просвѣщенные читатели знаютъ, чему въ нихъ вѣрить: они покупали Байроновы поэмы, хотя ихъ бранилъ Эдимб. обозрѣніе, и восхищались Каннингомъ, хотя Quarterly Review отпускало на него колкія стрѣлы. Нѣсколько разъ было однакожъ предпринимаемо противопоставить всѣмъ тремъ Обозрѣніямъ, диктаторствующимъ въ литературѣ и политикѣ Англійской, сильную оппозицію истины. Индійскіе мудрецы говорили, что истина сидитъ въ какомъ-то колодцѣ, а Греческіе поэты заставляли ее давнымъ-давно улетать въ Элизій; по крайней мѣрѣ всѣ покушенія оппозиціи во имя истины, въ этомъ случаѣ, донынѣ были неудачны: *безпристрастные*

Digitized by Google

Журналы казались безцвѣтны, сухи и вялы для Англичанъ всѣхъ партій и умирали недолговѣчные. Такъ, въ 1826 г., скончалось *Европейское обозрѣніе* (The European Review), которое издавалось сначала каждый мѣсяцъ, а потомъ объявило себя *ни Вигомъ, ни Тори, ни Радикаломъ*», сдѣлалось трехъ-мѣсячнымъ и умерло за неимѣніемъ подписчиковъ. Болѣе надѣются на успѣхъ начатаго Обществомъ молодыхъ Литераторовъ, въ прошломъ году: The Quarterly metropolitan Magazine, въ которомъ Издатели рѣшились не спускать ни одному пристрастію, ни одному несправедливому мнѣнію. Съ первой книжки они указали Quarterly Review на его излишнее пристрастіе ко всему Англійскому и неуваженіе ко всему иностранному и *Блаксвудскому Магазину* (о которомъ мы скажемъ послѣ), на его бранчивость и личности. Впрочемъ, по началу судить трудно.

Другіе трехъ-мѣсячные журналы, предназначенные Политикѣ и Литературѣ, суть: The Reprospective Review (изд. въ Лондонѣ съ 1823 года), *Журналъ прошедшаго*, какъ называютъ его другіе Журналы. Мысль Издателей: указывать на все старое, достойное вниманія и забытое. Говорятъ, что много любопытнаго въ забытомъ показываютъ Издатели; но прочитавъ заглавія тѣхъ книгъ, о которыхъ почли они заблаго напомнить читателямъ въ 14-ти книж., вышедшихъ по 1827 годъ, какъ-то сомнѣваешься въ этомъ. — *Британское Обозрѣніе* (The British Review) и *The Quarterly Magazine*, Лондонскіе Журналы, предназначенные, какъ и три главныя Обозрѣнія, Литературѣ и Политикѣ и *Альбомъ* (The Album), долженствовавшій вмѣщать въ себѣ

Digitized by Google

Политику между сказокъ, басенъ, стиховъ и рецензій, были въ немилости публики съ самаго появленія и оба послѣдніе Журнала уже погибли въ дѣтскомъ возрастѣ; Британское обозрѣніе еще держится, но слабо. Издатели сихъ Журналовъ люди совсѣмъ неизвѣстные и Журналы ничѣмъ не были отличены. Наконецъ, еще недавно явился новый трехъ-мѣсячный Журналъ, который можетъ понравиться страннымъ планомъ. Издатели собираютъ всѣ брошюры и отдѣльно напечатанныя небольшія политическія сочиненія, рѣчи и проч., и тутъ являются на сцену Бурдетъ, Прадтъ, Брумъ, Б. Констанъ, Шатобріанъ, Курье и проч. и проч. Имя Журналу дано сообразно содержанію: The Pamphleteer (*Памфлетёръ*).

Выходцы изъ Испаніи и изъ Южной Америки нѣсколько разъ принимались въ Англіи издавать Журналы на своемъ родномъ языкѣ, и съ 1826 года образовали наконецъ два трехъ-мѣсячные: *El Repertorio Americano* (Американское собраніе) и *Correo literario y politico de Londres* (Литтературн. и политическ. Лондонскій Вѣстникъ). Они помѣщаютъ въ нихъ собственныя сочиненія, стихи и прозу, переводы избранныхъ Франц. и Англійскихъ статей, политику и проч.

(Будетъ продолженіе.)

Журнальный сыщикъ.

Digitized by Google

Парижскія моды (*).

La plus renommée des danseuses du Ranelagh avait dernièrement dans les cheveux des paquerettes bleues à très-longue tige. Ces fleurs étaient placées entre les hautes boucles qui formaient le noeud d'Apollon. La robe, en mousseline anglaise, à raies blanc sur blanc, n'avait dans sa partie inférieure, qu'un ourlet; mais le corsage à gerbe était bordé d'un volant. Un large poignet à cinq boutons fermait des manches longues en tulle, froncées sur l'avant-bras.

Beaucoup de jeunes personnes avaient des roses, ou des reines-marguerites sur les cheveux; d'autres, de la tubéreuse ou du jasmin d'Espagne monté en guirlande. Presque toutes portaient de grosses touffes de cheveux neigés sur les tempes. Il faut excepter quelques étrangéres, en cheveux lisses sur le front, et à l'enfant par derrière.

Les robes étaient presque toutes blanches ou couleur de rose; quelques unes étaient bleues, quelques autres jaunes.

De très-jolies femmes, des toilettes extrêmement fraîches, les plus beaux cachemires, les plumets renoués de la plus grande dimension, des canezous de tulle brodé en reprises, des mantilles à bouts carrés brodées au plumetis et à palmes de cachemire en coton blanc; des chapeaux ornés de fleurs volumineuses et de coques de rubans accolés; des robes de gros de Naples avec biais retroussé et dentelé en haut; voulà ce qu'offrai Tivoli le 7 septembre. Comme pour servir de pendant au manteau de la dernière fête extraordinaire, une dame, en rose vif de la tête aux pieds, avait un boa de martre.

На послѣднемъ балѣ въ Раннелагѣ, знаменитѣйшая танцовщица сего собранія явилась съ голубыми маргаритками на головѣ, укрѣпленными на весьма длинныхъ спебелькахъ. Цвѣты сіи были рас-

(*) До 15 Сентября (н. с.) 1827 г.

Digitized by Google

положены между высокими буклями, составлявшими узелъ Аполлоновъ. Платье изъ Англійской кисеи, съ бѣлыми по бѣлому полосами, внизу было обшито просто; но корсажъ платья, сдѣланный снопомъ (à gerbe), обшитъ былъ воланомъ. Длинные, тюлевые рукава, съ неровными складками (fronćes) на передней части рукъ были застегнуты пятью пуговицами, составлявшими широкое запястье.

У многихъ молодыхъ особъ были на головахъ розы, или Королевины астры; у нѣкоторыхъ туберозы, или Испанскій жасминъ, гирляндою. Почти у всѣхъ волосы на вискахъ были большими пуками, какъ снѣгъ напѣянными. Только у нѣкоторыхъ иностранныхъ дамъ волосы напереди головы были причесаны гладко, а назади *à l'enfant*.

Цвѣта платьевъ были главные: бѣлый и розовый; немногія платья замѣчены голубыя и желтыя.

Парижскій Издатель Моднаго Журнала, говоря о праздникѣ въ Тиволи, начинаетъ комплиментомъ гостьямъ: »На гуляньѣ въ Тиволи, 7 Сентября, мы видѣли прелестныхъ дамъ, новѣйшіе наряды, самыя красивыя шали, крученые плюмажи величайшаго размѣра, канезу изъ тюля, вышитаго уступами; манишльи съ четвероугольными концами, вышитыя бѣлою хлопчатою бумагою, въ видѣ перьевъ и шалевыхъ узоровъ; шляпки, убранныя огромными цвѣтами и пуками соединенныхъ лентъ (accolés), платья гроденаплевыя съ подогнутымъ косякомъ, зубчатымъ въ верху. Какъ-бы для сообразности съ плащемъ, замѣченнымъ на послѣднемъ праздникѣ, одна дама, вся въ яркорозовомъ нарядѣ, была сверхъ того въ шумаковомъ *боа*.

На приложенной картинкѣ:

Креповая шляпка, убранная перьями и газовыми лентами. Кисейное платье, убранное воланами и тюлевыми прошивками. Поясъ изъ ленты.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Піемонтская кампанія Французовъ, въ 1796 году (*).

(Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, сочин. В. Скоттомъ.)

Самъ Наполеонъ замѣтилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ страны, у которой естественные предѣлы были-бы опредѣлены съ большею точностью, какъ предѣлы Италіи. Альпійскія горы кажутся оплотомъ, воздвигнутымъ самою природою; исполинскими буквами, кажется, она начертала на нихъ: »Здѣсь остановится честолюбіе!« Между тѣмъ, это протяженіе горъ не могло удержать Римлянъ, перешедшихъ его громить свѣтъ, и со временъ Аннибала оно всегда оказывалось недостаточнымъ

(*) Статья присланная, за которую Издатель Телеграфа поставляетъ долгомъ благодарить Г-на Переводчика.

Digitized by Google

для защиты Италіи отъ нападеній. Французы, въ эпоху нами описываемую, дѣйствительно говорили объ Альпахъ, какъ объ естественныхъ предѣлахъ Италіи, для того, что-бы имѣть право объявить частію своихъ владѣній все, что находится на западъ отъ сихъ горъ; но они не думали почитать Альпы предѣломъ, когда дѣло шло о захваченіи земель отъ государствъ, на сей границѣ, или за нею находившихся. Французы провозглашали законъ естественныхъ предѣловъ, какъ неотвержимое правило, когда былъ онъ въ пользу Франціи, и никогда не позволяли ссылаться на него вопреки ихъ выгодамъ.

Въ войнахъ революціонныхъ удача сраженій измѣнялась, отъ времени до времени, въ сосѣдствѣ Альповъ, сихъ важныхъ оплотовъ Италіи. Король Сардинскій имѣлъ въ своей власти почти всѣ крѣпкія мѣста, повелѣвавшія дефилеями. Это заставляло говорить, что Король носитъ ключи Альпійскихъ горъ на своемъ поясѣ. Онъ потерялъ, правда, Савойское Герцогство и Графство Ниццу въ послѣднюю кампанію; но стоялъ еще противъ Французовъ съ значительнымъ войскомъ и былъ подкрѣпляемъ могущимъ союзникомъ, Императоромъ Австрійскимъ, всегда бдительными очами надзиравшимъ за богатою и прекрасною частію своихъ владѣній, простиравшихся на сѣверъ Италіи. Такимъ образомъ, границы Піемонта были закрыты

Digitized by Google

сильнымъ Австро - Сардинскимъ войскомъ, могшимъ противостать впаденію Французскаго войска, котораго Наполеонъ объявленъ былъ главнымъ начальникомъ. Войска Неаполитанскія также присовокуплены были къ силамъ союзниковъ, такъ, что число ихъ вообще далеко превосходило Французскія силы; но большая часть, составляя гарнизоны, заперлась по такимъ мѣстамъ, коихъ не льзя было оставить.

Можно вообразить горячность, съ какою полководецъ, едва - ли имѣвшій двадцать шесть лѣтъ отъ роду, двинулся на независимое поприще славы и завоеваній, полный довѣренности къ самому себѣ и съ совершеннымъ знаніемъ страны, приобрѣтеннымъ въ то время, когда своимъ искуснымъ планомъ военныхъ дѣйствій онъ далъ возможность Генералу Дюморбіону прогнать Австрійцовъ и завладѣть ущелиами Тенды и Саорджіо и проходами въ Высшихъ Альпахъ. Подвиги Бонапарте до сихъ поръ производимы были подъ начальствомъ другихъ: онъ располагалъ осадою Тулона, но къ заслугамъ Дюгомье отнесено было взятіе сей крѣпости; достоинствамъ Дюморбіона, какъ мы уже говорили, приписаны всѣ преимущества, полученныя въ Піемонтѣ, и даже, въ день 13 Вандеміера, видимыя заслуги Бонапарте остались второстепенными, помраченныя офиціальнымъ званіемъ Барраса, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ. Но если су-

Digitized by Google

ждено было Наполеону сорвать нѣсколько лавровъ въ Италіи, сіи лавры должны были принадлежать ему одному: какъ радостно билось честолюбивое сердце этого человѣка, идущаго на сихъ условіяхъ искать опасностей! Съ какимъ жаромъ проницательный умъ его долженъ былъ обсуживать и готовить средства успѣховъ!

Бонапарте особенно надѣялся на систему шантики, до того времени неизвѣстную, или по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ испытанную въ маломъ видѣ и весьма несовершенно. Здѣсь будетъ кстати остановиться и дать общее понятіе о началахъ военнаго искуства, которыя хотѣлъ онъ употребить въ дѣйствіе.

Народы въ дикомъ состояніи, ведя безпрерывную войну, всегда составляли себѣ особенный образъ военныхъ дѣйствій, приспособленный къ землѣ, ими обитаемой и оружію, ими употребляемому. Обитатель Сѣверной Америки бываетъ страшенъ своимъ ружьемъ, употребляя его, какъ стрѣлокъ. Онъ залегаетъ въ неприступныхъ лѣсахъ и испощаетъ всѣ хитрости нерегулярной войны, заводя въ обманъ непріятеля. Арабы, или Скиѳы, разсыпали по своимъ степямъ конныя войска, стараясь, какъ будто шучею, обхватить непріятеля и истребить его своими нечаянными нападеніями, поспѣшными отступленіями; неожиданнымъ манёвромъ соединясь вновь, опустошая страну во-

Digitized by Google

кругъ непріятеля, опибая обозы, они, нѣкоторымъ образомъ, приводили въ дѣйствіе родъ войны, приличный народу, превосходному своей легкою конницею.

Первый вѣкъ образованности бываетъ менѣе благопріятенъ успѣхамъ войны. По мѣрѣ того, какъ народъ успѣваетъ въ искуствахъ, плодахъ мира, и какъ характеръ воина перестаетъ быть совершенно неотдѣльнымъ отъ характера мирнаго гражданина, система естественной тактики перестаетъ быть употребляема, и когда впаденія чужеземцовъ, или междоусобныя войны, призываютъ жителей къ оружію, они стараются только встрѣтить своихъ непріятелей, ринуться на нихъ и предать обстоятельства сраженія превосходству силы, храбрости или числа. Можемъ видѣть примѣръ въ междоусобной войнѣ, бывшей въ Англіи, гдѣ люди обѣихъ партій сражались почти въ каждой области Королевства, безъ всякихъ соображеній, не думая соединяться, поддерживать себя взаимно и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы изъ отдѣльныхъ отрядовъ ихъ образовалось войско, превосходящее непріятелей силами. По крайней мѣрѣ, все то, на что покушались въ семъ родѣ дѣйствій, было производимо по самымъ грубымъ планамъ, ибо въ иномъ сраженіи, часть войска, одержавшая нѣкоторое преимущество, преслѣдовала своего непріятеля, сколько могла, не пользуясь своими успѣ-

Digitized by Google

хами и не поддерживая своихъ соратниковъ, еще непобѣдившихъ непріятеля, такъ, что иногда главный корпусъ одной и той-же арміи бѣжалъ разбитый, въ то время, когда одно изъ крыльевъ его побѣдоносно преслѣдовало непріятеля, дрогнувшаго отъ первой аттаки.

Но военное ремесло дѣлается наконецъ должностнымъ занятіемъ и предметомъ глубокаго изученія, и тогда мало помалу открываютъ, что основанія тактики утверждены на знаніяхъ математическихъ и что побѣда увѣнчаетъ полководца, могущаго соединить большее количество войска на одномъ пунктѣ и въ одно время, не смотря на числительно-меньшее количество войскъ. Никто лучше Наполеона не обладалъ геніемъ исчисленій и соображеній, необходимыхъ для направленія такихъ рѣшительныхъ манёвровъ.

Въ этомъ, дѣйствительно, состояла Наполеонова тайна (какъ называли ее нѣсколько времени): она заключалась въ воображеніи, обильномъ на такія средства, которыя никогда не пришли-бы въ голову другаго, въ ясности и точности плановъ, въ образѣ направленія движеній отдѣльныхъ колоннъ, съ увѣренностію полководца, что каждая изъ дивизій, долженствовавшихъ исполнить движенія, придетъ къ назначенному мѣсту въ ту самую минуту, когда ея дѣйствіе сдѣлается необходимо; наконецъ, тайна Наполеонова состо-

Digitized by Google

ла всего болѣе въ томъ глубокомъ знаніи, по которому возвышенный геній его умѣлъ выбрать для себя второстепенныхъ дѣйствователей, наиболѣе способныхъ, привязать ихъ къ себѣ, и изъясняя каждому изъ нихъ, что должно было ему знать изъ общихъ плановъ, быть чрезъ то увѣреннымъ въ исполненіи порученнаго, со всею врожденною способностію исполнителя.

Такимъ образомъ, манёвры Наполеона, какъ ни были они смѣлы, осуществлялись не только съ точностію, какой операціи военныя дотолѣ не достигали, но и съ быстротою, почти всегда имѣвшею дѣйствіе нечаянности. Наполеонъ молніей являлся передъ непріятелями, и когда повторенные опыты приучили ихъ къ удивительной быстротѣ его движеній, вышло, что часто ожидали его аттакъ въ положеніи сомнительномъ и нерѣшительномъ, когда съ меньшею остановкою, увидѣли-бы, что гораздо лучше предупредить его.

Великія пожертвованія были необходимы, дабы войска Французскія сдѣлать способными двигаться въ той степени скорости, какой требовали соображенія Бонапарте. Онъ не зналъ никакихъ затрудненій и неожиданныхъ препятствій. Время, вычисленное имъ для исполненія предписаннаго движенія, не долженствовало быть пропущено ни подъ какимъ

Digitized by Google

предлогомъ. Колонна могла бросать обозъ, усталыхъ людей, самую артиллерію, только-бы не опоздать на мѣсто своего назначенія. По сему-то, все, что до того времени почиталось необходимымъ, не только для здоровья, но для самого существованія войскъ, было большею частію изгнано изъ Французскихъ армій, и въ первый разъ увидѣли войска, кочующія, безъ палашокъ, безъ полевыхъ снарядовъ, безъ провіянтскихъ магазиновъ, безъ военныхъ лазаретовъ. Солдаты ѣли и спали какъ могли, умирали, гдѣ падали, но всегда двигаясь впередъ, всегда сражаясь и всегда побѣждая.

Справедливо, что сей отказъ отъ всего, кромѣ побѣды, увеличивалъ обыкновенные ужасы войны. Солдатъ, съ желѣзомъ въ рукѣ и безъ хлѣба, дѣлался мародёромъ и удовлетворялъ свои нужды грабежемъ; зло, имъ причиняемое, превышало удобства, какія онъ приобрѣталъ самому себѣ, ибо о военныхъ реквизиціяхъ можно сказать, что собирая ихъ, подражаютъ дикарямъ, рубящимъ дерево, когда хотятъ они снять съ него плоды. Между тѣмъ, хотя и дорого покупаемое, но было однакожъ въ системѣ сей быстрой тактики преимущество: вѣрно приобрѣсть то, что сомнительно было-бы въ войнѣ болѣе медленной, когда солдата правильно держатъ подъ законами строгой дисциплины. Наполеонова система разрушала войско болѣзнями, усталo-

Digitized by Google

сшію и всѣми слѣдствіями лишеній и нуждъ; но побѣда всегда за нимъ слѣдовала, и этого достаточно было пережившимъ, для забвенія ихъ трудовъ и для призванія новыхъ рекрутовъ въ замѣну погибшихъ. Терпѣливые въ трудахъ, живые и веселые, легко вознаграждаемые за страданія успѣхами, Французскіе солдаты были именно тѣ люди, коихъ надобно было для исполненія тягостной службы, при полководцѣ, въ которомъ, съ врожденною имъ догадливостію, они скоро узнали человѣка, вѣрно могущаго вести къ побѣдѣ воиновъ, готовыхъ сносить труды, какихъ стоитъ будетъ побѣда. Природное мѣстоположеніе гористыхъ земель, въ которыхъ Бонапарте въ первый разъ сдѣлалъ опытъ своей системы, было ему чрезвычайно благопріятно. Многочисленныя оборонительныя линіи заставляли Австрійскихъ полководцовъ оставаться неподвижными и занимать обширное пространство земель, по правиламъ старинной системы ихъ тактики. Но хотя обильныя на позиціи, съ перваго взгляда кажущіяся рѣшительно неприступными и часто такими почитаемыя, горы, представляли однакожь, при первомъ взглядѣ на нихъ великаго полководца, проходы, дефилеи и выходы, трудные и доволѣ незнаемые, которыми онъ могъ низпровергать позиціи, съ лица кажущіяся столь ужасными, и аттакуя непріятеля съ боковъ и съ тылу,

Digitized by Google

принуждать его сражаться невыгодно или отступать съ потерею.

Военныя силы, находившіяся подъ начальствомъ Бонапарте, простирались до 50 или 60 тысячъ добраго войска: большая часть его была выведена изъ Испаніи, въ слѣдствіе мира съ симъ Королевствомъ; но войско было худо одѣто и много страдало въ горахъ, безплодныхъ и покрытыхъ снѣгами. Конница особенно была въ худомъ состояніи; впрочемъ, родъ службы ея въ сихъ странахъ не позволялъ дѣлать изъ нее большаго употребленія, слѣдовательно, сія невыгода была незначительная. По описанію Бонапарте, трудно вообразить себѣ нищету Французскихъ войскъ, до той самой эпохи, когда Альпійская кампанія была побѣдоносно кончена перемиріемъ въ Кераско. Уже много лѣтъ армейскіе офицеры не получали болѣе восьми франковъ въ мѣсяцъ на свое содержаніе; офицеры Главнаго Штаба не имѣли ни одной лошади. Бертье сохранялъ за рѣдкость одинъ изъ дневныхъ приказовъ, современныхъ побѣдѣ при Альбенга, въ которомъ великодушно назначалось въ награжденіе по три луйдора каждому дивизіонному генералу. Между генералами, коимъ сія награда была пособіемъ въ безмѣрности ихъ нуждъ, были, или могли быть, многіе изъ тѣхъ, чьи имена сдѣлались въ послѣдствіи честію и ужасомъ войны. Ожеро, Массена, Серрюрье,

Digitized by Google

Жуберъ, Ланнъ и Мюратъ, всѣ генералы перваго достоинства, служили подъ начальствомъ Бонапарте въ Италіянскихъ кампаніяхъ.

Позиція Французскихъ войскъ въ Италіи много разъ перемѣнялась съ Октября, 1795 года, послѣ нападенія при Каиро. Лѣвая конечность линіи, въ сію эпоху простиравшаяся отъ юга къ сѣверу, упиралась въ ущелины Аргентинскія и сообщалась съ Высшими Альпами; центръ былъ въ ущельяхъ Тендскихъ и на горѣ Бертрандъ; правая сторона занимала высоты Сенъ-Бернарда, Сенъ-Жака и другихъ горъ въ одномъ направленіи, оканчиваясь на берегахъ Средиземнаго моря, близъ Финале.

Австрійцы, получивъ многочисленныя подкрѣпленія, напали на сію линію, взяли высоты горы Сенъ-Жака, и Келлерманъ, послѣ тщетныхъ усилій возстановить свою прежнюю позицію, принужденъ былъ отступить на оборонительную линію, болѣе западную, бывшую въ Боргетто. Келлерману, дѣятельному и хорошему бригадному генералу, недоставало дарованій быть главнымъ полководцомъ. Его смѣнили и Шерера назначили на его мѣсто главнымъ начальникомъ Французской армія въ Италіи. Сей полководецъ отважился на битву противъ Австрійцовъ, при Лоано, при чемъ Массена и Ожеро показали замѣчательныя дарованія. Побѣда, бывшая слѣдствіемъ сего дѣла, выиграла Францу-

Digitized by Google

замъ линію Сенъ-Жака и Финале, которую Келлерманъ принужденъ былъ оставить, такъ, что съ извѣстной точки зрѣнія, обоюдная позиція обоихъ войскъ, другъ противъ друга, мало различествовала отъ той, въ какой оставилъ ихъ Бонапарте.

Но хотя Шереръ былъ побѣдителемъ, Директорія не хотѣла однакожъ довѣрить ему смѣлаго плана: наступательно ударить на всю Альпійскую границу, внесть войну въ Италію, принудить Австрійцовъ защищаться въ ихъ позиціяхъ, и чрезъ то уменьшить исполинскія усилія, которыя сія Держава не прекращала на Рейнѣ, съ успѣхами перемѣнчивыми, но всегда упорно. Управлявшіе тогда Франціею имѣли въ семъ планѣ еще другой предметъ: они хотѣли ужаснуть или низвергнуть Папу: онъ былъ ненавистенъ имъ, какъ глава Католической церкви, ибо преданность Французскаго духовенства ко всѣмъ рѣшеніямъ Римскаго Двора дѣлала для священниковъ обстоятельствомъ къ совѣсти несогласнымъ присягу въ вѣрности конституціи, особенно отвергаемой тѣми изъ нихъ, которыхъ болѣе почиталъ народъ. Приписывали также Папѣ, и его пристязаніямъ на первовластіе, междоусобную войну въ Вандеѣ, равно и всеобщее недоброхотство Католиковъ на югѣ Франціи.

Все это не было еще единственнымъ побужденіемъ непріязни, какую Директоры питали въ душахъ своихъ къ началь-

Digitized by Google

нину церкви Католической. За три года до того времени, Франція оскорблена была Дворомъ Римскимъ и оскорбленіе оставалось неотмщеннымъ. Обитатели Рима сильно вознегодовали, когда Французы, живущіе въ Римѣ, и особенно юные художники Французскіе, надѣли трехъ-цвѣтныя кокарды и рѣшились поставить гербъ Французской республики на воротахъ дома Французскаго Консула. Папа, чрезъ своего министра, изъявилъ желаніе, чтобы этого не было, ибо республика Французская не была еще имъ Папою признана, какъ Правительство законное. Французы, не смотря на то, рѣшились исполнить свое предпріятіе. Изъ этого послѣдовало народное возмущеніе, и Папскія войска не постарались его утишить. Карету Французскаго посланника, или повѣреннаго въ дѣлахъ, Бассевиля, народъ остановилъ на улицѣ и принудилъ возвратиться назадъ; потомъ вломился въ самый домъ посольскій и Бассевиль былъ безчеловѣчно зарѣзанъ, хотя ни сколько не сопротивлялся и не былъ вооруженъ. Естественно, что Французское Правительство смотрѣло на это происшествіе, какъ на поруганіе величайшее, и тѣмъ болѣе показывало желаніе быть удовлетвореннымъ за безчестіе, что тѣмъ подражало поступкамъ Римской республики, хорошо или худо, но кажется, всегда служившей для него образцомъ. Происше-

Digitized by Google

ствіе въ Римѣ было въ 1795 году, но не было еще забыто и въ 1796.

Помышляя о мщеніи, Французское Правительство сначала располагало переправить въ Чивита-Веккіа десять тысячь войскъ, съ повелѣніемъ: идти на Римъ и требовать отъ владѣтельнаго Понтифа полнаго удовлетворенія за убіеніе Бассевиля. Но Англійскій флотъ крейсировалъ въ Средиземномъ морѣ и казалось весьма сомнительнымъ успѣть перевезти по морю въ Чивита-Веккіа подобный корпусъ войскъ, не считая того, что если бы войска и переправились свободно, то были-бы подвержены сомнительному жребію войны въ срединѣ Италіи, лишенные провіянта и всякихъ пособій, со всѣхъ сторонъ осажденныя и, вѣроятно, блокируемыя Англійскимъ флотомъ. Обо всемъ этомъ совѣтовались съ Бонапарте; онъ отвѣчалъ, что прежде всего надобно овладѣть Сѣверною Италіею и тогда Французы будутъ въ состояніи приблизиться къ Риму и наказать его. Сей планъ, хотя и былъ почти столько-же отваженъ, какъ и тотъ, который сначала предполагала Директорія; но все былъ онъ гораздо вѣрнѣе, ибо Наполеонъ хотѣлъ идти на Римъ въ такомъ уже случаѣ, когда могъ сохранить сообщенія съ Ломбардіею и Тосканою, а ихъ должно было ему завоевать прежде.

Планъ: перейдти Альпы и вступить въ Италію, во всѣхъ отношеніяхъ согласо-

Digitized by Google

вался съ честолюбивымъ и самонадѣяннымъ характеромъ полководца, которому вѣряли сіе предпріятіе. Онъ получилъ власть отдѣльную, независимую, и полномочіе дѣйствовать по своему собственному сужденію, на своей отвѣтственности, ибо земляк его, Представитель Саличетти, сопровождавшій Наполеона, въ качествѣ Коммисара Правительства, не былъ въ самомъ дѣлѣ расположенъ надоѣдать ему своими совѣтами. Прежде былъ онъ покровителемъ Бонапарте, а теперь другомъ его. Душа юнаго полководца попеременно приготовлялась, или побѣдить, или все потерять; объ этомъ можно судить по словамъ, какія сказалъ Бонапарте одному изъ друзей своихъ, прощаясь съ нимъ: »Черезъ три мѣсяца, я въ Миланѣ, или въ Парижѣ,« открывши такимъ образомъ и свою надежду успѣха и свою предувѣренность, что дѣло шло о разрушеніи всѣхъ его предположеній, если онъ будетъ побѣжденъ.

Наполеонъ хотѣлъ возбудить храбрость воиновъ своихъ такими-же честолюбивыми надеждами, и для того обнародовалъ онъ слѣдующее воззваніе къ арміи Итальйской:

»Воины!

»Вы наги, худо накормлены; Правительство должно вамъ много и ничего не можетъ вамъ дать. Ваше терпѣніе, храбрость, какую вы показываете среди сихъ

успесовъ, удивительны; но они не доставляютъ вамъ никакой славы: никакой блескъ ея не отсвѣчивается на васъ. Я хочу вести васъ въ плодоноснѣйшую страну свѣта. Богатыя области, большіе города будутъ въ вашей власти: тамъ найдете вы честь, славу и богатства. Воины Италійской арміи! не уже-ли не достанетъ въ васъ храбрости или постоянства? —

Это значило показать оленя ищейнымъ собакамъ, въ ту минуту, когда спускаютъ свору. . . .

Австро-Сардинская армія, которую видѣлъ передъ собою Бонапарте, была подъ начальствомъ Больё, Австрійскаго генерала, съ большою опытностію и съ нѣкоторыми дарованіями, но старика, почти 75-лѣтняго, привыкшаго, въ теченіе всей своей жизни, слѣдовать старинной тактикѣ; потому, онъ не могъ даже подозрѣвать, не только предупредить или ниспровергнуть намѣренія, предположенныя такимъ полководцомъ, каковъ былъ Наполеонъ.

Планъ впаденія въ Италію, составленный Бонапарте, различествовалъ отъ плановъ всѣхъ прежнихъ побѣдителей, проходившихъ въ сію прекрасную страну, по нѣкоторымъ пунктамъ ея горнаго оплота. Изобрѣтательный геній Наполеона рѣшился достигнуть сей цѣли, обогнувъ южную оконечность Альповъ, удаляясь, какъ можно менѣе отъ Средиземнаго моря и переходя

Digitized by Google

чрезъ владѣнія Генуэзскія узкимъ проходомъ, называемымъ Бокетта, ведущимъ вокругъ оконечности Альповъ, между горами и моремъ. Такъ предполагалъ Бонапарте проникнуть въ Италію по самому низкому пространству сей страны, и это естественно долженствовало быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь Альповъ соединяется съ Аппенинами. Пунктъ соединенія сихъ двухъ безмѣрныхъ цѣпей горъ есть вершина горы Сенъ-Жака, выше Генуи, гдѣ Альпы, простираясь на Сѣверо-Западъ, достигаютъ главнѣйшаго ихъ возвышенія, вершинъ Монблана, и гдѣ Аппенины, направляясь на юго-востокъ, постепенно возвышаются до Монте-Велино, высочайшей горы изъ всей Аппенинской цѣпи.

Дабы успѣть обогнуть Альпы, какъ располагалъ Бонапарте, необходимо надобно было ему совершенно перемѣнить позицію своей арміи. Войска, занимавшія оборонительную линію отъ сѣвера къ югу, должны были взять наступательную позицію отъ востока къ западу. Говоря о цѣлой арміи, какъ объ одномъ баталіонѣ, Бонапарте собралъ свое воинство въ колонну, на правой сторонѣ линіи, имъ занимаемой. Этотъ манёвръ былъ тонкій, трудный къ исполненію въ присутствіи дѣятельнаго непріятеля, превосходнаго числомъ, и Наполеону не позволили исполнить его безъ препятствій.

Digitized by Google

Едва узналъ Больё, что полководецъ Французскій сосредоточилъ свои силы и перемѣнилъ позиціи, онъ поспѣшилъ прикрыть Геную: безъ овладѣнія симъ городомъ, или, по крайней мѣрѣ, окружающею его страною, Бонапарте трудно было-бы исполнить свое намѣреніе. Полководецъ Австрійскій раздѣлилъ войска на три корпуса: Колли, съ Сардинскою дивизіею, поставленъ былъ направо у Чева; среднее отдѣленіе, подъ начальствомъ Аргенто, имѣя главную квартиру въ Сазіелло, получило повелѣніе идти на гору, называемую Монтеноттe, и двѣ деревни сего имени, сосѣднія крѣпкой позиціи близь Монтелегино, которою уже овладѣли Французы, дабы прикрыть флангъ свой въ маршѣ на востокъ. Самъ Больё, съ лѣвымъ крыломъ, отправился отъ Нови на Вольтри, маленькій городокъ, въ десяти миляхъ отъ Генуи, защищать сей древній городъ, хотя независимость и неутралитетъ его, по видимому, долженствовали быть мало уважаемы. Такимъ образомъ, казалось, что въ то время, какъ Французы пытались проникнуть въ Италію, приближаясь изъ Савоіи по Генуэзской дорогѣ, линія ихъ марша была угрожаема во флангъ тремя Австро-Сардинскими арміями, сшедшими съ вершинъ Альпійскихъ горъ. Но, не смотря на свои искусныя диспозиціи, Больё встрѣчалъ большое неудобство, теряя въ гористой странѣ сообще-

Digitized by Google

ніи между тремя отдѣленіями своей арміи; сверхъ того, трудно ему было соединить ихъ на одномъ пунктѣ, если-бы это сдѣлалось необходимымъ, тогда, какъ внутренняя линія, по которой маневрировали Французы, позволяла имъ обще дѣйствовать въ своихъ операціяхъ.

10 Апрѣля, 1796 г. Аргенто съ Австро-Сардинскою дивизіею отправился на Монтеноште; между тѣмъ, въ лѣвой сторонѣ Больё напалъ на авангардъ Французскій, дошедшій уже до Волтри. Генералъ Червони, начальствовавшій Французскою дивизіею, аттакованною войскамн Больё, принужденъ былъ отступить къ главной арміи, и если-бы нападеніе Аргенто было также сильно, или увѣнчано равнымъ успѣхомъ, слава Бонапарте могла-бъ быть задушена въ самомъ ея рожденіи. Но полковникъ Рампонъ, Французскій офицеръ, начальствовавшій редутомъ при Монтелегино, остановилъ Аргенто рѣшительнымъ сопротивленіемъ. Имѣя не болѣе 1500 человѣкъ, онъ вдохнулъ имъ свою храбрость, заставивъ поклясться удержать свой постъ или умереть, и продолжалъ защищать редутъ весь день 11 Апрѣля, до тѣхъ поръ, пока Аргенто, сильно порицаемый въ послѣдствіи, за то, что не сдѣлалъ дальнѣйшихъ усилій выбить непріятеля, отступилъ вечеромъ, въ намѣреніи возобновить аттаку на другой день поутру.

Digitized by Google

Но поутру 12 ч., Австрійскій генералъ нашелъ самого себя обхваченнымъ Французами. Червони, отступая отъ войскъ Больё, соединился съ Ла-Гарпомъ; оба корпуса подвинулись на сѣверъ, въ ночь на 11-е ч., и утвердились позади редутовъ при Монтелегино, столь храбро защищенныхъ Рампономъ. Это еще было не все: дивизіи Ожеро и Массены шли по разнымъ дорогамъ на флангъ и арріергардъ корпуса Аргенто, такъ, что на другой день утромъ Австрійскій генералъ, вмѣсто возобновленія аттаки на Французскіе редуты, принужденъ былъ спасать себя бѣдственнымъ отступленіемъ, оставя знамена, пушки, тысячу человѣкъ убитыми и 2000 ранеными.

Такова была *Монтенотская битва*, первая побѣда Бонапарте, гдѣ такъ торжественно показалъ онъ эту математическую достовѣрность соображеній, которая послѣ, въ достопамятнѣйшихъ случаяхъ, когда силы его бывали слабѣе непріятеля числомъ и по видимому въ невыгодной позиціи, всегда поставляла его въ возможность сосредоточивать въ одно мгновеніе свои войска и бить непріятеля, поражая его въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ почиталъ себя сильнѣйшимъ. Бонапарте собралъ при Монтенотте превосходнѣйшую силу противъ центра Австрійской арміи и уничтожилъ его, въ то время, когда Колли на правой и самъ Больё на лѣвой сторонѣ, оба съ много-

Digitized by Google

численными войсками, даже и не знали о сраженіи до тѣхъ поръ, пока оно не было кончено и потеряно.

Въ слѣдствіе успѣховъ при Монтенотте и пораженія Австрійцовъ, Французы овладѣли Каиро и очутились въ той сторонѣ, гдѣ Альпы простираются къ Ломбардіи, и горные потоки, сбѣгая съ нихъ, впадаютъ въ По.

Между тѣмъ, Больё приближился было къ Волтри, когда Французы удалились оттуда, сгущаясь противъ Аргентіо. Теперь Больё принужденъ былъ повернуть, какъ можно поспѣшнѣе, на Дего, въ Бормидской долинѣ, стараясь возстановить сообщенія съ лѣвымъ крыломъ своей арміи, преимущественно составленнымъ изъ Сардинскихъ войскъ, отъ которыхъ былъ онъ почти отрѣзанъ разбитіемъ центра. Генералъ Колли, сопутствеппымъ движеніемъ влѣво, занялъ Миллезимо, небольшой городокъ, около девяти миль разстоянiемъ отъ Дего, утвердивъ и сохранивъ свои сообщенія посредствомъ одной бригады, поставленной на высотахъ Біастро. Крѣпостью своей позиціи, хотя войска его имѣли слабое взаимное сообщеніе, Больё надѣялся удержаться на пространствѣ, имъ занимаемомъ, до тѣхъ поръ, пока могъ получить помощь изъ Ломбардіи и отвратить послѣдствія разбитія при Монтенотте. Но противникъ его не

Digitized by Google

думалъ дать непріятелю своему подобнаго отдыха.

Французская армія, съ рѣшимостію на общую аттаку по всѣмъ пунктамъ, занятымъ Австрійцами, немедленно приближилась тремя корпусами, на протяженіи четырехъ миль. Ожеро, въ головѣ дивизіи, небывшей на сраженіи при Монтенотте, шелъ влѣво противъ Миллезимо; центръ, подъ начальствомъ Массены, направленъ былъ на Дего, по Бормидской долинѣ; правое крыло, подъ начальствомъ Ла-Гарпа, манёврировало вправѣ, въ намѣреніи обойдти лѣвый флангъ Больё. Ожеро первый вступилъ въ бой съ непріятелемъ. Онъ двинулся на генерала Колли, 13 Апрѣля: солдаты, завистливые къ славѣ, приобрѣтенной ихъ сотрудниками, напали съ величайшею храбростію. Они бросились на выдвинутые впередъ посты Сардинской арміи, при Миллезимо, сбили ихъ, овладѣли проходомъ, ихъ защищавшимъ и отдѣлили такимъ образомъ отъ Сардинской арміи корпусъ войскъ, около 2000 человѣкъ, подъ начальствомъ Австрійскаго генерала Проверы, занимавшаго отдѣльную возвышенность, именуемую Коссаріа и закрывавшую лѣвую оконечность позиціи генерала Колли. Но Австрійцы оказали здѣсь храбрость самую упорную. Обхваченные непріятелемъ, они бросились въ развалившійся замокъ Коссаріа, стоявшій на сей возвышенности и казались рас-

Digitized by Google

положенными защищаться шутъ до по-
слѣдней крайности, тѣмъ болѣе, что видя
съ башенъ сего крѣпкаго замка Сардинцовъ,
отъ которыхъ были отрѣзаны, они надѣ-
лись, что продолжая сражаться, могутъ
надѣяться на другой день освобожденія.

Самъ Бонапарте явился здѣсь, и видя
необходимость выбить непріятеля изъ
сего важнаго мѣста, приказалъ сдѣлать,
одна за другою, три аттаки. Жуберъ,
въ головѣ одной изъ колоннъ, бросившихся
въ аттаку, сражался храбро и вошелъ уже
во внѣшнія укрѣпленія, съ шестью или
семью другими офицерами, когда былъ ра-
ненъ въ голову. Генералъ Баланъ и Гене-
ралъ-Адъютантъ Кененъ, оба пали впере-
ди колонны, ими предводительствуемой;
Бонапарте принужденъ былъ оставить на
ночь упорнаго Проверу повелителемъ зам-
ка. Утромъ 14 ч. явленіе совершенно пе-
ремѣнилось: Бонапарте удовольствовался
блокадою замка Коссаріа и далъ сраженіе
Генералу Колли, употреблявшему между
тѣмъ разныя усилія пособить Проверѣ; все
было тщетно: Колли разбитъ, отрѣзанъ
отъ Больё, и какъ могъ, отступилъ къ Чева,
оставя храбраго генерала Проверу его жре-
бію. Провера принужденъ былъ сдаться
безусловно.

Въ тотъ-же день Массена, съ центро-
мъ Французской арміи, напалъ на высо-
ты Біастро, пунктъ соединенія между
Больё и Колли, между тѣмъ, какъ Ла-Гарпъ,

Digitized by Google

прошедшій по долинѣ Бормидской, гдѣ солдаты его брели по поясъ въ водѣ, напалъ съ фронта и съ фланга на деревню Дего, занятую главнокомандующимъ Австрійскою арміею. Первое нападеніе имѣло полный успѣхъ: высоты Біастро были схвачены и Піемонтцы обращены въ бѣгство. Нападеніе на Дего было не менѣе счастливо, хотя сраженіе завязалось жестокое. Больё принудили отступить и совершенно отдѣлили его отъ Сардинцовъ, до сего времени дѣйствовавшихъ съ нимъ заодно. Защитники Италіи начали отступать по разнымъ направленіямъ: Колли успѣлъ отодвинуться на западъ, къ Чева, въ то время, когда Больё, сильно стѣсненный въ трудномъ мѣстоположеніи, отступилъ на Акви.

На другой день, побѣда, казалось, едва не была вырвана изъ рукъ побѣдителей. Дивизія Австрійскихъ войскъ, позднѣе другихъ оставившая Волтри и манёврировавшая для соединенія съ войскомъ Главнокомандующаго, нашла позицію, которую наканунѣ занималъ Больё, уже во власти непріятеля. Австрійцы явились здѣсь, какъ люди совершенно потерявшіе дорогу и невольно должны были изумиться, видя это мѣстоположеніе въ рукахъ Французовъ. Но не колеблясь ни мало, они напали на непріятеля, быстрою аттакою прогнали его и воздвигнули на мѣстѣ битвы орловъ Австрійскихъ. Такое внезапное яв-

Digitized by Google

леніе произвело сильную тревогу. Французы не могли понять, какимъ образомъ нападеніе непріятеля сдѣлано со стороны противоположной той сторонѣ, куда онъ отступалъ, и такъ, что о движеніи непріятеля совсѣмъ не извѣстили ихъ передовые отряды изъ Акви.

Мгновенно прискакалъ Бонапарте въ Дего. Двѣ аттаки отбиты были Австрійцами, одна за другою; при третьей аттакѣ генералъ Ланюссъ, въ послѣдствіи убитый въ Египтѣ, надѣлъ шляпу свою на конецъ шпаги и штыками пробился въ деревню. Ланнъ, послѣ бывшій Герцогомъ Монтебелло, также отличился въ сей битвѣ храбростію и воинскими дарованіями; онъ былъ представленъ отъ Бонапарте Директоріи, какъ достойный повышенія. Въ сраженіяхъ при Дего, вообще называемыхъ *битвою при Миллезимо*, Австро-Сардинская армія потеряла отъ 5 до 6000 человѣкъ, 30 пушекъ и большую часть своихъ обозовъ. Сверхъ того Австрійцы отдѣлены были отъ Сардинцовъ и полководцы начали замѣчать, что не только войска ихъ, но и сами они раздѣлены были противоположными побужденіями. Сардинцы старались закрыть Туринъ, въ то время, когда операціи Больё всегда, казалось, направлены были не допустить Французовъ до Миланскихъ областей.

Оставя достаточныя силы въ Бормида, стеречь Больё, Бонапарте обратилъ

Digitized by Google

всю свою армію на Колли, который, будучи ослабленъ и безъ всякой надежды на помощь, бросилъ свою оборонительную линію близъ Чева и удалился на линію близъ Танаро.

Тогда Наполеонъ перенесъ главную свою квартиру въ Чева. Съ высоты Монтеземоло, онъ могъ наслаждаться величественнымъ видомъ обильныхъ полей Піемонтскихъ, простиравшихся предъ его ногами въ безконечномъ обзорѣ, орошаемомъ По, Танаро и другими рѣками, текущими съ Альпійскихъ горъ. Сія богатая картина разстилалась, какъ Обѣтованная земля предъ глазами побѣдоноснаго войска. За нимъ остались, правда, не пустыни сыпучаго песку, подобныя тѣмъ, по какимъ шелъ народъ избранный, но исполинскія громады утесовъ и неприступныхъ горъ, увѣнчанныхъ льдами и снѣгами, кажется, опредѣленныхъ природою быть оплотомъ и гранью счастливыхъ областей, изумляющихъ на Востокѣ пришельца. Войска раздѣляли радость полководца, восторжествовавшаго неслыханнымъ образомъ надъ сими ужасающими препятствіями. Бонапарте, хвалясь успѣхомъ, говорилъ своимъ офицерамъ, смотрѣвшимъ на великолѣпное зрѣлище, предъ ними бывшее: »Аннибалъ пробился сквозь Альпы; мы, мы обошли ихъ!«

Оробѣвшая армія Колли была атакована на отступленіи своемъ, при Мон-

Digitized by Google

дови, съ двухъ разныхъ пунктовъ, двумя корпусами Бонапартевой арміи, подъ начальствомъ Массены и Серрюрье; послѣдній съ потерею былъ отраженъ Сардинскимъ генераломъ. Но когда Сардинскій полководецъ увидѣлъ во время схватки, что Массена слѣва обошелъ его линію и что такимъ образомъ Французы сжали его съ двухъ сторонъ, онъ увидѣлъ свою позицію почти отчаянною. Піемонтская конница еще усиливалась возобновить сраженіе: на одно мгновеніе она отбила и прогнала Французскую; Генералъ Штенгель старался соединить бѣгущихъ и былъ убитъ; но неукротимая храбрость Мюрата, можетъ быть, никогда не имѣвшаго равныхъ себѣ въ кавалерійскихъ аттакахъ, скоро склонила счастіе къ знаменамъ Французскимъ. Пѣхоту и конницу Колли принудили къ бѣдственному отступленію. Побѣда была рѣшительная и Сардинцы, потерявъ лучшихъ воиновъ, пушки, обозы, совершенно отрѣзанные отъ своихъ союзниковъ, видя себя открытыми совершенному уничтоженію отъ соединенныхъ силъ Французской арміи, потеряли всю надежду на возможность прикрыть Туринъ. Бонапарте пользовался успѣхами и завладѣвъ Кераско, сталъ только въ двухъ миляхъ разстояніемъ отъ столицы Піемонта.

Такъ счастіе, въ одну кампанію, не болѣе мѣсяца продолжавшуюся, ввело сво-

Digitized by Google

его любимца въ полное обладаніе путемъ въ Италію, предметомъ его желаній, отдавъ во власть его горные проходы. Бонапарте выигралъ три битвы противъ силъ непріятельскихъ, превосходившихъ его силы; истребилъ у нихъ 25 тысячъ воиновъ, убитыхъ, раненыхъ или полоненныхъ Французами; взялъ 24 пушки и 21 знамя; принудилъ къ бездѣйствію Австрійскую армію; почти совершенно уничтожилъ Піемонтскую; установилъ свободное сообщеніе съ Франціею на всей восточной сторонѣ Альпійскихъ горъ, и съ Италіею, которая являлась передъ нимъ, казалось, приглашая его къ завоеванію. Но не такими лаврами должна была кончиться первая кампанія Бонапарте, когда столько средствъ открывалось ему на великой лѣствицѣ событій, торжествовать новыя и важнѣйшія побѣды, съ блистательнѣйшими послѣдствіями. Глава Королевскаго Савойскаго дома, если и не бывшаго въ числѣ могущественнѣйшихъ державъ Европы, по крайней мѣрѣ, одного изъ почетнѣйшихъ, печальнымъ опытомъ увѣрился, что имѣетъ дѣло съ *сыномъ судебъ* (l'homme du destin): горделивое имя, данное въ послѣдствіи человѣку, которому, »на нѣкоторое время,« какъ вѣщаетъ Священное Писаніе, »дана была власть вязать владыкъ цѣпями и сильныхъ земли вервіями желѣзными.«

Digitized by Google

Несчастные остатки Сардинской арміи удалились, или лучше сказать, бѣжали и остановились только въ двухъ миляхъ отъ Турина, безъ всякой надежды найдти какую-либо возможность еще оказать значительное защищеніе. Владѣтель Сардиніи, Піемонта и Савоіи не видѣлъ другихъ средствъ сохранить столицу и даже самое существованіе свое на твердой землѣ, кромѣ покоренія, почти совершеннаго, въ волю побѣдителя. Да будетъ позволено здѣсь замѣтить, что Викторъ Амедей III, происходилъ отъ того поколѣнія героевъ, которое по особенному положенію государства, образующаго срединную, весьма важную страну, между Франціею и Австрійскими владѣніями въ Италіи, часто было призываемо представлять въ общихъ дѣлахъ Европы лицо, иногда превосходившее ту степень, на которую могло оно объявлять права, будучи домомъ Европейскихъ второстепенныхъ Государей. Государи Савойскаго дома вообще вознаграждали недостатокъ могущества дарованіями и храбростію, дѣлавшими имъ величайшую честь, какъ полководцамъ и какъ политикамъ. Теперь Піемонтъ, въ свою очередь, находился предъ стопами непріятеля, побѣдившаго, съ силами меньшими числомъ, противъ силъ Піемонта. Кромѣ помышленій о прошедшей славѣ Государства, положеніе Короля Сардин-

Digitized by Google

ожаго еще болѣе дѣлалось горестно по семейственнымъ отношеніямъ. Викторъ Амедей, тесть Monsieur (въ то время именовавшагося Людовикомъ XVIII-мъ) и Графа Д'Артуа (нынѣшняго Короля Франціи), принялъ зятьевъ при своемъ Туринскомъ Дворѣ, доставлялъ имъ средства соединить окрестъ себя нѣсколько войска, составленнаго изъ дворянства Французскаго, оставившаго отчизну, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства (и часто съ успѣхомъ) противиться хитростямъ и оружію Французскихъ республиканцовъ. И сей наслѣдственный Государь, съ его союзами, его политическими правилами, видѣлъ себя осужденнымъ просить мира и принять его, каковы-бы ни были условія, предписываемыя двадцати шести лѣтнимъ Французскимъ Генераломъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до того желавшимъ достать мѣсто артиллерійскаго офицера въ войскахъ Турецкаго Султана!

Перемиріе потребовано было Королемъ Сардинскимъ, въ слѣдствіе сихъ печальныхъ событій: надобно было купить его отдачею въ руки Французовъ двухъ лучшихъ крѣпостей: Кони и Торпоны, сихъ ключей Альпійскихъ горъ, коихъ предки Сардинскаго Монарха столь долго были хранителями: такою уступкою Король довольно давалъ знать, что онъ отдается безусловно. Перемиріе утверждено въ Кераско; но Король отправилъ своихъ

Digitized by Google

коммисаровъ въ Парижъ, постановить съ Директоріею окончательныя условія мира: они были таковы, какія побѣдитель опредѣляетъ побѣжденному.

Кромѣ крѣпостей, уже уступленныхъ, Король Сардинскій принужденъ былъ отдать Французамъ еще шесть другихъ важныхъ мѣстъ. Дорога изъ Франціи въ Италію должна была оставаться открытою для Французскихъ войскъ, во всякое время; впрочемъ, и безъ того, сдачею крѣпостей Король лишилъ себя всѣхъ средствъ противиться успѣхамъ Французовъ. Онъ долженъ былъ прервать всякаго рода союзы и сношенія съ соединенными государствами, бывшими въ войнѣ съ Франціею, обязывался не держать, ни при своемъ дворѣ, ни въ своей службѣ, ни одного изъ Французскихъ эмигрантовъ, ни родственниковъ ихъ, кто-бы они ни были: не было исключенія даже и двумъ дочерямъ Короля; покорность была совершенная. Викторъ Амедей съ сокрушеніемъ сердца подписалъ сей трактатъ и не долго пережилъ свое паденіе. Сынъ его наслѣдовалъ только по имени тронъ Піемонтскій: крѣпости и мѣста, могущія дѣлать участіе сего государя сколько нибудь важнымъ, были всѣ отданы Французамъ, исключая Туринъ и два или три мѣста малозначительныя.

Полагая трактатъ съ Сардиніею окончаніемъ Піемонтской кампаніи, мы остановимся и разсмотримъ характеръ, ока-

Digitized by Google

занный Бонапарте въ сію эпоху его жизни
Дарованія его, какъ полководца, были пер
вой степени. Совершенная совокупност
видна была во всѣхъ его предначертаніяхъ
онъ успѣлъ во всемъ, тѣми средствами, какі
предлагалъ и извлекъ изъ успѣховъ своих
всю возможную выгоду. Совсѣмъ иное по
веденіе обыкновенно характеризирует
того, кто бываетъ обязанъ счастливом
случаю, или единственно храбрости сво
ихъ войскъ, нежданною побѣдою: когд
счастливый жребій улыбается таком
полководцу, онъ столько-же бывает
затрудненъ, какъ затруднила-бы его сама
потеря. Но Бонапарте, предвидя слѣд
ствія каждаго своего движенія, все приго
товилъ воспользоваться выгодами, какі
могъ онъ извлечь изъ сихъ слѣдствій.

Слогъ его донесеній и писемъ въ Дирек
торію былъ въ сію эпоху болѣе скромен
болѣе простъ, и слѣдственно, болѣе спо
собенъ произвесть впечатлѣніе, нежел
фигурный и напыщенный слогъ, какой в
послѣдствіи употреблялъ онъ въ своих
бюллетеняхъ. Хорошее мнѣніе его о са
момъ себѣ тогда не дошло еще, может
быть, слишкомъ высоко, такъ, что онъ н
считалъ необходимостью употреблять *по*
лутоpo-ногія слова (sesquipedalian words)
натянутыя метафоры, какихъ, кажется
искалъ потомъ. Замѣтимъ также, чт
юный побѣдитель всегда съ благородным
рвеніемъ показывалъ себя тогда ра

оложеннымъ доставлять отличившимся
и офицерамъ повышенія, на которыя
ивали имъ право ихъ заслуги. Онъ на-
поительно требовалъ наградъ своимъ
отрудникамъ въ каждомъ своемъ доне-
ніи: поведеніе, сколько правое и вели-
одушное, столько-же и благоразумное.
сли одобренія его могли быть успѣшны,
му доставалась благодарность за благо-
вяніе; если они были отвергаемы, онъ
авномѣрно получалъ признательность за
ою добрую волю, а негодованіе, причи-
яемое отказомъ, падало на Правитель-
тво.

Но, когда Бонапарте говорилъ просто
чрезвычайно скромно о своихъ собствен-
ыхъ подвигахъ, напыщенность, отъ ко-
торой онъ удерживался, по доброй волѣ
оздана была ему въ Совѣтѣ пяти сотъ,
днимъ изъ ораторовъ, Добермениломъ, при-
ывавшимъ всѣхъ поэтовъ, отъ Тиртея и
ссіана до Сочинителя *Марсельскаго гим-*
а, всѣхъ живописцовъ, отъ Апеллеса до
авида, всѣхъ музыкантовъ, отъ Орфея до
очинителя *Прощальной пѣсни* (Chant du Dé-
rt) и вызывавшимъ ихъ сочинять стихи,
узыку и писать изображенія славныхъ
ѣль Бонапарте и Италійской арміи.

Гораздо въ лучшемъ вкусѣ выбита бы-
а медаль Бонапарте, какъ побѣдителю на
онтеноттской битвѣ. Фигура его, сухоща-
ая, съ гладкими волосами, представляетъ
азительную противоположность съ пол.

Digitized by Google

нымъ квадратнымъ лицомъ, какой видимъ на послѣднихъ его монетахъ. На оборотѣ медали, изобразили Побѣду, летящую надъ Альпами, съ пальмовою вѣтвію, лавровымъ вѣнкомъ и обнаженнымъ мечомъ въ рукахъ. Упоминаемъ о сей медали, потому, что она была первая въ великолѣпномъ ряду медалей, напоминающихъ побѣды и славу Наполеона и срисованныхъ Денономъ, какъ дань генію Императора Франціи.

Т. —

II. КРИТИКА.

Замѣчанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и Литтературы въ Россіи).

(Окончаніе.)

Мелькомъ упоминаетъ потомъ Авторъ объ учрежденіи Академіи. Вѣроятно по ошибкѣ типографической читаемъ послѣ того, что Императрица Анна скончалась въ 1640 году. Обращаясь къ тому, что въ половинѣ XVII вѣка языкъ Русскій потерпѣлъ отъ Малороссизмовъ, Авторъ спѣшитъ сказать, что при Петрѣ *чистота языка* постигнута была наводненіемъ иностранныхъ словъ и что хаосъ сей царствовалъ до XVIII столѣтія. Ософанъ, Кантемиръ и Тредьяковскій слѣдуютъ по-

Digitized by Google

слѣ сего. »Первый,« говоритъ Авторъ, »почитается отцомъ духовнаго краснорѣчія въ Россіи.« Но самъ Авторъ за страницу говорилъ, что сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго почитаются образцовыми, а Св. Димитрій скончался за 27 лѣтъ до смерти Ѳеофана. Тредьяковскій, по словамъ Автора, *первый ввелъ въ Россіи стопосложеніе Греческое и Римское.* Опять ошибка! Тредьяковскій старался ввести только гекзаметры, а ямбами, хореями и амфибрахіями первый началъ писать Ломоносовъ; Тредьяковскій послѣдовалъ за нимъ.

Описаніе Автора о заслугахъ Ломоносова хорошо и справедливо. Только странно, что Авторъ думаетъ, будто оды Ломоносова должно считать образцами Лирической Поэзіи, а Академическія рѣчи, образцами прозы, даже *и донынѣ.* Хорошо хвалить, но должно знать и мѣру хвалѣ. — »Поповскій былъ »единственный поэтъ, который *умѣлъ подражать* »Ломоносову при его жизни.« Не знаемъ: чѣмъ Поповскій умѣлъ подражать Ломоносову, когда все стихотворство Поповскаго ограничилось нѣсколькими пробами перевода изъ Горація и переводомъ (съ Французской прозы) Поэмы Попе.

Сумароковъ является за Поповскимъ. Авторъ утверждаетъ »что нѣкоторые изъ трагедій его до»нынѣ остались на театрѣ.« Увѣряемъ его, что прошло болѣе 20 лѣтъ, какъ перестали играть даже Димитрія Самозванца, долѣе всѣхъ державшагося на сценѣ, вѣроятно за имя, сдѣлавшееся народнымъ, хотя это одна изъ самыхъ плохихъ трагедій Сумарокова.

Ломоносовъ, Поповскій и Сумароковъ заключаютъ у Автора всю Литературу царствованія

Digitized by Google

Елисаветы; учрежденіе Московскаго Университета и Академіи Художествъ дополняютъ картину. Авторъ скоро переходитъ къ вѣку Екатерины II. Сначала видимъ у него изложеніе разныхъ подвиговъ сей Государыни, касательно просвѣщенія и образованія Рускихъ. Въ Академіи Наукъ представляетъ онъ Палласа; говоритъ объ учрежденіи учебныхъ заведеній; дозволеніи имѣть типографіи частнымъ людямъ. Упомянувъ о переводѣ Велизарія Мармонтелева, Авторъ подробнѣе всего излагаетъ исторію Русской Исторіи, въ царствованіе Императрицы Екатерины; но къ сожалѣнію, тутъ, что слово, то ошибка. «До Екатерины »отечественная Исторія, *по причинѣ величайшаго »изъ всѣхъ предразсудковъ, была почитаема го»сударственною тайною.*« На насъ и безъ того такъ много наговорено иностранцами, что соотечественнику нашему не шло-бы прибавлять невѣрныя извѣстія о Россіи. Исторію никогда не почитали у насъ тайною государственною. Если-бы Авторъ сказалъ: *Исторіи у насъ не было*, вотъ это другое дѣло; но Лѣтописи писаны были, какъ самъ Авторъ говоритъ, еще въ XI вѣкѣ и продолжались безпрерывно. Государственные акты также никогда не были тайною съ древнѣйшихъ временъ. Исторій и историческихъ записокъ прежде не писывали. Государственные архивы, съ XVII вѣка составившіеся, точно были и суть нынѣ тайны государственныя; но они таковы во всѣхъ государствахъ, потому что не льзя-же всякаго допустить рыться въ Государственныхъ Архивахъ. Правительство наше само обнародываетъ, что находитъ любопытнымъ, и нѣсколько разъ допускало

Digitized by Google

извѣстныхъ людей въ Архивы (Щербатова, Карамзина, Голикова). Если скажутъ намъ, что это было въ позднѣйшее время, но что Исторія до вѣка Екатерины точно была тайною, отвѣчаемъ: лѣтописи, тысячами списковъ ходившія по рукамъ, развѣ были тайна? Историческія сочиненія (каковы они ни были), Митрополита Макарія, Патріарха Іова, Кн. Курбскаго, Палицына, Гизеля, Кубасова, Грибоѣдова, Ѳеофана, Крекшина, Хилкова, Шафирова, Ломоносова, Сумарокова, Татищева, были всѣмъ извѣстны. Да вотъ и самъ Авторъ говоритъ: »Въ Россіи, до Екатерины было много лѣтописцовъ, »даже нѣсколько историковъ, на примѣръ: Хилковъ »и Татищевъ, но ихъ сочиненія были неизданы, а т. е. не напечатаны; но и это ошибка: Шафировъ, Ломоносовъ, Сумароковъ напечатали свои Историческія сочиненія, а что не печатали другіе, въ этомъ Правительство ни сколько не было виновато. Надобно знать, что встарину сочинители какъ-то мало думали объ изданіи своихъ твореній; всякій писалъ самъ для себя, или для немногихъ. Сильнѣйшее доказательство, что Исторія никогда не была у насъ запрещена, состоитъ въ томъ, что предки наши особенно любили читать Исторію и читали все историческое, неутомимо списывая все имъ попадавшееся въ руки, отъ чего историческихъ актовъ, лѣтописей и описаній, не только оригинальныхъ, но и переводныхъ, у насъ величайшее изобиліе. Авторъ говоритъ, что Екатерина повелѣла издавать историческія сочиненія Миллеру и Шлецеру, сама собравъ ихъ, и желая, чтобы они послужили матеріялами для будущихъ историковъ. Повелѣніе собирать лѣтописи было издано Пет-

Digitized by Google

ромъ Великимъ, въ 1721 г. Онъ особенно любилъ Исторію и вызывалъ тогдашнихъ ученыхъ людей писать ее, но еще въ то время нѣкому было. Екатерина, сама охотно занимаясь Русскою Исторіею, подтвердила повелѣніе Петра собирать лѣтописи и акты, и сама точно составила хронологическое обозрѣніе Русской Исторіи (послѣ изданное подъ именемъ *Записокъ, касательно Русской Исторіи*). Но Шлецеръ самъ по себѣ убѣдилъ Академію Наукъ издавать лѣтописи, издалъ часть Никоновской, и написалъ Предисловіе къ общему собранію ихъ, которому тогда дали названіе *Россійской Библіотеки*. Баркову поручили изданіе; Шлецеръ оскорбился и отказался отъ всего: общее собраніе ограничилось однимъ томомъ, заключившимъ Кенигсбергскій списокъ Нестора. Миллеръ также по своей охотѣ занялся изданіемъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій. По повелѣнію напечатано нѣсколько лѣтописей отъ Святѣйшаго Синода и отдѣльно отъ Акад. Наукъ; но взглянувъ только на изданія, можно увѣриться, что ученая критика къ нимъ не касалась.

До сихъ поръ Авторъ все говорилъ какъ-то перерывчиво, мимоходомъ; здѣсь начинается у него систематическая исторія Литтературы. Онъ означаетъ болѣе, дѣлитъ на эпохи. Можно-бы порадоваться, но едва-ли есть чему. Если до сихъ мѣстъ мы видѣли безпрерывныя ошибки, здѣсь вмѣшивается нѣчто особенное. Какъ не увѣряетъ насъ Г-нъ Бальби въ безпристрастіи (стр. 321 — 322), въ изяществѣ вкуса, въ знаніяхъ (*idem*, и стр. 192) нашего соотечественника, мы признаемся, что съ трудомъ замѣчая все это съ самаго начала, здѣсь отказываемся отъ малѣйшаго убѣжде-

Digitized by Google

нія въ словахъ Г-на Бальби. Безпристрастіе Автора рѣдѣетъ и исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ современному; сужденія не доказываютъ другихъ качествъ, приписываемыхъ Г-мъ Бальби его Обозрѣнію и нѣсколько разъ не вѣришь глазамъ своимъ, читая остальныя 20 страницъ сочиненія нашего соотечественника. Мы обѣщались не говорить безъ доказательствъ; продолжаемъ изложеніе статьи.

»Въ Русской Словесности,« говоритъ Авторъ, »надобно различить двѣ эпохи, бывшія въ царствованіе Екатерины (съ 1762 по 1796 годъ). *Первая*, »и по счастію болѣе продолжительная, видѣла окончаніе поприща Ломоносова и Сумарокова« (какъ будто оба эти литтератора одно и тоже!) »и появленіе нѣкотораго количества писателей, которыми *справедливо гордится Русскій народъ. Вторая* начинается въ послѣднихъ годахъ ея царствованія и продолжается до первыхъ лѣтъ царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Это отдѣленіе »15-ти лѣтъ (1790—1804) памятно въ Исторіи »Русской Литтературы славнымъ (fameux) примѣромъ, который показалъ Русскимъ писателямъ, »что они тотчасъ впадутъ въ заблужденіе, когда »удалятся отъ пути, указаннаго великимъ Ломоносовымъ.«

Но какой-же этотъ путь? Мы до сихъ поръ думали, что народъ, просвѣщаясь и образовываясь, самъ собою и временемъ открываетъ для себя путь, средства, способы къ усовершенствованію Литтературы или Словесности. Если-бы какой нибудь Французъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, что они погубятъ свою Литтературу, когда сойдутъ съ пути, указаннаго Малербомъ и Левизакомъ, что-

Digitized by Google

бы о немъ подумали? Но Авторъ говоритъ не то-ли самое, увѣряя, что Ломоносовъ пробилъ какой-то путь, съ котораго, сохрани Боже сходить послѣдователямъ до самаго скончанія вѣка. Знаемъ, что Ломоносовъ былъ умный, ученый, *великій человѣкъ*; согласимся даже съ Авторомъ, что его оды и рѣчи и теперь *образцовыя*; но какъ можно Словесность цѣлаго народа заставить цѣлые вѣки дѣлать то и такъ, что и какъ дѣлалъ Ломоносовъ? Гдѣ примѣръ человѣка, который сдѣлался-бы *абсолютнымъ* на всѣ вѣки и на всю Словесность и Литтературу своего народа? Не удивится-ли всякій, читая приведенныя нами слова Автора? Не удивится-ли, увидя у Автора въ этомъ мѣстѣ Исторіи нашей Литтературы слѣдующія эпохи: *блестящая эпоха Русской Литтературы, въ концѣ царствованія Екатерины II; возстановленіе Русской Литтературы?!* По крайней мѣрѣ, мы съ изумленіемъ остановились на такихъ эпохахъ Литтературы Русской и признаемся, что не умѣли растолковать себѣ, что все это значитъ? Пусть объясняетъ самъ Авторъ. Необъясняя еще ничего, онъ говоритъ о славнѣйшихъ людяхъ *блестящей эпохи Русской Литтературы*. Признаемся, что мы пожалѣли объ иностранцахъ, которые, вѣроятно, съ почтеніемъ слушаютъ, какъ Авторъ классифируетъ нашихъ писателей отъ 1762 до 1790 года. Начинается *Лирическою Поэзіею* и первый Лирикъ — просимъ угадать, кто? »Державинъ,« скажетъ читатель, »Державинъ, великій, неподражаемый Поэтъ нашъ, которому не было и нѣтъ еще равнаго въ Россіи, котораго смѣло можемъ поставить на ряду съ величайшими Лириками всѣхъ вѣковъ!« Совсѣмъ нѣтъ! »Ломоносовъ (го-

Digitized by Google

ворить Авторъ) умирая, *оставилъ свою лиру Петрову*.« Не знаемъ, въ какомъ Парнасскомъ судилищѣ засвидѣтельствовано это завѣщаніе Ломоносова. Но выполнилъ-ли надежды завѣщателя наслѣдникъ его? Нѣтъ! »Петровъ не умѣлъ управлять (manier) »Русскимъ языкомъ такъ хорошо, какъ его предшественникъ.« Слѣдуетъ похвала и осужденіе Петрову, изъ коихъ выходитъ, по мнѣнію Автора, что Петровъ былъ не дурной поэтъ и умѣлъ къ открытому Ломоносовымъ прибавить кое-что новое. Каково-же читать послѣ этого: »Петровъ »имѣлъ *очень опаснаго соперника* въ Державинѣ.« Какъ! Державинъ *только соперникъ* Петрова, котораго Авторъ и не думаетъ сравнивать съ Ломоносовымъ? Что-жъ будетъ Державинъ въ сравненіи съ Ломоносовымъ? И послѣ этого Авторъ берется писать Исторію нашей *Литтературы*! Не понимаемъ! Онъ распространяется о томъ, что Державинъ былъ худо воспитанъ, писалъ сначала стихи, не зная стопосложенія; увѣряетъ, что *слѣды недостатка воспитанія* у Державина никогда не изглаживались, что въ старости геній его погасъ и что — de mortuis bene — Державинъ занимаетъ однакожъ одно изъ первыхъ мѣстъ на нашемъ Парнассѣ. Но утѣшимся; Авторъ прибавляетъ: »Вообще стихотворенія Державина весьма оригинальны, »это не послѣднее достоинство сочиненій въ такой литтературѣ, которая почти вся подражаніе (Et ce n'est pas leurs moindre mérite dans une littérature qui est *presque toute d'imitation*)!« Хорошъ аттестатъ отъ Рускаго Русской Литтературѣ, въ глазахъ иностранцовъ, и хороша *блестящая эпоха* этой Литтературы!

Digitized by Google

Еще лучше приговоръ Лирику Капнисту (который, по словамъ Автора, скончался въ 1813 году, хотя Капнистъ послѣ того жилъ еще 10 лѣтъ). »Онъ былъ другъ и *подражатель* Державина; у него не было генія сего послѣдняго, но *трудъ* и познанія въ Литературѣ *древней и новой* (de la littérature moderne; но какой-же *moderne*? Французской, Нѣмецкой, Англійской?) дополняли въ немъ дарованія.« Каковъ кажется вамъ восторженный поэтъ, лирикъ, у котораго *трудъ и чтеніе иностранныхъ писателей замѣнили талантъ!*

Упомянувъ о неудачной эпопеѣ Ломоносова, сказавъ, что Херасковъ былъ также неудачливъ, что Костровъ хорошо началъ переводъ Иліады, а Петровъ хорошо исполнилъ переводъ Энеиды, Авторъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ упоминаетъ о поэмахъ Майкова. *Елисей или раздраженный Вакхъ*, говоритъ Авторъ, surtout mérite l'attention par son originalité et par sa gaîté. *Елисей*, нестерпимый, ни по предмету, ни по ужаснымъ стихамъ своимъ, заслужилъ у Автора милости болѣе нежели Державинъ! *Душенька*, Богдановича, удостоилась по крайней мѣрѣ отзыва не менѣе лестнаго: благодаримъ ужь и за то, что она кажется Автору не хуже Елисея.

»Драма оказала успѣхи въ сію эпоху, особенно въ Комедіи.« Но какіе-же успѣхи? Авторъ, объявляя о Княжнинѣ, говоритъ только, что онъ »писалъ почище *Сумарокова*, и заслуживаетъ порицаніе, »за *ограбленіе* Французскихъ драматиковъ безъ всякой пощады (pour avoir pillé — sans aucun ménagement) и часто *порчу* лучшихъ мѣстъ изъ сочиненій Расина и Вольтера.« За тѣмъ находимъ извѣ-

Digitized by Google

стіе о *Бригадирѣ* и *Недорослѣ*, Фонъ-Визина. Повторяемъ нашъ вопросъ: на чемъ основаны слова Автора, что l'art dramatique fit des progrès à cette époque, surtout pour ce qui regarde la comédie? Всего навсе насчитываетъ Авторъ *три* комедіи, заслуживающія вниманіе: двѣ сочиненія Фонъ-Визина (*) и одну сочин. Княжнинымъ: *Хвастунъ*. Но вотъ въ числѣ *славнѣйшихъ поэтовъ блестящей эпохи Литтературы Русской* являются *Клушинъ*, съ его *Смѣхомъ и Горе*, *Ефимьевъ*, съ *Преступникомъ отъ игры*, Аблесимовъ съ *Мельникомъ*. О послѣднемъ ни слова, а первыхъ можно-ли было выставлять, когда, увидимъ въ послѣдствіи, какъ Авторъ говоритъ о Карамзинѣ, Дмитріевѣ и Пушкинѣ.

Но Авторъ съ величайшею увѣренностію думаетъ, что онъ исполнилъ хорошо свое дѣло, воздалъ всякому должное и означилъ всѣ главнѣйшія черты *блестящей эпохи* нашей Литтературы. По крайней мѣрѣ, извѣстіе о Хемницерѣ онъ начинаетъ слѣдующими словами: »Намъ остается сказать *еще только объ одномъ поэтѣ сей первой эпохи царствованія Екатерины*.«

О прозѣ сей эпохи говоритъ далѣе Авторъ мимоходомъ, упоминая только, что проза всегда отстаетъ отъ Поэзіи. »Проза Ломоносова была »чудо, явленіе необыкновенное, и сей порывъ »генія оставался долго неподражаемымъ.« За нѣмъ идутъ извѣстія, что Платонъ возвелъ духовное

(*) Замѣтимъ здѣсь, что Le Mineur совсѣмъ не выражаетъ Русскаго: *Недоросль*. Г-нъ Сенъ-При прекрасно передалъ это слово Французскимъ le Dadais. За чѣмъ было выдумывать новое, неудачное?

Digitized by Google

краснорѣчіе до такой степени совершенства, что отнялъ смѣлость у всѣхъ послѣдователей; что проза Фонъ-Визина, въ оригинальныхъ и переводныхъ съ Французскаго сказкахъ, всегда будетъ образцомъ нашимъ разскащикамъ, а Кострова переводъ Оссіана есть un chef-d'oeuvre en fait de prose poétique; что Исторія была съ успѣхомъ обработываема Муравьевымъ. Тутъ все рѣшительно ошибки. Платонъ, какъ сочинитель, былъ Ораторъ не первостепенный: это доказываютъ всѣ его проповѣди; онъ превосходенъ былъ только въ торжественныхъ привѣтствіяхъ своихъ. Его Слово на положеніе знаменъ при гробѣ Петра Великаго и другое на коронованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА останутся всегда превосходнѣйшими твореніями; но все однакожь не безъ сравненія съ его предшественниками и послѣдователями. Платонъ изумлялъ произнесеніемъ своихъ проповѣдей и тѣмъ только успѣлъ онъ сорвать у современниковъ пальму безсмертія. Прежде и послѣ него были ораторы духовные гораздо выше Платона по сочиненіямъ: назовемъ Ѳеофана, Гавріила Бужинскаго, Амвросія, Леванду, Владиміра, не говоря о современникахъ нашихъ. Оригинальная проза Фонъ-Визина была хороша по своему времени, а переводы его и тогда были дурны; Кострова Оссіанъ переведенъ былъ наскоро и съ Французскаго перевода: забавно-же считать его донынѣ *образцовымъ прозаическимъ твореніемъ*. Муравьевъ написалъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ историческихъ для упражненій учебныхъ: какъ-же могъ онъ *обработывать Исторію съ большимъ успѣхомъ!*

»Таково-то было цвѣтущее состояніе Русской Литтературы« (подлинно: *таково-то!*), »когда въ

Digitized by Google

»последнихъ годахъ XVIII вѣка, молодые писатели, »находя старую дорогу трудною, захотѣли про»бить новый путь.« Авторъ объясняетъ далѣе, что оставя Славянскій языкъ, юные писатели 1790 — 1804 гг. подрыли Русскій языкъ въ его основаніяхъ и повредили чистотѣ его иностранными словами, коими думали обогатить его; притомъ ввели сантиментальность, »нравившуюся на минуту, особенно женщинамъ; но она происходила не изъ глубины »сердца и не замедлила сдѣлаться смѣшною.«

Безпристрастно судя о прошедшемъ, не льзя не сказать, что тутъ есть и правда; но какъ все это сбито у Автора! Онъ самъ говоритъ, что проза Русская еще едва появлялась, что прозу Ломоносова должно считать необыкновеннымъ явленіемъ; перебирая авторовъ прошлой эпохи, Авторъ никого не похвалилъ рѣшительно; говорилъ, что при Царѣ Алексіѣ было наводненіе Малороссизмовъ, при Петрѣ Германизмовъ; видимъ, что все дѣло состояло въ словахъ, нѣкоторомъ измѣненіи языка, который, какъ еще не утвердившійся, подвергался различнымъ нововведеніямъ. Нововведеніе съ 1790 по 1804 г. было неудачно; но о чемъ взялся говорить Авторъ? О *Литтературѣ;* одинъ-ли слогъ, болѣе или менѣе чистый у нѣкоторыхъ изъ множества писателей, составляетъ *Исторію Литтературы цѣлаго народа?* Введеніе новыхъ идей, вліяніе правительства, явленіе геніевъ, образованіе народа, распространеніе его этнографическихъ отношеній, вотъ въ чемъ Исторія Литтературы. И какъ-же могъ Авторъ, если съ 1790 по 1804 годъ, между нѣкоторыми молодыми писателями, были въ модѣ галлицизмы и

Digitized by Google

сантиментальность, вскорѣ исчезнувшіе и оставшіеся только у дурныхъ послѣдователей, какъ могъ онъ изъ этого составить *эпоху цѣлой Литтературы*? Справедливо-ли послѣ того называетъ онъ эти 15 лѣтъ *несчастною эпохою Русской Литтературы*, ставитъ въ оглавленіи статьи своей, надъ 1790 годомъ: *Упадокъ Русской Литтературы*, а надъ 1804 г. *Возстановленіе Литтер. Русской?* Надъ этимъ возстановленіемъ находимъ у него надпись: E'poque d' Alexandre Chichkoff, Chakhofsky. Съ совершеннымъ уваженіемъ къ гражданскимъ подвигамъ А. С. Шишкова, сего достойнаго вельможи и покровителя наукъ и просвѣщенія, мы признаемъ литтературную заслугу сего почтеннѣйшаго Литтератора. Въ книгѣ своей: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, онъ показалъ ошибки и ложную систему нѣкоторыхъ писателей начала XIX вѣка; но одинъ частный человѣкъ, какъ-бы ни былъ онъ великъ, не составляетъ эпохи въ Литтературѣ народа. Мы не видѣли изъ описаній Автора доказательствъ, на которыхъ основываясь, назвалъ онъ время съ 1762 по 1790 г. *блестящею эпохою* Русской Литтературы, и ни по чему и никакъ не можемъ согласиться на оскорбительное названіе, *несчастной эпохи, паденія Русской Литтературы*. Если блестяща была прежняя эпоха, въ чемъ упадокъ другой эпохи? Не самъ-ли Авторъ, послѣ 15 лѣтъ паденія, широкими словами начинаетъ выхвалять новѣйшую Русскую Литтературу и исчислять нынѣшніе успѣхи наши? Эти успѣхи переходятъ за грань несчастной эпохи и приготовлены были во время ея. Этого мало: Державинъ, Херасковъ, Капнистъ, Костровъ,

Digitized by Google

Ефимьевъ, Клушинъ, Муравьевъ, люди, означившіе у Автора прежнюю эпоху, были въ несчастную эпоху живы и писали; нѣсколько юношей, положимъ, писали дурно, и за нихъ, по милости Автора, *падаетъ несчастная Литтература Русская* и иностранцы съ сожалѣніемъ пишутъ: »Писатели *несчастной эпохи*, о которой говоримъ, были весьма многочисленны; но ихъ имена и сочиненія пали въ глубокое забвеніе.« Если и положимъ, что Пнинъ, Подшиваловъ, Князь Долгорукій и другіе достойные уваженія писатели сей эпохи теперь забыты; если согласимся на рѣшительный приговоръ Автора, спрашивается: почему эпоху возстановленія означилъ Авторъ *эпохой Князя Шаховскаго?* Вотъ доказательства: »Князь »Шаховской нанесъ имъ (молодымъ писателямъ, порвавшимъ языкъ) послѣдній ударъ въ Комедіи своей, »называемой: *Новый Стернъ*.« И эта маленькая пьеска дѣлаетъ у Автора эпоху! Того, что слѣдуетъ за симъ, истинно не льзя читать безъ негодованія. Пусть судятъ сами читатели. »Коса времени пощадила только двухъ: *Карамзина*, какъ прозаика и *Дмитріева*, какъ поэта. Первый заслужилъ »нынѣ Европейскую славу и одолженъ ею своей *Исторіи Россіи*. Онъ вдался въ изученіе старинныхъ »лѣтописей Русскихъ, *слѣдовательно*, языка Славянскаго, десять лѣтъ *думалъ о своемъ слогѣ* и издалъ твореніе, которое, будучи переведено на Французскій и Нѣмецкій языки, доставило ему нынѣшнюю его славу.« Не говоримъ уже о логикѣ Автора: коса времени *только пощадила Карамзина*, а между тѣмъ, въ тоже время, *Карамзинъ пріобрѣлъ Европейскую славу;* оставимъ это, и спросимъ каждаго Рускаго: можно-ли о Карамзинѣ,

Digitized by Google

оказавшемъ столько величайшихъ услугъ, отзываться съ такою непростительною неблагодарностью? Но чѣмъ далѣе идемъ, тѣмъ болѣе начинаемъ увѣряться, что Авторъ, какъ будто нарочно, хочетъ унижать все то, чѣмъ гордится новѣйшая наша Литтература Къ чему это? Можетъ быть, узнаемъ. Читатели видѣли сужденіе Автора о Державинѣ. Творецъ Ермака, донынѣ единственный въ сказкахъ, Дмитріевъ, оказавшій столько заслугъ нашей поэзіи, даетъ соотечественнику случай къ сужденію самому неосновательному и оскорбительному. »Дмитріевъ изъ »бѣгъ жребія своихъ современниковъ (т. е. дурныхъ »писателей), благодаря нѣкоторымъ лирическимъ про»изведеніямъ и особенно подражаніямъ сказкамъ Воль»тера и Баснямъ Лафонтена. . . .« Не выписывая остальнаго сужденія Автора о Дмитріевѣ, скажемъ, что слава Дмитріева конечно не потерпитъ отъ несправедливости молодаго его Рецензента; но безъ досады едва-ли кто нибудь прочитаетъ такіе приговоры, вспомня, что ихъ произноситъ соотечественникъ знаменитаго Поэта, въ глазахъ иностранцовъ!

Оставимъ поскорѣе *несчастную эпоху Литтературы Русской* и перейдемъ однимъ шагомъ къ новѣйшей современной намъ эпохѣ. Сказавъ о П. Сумароковѣ, упомянувъ, что »Les auteurs de cette époque malheureuse (1790 – 1804) nous saurons gré de ne pas rappeler ici leurs noms et leurs écrits, Авторъ забываетъ, кажется, что рѣшился было писать *только о Словесности:* четыре страницы посвящаетъ онъ тутъ просвѣщенію Россіянъ въ XIX вѣкѣ (346—349), гдѣ кое какъ набросаны у него замѣчанія о флотѣ и Академіи Художествъ, путешествіяхъ Рус-

Digitized by Google

ских кругомъ свѣта и учрежденій Университетовъ. Вотъ наступаетъ новая эпоха: Restauration de la littérature Russe. »Въ послѣднее время всѣ знанія »процвѣли въ Россіи (стр. 348); Литература не замедлила воспринять *прежній блескъ свой* (стр. 349). Слава Богу! Кого-то подаритъ здѣсь Авторъ вѣнками! Изображая новѣйшую эпоху, Авторъ дѣлитъ теоретически всю Словесность на части: *Лирическая поэзія*, *Эпопея*, *Драма*, *Дидактическая поэзія*, *Описательная поэзія*. Что это за раздѣленіе? спросишъ насъ. Право не понимаемъ; не понимаемъ также: отъ чего въ Описательную поэзію включаетъ Авторъ *Идиллію*, а въ Дидактическую, *Басню*. Можемъ для образчика теоретическихъ опредѣленій Автора представить еще *опредѣленіе романтической поэзіи*. »Романтизмъ »состоитъ въ выборѣ народныхъ (nationaux) пред»метовъ и въ употребленіи красокъ, могущихъ по»разить взоры народа, такъ, чтобы онъ не былъ »предварительно принужденъ изучивать климатъ, »нравы и повѣрья иностранныхъ народовъ.« Переводъ слово въ слово; читатели согласятся, что подобныя положенія не стоятъ опроверженій. Авторъ исчисляетъ въ каждомъ родѣ отличнѣйшихъ поэтовъ. Не станемъ слѣдовать за каждою строчкою его: общія черты дадутъ понятіе о духѣ и образѣ его сужденій.

Жуковскій. »Онъ особенно занимается подра»жаніями и переводами Нѣмецкихъ и Англійскихъ »поэтовъ. Ему одолжена Россія романтизмомъ. Слогъ »Жуковскаго вообще чистъ, но принуждая себя »быть слишкомъ сжатымъ, Поэтъ часто дѣлаетъ »слогъ свой темнымъ; самая блестящая часть его

Digitized by Google

»стихотвореній описательная; самая слабая, напро»тивъ, страсти, ибо онѣ худо согласуются съ ми»стицизмомъ, разлитымъ въ твореніяхъ Жуковскаго. »Недавно перевелъ онъ Іоанну Д'Аркъ, Шиллера, но »сія пьеса не была представлена на театрѣ.«

И такъ Жуковскій, одинъ изъ первыхъ Русскихъ поэтовъ нашего времени, творецъ Свѣтланы, Эоловой арфы, Посланія къ Александру, Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ и множества другихъ оригинальныхъ пьесъ, живописецъ глубокихъ тайнъ сердца человѣческаго, дѣлается у Автора *подражателемъ, чистенько, но часто темно пишущимъ, жестокомъ* и, что всего забавнѣе, *наиболѣе успѣвшимъ въ Описательной поэзіи*, когда онъ почти ничего не писалъ въ этомъ родѣ! Орлеанская Дѣва, Шильонскій Узникъ, Смальгольмскій Баронъ, переводы изъ Энеиды и Овидія, изъ Мессіяды и Гебеля, образцовая проза Жуковскаго, введеніе множества новыхъ формъ стихосложенія: всѣ сіи заслуги не удостоились отъ Автора ни одного слова.

Пушкинъ. »Лирическій поэтъ, еще *очень молодой* человѣкъ, но пріобрѣлъ уже извѣстность »(réputation), помрачающую многихъ другихъ. *Романтическія поэмы въ родѣ* Байрона (les poèmes romanesques dans le genre de ceux de Byron), съ нѣкотораго времени, въ большой модѣ у Русскихъ. Мы »упомянемъ о поэмахъ только Пушкина, подавшаго »первый примѣръ своимъ *Кавказскимъ Плѣнникомъ.* »Послѣ того онъ издалъ ихъ много, и во всѣхъ находимъ одинакія погрѣшности и одинакія красоты. »Первыя безъ сомнѣнія тѣмъ болѣе поражаютъ читателя, что послѣднія многочисленны. Стихосложеніе легкое, гармоническое, исполненное нѣги,

Digitized by Google

»описанія вѣрный и поэтическія — вотъ красоты »поэзіи Пушкина. Недостатокъ плана и общности, »особенно-же *однообразіе чувствованій* и повторе»ніе нѣсколькихъ любимыхъ выраженій — вотъ не»достатки. Лучшее произведеніе его, поэма: *Людмила*.«

Кто узнаетъ тутъ нашего Поэта-исполина? Хотя спросилъ-бы Авторъ иностранцовъ, Г-на Геро, Г-на Шопена, Французскихъ Литтераторовъ, кто таковъ Пушкинъ, творецъ Бориса Годунова, Руслана и Людмилы, Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскаго Фонтана, Цыганъ, Онѣгина, Братьевъ Разбойниковъ, Подражаній Корану, Одъ, Элегій, стихотвореній, въ которыхъ является онъ истиннымъ Протеемъ и доводитъ языкъ поэзіи до такой степени совершенства, о которой въ Авторову *блестящую эпоху Литтературы Русской* еще и не знали. Пушкинъ однообразенъ, повторяется: вотъ упреки, которыхъ не льзя было ожидать творцу Годунова! Но, не сердясь на Автора, улыбнемся при извѣстіи его, что *романическія* поэмы въ родѣ Байрона, sont depuis quelque temps très à la mode en Russie. *Поэмы въ родѣ Байроновыхъ!* Точно какъ будто пѣсни въ родѣ Лафара; *Байронъ въ модѣ!* Вообразите! Мы слыхали, что эта мода распространилась въ цѣломъ свѣтѣ, что Байронъ есть поэтъ цѣлаго вѣка нашего, увлекшій за собою весь свѣтъ: все это мы слыхали, а что поэмы въ родѣ Байроновыхъ называются *romanesques*, признаемся, слышимъ въ первый разъ. Парижская новость, передаваемая на Русь нашимъ соотчичемъ!

Батюшковъ. »Его ставятъ Русскіе Критики »на ряду съ Жуковскимъ; но онъ превосходитъ его

»чистотою слога; за то у него меньше силы, еще »менѣе оригинальности. Вообще онъ безхарактеренъ: »то подражаетъ Парни, то Оссіану« . . . *Слогъ и чистота:* вотъ всѣ достоинства, на коихъ основана у Автора слава поэтовъ! А заслуги Батюшкова? Его собственныя стихотворенія? Его образцовая проза? Авторъ молчитъ. Приводимъ еще его мнѣнія.

Крыловъ. »Послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ »опытовъ въ Комедіи, онъ оставилъ сей родъ и со»чинялъ Басни, гдѣ изящныя качества Хемницера со»единилъ съ великими красотами поэзіи. Послѣ та»кой похвалы насъ необвинятъ въ пристрастіи, если »мы скажемъ, что въ иныхъ басняхъ Крыловъ гре»шитъ своими изысканными нравоученіями и наду»тымъ слогомъ.«

Грибоѣдовъ. »Одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ »комедій. Недавно сочинилъ комедію оригинальную, »которая не была даже и представлена на театрѣ. »Мы не имѣемъ объ ней никакого понятія.«

Мы замѣчали выше, что *не была представлена, не была напечатана*, значитъ у Автора осужденіе. — Сказать о Крыловѣ, что онъ сколько нибудь похожъ на Хемницера, можетъ развѣ тотъ, кто не читалъ сихъ Баснописцовъ.

Пересказвъ мнѣнія Автора о первыхъ Русскихъ Поэтахъ нашего времени, мы наскоро исчислимъ другихъ, которые попали въ его списокъ. Онъ съ похвалой отзывается о Востоковѣ, Князѣ Шихматовѣ, Гнѣдичѣ, какъ Переводчикѣ Иліады, и объ Озеровѣ; за нимъ ставитъ Висковатова, Грузинцова, за его *Эдипа-Царя* (»по причинѣ плана »сей трагедіи и красотъ совершенно въ древнемъ »вкусѣ и *безпримѣрныхъ въ Литтературѣ Рус-*

Digitized by Google

»ской«), Крюковскаго, »з'ъ прекрасное стихосложеніе;« называетъ лучшими переводчиками трагедій: Жандра, Гнѣдича, Лобанова; изъ комиковъ упоминаетъ о Загоскинѣ, »оригинальномъ поэтѣ, сочиненія котораго представляютъ много комическаго и »оригинальности;« лучшими переводчиками комедій именуетъ Авторъ Хмѣльницкаго, Жандра; за тѣмъ слышимъ отъ него имена Неваховича и Ильина, »съ успѣхомъ обработывавшихъ драму.«

Дидактическая поэзія представляетъ ему только *Опытъ о Критикѣ*, Попе, переведенн. Кн. Шихматовымъ. Слѣдуетъ Милоновъ съ его Сатирами. Описательная поэзія (une de branches les plus pauvres de la littérature Russe) является »съ »нѣсколькими оригинальными Идилліями Панаева и »Идилліею Гнѣдича: *Рыбаки*.«

И симъ оканчивается Обозрѣніе Поэзіи Русской, послѣ ея возстановленія. Гдѣ-же тѣ великіе люди, которыми наша эпоха можетъ гордиться? Гдѣ успѣхи наши, могущіе подтвердить слова Автора, что »Литература наша *воспріяла прежній блескъ свой* (стр. 348)?«

Читатели могли замѣтить, что въ прежнихъ эпохахъ, мало уважая Державина, Карамзина, Дмитріева, Авторъ находилъ людей, о которыхъ говорилъ съ особеннымъ почтеніемъ. Не уже-ли для того ведена вся статья, чтобы и между современниками выбрать себѣ также кое-кого и принесть имъ въ жертву всѣхъ другихъ? Не знаемъ; только называя Жуковскаго подражателемъ, Пушкина однообразнымъ, Крылова надутымъ, ни одного слова не сказавъ о многихъ другихъ отличныхъ поэтахъ, Авторъ нашелъ двухъ, предъ которыми совершен-

Digitized by Google

но приходитъ въ изумленіе. *Князь Шаховской* и *Г-нъ Катенинъ*, суть сіи два геніа покровителя и надежда нашей Литтературы.

Мы видѣли, что Князь Шаховской означилъ у Автора эпоху въ Русской Литтературѣ, и послѣ того шесть разъ является онъ и *вездѣ первый*. Въ Эпопеѣ, за его *Расхищенныя шубы* (стр. 353); далѣе, какъ лучшій переводчикъ трагедій и хорошій оригинальный трагикъ; потомъ, какъ первый комикъ Русскій, *нѣкоторыя пьесы котораго имѣли неслыханный успѣхъ*. Потомъ, какъ сочинитель оперъ и водевилей, изъ коихъ нѣкоторыя sont les chefs-d'oeuvre de cet auteur. Наконецъ, какъ превосходнѣйшій сатирикъ: »Двѣ сатиры Кн. Шаховскаго (говоритъ Авторъ) могутъ назваться самыми превосходнѣйшими твореніями, какія Литтература Русская имѣетъ въ семъ родѣ.«

Г-нъ Катенинъ, по мнѣнію Автора, есть другое блистательное явленіе новѣйшей Литтературы (стр. 351). »Онъ Лирикъ, присоединившій къ »оригинальности, столь рѣдкому качеству въ Рус»ской Литтературѣ, слогъ, всегда исправный, пріят»ный и сильный, смотря по предмету. Мысль въ »его твореніи: *Міръ Поэта*, высоко-поэтическая, »а исполненіе не оставляетъ ничего болѣе желать.« Потомъ Авторъ увѣряетъ, что Мерзлякова переводъ Освобожд. Іерусалима потому дуренъ, что писанъ Александринами, а Г-нъ Катенинъ могъ-бы перевесть хорошо, ибо изобрѣлъ на Русскомъ языкѣ октавы, точно Тассовскія. Далѣе находимъ, что »Мельпомена Русская *только на Г-на Катенина имѣетъ надежды*. Наконецъ, Г-нъ Катенинъ является однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ комедій.“ Правду сказать: если у насъ

Digitized by Google

»шлось нынѣ только два поэта достойныхъ полна-
го вниманія, то новѣйшая Поэзія Русская немного
заслужила въ глазахъ Автора. За то Проза возне-
сена имъ удивительно какъ высоко. »Проза« (слова
Автора), »которую оставили мы добычею дурнаго
»вкуса и ложныхъ правилъ, воспріяла, въ началѣ сего
»вѣка, болѣе вѣрный ходъ и сдѣлала быстрые успѣхи,
»особенно въ слогѣ Историческомъ и Дидактиче-
»скомъ. *Слогъ чистый и правильный*, во времена
»Екатерины II бывшій удѣломъ немногихъ людей съ
»большими талантами, сдѣлался принадлежностью
»всѣхъ людей образованныхъ. Но мы не можемъ вхо-
»дить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.« Все, одна-
кожь, надобно было наименовать главнѣйшихъ атле-
товъ нынѣшней Прозы. Вотъ они: послѣ Карамзина
лучшіе наши Историки: *Архіепископъ* (?) Евгеній,
Г-нъ Каченовскій, Григорій Глинка. Желали-бы мы
знать: гдѣ нашелъ Авторъ историческія произведе-
нія Г-на Каченовскаго? Кромѣ небольшихъ Журналь-
ныхъ статей, переводовъ изъ сочиненій Бюзе, Шле-
цера, Добровскаго и Критическо-Историческихъ
разысканій, писанныхъ слогомъ весьма неисправнымъ и
съ непростительными ошибками, мы ничего болѣе не
знаемъ изъ сочиненій Г-на Каченовскаго. Григорій
Глинка перевелъ только Манштейновы Записки, и
то весьма плохо: почему-же можно почесть его за
Историка? —

»Лучшіе повѣствователи нынѣшней эпохи суть
»Каченовскій, Башюшковъ, Жуковскій и Нарѣжный,
»которыхъ *Славянскіе вечера* заслуживаютъ боль-
»шую извѣстность.« Но гдѣ повѣсти и прозаическія
сочиненія Г-на Каченовскаго? Онъ не издалъ ничего,
кромѣ Диссертацій и переводовъ, о коихъ сказали
мы свое мнѣніе выше. Имя Г-на Каченовскаго Ав-

Digitized by Google

шоръ упоминаетъ еще разъ, какъ имя Автора отлично занимавшагося Критикою и теоріею языка. Не многія критики Г-на Каченовскаго, особливо споры его о банномъ строеніи, намъ извѣстны; но о теоріи языка онъ *ничего* и *никогда* не писалъ, кромѣ самыхъ легкихъ Журнальныхъ статей.

Статья нашего соотечественника кончена. Можетъ быть, сообразя безчисленныя ошибки, противорѣчія, мнѣнія его, читатели скажутъ, что мы напрасно рѣшились на подробный разборъ. Знаемъ, что мы могли-бы сказать рѣшительно, что статья о Русской Литтературѣ, въ Атласѣ Г-на Бальби, исполнена погрѣшностей и даетъ совершенно превратное понятіе о Литтературѣ Русской. Но мы имѣли въ виду иностранцовъ, для которыхъ была она писана. Дорожа всѣмъ, что говорятъ имъ о Россіи, они съ величайшимъ уваженіемъ отозвались о трудѣ Автора. Атласъ Г-на Бальби переводятъ на Нѣмецкій языкъ; Г-нъ Бальби хвалитъ нашего соотечественника, выше всякой мѣры. Въ Bibliothèque Universelle перепечатана была его статья, и вотъ что сказали отъ себя Издатели сего уважаемаго Журнала (T. XXXIV, Отд. I, стр. 242): »Неизвѣстный Авторъ Обозрѣнія, юный писатель Русскій, *кажется*, очень хорошо знаетъ литтературную Исторію своей отчизны. Свѣдѣнія наши о семъ предметѣ ограничиваются столь малымъ, что сіе небольшое произведеніе показалось намъ достойнымъ обширнѣйшей извѣстности. Безъ сомнѣнія, въ слогѣ найдутся нѣкоторыя неправильныя выраженія и иностранные обороты; но *важность предмета* заставляетъ забыть сіи легкіе недостатки.«

Послѣ сего Русскій публицистъ долженъ поставить обязанностью вывесть изъ заблужденія

Digitized by Google

иностранцовъ и оцѣнить трудъ Рускаго по достоинству. Мы обѣщали не говорить безъ доказательствъ: слѣдуя шагъ за шагомъ, мы высказали, сколько позволялъ размѣръ статьи нашей, ошибки и несправедливыя мнѣнія Автора, ибо *всѣхъ* ошибокъ его не возможно было намъ исчислить. Теперь никто не можетъ сказать, что мы рѣшали безъ разбора. Заключеніе наше будетъ въ немногихъ словахъ.

1-е. Въ статьѣ нашего соотечественника о Русской Литтературѣ не видно надлежащаго понятія ни о Теоріи Изящныхъ Искусствъ, ни о Критикѣ: стоитъ взглянуть на мнѣнія его о романтизмѣ, на раздѣленіе Словесности по отраслямъ. Авторъ, ограничиваясь разсмотрѣніями нѣсколькихъ отдѣльныхъ произведеній, по симъ разсмотрѣніямъ судитъ о цѣломъ, не обозрѣвая ни причинъ, ни средствъ общихъ, какими все производится. Невѣрное исчисленіе въ каждомъ періодѣ нѣсколькихъ писателей, безъ всякаго разбора, переводчиковъ и оригинальныхъ вмѣстѣ, составляетъ у него всю исторію. Онъ, кажется, совсѣмъ не знаетъ, что не льзя писать Исторіи Словесности, не обозрѣвая вполнѣ хода всего образованія и просвѣщенія народнаго; въ такое обозрѣніе входятъ всѣ знанія, всѣ успѣхи просвѣщенія и образованности.

2-е. Названіе обѣщало намъ такой разборъ, ибо Авторъ хотѣлъ говорить о *ходѣ образованія и Литтературы Рускихъ*. Съ 3-й страницы отказался онъ отъ перваго; наконецъ и отъ Литтературы: одна Словесность сдѣлалась его предметомъ. Гдѣ-же вѣрность плана? Потомъ опять отъ времени до времени (стр. 327, 330, 333, 336, 346–349) являются сухія исчисленія успѣховъ Ру-

Digitized by Google

скихъ на поприщѣ просвѣщенія и образованности вообще; они такъ отличаются отъ цѣлой статьи, что невольно почтешь ихъ посторонними вставками, написанными другимъ человѣкомъ, не заботившимся о планѣ перваго Автора.

3-е. Порядка, послѣдовательности идей и вѣрности общихъ посылокъ Автора, мы совсѣмъ не видимъ. Авторъ, безъ всякой надобности, распространяется о прежнихъ эпохахъ Литературы Русской, сжимается гдѣ должно-бы говорить подробнѣе, называетъ *блестящею эпохою* время съ 1762 по 1790 г. и ничѣмъ не доказываетъ сего названія, такъ, какъ и названія слѣдующей за нѣмъ эпохи: *упадокъ*, *несчастная эпоха Литературы* (1790—1804). Если Авторъ самъ говорилъ, что въ наше время все процвѣло и усовершенствовалось, болѣе прежняго, почему нашъ вѣкъ не получилъ у него названія *блистательнѣйшаго?* Почему этотъ блистательнѣйшій вѣкъ у него такъ описанъ, что кромѣ Князи Шаховскаго и Г-дъ Капенина, Каченовскаго и Грузинцова, намъ почти нѣкого и выставить въ доказательство его блистательности?

4-е. Можно-ли исчислить противорѣчія Автора самому себѣ? Карамзинъ только что спасается отъ косы времени и — Карамзинъ получаетъ Европейскую славу! Г-нъ Капенинъ не издалъ ни одной трагедіи (Андромаха сего Литтератора не была еще тогда извѣстна) и Мельпомена Русская въ немъ только и полагаетъ надежду; Г-нъ Каченовскій не написалъ ни одной повѣствовательной пьесы и названъ лучшимъ повѣствователемъ Русскимъ. А сколько хронологическихъ и историческихъ ошибокъ?

Digitized by Google

Онѣ отчасти были означены нами и многія изъ нихъ доказываютъ незнаніе предмета, о которомъ взялся писать Авторъ.

5 е. Наконецъ: что̀ сказать объ оцѣнкѣ литтераторовъ Русскихъ? Какъ нарочно, все перемѣшано Авторомъ нашимъ; какъ будто съ намѣреніемъ, Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Пушкинъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ упоминаются у него съ пренебреженіемъ; изъ новѣйшихъ, на примѣръ, Баратынскій, Кн. Вяземскій, Ѳ. Н. Глинка, Баронъ Дельвигъ, Козловъ, не заслужили даже и упоминанія, когда Г-да Висковатовъ, Грузинцовъ, Нарѣжный, Неваховичъ, Григорій Глинка, поставлены въ число отличнѣйшихъ писателей.

Какое могло быть побужденіе написать такую странную статью? Не понимаемъ! Кто могъ написать это Обозрѣніе Русской Литературы? Сличивъ статью Г-на Л. Н. (о которой упоминали мы на стр. 30 Телеграфа), ясно видимъ въ обѣихъ статьяхъ удивительное сходство мнѣній, расположенія, даже сходство самыхъ выраженій. Не уже-ли одинъ и тотъ-же Сочинитель работалъ и для *Меркурія XIX вѣка* и для *Этнографическаго атласа*? Не уже-ли первый опытъ не отнялъ у него охоты? Не подозрѣваемъ никого изъ нашихъ литтераторовъ въ намѣреніи воспользоваться невѣдѣніемъ иностранцовъ, похвалить самого себя и своихъ пріятелей и побранить людей, коихъ онъ не любитъ. Нѣтъ! мы далеки отъ этого подозрѣнія, хотя недавно писали къ намъ изъ Парижа, что извѣстный Клапротъ получилъ письмо изъ Петербурга, отъ какого-то Г-на Бюсси-Рабютена, который проситъ Клапрота помѣстить въ какомъ нибудь

Digitized by Google

извѣстномъ Журналѣ статью о сочиненіяхъ *одного изъ Русскихъ писателей* (имени его никому знать ненужно), увѣрял Г-на Клапрота, что этотъ писатель есть *первый изъ всѣхъ писателей Русскихъ*. Клапротъ спросилъ у Рускихъ, живущихъ въ Парижѣ; они смѣялись читая письмо, и разсматривая его пристальнѣе, увидѣли на немъ Русскую печать самого хваленаго писателя. Что подумать объ этомъ? Мы думаемъ, что Русскій писатель, самъ себя расхваливший подъ именемъ Бюсси-Рабютена, хотѣлъ пошутить. Почему не думать, что кто нибудь для шутки, съ намѣреніемъ, рѣшился написать ошибочную статью въ Этнографическій атласъ Г-на Бальби? Надобно однакожъ сказать, что эта шутка весьма незабавная. На что употреблять во зло довѣренность иностранцовъ и дорожить минутнымъ торжествомъ, которое при нынѣшнемъ сближеніи Россіи съ Европою непремѣнно должно разрушиться. Впрочемъ, предоставляемъ судить другимъ: наше дѣло было показать достоинство статьи и вывесть иностранцовъ изъ заблужденія.

Къ статьѣ приложены три замѣчанія: о различіи Славянскаго языка и Малороссійскаго нарѣчія отъ Русскаго языка и о буквахъ Русскихъ и Славянскихъ. Всѣ они довольно хорошо составлены.

Мы должны еще представить читателямъ замѣчанія о Прибавленіяхъ къ статьѣ нашего соотечественника, сдѣланныхъ Г-дами Лемонте, Ферюссакомъ, Геро и Нейенкирхеномъ. Между тѣмъ, мы получили отъ одной особы переводъ статьи Г-на Геро о Русской Литературѣ, написанной по случаю разбора Антологіи Г-на Сенъ-Мора. Мы обѣщали уже представить читателямъ переводъ

Digitized by Google

этой статьи (Тел. XVI, Отд. II, стр. 48) и рѣшаемся помѣстить его въ слѣдующей книжкѣ, За тѣмъ сдѣлаемъ мы общее обозрѣніе и этой статьи и прибавленій къ разобранной нами статьѣ соотечественника нашего.

Н. П.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 *года.*

211. *Грамматика Латинская*, составленная по руководству Брёдера Ив. Снегиревымъ. Изданіе 2-е. М. 1826 г. 190 стр. in 8.

Сія учебная книга, отличающаяся основательными и ясными опредѣленіями, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ 1-мъ изданіемъ оной и по справедливости должна занять нынѣ первое мѣсто между всѣми Латинскими Грамматиками, изданными на Русскомъ языкѣ. Во второмъ изданіи она изложена болѣе систематически, нежели въ 1-мъ; наприм. въ Синтаксисѣ не встрѣчаемъ уже *правилъ въ разсужденіи значенія и окончанія словъ*; въ сей части Грамматики 2-го изданія падежи разсматриваются только синтаксически, т. е. относительно ихъ управленія въ рѣчи, между тѣмъ, какъ въ Синтаксисѣ 1-го изданія говорится о падежахъ этимологически, т. е., просто: какіе вопросы требуютъ извѣстныхъ падежей, что собственно относится къ Этимологіи. Словомъ: во 2-мъ изданіи сей книги сдѣланы весьма хорошія дополненія,

Digitized by Google

а многія опредѣленія совсѣмъ измѣнены, особенно въ Синтаксисѣ.

Послѣ сихъ общихъ замѣчаній сдѣлаемъ нѣкоторыя частныя.

Авторъ смѣшиваетъ имена числительныя съ прилагательными. Не все то истинно, что всѣми принято: это несомнѣнно, и на оборотъ; современный быстрый ходъ наукъ къ единству начала ежедневно убѣждаетъ насъ въ этомъ. Но Авторъ не объясняетъ, почему онъ отступилъ отъ общаго правила; изъ опредѣленія-же, составленнаго имъ для имени прилагательнаго, сего не видно.

Между принадлежностями глаголовъ (стр. 41) полагается видъ оныхъ (genus). По чему-бы не назвать родомъ? Въ противномъ случаѣ не переводить-бы *видъ* словомъ *genus*. Впрочемъ, мы совершенно согласны, что лучше называть видами глагола извѣстные въ нашихъ Грамматикахъ *залоги*: названіе, неимѣющее, въ смыслѣ Грамматическомъ, никакого значенія, подобно нѣкоторымъ выраженіямъ въ Русской Грамматикѣ.

Во Введеніи къ Синтаксису основательно опредѣляется, что такое періодъ, предложеніе и проч. Но мы не согласимся съ опредѣленіемъ сказуемаго или предлежащаго, ибо симъ послѣднимъ не всегда *опредѣляется подлежащее*. Не лучше-ли назвать: подлежащее *положеніемъ*, а сказуемое или предлежащее его *противоположеніемъ*? Связь-же не всегда выражается однимъ глаголомъ *быть* (esse). Всякій глаголъ опредѣляетъ отношенія между подлежащимъ и предлежащимъ, и потому всякій глаголъ можно назвать связью между подлежащимъ и предлежащимъ.

Digitized by Google

Съ удовольствіемъ читаемъ (стр. 101) замѣчаніе, кажется, не встрѣчаемое ни въ одной изъ нашихъ Грамматикъ, *что всѣ глаголы*, кромѣ существительнаго, *называемые прилагательными, заключаютъ въ себѣ значеніе глагола sum и причастія оныхъ, наприм. discipulus audit, ученикъ слушаетъ, вмѣсто discipulus est audiens, ученикъ есть слушающъ.* Изъ сего слѣдуетъ, что есть собственно одинъ глаголъ существительный: *быть — esse*, а всѣ прочіе суть его представители, ибо онъ въ каждомъ изъ оныхъ равно содержится, такъ какъ, собственно есть одно общее имя, или мѣстоименіе *я*, а всѣ прочія имена суть ничто иное, какъ разрозненное, распавшееся, такъ сказать, на части мѣстоименіе. Слѣдственно главное синтаксическое выраженіе, служащее основаніемъ для всѣхъ прочихъ, есть рѣченіе: *я есмь.*

Въ Латинскомъ Синтаксисѣ всегда важное мѣсто занимаетъ статья о послѣдовательности временъ. Были примѣры, что ученики, зная наизусть правила, напечатанныя въ книгѣ, при переводѣ на Латинскій языкъ, дѣлали ошибки въ употребленіи временъ. Причиною этого мѣлочныя, невразумительныя объясненія. Сія часть Синтаксиса вообще сбивчиво и слишкомъ школьно истолкована въ нашихъ Грамматикахъ. Во 2-мъ изданіи разсматриваемой нами учебной книги Г-на Снегирева съ удовольствіемъ читаемъ основательное и удовлетворительное объясненіе, относительно употребленія и порядка временъ въ языкѣ Латинскомъ. Важная услуга для учащихся, изнуряемыхъ мѣлочными, ничтожными толкованіями закоснѣлыхъ педагоговъ! Здѣсь узнаемъ взглядъ опытнаго и мыслящаго наставника. Симъ

Digitized by Google

объясненіемъ уничтожается нелѣпость нашихъ Латинскихъ Грамматикъ, что (неизвѣстно почему?) на прим. *за прошедшимъ* временемъ слѣдуетъ *преходящее*, а послѣ будущаго настоящее. Сія глава къ чести Автора, совершенно измѣнена во 2-мъ изданіи его Грамматики. Вмѣсто (стр. 112): *перемѣщеніе словъ въ Латин. языкѣ свободно*, лучше бы сказать, что перемѣщеніе словъ въ Латин. языкѣ основывается единственно на законахъ логическихъ, а посему и не ограничивается извѣстнымъ порядкомъ, подобно самой мысли, принимающей многоразличныя формы.

Въ главѣ: *О словоуправленіи вообще* читаемъ весьма основательное замѣчаніе, которое не встрѣчается въ 1-мъ изданіи, что *падежи и наклоненія зависятъ болѣе отъ значенія, нежели отъ предлоговъ и союзовъ.* Слѣдственно: союзы, на прим. ut, quo, eo, и проч., вопреки нашимъ Грамматикамъ, принимаютъ *не всегда* сослагательное наклоненіе, но тогда только, когда этого требуетъ смыслъ рѣчи. Нѣкоторыя объясненія Автора, при всей основательности оныхъ, могли-бъ быть вразумительнѣе. На прим. (стр. 113, § 2), вмѣсто: *родительный предметный* (*objecti*), яснѣе было-бы: родительный сказуемаго или предлежащаго. Вообще изъясненіе сего § несовершенно вразумительно; примѣръ болѣе нежели самое опредѣленіе объясняетъ различіе между родительнымъ подлежащаго и родительнымъ сказуемаго или предлежащаго. Такія опредѣленія, хотя и весьма рѣдко встрѣчаются во 2-мъ изданіи сей Грамматики, но справедливость требуетъ замѣтить оныя.

Digitized by Google

Далѣе (стр. 114, § 6) съ удовольствіемъ читаемъ: то *управленіе слова болѣе основывается на значеніи, нежели на измѣненіи онаго.* Выписываемъ сіи замѣчанія, съ намѣреніемъ доказать превосходство 3-го изданія сей Грамматики, какъ предъ 1-мъ, такъ и передъ всѣми нашими Грамматиками. Въ отдѣленіи *о наклоненіяхъ глаголовъ*, замѣчанія, отличающіяся точностію и основательностію, весьма удовлетворительно подтверждены, удачно избранными примѣрами изъ Цицероновыхъ писемъ.

Дальнѣйшее изложеніе синтаксическихъ правилъ, своею опредѣленностію и точностію, вполнѣ соотвѣтствуетъ приведеннымъ нами примѣрамъ. Заключимъ, что 2-е изданіе Грамматики Г-на Снегирева есть драгоцѣнный подарокъ, какъ учащимъ, такъ и учащимся языку Латинскому.

И. Б — къ.

1827 года.

103. Oraison funèbre de Monseigneur Stanislas Siestrzencewicz de Bohusz, Métropolitain des églises Catholiques - Romaines en Russie, Archevêque de Mohilew, etc. etc. (*Надгробное слово, при погребеніи Его Высокопреосвящ. Станислава Сестренцевича Богуша*, Митрополита Римско - Католическихъ церквей въ Россіи, Архіепископа Могилевскаго, и проч. и проч., произнесенное 15 Декабря, 1826 г., Аббатомъ Станиславомъ Парчевскимъ, Докторомъ Богословія, воспитанникомъ главной Виленской Семинаріи, въ приходской Католической церкви, въ Малой Коломнѣ, въ Санктпетербургѣ; съ замѣчаніями о жизни Высокопреосвящ. Митрополита,

Digitized by Google

Эпиграфъ: Stat magni nominis umbra. *Lucan* I. 132. СПб. 1827 г. въ тип. Плюшара, in gr. 8. 44 стр., съ литографир. портретомъ и рисунк. Церкви въ Малатицахъ и гравир. церкви въ Коломнѣ.

Рѣчь сію, произнесенную при погребеніи тѣла Митрополита Стан. Сестренц. Богуша, скорѣе можно назвать некрологическимъ извѣстіемъ, нежели надгробнымъ словомъ. Также намъ довольно странно показалось, что Сочинитель, между прочимъ, уподобляетъ покойнаго Митрополита Мазарену (стр. 16). Мирная, посвященная попеченіямъ о паствѣ и ученымъ занятіямъ жизнь покойнаго Архипастыря, ни сколько не походила на государственную, бурную жизнь хитраго и гордаго Кардинала Мазарена. Можно замѣтить еще нѣкоторыя противорѣчія между текстомъ слова и примѣчаніями въ концѣ его (на прим. между стр. 8 и 32, или примѣчаніемъ на стр. 22 и стр. 27). Покойный Митрополитъ родился въ 1731 году и скончался въ Декабрѣ, 1826 года. Онъ любилъ Науки и Литтературу. Въ юности писалъ онъ на Польскомъ языкѣ трагедіи и поэмы, и въ преклонныхъ лѣтахъ занимался науками, издалъ на Французскомъ языкѣ Историческія изслѣдованія о Тавріи, Славянскихъ народахъ и Нордманнахъ. Аббатъ Парчевскій (стр. 42) обѣщаетъ издать подробное его жизнеописаніе.

Т.

104. *Изложеніе политической системы Европейскихъ Государствъ*, съ показаніемъ ея происхожденія и начала, побудительныхъ причинъ взаимныхъ Государственныхъ союзовъ и распространенія оной, перемѣнъ и потрясеній, и наконецъ времени

Digitized by Google

и обстоятельствъ незыблемаго и прочнаго ея основанія. Сочиненіе А. Оппеля. М. 1827 г., въ Универс. тип., in 8, 40 стр.

Сочиненіе, дѣлающее честь дарованіямъ и свѣдѣніямъ юнаго Автора. Въ быстромъ объемѣ, онъ съ большимъ знаніемъ предмета, руководствуясь Робертсономъ, Юмомъ, Геереномъ, Мишо и другими историками, излагаетъ постепенный ходъ политической системы государствъ Европы и особенно хорошо представляетъ начало ея и главныя причины, дѣйствовавшія на политику нынѣшнихъ Европейскихъ государствъ, съ самаго основанія ихъ до нашего времени. Искренно желаемъ видѣть дальнѣйшія послѣдствія прекраснаго начала ученыхъ трудовъ Г-на Оппеля. Исторія ждетъ у насъ сподвижниковъ.

Н. П.

105. *Конспектъ занятій Уѣзднаго Суда*, заключающій въ себѣ обрядъ производства въ немъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, значеніе канцелярскихъ бумагъ, совершеніе крѣпостныхъ актовъ и обязанности Присутствующихъ, Секретаря и приказнослужителей, сочиненный Титулярнымъ Совѣтникомъ Михаиломъ Радугинымъ. *Изданіе второе, съ дополненіями.* М. 1827 г., къ тип. П. Кузнецова, in 8, 150 стр.

Мы упоминали о первомъ изданіи сей полезной и хорошо составленной книги. Радуемся, что трудъ Г-на Радугина справедливо оцѣненъ Публикою. Авторъ умножилъ достоинство своей книги при новомъ изданіи, сдѣлавъ къ ней многія прибавленія и нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи.

106 *Dictionnaire complet François et Russe*, composé sur la nouvelle édition de celui de Wailly et

Digitized by Google

de plusieurs autres par Jean de Tatistchew, conseiller d'état. *Полный Французско-Россійскій Словарь*, составленный, по новѣйшему изданію Французскаго Лексикона Вальи и нѣкоторыхъ другихъ, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Татищевымъ. *Изданіе второе, вновь дополненное и исправленное.* Т. I, отъ A. до L. Издали С. Селивановскій и А. Ширяевъ. М. 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 4, 417 стр.

Словарь Франц.-Россійскій, изданный въ 1816 г. Г-мъ Татищевымъ, признанъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ до того времени изданныхъ Франц.-Россійскихъ Словарей. Десять лѣтъ еще трудился неутомимый Лексикографъ надъ симъ Словаремъ, свѣрялъ, дополнялъ, исправлялъ, слѣдовалъ за ходомъ Французскаго языка: имя Г-на Татищева ручается за достоинство книги и, кажется, безъ ошибки можно теперь назвать новое изданіе совершенно достаточнымъ и полнымъ. По бѣглому взгляду мы удостовѣряемся въ этомъ. До 7000 словъ и фразъ прибавлено въ Словарѣ противъ прежняго изданія. Изданіе его заслуживаетъ благодарность публики, и надобно прибавить, что еще ни одинъ Словарь въ Россіи не былъ напечатанъ такъ хорошо. Четкія буквы, расположеніе въ три колонны, на большой четверткѣ, три буквы указательныя надъ каждою колонною: все это удобства, весьма важныя для употребляющихъ Словарь. Дешевая цѣна даетъ всякому средства пользоваться симъ Словаремъ. Мы подробно разбирали въ Телеграфѣ Словари, изданныя Г-мъ Глазуновымъ, и по выходѣ второй и послѣдней части Словаря, издаваемаго Г-ми Селивановскимъ и Ширяевымъ, также отдадимъ отчетъ подробный

Digitized by Google

Всего болѣе боимся подозрѣнія въ пристрастіи; помнится, гдѣ-то уже намекали, что въ Телеграфѣ будетъ похваленъ Словарь, о которомъ извѣщаемъ читателей нашихъ. Но воля Г-дъ Замѣчателей, а хорошаго не льзя не похвалить.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ и вновь предполагаемыя (*продолженіе*). Различныя покушенія Капитана Франклина въ Арктическихъ моряхъ извѣстны, также какъ и непреодолимость его усилій въ достиженіи къ полюсу. Въ 1825 году, онъ снова началъ свои трудныя изысканія и прошелъ значительную часть сѣверной оконечности Америки, то переправляясь черезъ болота, то идя внизъ и вверхъ по теченію рѣкъ.

Слѣдующее письмо заключаетъ въ себѣ самое полное донесеніе, какое только имѣемъ мы объ экспедиціи сего неустрашимаго изыскателя. Оно написано однимъ ученымъ, находившимся при сей экспедиціи, и составляетъ новѣйшее о ней извѣстіе (*).

Крѣпостца Франклинъ, озеро Большаго Медвѣдя, 6 Февраля 1826 года.

«Въ Нью-Іоркѣ приняли насъ, въ лучшемъ обществѣ, очень благосклонно и даже съ участіемъ. Мы провели тамъ недѣлю весьма пріятно и послѣ сего отправились въ Албани, идя вверхъ по Гудзоновой рѣкѣ, въ паровой лодкѣ. Дорогою мы оста-

(*) См. Прибавленіе къ сей статьѣ. *Примѣч. Переводчика.*

Digitized by Google

навливались въ Западномъ Пунктѣ, дабы осмотрѣть большую Военную Школу, недавно тамъ учрежденную. Это мѣсто возбуждаетъ прискорбныя воспоминанія въ душѣ Англичанина: здѣсь была Американская армія въ то время, когда храбрый и несчастный Маіоръ Андре былъ схваченъ, во время переговоровъ съ измѣнникомъ Арнольдомъ. Гудзонова рѣка величественна; она орошаетъ страну, исполненную красотами важнаго и романтическаго вида. Албани, мѣсто Правительства въ области Нью-Іоркской, спокойный, хорошо выстроенный городъ и по здѣшнему древній; но въ немъ незамѣтно движенія, поддерживаемаго въ городѣ Нью-Іоркѣ торговлею. Здѣсь мы воспользовались гостепріимствомъ Правителя области, Генерала Уайтъ-Клинтона, любезнаго, учтиваго и очень ученаго человѣка, и также Г-на Ван-Ранзелера, владѣльца въ Графствѣ сего имени, въ родѣ нашихъ знатныхъ господъ, извѣстнаго въ сей странѣ подъ именемъ *покровителя* (patron). Это названіе, безъ сомнѣнія равно нашему Европейскому титулу Герцога. У него мы познакомились съ Г-мъ Сельденомъ, однимъ изъ начальниковъ федеральной партіи. Въ воскресенье мы сопровождали правителя въ церковь, гдѣ совершавшій службу Пресвитеріанскій Священникъ, обратился къ Всевышнему съ особенною молитвою объ успѣхѣ и здравіи особъ, составлявшихъ экспедицію.

»Въ Албани мы наняли три коляски, каждую въ четыре лошади, для переѣзда въ Левистоунъ, городъ, отстоящій отъ Албани почти на 120 миль. Общество наше состояло тогда изъ пяти офицеровъ, четырехъ морскихъ солдатъ и Британскаго Консула (Г-на Буханана), сопровождавшаго насъ

Digitized by Google

изъ Нью-Іорка и оставшагося съ нами во все время нашего переѣзда по Соединеннымъ Штатамъ и Верхней Канадѣ. Г-нъ Бухананъ былъ намъ очень полезенъ своимъ особеннымъ знаніемъ дорогъ, способовъ путешествія и нравовъ жителей. Однакожъ, оставивъ большую западную дорогу, идущую въ Буффало, и перешедши на дорогу, ведущую къ Левистоуну, находящемуся на Ніагарѣ, мы встрѣчали менѣе жилищъ способныхъ удовлетворить надобностямъ всего нашего общества, чего впрочемъ и должно было ожидать на дорогѣ мало посѣщаемой. Слѣдуя по сей дорогѣ, въ полночь мы прибыли къ небольшому трактиру, гдѣ всѣ спали. Ворота были только задвинуты, и мы, растворивъ ихъ, были въ пристанищѣ. Служители трактирные скоро услышали насъ, но тогда было довольно холодно и они не позаботились оставить свои постели, выйдти, принять насъ и приготовить намъ ужинъ. Тутъ Г-нъ Бухананъ сыскалъ средство тотчасъ поднять ихъ. Онъ велѣлъ одному изъ горныхъ Шотландцовъ, насъ сопровождавшихъ, пойдти въ корридоръ, подлѣ коего находились спальныя комнаты, и заиграть на флажолетѣ. Едва только онъ навелъ тонъ національной пѣсни »*The gathering of the clans*“ (*зовъ кланамъ*), тотчасъ трактирщикъ, его семейство и пять или шесть молодыхъ женщинъ вышли изъ своихъ комнатъ и съ почтеніемъ пришли къ намъ. Имъ понравился нашъ поступокъ: они сказали, что музыка очень хороша и поспѣшили подать намъ весьма умѣренный ужинъ, потому что онъ состоялъ только изъ одного окорока. Послѣ этого они перемѣнили одѣялы оставленныхъ ими постелей и уложили насъ. Оставивъ Левистоунъ, мы переправились черезъ

Ніагару, желая прибыть въ Кинстоунъ, находящійся къ сторонѣ Канады, и прошли вверхъ по Ніагарѣ около семи миль, для того чтобы посмотрѣть паденіе ея въ семь мѣстѣ, столь справедливо прославленное. Часто пытались описывать его, и до сихъ поръ, кажется мнѣ, не съ большимъ успѣхомъ. Я самъ не возьмусь исполнить этого; но скажу просто, что не смотря на все то, что я читалъ о семъ паденіи, не смотря на множество картинъ сего предмета, видѣнныхъ мною, взглядъ на него далеко превосходитъ своимъ великолѣпіемъ все, что я воображалъ себѣ о немъ. Водопады, видѣнные мною въ другихъ мѣстахъ, должны быть почитаемы за ничто въ сравненіи съ Ніагарскимъ. Это неизмѣримый и величественный памятникъ могущества Творца, Того, Кто направляетъ по волѣ своей воды и Кто далъ имъ здѣсь такое движеніе, котораго не могутъ остановить всѣ человѣческія силы. Поставьте Ксеркса, его Сатраповъ противъ стремленія сей дивной рѣки; поставьте тамъ величайшаго властителя, впереди могущественнѣйшей арміи, какая только попирала когда-либо землю, и одной минуты довольно будетъ поглотить ихъ со всѣми ихъ безчисленными ордами. Окрестности водопада образуютъ пріятное мѣстоположеніе, куда достаточные жители Нью-Іорка обыкновенно пріѣзжаютъ проводить жаркое время года. Тутъ видны многіе домы, на мѣстахъ счастливо избранныхъ, и между прочимъ трактиръ, находящійся на высотѣ, повелѣвающей самымъ водопадомъ. Это строеніе и нѣсколько деревянныхъ ступенекъ на берегу рѣки, по коимъ любопытные могутъ всходить и сходить, правда, не увеличиваютъ великолѣпія зрѣ-

Digitized by Google

лища, но, съ другой стороны, они и не вредятъ ему: паденіе Ніагары есть, можетъ быть, одно въ мірѣ, при которомъ сносны подобныя принадлежности. Размѣръ сего паденія такъ огроменъ, что глядя на ужасный бѣгъ водъ имъ сбрасываемыхъ, взоръ едва усматриваетъ предметы, прибавленные къ нему человѣческою промышленностью.

»Отъ Ніагарскаго водопада мы пошли къ крѣпости Св. Георгія, находящейся на озерѣ Онтаріо, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ впадаетъ въ него рѣка, и, переправившись черезъ озеро, вышли на берегъ въ Іоркѣ, столицѣ верхней Канады. Пробывъ въ семъ городѣ двадцать четыре часа, мы сѣли въ двухъ-колесныя тѣлеги и пріѣхали, по ужаснымъ дорогамъ и странѣ худо населенной, къ озеру Симкое, черезъ которое также переправились. По берегу рѣки Наттавассага сошедши до озера Гурона, черезъ нѣсколько дней пріѣхали мы въ Пенетангишенъ, морское депо, находящееся въ одномъ изъ заливовъ сего озера. Въ Пенетангишенѣ къ намъ присоединились двадцать четыре Канадца, изъ Монтреаля высланные къ экспедиціи. 23 Апрѣля мы погрузились съ ними въ двѣ большія лодки, съ нѣкоторыми запасами присланныя къ намъ въ предшествовавшее время года изъ Нижней Канады. На сихъ лодкахъ мы пошли около береговъ, по озерамъ Гурону и Верхнему и прибыли въ крѣпостцу Вилліямъ 10 Мая, бывъ однакожь задержаны нѣсколько дней въ пути, то льдами, то противными вѣтрами.

»До соединенія Компаніи Гудзонова залива съ Компаніею Сѣверо-Западныхъ торговцовъ мѣхами, крѣпость Вилліямъ была главнымъ складочнымъ мѣстомъ сей послѣдней Компаніи. Здѣсь мы перемѣни-

Digitized by Google

ли наши большія лодки на другія четыре, меньшей величины, болѣе способныя для плаванія по рѣкамъ и раздѣлились на два отряда. Капитанъ Франклинъ и я пустились впередъ, въ лодкѣ легко нагруженной, а Гг. Блаккъ, Кендаль и Дрюммондъ слѣдовали за нами, везя припасы въ трехъ другихъ лодкахъ. 15 Іюня прибыли мы въ Кумберландъ-Гоузъ. Вы припомните, что это была зимняя квартира наша въ первый годъ прежней экспедиціи, а въ послѣднюю зиму здѣсь также жили нѣкоторые изъ нашихъ людей, съ тремя лодками и частію запасовъ отправившіеся изъ Англіи въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1824 года, на кораблѣ Компаніи Гудзонова залива. Они снова пустились въ путь 2 Іюня и мы присоединились къ нимъ 20 числа того-же мѣсяца, въ самое время помочь имъ достигнуть и перейдти сей возвышенный пунктъ земли, раздѣляющій воды, текущія къ Гудзонову заливу и несущіяся къ Арктическому Океану. Отъ необыкновенной засухи, господствовавшей въ сіе время года, намъ очень трудно было двигать лодки по ручьямъ, въ различныхъ направленіяхъ вьющимся на Метійскомъ перешейкѣ, и особенно это затрудняло насъ по рѣчкѣ Мети, простирающейся почти на тридцать миль въ длину: въ это время года въ ней не было воды столько, чтобы лодки могли плыть гдѣ нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ углубленій, отдѣляемыхъ одно отъ другаго бродами, очень широкими и почти сухими. И такъ, съ малымъ исключеніемъ, на всемъ пути вдоль перешейка мы должны были на себѣ нести наши лодки, идя по болотамъ, и на каждомъ шагѣ выстерпливая нападенія безчисленнаго множества москитовъ. Метійскій перешеекъ, простирающійся во всю цѣпь песчаныхъ

Digitized by Google

возвышенностей, занимаетъ въ длину почти двѣнадцать миль, и на семъ переходѣ лодки были несены на плечахъ моряковъ вездѣ, гдѣ не льзя было плыть по ручьямъ. Послѣ сего затруднительнаго дѣйствія, отъ котораго большее число людей нашихъ пострадало ногами, мы пошли внизъ по рѣкѣ Атапескау и прибыли, 15 Іюля, въ крѣпостцу Чепауайянъ, на Горномъ озерѣ. Справившись съ путешествіемъ Мекензія, вы увидите, что изъ крѣпостцы Чепауайяна сей изыскатель отправился 3 Іюня 1789 года въ свой достопамятный путь къ Арктическому Океану, въ продолженіе коего онъ нашелъ рѣку, извѣстную подъ именемъ Мекензіевой, и раскрылъ мѣховой торговлѣ обширное пространство земель, дотолѣ неизвѣстныхъ.

»Капитанъ Франклинъ долженъ былъ оставаться въ Чепауайянѣ до пріѣзда Г-на Блакка, дабы имѣть возможность отпустить нѣсколькихъ Канадцовъ, для возвращенія домой въ это время года, и сдѣлать нѣкоторыя другія распоряженія для продолженія своего предпріятія. Но чтобы не терять напрасно времени, рѣшено было, что я пойду впередъ, взявъ съ собою лодки, коихъ было у насъ тогда пять, и въ слѣдствіе сего я отправился 21 числа.

»Лодки подъ начальствомъ Гг. Блакка и Кендаля (Г-нъ Дрюммондъ остался въ Кумберландъ-Гоузѣ, для собиранія травъ на Санкачеванѣ), прибыли наконецъ въ Чепауайянъ 23, и черезъ день Капитанъ Франклинъ отослалъ въ Канаду лодку съ путешественниками, услуги коихъ были ему не нужны и отправился для соединенія со мною. Всѣ мы прибыли къ Невольничьему озеру 26 Іюля, только двумя днями позже противъ втораго года

Digitized by Google

нашей прежней экспедиціи: эту разницу въ переходѣ должно приписать единственно лучшему нашему познанію дороги, усовершенствованному способу путешествовать и хорошимъ распоряженіямъ Капитана Франклина. Проведя два дни подъ гостепріимною кровлею Г-на Маккивара, изъявившаго столь много участія во время первыхъ нашихъ страданій, я снова пустился впередъ, и слѣдуя южнымъ берегомъ Большаго Невольничьяго озера, достигъ наконецъ рѣки Мекензія и вошелъ въ нее. Теченіемъ сей величественной рѣки быстро повлекло насъ впередъ и 3 Августа мы прибыли въ крѣпостцу Симпсонъ, находящуюся при сліяніи рѣкъ Горной и Мекензіевой. Идя далѣе, внизъ по сей послѣдней рѣкѣ, 6 числа въ семь часовъ утра мы прибыли въ крѣпостцу Норманъ, что есть на двѣсти миль отъ того мѣста, гдѣ сѣли въ лодки. Въ Норманѣ я оставилъ одну лодку, съ частью запасовъ нашихъ и избраннымъ экипажемъ, для Капитана Франклина, и продолжая путь съ остальными, вышелъ изъ рѣки Мекензія и пустился вверхъ по рѣкѣ Большаго Медвѣдя, соединяющимся почти въ 30 миляхъ ниже крѣпостцы Норманъ. Рѣка Большаго Медвѣдя чрезвычайно быстра въ теченіи, ибо хотя протяженіе ея на 76 Англійскихъ миль, но внизъ проходятъ ее въ восемь или девять часовъ, тогда какъ вверхъ по ней путь продолжается три или четыре дни. 16 Августа прибыли мы въ крѣпостцу Франклинъ: ее тогда строили. Г-нъ Дизъ, одинъ изъ главныхъ негоціянтовъ Компаніи Гудзонова залива, съ небольшимъ числомъ людей пріѣхавшій сюда въ Іюнѣ мѣсяцѣ, дабы приготовиться принять насъ, не ожидалъ пріѣзда нашего ранѣе 25 Сентября. Капитанъ Франклинъ

Digitized by Google

съ своими сопутниками достигъ крѣпостцы Норманъ на другой день послѣ моего отбытія изъ оной и оставивъ назади Г-на Блакка, съ запасами, самъ съ Г-мъ Кендалемъ быстро сошелъ по рѣкѣ, сопровождаемый экипажемъ, изъ семи человѣкъ состоявшимъ, включая въ сіе число и Эскимосскихъ переводчиковъ. На третій день они обошли крѣпостцу Доброй Надежды, въ 67° 28′ широты, послѣдній изъ постовъ Компаніи, и черезъ три дни послѣ сего прибыли къ Арктическому Океану. Они увидѣли, что рѣка впадаетъ тамъ многими отраслями, отдѣленными одна отъ другой весьма низкими дельтами, обыкновенно потопляемыми весною возвышеніемъ водъ рѣки. Китовый островъ Мекензія, послѣдняя точка путешествія его мореплавателя, болѣе всѣхъ выдался впередъ отъ дельты, но островъ сей окруженъ пресною водою рѣки, и уже приближаясь къ острову Гаррей, 30 миль далѣе въ море, наконецъ замѣтна соленая вода, отличающаяся отъ мутной рѣчной воды весьма рѣзкою тѣнью. Ровно черезъ шесть мѣсяцовъ по отъѣздѣ своемъ изъ Англіи, Капитанъ Франклинъ вышелъ на берегъ острова Гаррей. Друзья его можетъ быть не безъ сердечнаго движенія узнаютъ, что здѣсь въ первый разъ развилъ онъ шелковое знамя, вышитое супругою его во время послѣдней ея болѣзни и отданное ему съ предчувствіемъ, къ несчастію слишкомъ вѣрнымъ, что они уже не увидятся болѣе въ семъ мірѣ.

»Островъ Гаррей находится въ 69° 29′ широты, при 135° 41′ Западной долготы. Съ самаго возвышеннаго мѣста онаго усматриваютъ множество черныхъ и бѣлыхъ китовъ и морскихъ коровъ. Пробывъ здѣсь одинъ день для астрономическихъ

Digitized by Google

наблюденій и насладившись зрѣлищемъ моря безъ льдовъ, путешественники отправились въ обратный путь, къ тому мѣсту откуда пишу къ вамъ; они прибыли туда 6 Сентября. Во время ихъ отсутствія мы назвали выстроенную нами тутъ крѣпостцу *Франклиномъ*, и нынѣ извѣстную подъ симъ именемъ. На островѣ Гаррей они замѣтили многіе слѣды кочевья Эскимосовъ, за нѣсколько времени оставленнаго, но къ несчастію не встрѣтили тамъ ни одного существа сего племени. Однакожь въ хижины ихъ положили по нѣскольку небольшихъ желѣзныхъ подѣлокъ, и послѣ имѣли удовольствіе узнать, отъ одного Американскаго поколѣнія, называемаго *Быстрые глаза*, посѣщающаго крѣпостцу Доброй Надежды, что сіи подарки найдены тѣми, кому они были назначены, и много послужили къ предупрежденію ихъ въ нашу пользу. Съ отъѣзда своего изъ Нью-Іорка, отъ 26 Марта до 6 Сентября, времени соединенія обоихъ упомянутыхъ отдѣленій въ крѣпостцѣ Франклинъ, включая сюда и обозрѣніе Сѣвернаго берега озера Медвѣдя, сдѣланное во время отсутствія Капитана Франклина, экспедиція прошла 5160 миль, изъ коихъ 596 находится въ Соединенныхъ Штатахъ и обитаемыхъ частяхъ Верхней Канады. Путешественники будутъ продолжать свои труды, какъ скоро рѣки очистятся отъ льдовъ ихъ покрывающихъ, что начнется не прежде окончанія Іюня 1826 года. Въ то время, когда пишу къ вамъ это письмо, всѣ составляющіе экспедицію, по виду, довольны и наслаждаются совершеннымъ здоровьемъ. Кажется, они не сомнѣваются въ успѣхѣ своихъ усилій (*).

(*) См. Прибавленіе къ сей статьѣ. *Перев.*

Digitized by Google

Три послѣдовательныя путешествія Капитана Парри къ Арктическому полюсу (*) совсѣмъ не остались безъ послѣдствій, хотя непредвидѣнныя и чисто случайныя обстоятельства не позволили достигнуть прямой цѣли сихъ путешествій. Они доказали, что Европейцамъ не невозможно провести зиму въ сихъ высшихъ широтахъ, коихъ температура донынѣ почиталась смертоносною, и что, слѣдовательно, можно полагать не безразсудно, что есть средство достигнуть полюса. Экспедиція, о коей мы упомянемъ ниже сего, кажется, обѣщаетъ исполненіе сего предположенія.

О нѣкоторыхъ другихъ экспедиціяхъ сего рода мы не можемъ умолчать, но ограничимся простымъ упоминаніемъ о нихъ, потому что или описанія оныхъ еще не изданы, или они не имѣютъ общей занимательности. Не нужно прибавлять, что мы никакъ не включаемъ въ сей послѣдній разрядъ путешествія Г на Фрейссине, вокругъ свѣта, и также путешествія Капитана Дюперрея, служащаго дополненіемъ первому, описаніе коего издается въ Парижѣ. Упомянемъ еще о путешествіяхъ: Г-на Калльо въ Нубію; Россійскаго Капитана Васильева въ Тихій Океанъ, и Капитана (**) Беллингсгаузена къ Антарктическому полюсу. Сей послѣдній, возвратившійся въ 1822 году, не проходилъ на югъ такъ далеко какъ Капитанъ Веддель. Баронъ Врангель странствуетъ теперь въ Камчаткѣ; сіе путешествіе

(*) См. Моск. Телегр. 1827 г. No 13-й стр. 95 и слѣд. *Перев.*

(**) Что нынѣ Контръ-Адмиралъ. *Перев.*

Digitized by Google

послужишъ дополненіемъ прежняго его путешествія въ сѣверную часть Сибири, въ 1820—1825 годахъ(*).

Можно указать еще на экспедицію, долженствующую обращать на себя вниманіе всѣхъ друзей наукъ, совершаемую нынѣ въ Африкѣ Маіоромъ Ленгомъ и Капитаномъ Клаппертономъ. Извѣстно, что сіи два путешественника пустились, одинъ отъ сѣвера, другой отъ юго-запада, такъ чтобы пройти въ долготу по сей части свѣта. Окончательное, столь долго недовѣдомое познаніе Нигера и направленія онаго, по всѣмъ вѣроятностямъ должно быть слѣдствіемъ ихъ трудовъ. По послѣднимъ извѣстіямъ видно, что Гг. Ленгъ и Клаппертонъ совершенно здоровы и ожидаютъ наилучшихъ послѣдствій отъ своихъ усилій.

Донынѣ мало обнародовано подробностей о путешествіи, предпринятомъ въ 1821 и 1822 годахъ, подъ начальствомъ Капитана Бичея, для обозрѣнія Сѣвернаго берега Африки. Извѣстно однакожь, что сіе путешествіе имѣло слѣдствіемъ открытіе многихъ, чрезвычайно любопытныхъ остатковъ древности и драгоцѣнныхъ документовъ о Киринеѣ и Пентаполисѣ. Развалины Киринеи. Арсинои, Беренисы, Птолемаиды и Аполлоніи, представили карандашу рисовальщика, сопровождавшаго сію экспедицію, множество предметовъ для рисунковъ, нынѣ гравируемыхъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

(*) Баронъ Врангель возвратился въ Кронштатъ, изъ своего путешествія, 15 Сентября сего 1827 года.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывки изъ Байронова сочиненія: Манфредъ.

(Дѣйствіе 1-е, явленіе 2-е.)

(Гора Юнгфрау; утро.)

Манфредъ (одинъ на скалѣ).

Напрасно все; оставленный духами,
Обманутый наукой волшебства,
Принесшей мнѣ мученье, не отраду,
Я потерялъ надежду на безплотныхъ:
Они забвенья мнѣ не властны дать,
А въ будущемъ, пока во мнѣ не скрыто
Прошекшее, я и читать не стану.
О матерь смертныхъ всѣхъ, земля! о вы,
Громады! о юный день! почто
Прекрасны вы? — Я не могу любить васъ!
Ты солнце, око пышное вселенной,
Всезрящее, отрадное для всѣхъ!
Ты не сіяешь сердцу моему!
Вы, скалы дикія, съ вершины коихъ
Я подъ собою въ мрачной безднѣ зрю
И горный ключъ, и боръ надъ нимъ нависшій,

Digitized by Google

Въ кустарникъ далью превращенный! нуженъ
Одинъ лишъ шагъ, движеніе, одно
Лишь дуновенье вѣтра — и навѣкъ
Я почію въ кремнистомъ вашемъ лонѣ.
Почто-же медлю я? Почто, стремясь
На встрѣчу смерти, не зову ее?
Готовый пасть, я неподвиженъ, будто
Прикована нога моя къ землѣ.
Непостижимой нѣкой силой я
Привязанъ къ жизни . . . къ жизни! зрѣть въ себѣ
Отчаянье и духа наготу,
Быть заживо души своей могилой,
И знать неправость собственныхъ дѣяній,
Послѣднюю зла степень; можно-ль жизнью
Назвать такое бытіе?

(Пролетаетъ орелъ.)

О ты,
Воздушныхъ странъ быстрокрылатый путникъ,
Надъ тучами парящій и громами!
Лети ко мнѣ: мой прахъ послужитъ вскорѣ
Тебѣ, птенцамъ твоимъ, приличной пищей.
Но ты умчался въ области небесъ;
Оттуда ты объемлешь быстрымъ взоромъ
Всѣ чудеса творенія . . . Прекрасенъ,
О, какъ прекрасенъ видимый сей міръ!
Какъ строенъ онъ въ себѣ, въ своемъ теченьи!
Лишь мы, владыки мнимые его,
Мы, полупрахъ и полубожество,
Невластные ни пасть, ни вознестись,
Дыша и гордостью и разрушеньемъ,
Борьбою низкихъ нуждъ съ надменной волей,
Его стихій порядокъ нарушаемъ,

Digitized by Google

Пока, природою одолѣны,
Мы станемъ то, чѣмъ вовсе быть не мыслимъ,
Чему и вѣрить не хотимъ.

(Въ отдаленіи слышны звуки свирѣли.)

Ахъ! звуки
Пастушеской свирѣли! Въ сей странѣ
Не басня вѣки патріарховъ: пѣсни,
И колокольчиковъ пріятный звонъ
Разносятся въ семъ воздухѣ свободы:
Душа моя ихъ съ жадностію пьетъ.
О, если-бъ могъ я быть незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,
Иль эхомъ горъ, гармоніей унылой
Рожденной съ голосомъ, и вмѣстѣ съ нимъ
Въ пространствѣ умирающей воздушномъ!

Охотникъ (выходитъ на скалу).

Сюда умчалась серна; я обманутъ
Проворствомъ ногъ ея: моя добыча
Сегодня трудъ не награждаетъ; худо!
Но кто здѣсь, на скалѣ, едва доступной
Отважнѣйшимъ изъ опытныхъ стрѣлковъ?
Онъ не охотникъ; но въ его чертахъ
Написаны и доброта, и гордость,
И мужество свободныхъ нашихъ горцовъ.
Я къ незнакомцу ближе подойду.

(Взбирается выше; Манфредъ не видитъ его.)

Манфредъ.

Быть посѣдѣлымъ съ горести, подобно
Дубамъ симъ, жертвамъ нѣкой краткой бури;

Нагимъ стеблямъ на проклятыхъ корняхъ,
Гніющимъ, какъ непогребенный трупъ;
Быть такъ и вѣчно такъ, не бывъ такъ прежде;
Морщины зрѣть на блѣдномъ семъ челѣ,
Изрытыя мгновеньемъ, не годами;
Влачить часы, какъ тягостные вѣки
И имъ конца не видѣть. . . . О! падите,
Вы, надо мной нависшія лавины,
Разрушьте вы меня, утесы, скалы!
Почто меня щадите вы? почто,
Съ стремнинъ кремнистыхъ повергаясь въ бездну,
Разите вы лишь тварей, коимъ жизнь
Не бремя тяжкое, зеленый лѣсъ,
Стада, жилища мирныхъ поселянъ?

Охотникъ.

Уже встаютъ туманы изъ долинъ;
Я помогу ему сойдти, иль онъ
И путь и жизнь утратить можетъ вмѣстѣ.

(*Идетъ выше.*)

Манфредъ.

Сѣдой туманъ встаетъ надъ ледниками;
Онъ стелется сѣрно-огнистой тучей,
Какъ пѣна моря адскаго, гдѣ волны
Шумятъ и бьютъ о берегъ, какъ пескомъ
Усѣянный отверженцовъ душами!
Я содрогаюсь. . .

Охотникъ.

Я къ нему украдкой
Приближусь съ тыла; онъ едва стоитъ,
И шумъ его внезапный устрашилъ-бы. . . .

Digitized by Google

Манфредъ (не видитъ его).

Когда-то пала Розенбергъ гора:
Ошлынули, какъ двинутыя бурей,
Отъ ребръ ея, висѣвшія съ нихъ тучи;
Громады скалъ, обломковъ ледяныхъ
Наполнили и пропасти и доли,
Разбили въ пыль потоковъ горныхъ воды
И заградили ихъ обычный путь;
Паденья громъ отгрянулъ по горамъ
И дрогнули кремнистыя сердца
Ея Альпійскихъ братій. О, почто
Въ развалинахъ ея не опочилъ я!

(Охотникъ подходитъ къ Манфреду.)

Охотникъ.

Другъ, берегись! Тебѣ твой первый шагъ
Быть можетъ гибелью! Во имя Бога,
Не стой на сей нависнувшей скалѣ

Манфредъ (не слышитъ его).

Онѣ приличной были-бъ мнѣ могилой;
Тамъ мирно-бы покоился мой прахъ;
Не сталъ-бы онъ, засыпанный горою,
Игрушкой вѣтра, хищныхъ птицъ добычей!
А здѣсь и гроба нѣтъ ему! Простите,
Вы, небеса. Почто вы на меня
Глядите взоромъ укоризны? — Вы мнѣ
Несуждены! Земля! прими мой прахъ.

(Хочетъ броситься со скалы; охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его.)

Digitized by Google

Охотникъ.

Безумный, стой! Не обагряй сихъ горъ
Твоей преступной кровью! Я невольей
Отъ гибели спасу тебя!

Манфредъ.

Оставь,
Оставь меня! Я слабъ и болепъ. . . Горы
Вокругъ меня колеблются и ходятъ . . .
Мой взоръ мрачится . . . пошухаетъ . . . Кто ты?

Охотникъ.

Узнаешь послѣ! . . .

(Дѣйствіе III-е, явленіе 4-е.)

(Внутренность башни въ замкѣ Манфреда.)

Манфредъ (одинъ).

Зажглися звѣзды; полный мѣсяцъ всталъ
Надъ снѣжными верхами горъ. Прекрасно! . . .
Еще природа мнѣ утѣшна; съ почью
Я болѣе сдружился чѣмъ съ людьми;
Подъ мирною уединенной сѣнью
Ея звѣздистаго покрова, долго
Я изучалъ языкъ другаго свѣта.
Мнѣ памятно: въ такую точно ночь,
Еще младой и пылкій странникъ, я
Былъ въ Колизеумѣ, среди священныхъ
Столицы міра древняго осташковъ.

Digitized by Google

Въ ущеліяхъ полуупавшихъ зданій
Сверкали звѣзды; по лазури неба
Ходили вѣтви древъ, одѣвшихъ своды;
Вдали надъ Тибромъ лаялъ песъ домашній
Протяжно ближе; въ Цезарскихъ чертогахъ
Кричали совы, и далекой стражи
Ночная пѣснь, то пролетала съ вѣтромъ,
То умирала въ тишинѣ окрестной;
Въ проломахъ стѣнъ чернѣли кипарисы
И подпирали, мнилось, небосклонъ,
Но были близко, тамъ, гдѣ обитали
Цари вселенной, гдѣ витаютъ нынѣ
Ночныя птицы, и среди обломковъ
Кусты въ сердцахъ героевъ коренятся,
Повсюду ива замѣняла лавръ,
Все, Цезаря и Августа палаты,
Добыча тлѣнья, съ тлѣніемъ мѣшались;
Лишь мечебойцовъ циркъ окровавленный
Стоялъ одинъ въ величіи угрюмомъ,
И ты сіялъ, небесный путникъ, мѣсяцъ,
Надъ сей картиной! Твой сребристый свѣтъ
Одушевляя царство разрушенья,
Пустынный видъ развалинъ одичалыхъ,
Слѣды вѣковъ изглаживалъ на нихъ.
Онъ украшалъ, и бывшее прекраснымъ,
И то, чему красу даетъ лишь время,
Когда, какъ вѣра, сталъ священъ сей край,
И дань безмолвнаго благоговѣнья
Великимъ древности воздали люди,
Царямъ умовъ, исплѣвшимъ, но безсмертнымъ,
Изъ урнъ своихъ вѣщающимъ законы.
Такая-жъ ночь тогда была. Какъ странно,
Что я *теперь* ее воспоминаю!

Digitized by Google

Но въ васъ тогда и больше бродятъ мысли,
Когда покой унылый имъ приличенъ.

(Съ Англ. М. В — о (*).)

Куплеты.

Не Фебомъ вдохновенъ къ стихамъ,
Но страстью мучимъ безпокойной,
Я за толпой въ Пермесскій храмъ
Явился съ жертвой недостойной;
Въ лучахъ безчисленныхъ свѣтилъ,
Предъ божествомъ горящихъ ярко,
Никто не вздумаетъ, я мнилъ —
Замѣтитъ моего огарка.

Но что-жъ? Любимый Фебовъ жрецъ,
Въ толпѣ меня почтя привѣтомъ,
Мнѣ говоритъ: »Хвала, пѣвецъ!
»Твой малый даръ не презрѣнъ свѣтомъ.

(*) Можемъ порадовать нашихъ читателей, сказавъ имъ, что Г. Переводчикъ, такъ прекрасно передавшій *Сонъ* Байрона и сей Отрывокъ изъ мистеріи Байрона, кончилъ два обширныя литературныя предпріятія: переводы Шекспирова *Гамлета*, съ Англійскаго, и Мицкевичевыхъ *Дзядовъ*, съ Польскаго. Надѣемся, что онъ не замедлитъ подарить отечественную публику сими превосходными твореніями. Гамлетъ будетъ *первая* трагедія Шекспирова вполнѣ переданная на Русскій языкъ. Донынѣ мы имѣли только старинные переводы въ прозѣ (и едва-ли съ подлинника) *Ромео и Юліи* и *Ричарда* III, *Отелло и Лира* (или, какъ названъ онъ въ Русскомъ переводѣ, *Леарѣ*) переведены въ Русскую прозу съ Дюсисова перевода, въ которомъ Шекспиръ является совсѣмъ обезображенный. О *Русскихъ подражаніяхъ* Шекспиру нѣчего и упоминать. *Изд. Т.*

Digitized by Google

»Язви порочныхъ: острый стихъ
»Для нихъ полезная припарка;
»Чтобы допечь порядкомъ ихъ,
»На то довольно и огарка.«

И такъ за дѣло у меня
Нѣтъ спуска недругу, ни другу;
Прошу лишь слабость извиня,
Усердіе вмѣнишь въ заслугу.
Не осквернилъ я Музъ алтарь
Невольной скудостью подарка;
Всѣмъ свѣтитъ истины фонарь,
И въ немъ неболѣе огарка.

Когда-бъ великаго пѣвца
Я облеченъ былъ въ санъ высокій,
Порокамъ, не щадя лица,
Я-бъ уготовилъ пиръ жестокій:
Всѣхъ обошла-бъ изъ рукъ моихъ
Сатиры круговая чарка,
И ярче молніи-бы ихъ
Жегъ пламень моего огарка.

Но Музъ любитель, чуждый имъ,
На Пиндѣ я пришлецъ безвѣстный,
И быть наслѣдникомъ твоимъ
Чту почестью себѣ невмѣстной:
Полна Поэзія твоя
Ума Вольтера, чувствъ Петрарка;
Играть на лирѣ такъ какъ я —
Игра не стоитъ и огарка.

Digitized by Google

Нѣтъ! никому, не только мнѣ,
Не уступай святаго сану;
Чѣмъ свѣтъ глушитъ, я въ тишинѣ
Тебѣ внимать охотнѣй стану.
Пиши-жь — и къ славѣ Піеридъ,
Да дни твои умножитъ Парка,
И свѣтлый факелъ ихъ горитъ,
Не догарая до огарка.

Алексѣй Илличевскій.

Пѣсня Миньоны.

(Изъ Гётева *Вильгельма Мейстера.*)

Не совлекайте сей одежды бѣлой:
Пусть въ ней предстану предъ Творцомъ;
Я улечу съ земли веселой
Туда — въ подземный, крѣпкій домъ.

И отдохнувъ одно мгновенье,
Открою я взоръ свѣтлый свой,
И чистое совлекши облаченье,
Сниму и поясъ, и вѣнецъ земной.

А тамъ, среди духовъ блаженныхъ,
Дѣвъ, юношей не слышны имена,
И свѣтлыя пѣла преображенныхъ,
Одеждъ не кроетъ пелена.

Здѣсь дни мои безпечно протекали;
Но грусть жила въ душевной глубинѣ:
Состарѣлась я рано отъ печали;
Ахъ! юность вѣчную отдайте снова мнѣ!

М. А. —

Digitized by Google

Заколдованный домъ.

(Продолженіе.)

Впрочемъ, стукъ шаговъ прекратился, все замолкло, и ничто не умножало Дольфова ужаса. Свѣчка его трескнѣла, погасала, погасла; самъ Дольфъ дремалъ, засыпалъ и — уснулъ крѣпкимъ сномъ. Когда онъ проснулся, на дворѣ былъ уже день; солнечные лучи проникали сквозь трещины и скважины оконничныхъ ставней и птички весело пѣли подъ застрѣхами. Свѣтлое, прекрасное утро могло разсѣять всѣ ужасы прошедшей ночи. Дольфъ усмѣхнулся, или, лучше сказать, старался усмѣхнуться и увѣрить самого себя, что все видѣнное и слышанное имъ была игра воображенія, взволнованнаго разсказами, какіе слышалъ онъ отъ другихъ; но Дольфъ былъ немного изумленъ, нашедши дверь своей комнаты крѣпко запертою изнутри, не смотря на то, что онъ рѣшительно видѣлъ, какъ она отворялась, когда ночью шаги вошли къ нему въ комнату. Онъ возвращался въ городъ довольно смущенный, и рѣшился ничего и никому не говорить, пока сомнѣнія его подтвердятся или разрушатся на другую ночь. Молчаніе Дольфа было нестерпимо кумушкамъ, уже напередъ собравшимся въ домѣ Доктора. Онѣ готовились слышать чудные разсказы и почти разсердились, когда

Digitized by Google

Дольфъ увѣрилъ ихъ, что ему совсѣмъ не-чего разсказывать.

На слѣдующую ночь Дольфъ опять отправился на сторожу. Онъ не могъ не затрепетать, вступая въ Заколдованный домъ. Теперь постарался онъ особенно осмотрѣть всѣ двери и хорошенько себя обезопасить; крѣпко заперъ онъ дверь своей комнаты, заставилъ ее креслами, потомъ развязалъ свой узелокъ съ ужиномъ, поужиналъ, бросился на свой *тюфякъ* и старался заснуть. Какъ-бы не такъ! Тысяча различныхъ мыслей не дали ему спать; время проходило, тихо, медленно; точно, какъ будто минуты растягивались въ часы. Чѣмъ позднѣе становилось, тѣмъ сильнѣе билось сердце Дольфа, и онъ едва не вскочилъ съ своего тюфяка, услышавъ, въ самую полночь, знакомые таинственные шаги уже на лѣстницѣ. Какъ прежде шли они медлительно, важно: *тукъ, тукъ, тукъ!* Они приближаются по переходамъ, дверь комнаты растворяется передъ ними, какъ будто нѣтъ на ней ни замковъ, ни крючковъ, и странная фигура входитъ въ комнату. Это былъ пожилой человѣкъ, широкоплечій, плотный, одѣтый по старинной Фламандской модѣ. На немъ былъ коротkій клокъ, сверхъ кафтана, опоясаннаго поясомъ съ пряжкою, длинные панталоны, съ большими банпами на колѣняхъ и рыжіе сапоги, огромные и широкіе къ верху. Шляпа была у него съ больши-

Digitized by Google

ми, распущенными полами и съ перомъ на одной сторонѣ. Полусѣдые волосы его висѣли по плечамъ огромными кудрями; небольшая бородка его была также полусѣдая. Онъ тихо обошелъ по комнатѣ, какъ будто осматривая, все-ли было на мѣстѣ; потомъ повѣсилъ шляпу свою на крючокъ подлѣ двери, сѣлъ въ большія кресла и облокотясь на столъ и устава глаза свои на Дольфа, началъ глядѣть на него неподвижно и страшно.

Дольфъ съ природы былъ не трусъ; но воспитанъ съ неизмѣнною увѣренностью въ мертвецовъ и домовыхъ. Тысячи исторій, слышанныхъ имъ о Заколдованномъ домѣ, вдругъ пришли ему въ голову, и когда онъ глядѣлъ на эту странную фигуру, съ ея необыкновеннымъ одѣяніемъ, блѣднымъ лицомъ, сѣдою бородою и однимъ неподвижнымъ, рыбьимъ глазомъ, зубы его начали колотиться, волосы стали дыбомъ на головѣ и холодный потъ прошибъ все его тѣло. Какъ долго оставался въ этомъ состояніи Дольфъ, не могъ онъ послѣ разсказать, но увѣрялъ, что былъ точно какъ заколдованный, не въ силахъ былъ опвести глазъ отъ чудища, не смигивая смотрѣлъ на него, какъ будто все существованіе его соединялось въ глазахъ. Старикъ оставался неподвиженъ, сидѣлъ подлѣ стола, не сворачивая, не обращая своего глаза, мертво, угрюмо, важно глядя на Дольфа. Наконецъ, неусып-

Digitized by Google

ный пѣтухъ на ближней фермѣ захлопалъ крыльями и запѣлъ, такъ громко, что отдалось по всѣмъ окрестнымъ полямъ. Только что запѣлъ пѣтухъ, старикъ тихо поднялся, снялъ свою шляпу съ крючка; дверь отворилась передъ нимъ и затворилась за нимъ. Слышно было, какъ тяжело ступалъ онъ по лѣстницѣ: *тукъ, тукъ, тукъ!* И когда сошелъ онъ внизъ, все сдѣлалось тихо. Дольфъ внимательно прислушивался, высчитывалъ каждый шагъ, слушалъ и переслушивалъ, не воротятся-ли шаги, до тѣхъ поръ, пока, утомленный безсонницей и страхомъ, заснулъ безпокойнымъ сномъ.

Дневный свѣтъ возвратилъ ему бодрость и смѣлость. Все прошлое старался онъ почесть сномъ; но вотъ стоятъ кресла, въ которыхъ сидѣлъ незнакомецъ; вотъ столъ, на который онъ облакачивался; вотъ крючокъ, на который вѣшалъ онъ свою шляпу; такъ! но вотъ и дверь, крѣпко запертая, какъ съ вечера заперъ ее Дольфъ; вотъ и кресла, которыя приставилъ онъ къ ней! Дольфъ сошелъ по лѣстницѣ, осмотрѣлъ двери и окна: все оставалось въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ было вечеромъ: ни гдѣ не находилъ онъ никакого способа войдти въ домъ какому нибудь существу и выйдти изъ него, не оставивъ слѣда. »Ну! (вскричалъ Дольфъ) это былъ сонъ!« Но не туда шло. Чѣмъ больше старался онъ [illegible]

памяти своей ночное явленіе, тѣмъ болѣе вселялось оно въ память.

Дольфъ упорно молчалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ; но глаза его открывали, какую безпокойную ночь провелъ онъ; явно замѣтили, что было что-то чудное скрыто подъ этимъ таинственнымъ молчаніемъ. Докторъ взялъ Дольфа въ лабораторію, заперъ дверь и старался достать отъ него полную и откровенную довѣренность, но ничего не выѣдалъ. Фрау Илзе запиралась съ Дольфомъ въ своей комнатѣ: все напрасно. Наконецъ, Питеръ Грудтъ цѣлый часъ держалъ Дольфа за пуговицу на кладбищѣ, самомъ приличномъ мѣстѣ для разсказа о привидѣніяхъ и мертвецахъ, но ушелъ оттуда, зная не болѣе того, что знали другіе, т. е. ничего не зная. Впрочемъ, какъ всегда водится, одна скрытая истина родитъ дюжину лжей: она, точно какъ гинея, запертая въ Лондонскомъ банкѣ, у которой двѣнадцать бумажныхъ представителей ходятъ въ народѣ. Еще не насталъ вечеръ, а ужъ все сосѣдство было полно разными извѣстіями. Одни говорили, что Дольфъ Гейлигеръ карауливъ Заколдованный домъ, съ пистолетомъ, заряженнымъ серебряною пулею; другіе, что онъ долго разговаривалъ съ безголовымъ мертвецомъ; еще другіе, что Докторъ Ниппергаузенъ и ключарь были гнаны отъ Заколдованнаго дома до самаго города толпою мертвецовъ, которыхъ,

Digitized by Google

одинъ залечилъ, другой схоронилъ. Нѣко
торые покачивали головами и думали, что
стыдно было Докшору посылать Дольфа
ночевать въ своемъ прокляпомъ домѣ, гд
Дольфъ могъ пропасть, Богъ знаетъ какъ
другіе прибавляли къ этому, пожимая пле
чами, что если домовой унесетъ Дольфа
то возьметъ добро, давно ему принад
лежавшее.

Такіе слухи дошли наконецъ до госпо
жи Гейлигеръ и, какъ можно было предпола
гать, ужасно встревожили бѣдную старуш
ку. Если-бы сынъ ея схватился съ самымъ
опаснымъ живымъ соперникомъ, это не
такъ-бы ея испугало, какъ то, что онъ,
одинъ одинехонекъ, пускается на невиди
мыхъ обитателей Заколдованнаго дома.
Она побѣжала къ Докшору и провела боль
шую часть дня, стараясь уговорить Доль
фа не осмѣливаться болѣе ночевать въ
прокляпомъ домѣ. Она разсказала ему ку
чу повѣстей, слышанныхъ ею отъ доб
рыхъ кумушекъ, о людяхъ, осмѣливав
шихся караулить, одни и ночью, старые
опустѣлые домы. Это не произвело ни
какого дѣйствія. Гордость и любопыт
ство Дольфа были сильно подстрекаемы.
Онъ старался успокоить страхи своей ма
тери и увѣрить ее, что ни сколько не
было правды во всемъ томъ, что она
слышала отъ другихъ. Бѣдная старушка
сомнительно смотрѣла на него и качала
головою. Видя, что рѣшительность Доль-

Digitized by Google

ка была непоколебима, она принесла ему маленькую толстую книжечку, съ мѣдными застежками, которую долженъ онъ былъ взять съ собою, какъ мечъ, поражающій домовыхъ и мертвецовъ, а Фрау Ильзе, видно полагая, что этого еще недостаточно, присовокупила къ тому какія-то заклинанія одного Гейдельбергскаго Каспора.

И такъ, на слѣдующую ночь опять отправился нашъ Дольфъ и занялъ какъ прежде мѣсто сторожа въ Заколдованномъ домѣ. Сонъ-ли, нѣтъ-ли былъ, все повторилось съ нимъ по старому. Около полуночи, когда нигдѣ не шелохнуло, вуки шаговъ раздались по всему дому: *тукъ, тукъ, тукъ!* заскрыпѣли ступени и лѣстницы, дверь въ комнату отворилась, старикъ вошелъ, обошелъ вокругъ комнаты, повѣсилъ на крючокъ шляпу и сѣлъ подлѣ стола. Прежній страхъ и трепетъ овладѣлъ бѣднымъ Дольфомъ, хотя и не такъ уже сильно какъ прежде. Дольфъ былъ точно какъ очарованъ: неподвижно смотрѣлъ онъ на старика, глядѣвшаго на него, по прежнему, мертвымъ, внимательнымъ, хладнымъ взоромъ. Такъ оставались они долго; но постепенно все измѣнялось: мало помалу Дольфъ становился смѣлѣе. Живое-ли, мертвое-ли, странное это существо конечно не безъ причины посѣщало Дольфа, и Дольфъ вспомнилъ, что слыхалъ когда-то, будто мертвецы

Digitized by Google

до тѣхъ поръ не имѣютъ позволенія говорить, пока кто нибудь не станетъ ихъ спрашивать. Собравъ всѣ силы, послѣ двухъ или трехъ покушеній, Дольфъ могъ наконецъ пошевельнуть языкъ свой и заговорилъ съ незнакомымъ старикомъ, въ самыхъ торжественныхъ формахъ заклинаній, какія только могъ вспомнить. Онъ пожелалъ узнать отъ него, что было причиною ночныхъ его посѣщеній?

Едва Дольфъ кончилъ свою рѣчь, какъ старикъ всталъ съ кресель, снялъ шляпу, дверь отворилась и старикъ пошелъ изъ комнаты, оглядываясь на Дольфа и останавливаясь у порога, какъ будто желая знать: слѣдуютъ-ли за нимъ. Дольфъ не колебался ни минуты. Онъ взялъ свѣчку въ руку, маленькую книжку съ мѣдными застежками подъ мышку и послѣдовалъ молчаливому приглашенію. Свѣчка разливала слабый, дрожащій свѣтъ, но Дольфъ могъ видѣть старика передъ собою, медленно сходящаго по лѣстницѣ; съ трепетомъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Достигнувъ нижнихъ ступенекъ, старикъ повернулъ къ задней двери. Дольфъ свѣтилъ черезъ перилы, но желая яснѣе видѣть старика, такъ сильно махнулъ своею свѣчкою, что свѣчка погасла. Блѣдные лучи мѣсяца падали однакожъ въ широкое окошко и Дольфъ разглядѣлъ опять старика, стоящаго подлѣ дверей. Дольфъ идетъ къ нему, и едва

Digitized by Google

приближился онъ къ дверямъ, какъ старикъ вдругъ сгинулъ съ глазъ. Дверь была заперта, другаго выхода не было, но старика, какъ-бы то ни случилось, а нестало. Дольфъ отворяетъ дверь, смотритъ въ поле. Ночь туманная, но мѣсяцъ ярко свѣтитъ, такъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи все можно разглядѣть. Дольфу мерещится, что старикъ идетъ по тропинкѣ отъ дверей: обмануться было не возможно; но какъ этотъ старикъ вышелъ изъ дому? Дольфъ не думаетъ и спѣшитъ за нимъ. Старикъ идетъ мѣрными шагами, не глядитъ никуда и шорохъ шаговъ его отзывается по полю. Онъ идетъ мимо старой яблони и все по одной тропинкѣ, которая оканчивается близъ небольшаго колодца, нѣкогда снабжавшаго ферму водою: тутъ старикъ, Богъ знаетъ куда дѣвался! Дольфъ протираетъ глаза, смотритъ: нигдѣ нѣтъ старика; Дольфъ обходитъ кругомъ колодца: ничего и никого! Мѣсто было открытое, ни кустарника, никакого захолустья. Дольфъ боязливо посмотрѣлъ въ колодецъ: тамъ въ глубинѣ отражались въ тихой водѣ облака. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, не видя и не слыша болѣе своего таинственнаго путеводителя, Дольфъ возвратился наконецъ въ домъ, со страхомъ и изумленіемъ, заперъ дверь, ощупью добрался до своего тюфяка и долго не могъ заснуть.

Digitized by Google

Сонъ его былъ странный и безпокойный: Дольфу снилось, что онъ слѣдуетъ за старикомъ по берегу большой рѣки, что они оба идутъ на корабль, готовый къ отплытію и что старикъ взводитъ его на корабль и самъ пропадаетъ. Дольфъ видитъ капитана корабля, невысокаго, загорѣлаго человѣка, криваго, съ курчавыми черными волосами и съ шпагой при бедрѣ; но остальной сонъ его совершенно смѣшивается: то Дольфъ плыветъ по водѣ, то онъ на берегу; то въ какой-то бурѣ, то спокойно гуляетъ по неизвѣстнымъ улицамъ. Старикъ, странно какъ-то, смѣшивается со всѣми приключеніями его во снѣ. Дольфъ различаетъ наконецъ, что онъ плыветъ на кораблѣ домой и везетъ съ собою огромный мѣшокъ денегъ.

Когда проснулся Дольфъ, сѣрый обзоръ облаковъ едва зарѣлъ и пѣтухи только что начали пересылать свое *кукареку* изъ дома въ домъ. Онъ всталъ, усталый и смущенный, болѣе нежели въ прежніе дни. Его совсѣмъ смѣшало все имъ видѣнное и слышанное, такъ что онъ началъ сомнѣваться: здорова-ли его голова, если все что случилось съ нимъ не бредъ горячки. Въ настоящемъ состояніи души онъ не расположенъ былъ прямо отправиться къ Доктору и выстерпливать допросъ отъ его ключницы. Позавтракавъ остатками своего ужина, Дольфъ пустился гулять по полямъ, желая размыслить обо всемъ, что

Digitized by Google

съ нимъ было. Задумавшись брелъ онъ и постепенно приближался къ городу, пока совсѣмъ разсвѣло и настало утро; вдругъ опамятовался Дольфъ отъ шума и толканья. Онъ увидѣлъ себя на берегу Гудзоновой рѣки, въ толпѣ народа, бѣгущаго къ пристани, откуда хотѣло отваливать судно. Невольно туда увлекла его толпа и онъ узналъ, что судно это былъ шлюпъ, приготовленный для переѣзда въ Альбани по Гудзоновой рѣкѣ. Тутъ увидѣлъ Дольфъ прощанье и цѣлованье старухъ и дѣтей и величайшую дѣятельность въ таскань на корабль корзинъ съ хлѣбомъ, пироговъ и запасовъ всякаго рода, не считая огромныхъ кусковъ говядины, висѣвшихъ вокругъ мачты: въ то время путешествіе въ Альбани было важное дѣло. Начальникъ шлюпа бѣгалъ повсюду и отдавалъ приказы, которые не совсѣмъ-то исправно исполнялись: одинъ матросъ закуривалъ еще трубку; другой нашачивалъ дорожный ножикъ.

Наружность начальника шлюпа привлекла все вниманіе Дольфа. Онъ былъ невысокъ, плотенъ, съ черными кудрявыми волосами, кривой, со шпагой на бедрѣ: точно такой капитанъ, какой грезился Дольфу ночью! Изумленный, пробужденный отъ своей задумчивости, съ бо̀льшимъ вниманіемъ смотрѣлъ Дольфъ на происходившее и вспоминалъ всѣ подробности своего сна: корабль, рѣка, множество дру-

Digitized by Google

гихъ предметовъ, какъ сходны были съ неясными образами, неопредѣленно представлявшимися его ночнымъ воспоминаніямъ!

Когда споялъ онъ и думалъ о всѣхъ такихъ обстоятельствахъ, Капитанъ корабля вдругъ закричалъ ему по Голландски: »Ступай-же на бордъ, молодой человѣкъ: вѣдь тебя оставятъ!« Это изумило Дольфа; онъ видитъ, что шлюпка уже подобрала якори и зашевелилась отъ пристани . . . Какъ будто влекла Дольфа какая-то непреодолимая сила . . . онъ вспрыгнулъ на корабль, и черезъ минуту отливъ и вѣтеръ понесли корабль по волнамъ. Мысли и чувства Дольфа были въ безпорядкѣ, смятеніи. Все бывшее съ нимъ не давало ему опомниться и онъ не могъ не подумать, что есть какое-то отношеніе между настоящимъ его положеніемъ и сномъ въ послѣднюю ночь. Онъ чувствовалъ, что находился, какъ будто-бы подъ какимъ-то сверхъестественнымъ вліяніемъ, и рѣшился утѣшать себя одною изъ старинныхъ и любимыхъ пословицъ: »Той-ли дорóгой, другой-ли, а все къ лучшему.« На минуту негодованіе Доктора, за отъѣздъ безъ его позволенія, пролетѣло по сердцу Дольфа, но только на минуту; тутъ подумалъ онъ о горести матери своей при его непонятномъ отсутствіи: мысль эта опечалила его; онъ хотѣлъ-бы просить, чтобы высадили его на берегъ, но зналъ,

Digitized by Google

что при отливѣ и вѣтрѣ это было невозможно. Врожденная страсть къ новостямъ и приключеніямъ сильно хлынула въ его душу: онъ видѣлъ себя страннымъ, неожиданнымъ образомъ брошеннаго въ свѣтъ, на свободную дорогу, по которой могъ онъ идти, осмотрѣть всѣ чудеса по величественной рѣкѣ и за синими горами, съ самаго дѣтства загораживавшими его обзоръ. Пока Дольфъ погруженъ былъ въ размышленіе, вѣтеръ надулъ паруса, берега, казалось, побѣжали отъ плавателей и едва успѣлъ онъ рѣшиться на что нибудь, шлюпъ проплылъ уже Шпикинсъ-Девиль и Іонкеръ, и самыя высокія трубы на домахъ Мангаттойскихъ исчезли въ отдаленіи.

Я сказалъ, что плаваніе по рѣкѣ Гудзоновой было въ тогдашнее время дѣломъ важнымъ, и въ самомъ дѣлѣ, вспарину оно было почти также значительно, какъ нынѣ путешествіе изъ Америки въ Европу. Корабли изъ Мангаттое до Альбани плыли иногда нѣсколько дней; осторожные плаватели подбирали паруса, чуть задувалъ вѣтеръ покрѣпче; на ночь останавливались на якорѣ и посылали лодки къ берегу за сливками для чаю, безъ чего не могли существовать поссажирки, бывавшія на корабляхъ. Не говорю уже объ опасностяхъ на Таппаанскомъ морѣ и около горъ; однимъ словомъ: добрый Голландскій бургеръ по цѣлымъ мѣсяцамъ, по цѣлымъ го-

Digitized by Google

дамъ, говоритъ-бывало объ этомъ путешествіи, пока соберется, и никогда никто не пускался въ путь, не приведя въ порядокъ дѣлъ, не сдѣлавши духовной и не попроса молиться о здравіи своемъ во все время отсутствія.

При такомъ путешествіи, Дольфъ радъ былъ, что будетъ ему время подумать и о прошломъ, и о томъ что ему дѣлать, пріѣхавши въ Альбани. Правда, взглядъ на криваго Капитана напоминалъ ему странный сонъ его и тревожилъ его на нѣсколько минутъ; но, въ послѣднее время сонъ и существенность такъ перемѣшались въ его жизни, дни и ночи его такъ перепутались вмѣстѣ, что онъ почиталъ себя въ безпрерывномъ заколдованьѣ. Впрочемъ, есть какое-то утѣшеніе для человѣка, которому нѣчего терять въ свѣтѣ: имъ утѣшился Дольфъ и рѣшился извлечь все возможно-лучшее изъ настоящихъ наслажденій.

На второй день путешествія шлюпъ приплылъ къ горамъ. Былъ вечеръ тихаго, жаркаго дня, когда спокойно плыли путешественники по проливу между сими ужасными громадами. Совершенная тишина, какая бываетъ въ лѣтніе жары, царствовала повсюду. Скрыпъ доски, паденіе весла, отдавались въ окружныхъ горахъ и долго вторились въ отдаленіи, и если случайно Капитанъ приказывалъ что нибудь, воздушные голоса въ горахъ, какъ

Digitized by Google

будто смѣялись надъ нимъ, повторяя его слова.

Дольфъ смотрѣлъ кругомъ себя въ полномъ наслажденіи и изумленіи отъ окружавшей его великолѣпной природы. Налѣво Дондербергъ возвышалъ свои лѣсистые утесы, стремнина надъ стремниной, лѣсъ надъ лѣсомъ, пока все терялось въ лазури неба; направо, видѣнъ былъ Антоніевъ мысъ: пустынный орелъ плавалъ надъ сею стремниною, за которою являлись гора за горою, пока вдалекѣ онѣ, какъ будто сходились и хотѣли запереть собою огромную рѣку Гудзонову. Чувство спокойнаго наслажденія раждалось въ душѣ при взглядѣ на зеленѣющія прибрежныя возвышенія, раскинутыя въ увалахъ, лѣсистыя высоты, какъ будто на воздухѣ, на вершинахъ утесовъ, и солнечные лучи, проникавшіе сквозь зелень мрачныхъ деревьевъ.

Среди своего удивленія, вдругъ Дольфъ замѣтилъ груду облаковъ, какъ снѣгъ бѣлыхъ, подымавшихся отъ западной высоты. За ними слѣдовали другія облака, тамъ еще и еще: каждое, какъ будто гнало своего предшественника и всѣ ярко отсвѣчивались на синей глубинѣ неба. Вотъ! громъ глухо покатился за горами; рѣка, прежде тихая, свѣтлая, отражавшая въ себѣ прибрежье и небеса, подернулась огромными морщинами; лѣсныя птицы закричали и полетѣли въ свои

Digitized by Google

гнѣзда, на вершины деревъ, другія скрывались въ трещинахъ утесовъ, и вся природа какъ будто почувствовала приближеніе бури.

Между тѣмъ облака сдвигались въ громады на вершинахъ горъ: верхніе края ихъ еще бѣлѣли и свѣтлѣли, но нижніе потемнѣли совершенно; дождь началъ капать густыми каплями; вѣтеръ засвѣжѣлъ и погналъ волны; наконецъ, облака, точно какъ будто разрѣзались вершинами горъ и дождь хлынулъ рѣкою, молніи полетѣли изъ облака въ облако и ударились въ утесы, раздробляя огромныя деревья; громъ страшно загремѣлъ, отзывы его повторились въ горахъ, разражаясь на Дондербергѣ, катясь по длинной цѣпи горныхъ вершинъ, отъ каждой отбивая новый звукъ и сливаясь въ глухой гулъ на вѣковѣчномъ Бульгиллѣ.

На нѣсколько минутъ волны, брызги и дождь скрыли всѣ окрестности. Страшная эта темнота еще болѣе страшна была отъ молній, раздиравшихъ нѣдра дождевыхъ тучъ. Никогда не видалъ еще Дольфъ такой ужасной борьбы стихій; буря, какъ будто пробивалась сквозь громаду горъ и привела въ дѣйствіе всю мощь грозныхъ тучъ своихъ. Корабль сильно влекло неукротимымъ вѣтромъ, до того самаго мѣста, гдѣ рѣка изгибается въ своемъ исполинскомъ теченіи. Только что корабль повернулся здѣсь мимо остраго

Digitized by Google

мыса, страшный порывъ вѣтра ринулся съ горы, пригнулъ лѣсъ и бѣлою пѣною взрылъ рѣчныя волны. Капитанъ увидѣлъ опасность, закричалъ сдавать паруса; но не успѣли и подумать исполнить его приказа, какъ порывъ вѣтра обхватилъ корабль и повернулъ его на бокъ. Страшное смятеніе сдѣлалось на кораблѣ: хлестанье парусовъ, свистъ и шумъ вѣтра, крикъ Капитана, вопли пассажировъ, все смѣшалось съ трескомъ и гуломъ грома. Среди сего волненія корабль перекачнулся снова, большой парусъ перевернулся, волна перешла по кораблю и Дольфъ, заглазѣвшійся на облака, сброшенъ былъ прямо въ рѣку.

Въ первый разъ въ жизни одно изъ досужныхъ упражненій пригодилось Дольфу. Много часовъ отнимая прежде отъ работы своей на купанье, онъ сдѣлался совершеннымъ пловцомъ; теперь, надобно было ему это искуство, ибо при всей ловкости и крѣпости своей онъ едва могъ спасаться. Дольфъ не успѣлъ и закричать упавши въ воду; всѣ были заняты собственною опасностію и никто не замѣтилъ его паденія. Шлюпъ понесло между тѣмъ съ непонятною быстротою. Плаватели съ трудомъ успѣли обогнуть опасный мысъ и совсѣмъ скрылись изъ виду.

Дольфъ боролся съ волнами и успѣлъ приплыть къ западному берегу рѣки; цѣпляясь по утесамъ, упалъ онъ наконецъ, слабый и изнуренный, у корней огром-

Digitized by Google

ныхъ деревьевъ. Постепенно проходила между тѣмъ гроза. Облака тянулись къ востоку и сливались тамъ въ исполинскія груды, золотимыя послѣдними лучами солнца. Еще видны были вдали блески молній на темныхъ споронахъ облаковъ и отъ времени до времени можно было разслушать далекое грохотанье грома. Дольфъ всталъ и смотрѣлъ: нѣтъ-ли гдѣ дорожки съ берега; но все было дико и непроходимо. Утесы надъ утесами, вездѣ пни и деревья, опрокинутыя бурями или упавшія отъ дряхлости. Мохъ и дикія травы совершенно унизывали неприступные утесы и при каждомъ движеніи Дольфа съ листовъ ихъ обливали его крупныя водяныя капли. Онъ рѣшился однакожъ карабкаться на одинъ изъ сихъ почти отвѣсныхъ утесовъ, и хотя былъ онъ силенъ и ловокъ, но нашелъ это настоящимъ Геркулесовскимъ подвигомъ. Иногда нога его едва держалась на обломкѣ, катившемся внизъ; иногда онъ висъ на вѣтьвяхъ и корняхъ деревьевъ, торчавшихъ изъ земли. Лѣсные голуби порхали надъ его головою и горный орелъ страшно кричалъ на ближнемъ утесѣ. Такъ карабкался Дольфъ и уже добрался до кустарниковъ, гдѣ легче было ему всходить, какъ вдругъ что-то зашумѣло между листьями и — ярко-блестящая змѣя молніей скользнула почти изъ подъ его руки! Она согнулась, будто хотѣла защищаться, подняла голову и въ

Digitized by Google

растворенной пасти ея Дольфъ увидѣлъ шипящее жало, точно какъ огонь алое. Сердце у Дольфа замерло и онъ едва не свалился въ пропасть. Змѣя на мгновеніе остановилась; но видя, что на нее не нападаютъ, быстро скрылась въ расщелину ущеса. Дольфъ слѣдовалъ за нею глазами въ безмолвномъ ужасѣ и замѣтилъ, что нечаянно попалъ на гнѣздо эхидны, свивавшихся, перевивавшихся и шипѣвшихъ въ своей норѣ. Онъ спѣшилъ удалиться отъ такого опаснаго сосѣдства и воображеніе его наполнилось новымъ ужасомъ: Дольфъ видѣлъ эхидну въ каждой вѣтви деревьевъ и слышалъ шипѣніе змѣи въ шумѣ каждаго сухаго листочка.

Наконецъ, докарабкался онъ до вершины ущесовъ; но здѣсь былъ непроходимый лѣсъ. Повсюду, куда ни глядѣлъ онъ между деревьями, видны были холмы и ущесы, кончавшіеся вдали необозримыми горами. Нигдѣ никакихъ слѣдовъ пути и дороги; ни малѣйшій дымокъ между деревьями не показывалъ мѣста пребыванія человѣческаго: все было дико, мрачно, пусто. Между тѣмъ, какъ стоялъ Дольфъ на краю стремнины и глядѣлъ на глубокую падь, вспоронѣ заросшую деревьями, подъ ногами его отломился огромный камень и полетѣлъ въ бездну, ломая вѣтьви деревъ, встрѣчавшихся на пути его. Громкій крикъ раздался внизу; черезъ минушу Дольфъ услышалъ выстрѣлъ: пуля за-

Digitized by Google

свистала надъ его головою, сшибла вѣтку съ ближняго дерева и глубоко влетѣла въ пень каштанника.

Дольфъ не дожидался другаго выстрѣла, бросился бѣжать снова на берегъ, трепеща каждую минуту преслѣдованія непріятельскаго. Онъ успѣлъ счастливо добраться до берега и рѣшился не пускаться болѣе въ сторону, исполненную столькими опасностями.

Промокшій до костей, въ горѣ, сѣлъ онъ на прибрежный камень. Что дѣлать? куда укрыться? Наступало время успокоенія. Птицы слетались въ гнѣзда; летучія мыши начинали перелетывать и ночной воронъ подымался къ облакамъ, какъ будто сзывая звѣзды; пришла и ночь, закрывая все мракомъ, и хотя была послѣдняя половина лѣта, но вѣтеръ съ рѣки и сырость отъ лѣса производили холодъ чувствительный, особенно тому, кто хорошо выкупался въ водѣ.

Въ то время, какъ Дольфъ горевалъ и думалъ, вдругъ блеснулъ ему огонекъ между деревьями, близъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изгибъ рѣки составлялъ глубокій заливъ. Онъ пристально сталъ глядѣть на это мѣсто, съ надеждой, что авось-либо тамъ найдетъ какое нибудь человѣческое жилище, гдѣ можетъ сыскать что нибудь для утоленія голода и жажды и, что также необходимо было въ его странническомъ положеніи, пріютъ на

Digitized by Google

ночь. Трудно было добираться Дольфу до огня, лазя черезъ прибрежные утесы и стремнины, гдѣ могъ онъ упасть въ воду и перелѣзая чрезъ колоды деревъ, изъ которыхъ иныя были сломлены послѣднею бурею и огромными вѣтьвями еще болѣе затрудняли путь. Наконецъ, достигъ нашъ Дольфъ края утеса, граничившаго съ небольшою ложбиною, отнуда свѣтился огонекъ. Онъ происходилъ отъ костра, разложеннаго при корнѣ большаго дерева, стоявшаго въ долинѣ, и освѣщалъ окружное мѣсто красноватымъ свѣтомъ, оставляя въ темнотѣ будто какую-то впадину или пещеру въ утесѣ. Небольшой ручеекъ журчалъ подлѣ, какъ можно было догадаться по отблеску пламени. Двѣ человѣческія фигуры ходили вокругъ огня, еще нѣсколько человѣкъ лежало подлѣ огня на землѣ, но какъ они были между Дольфомъ и огнемъ, то оставались для него въ совершенномъ мракѣ. Вдругъ одинъ изъ ходящихъ повернулся къ другой сторонѣ и Дольфъ испугался, увидя, по испещренной кожѣ и серебрянымъ украшеніямъ, что это былъ дикій Американецъ. Разсматривая пристальнѣе, Дольфъ замѣтилъ ружья, приставленныя къ дереву и — мертвое тѣло, лежавшее на землѣ. . .

Тутъ началъ онъ сомнѣваться, не попался-ли изъ огня въ полымя, и узналъ, кто выстрѣлилъ въ него. Тихо старался онъ удалиться, не осмѣливаясь довѣриться

Digitized by Google

этимъ получеловѣкамъ, въ такомъ дикомъ и глухомъ мѣстѣ; но поздно было: Американецъ, съ орлиною быстротою глазъ, отличающею ихъ поколѣнія, замѣтилъ уже что-то шевелившееся въ кустарникѣ, на утесѣ и взялся за ружье . . . . еще минута, и Дольфъ навсегда вылечился-бы отъ своей охоты къ приключеніямъ. Тутъ, не теряя времени, громко закричалъ онъ, какъ обыкновенно привѣтствуютъ дикіе Американцы своихъ пріятелей. Всѣ товарищи Американца вскочили на ноги. Привѣтствіями размѣнялись и нашъ странникъ приглашенъ былъ къ огоньку.

Сошедши съ утеса, Дольфъ увидѣлъ къ утѣшенію своему, что общество новыхъ знакомцовъ его составляли и бѣлые люди, вмѣстѣ съ дикими Американцами. Одинъ изъ первыхъ, по всему замѣтно, начальникъ общества, сидѣлъ на пнѣ дерева, передъ огнемъ. Это былъ человѣкъ высокій, здоровый, уже въ лѣтахъ, но еще свѣжій и крѣпкій, почти бронзоваго цвѣта, какъ дикіе Американцы. Веселый видъ оживлялъ его осанку, придавая выразительность орлиному носу и большому рту незнакомца, хотя лицо его полузакрыто было большою шляпою, украшенною хвостомъ убитаго звѣря. Полусѣдые волосы были у него кругло обстрижены. Онъ одѣтъ былъ въ охотничье платье и Американскіе сапоги; Американская дубинка висѣла на широкомъ его

Digitized by Google

поясѣ. Когда Дольфъ разсмотрѣлъ ближе
чезнакомца, онъ изумленъ былъ какимъ-
то сходствомъ его съ старикомъ Заколдо-
ъаннаго дома: незнакомецъ былъ не такъ
одѣтъ, не въ тѣхъ лѣтахъ, болѣе лас-
ковъ, словомъ: трудно было сказать,
чѣмъ походитъ онъ на бродящаго старика,
но однакожъ сходство было. Дольфъ чув-
ствовалъ какой-то страхъ, приближаясь
къ обществу неизвѣстныхъ людей; но
коро разувѣренъ былъ откровеннымъ,
сердечнымъ: *добро пожаловать*, которымъ
его встрѣтили. Оглядѣвшись кругомъ, еще
болѣе разувѣрился Дольфъ въ своемъ стра-
хѣ, увидя, что предметъ, лежавшій на
землѣ и напугавшій его, былъ не тѣло
убитаго человѣка, а застрѣленный олень,
и удовольствіе его было полное, когда
пріятный запахъ изъ котла, висѣвшаго
на рожнахъ на огонькѣ, увѣрилъ его, что
часть оленя уже варилась на ужинъ.

Теперь только распозналъ Дольфъ,
что попался въ разгульное общество охот-
никовъ, а такія охотничьи гулянья по
рѣкѣ, въ то время бывали очень обыкно-
венны. Охотникъ всегда радъ гостю, и
притомъ ничто не дѣлаетъ человѣка та-
кимъ ласковымъ и безчиновнымъ, какъ
встрѣча въ дикомъ мѣстѣ. Начальникъ
общества налилъ стаканъ веселящаго на-
питка и поднесъ Дольфу съ усмѣшкою, со-
грѣть, какъ говорилъ онъ, сердце; по-
томъ велѣлъ одному изъ подчиненныхъ

Digitized by Google

принесть изъ лодки новое платье, а все то, во что одѣтъ былъ нашъ герой, развѣсили передъ огнемъ сушиться.

Дольфъ не ошибся, полагая, что пуля, просвистѣвшая надъ его головою, пущена была кѣмъ нибудь изъ этой веселой толпы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ чуть было не раздавилъ одного изъ нихъ оплошкомъ ушеса, имъ сдвинутаго, и старый весельчакъ, въ широкой шляпѣ, украшенной хвостомъ, выстрѣлилъ въ то мѣсто, гдѣ замѣтилъ на высотѣ въ кустарникѣ движеніе, думая, что вѣрно тамъ шевелится какой нибудь звѣрь. Онъ хохоталъ, узнавши о своей ошибкѣ, какъ объ оплошной охотничьей шуткѣ. »Ну, пріятель!« прибавилъ онъ, хлопнувъ по плечу Дольфа, »если-бы я хоть немного получше тебя замѣтилъ, свалиться-бы тебѣ за камнемъ. Антонъ Фанъ-деръ-Гейденъ рѣдко промахивается.« Сіи послѣднія слова удовлетворили Дольфово любопытство, а немногіе вопросы дали ему совершенное понятіе о томъ, кто былъ старый охотникъ этотъ и лѣсные его товарищи. Начальникъ общества, здоровякъ, въ широкой шляпѣ и охотничьемъ платьѣ, былъ никто другой, какъ Герръ Антонъ Фанъ-деръ-Гейденъ, изъ Альбани, о которомъ много слыхалъ Дольфъ. Герръ Антонъ былъ герой многихъ разсказовъ и человѣкъ страннаго характера, съ особенными прихотями, которыя были предметомъ удивленія добрыхъ Голланд-

Digitized by Google

ихъ поселенцовъ. Какъ человѣкъ бога-
ый, получившій въ наслѣдство обшир-
ыя земли и нѣсколько мѣшковъ съ день-
ами, Герръ Антонъ могъ дѣлать что хо-
ѣлъ, не давая другимъ отчета. Вмѣсто
ого, чтобы сидѣть спокойно дома, пить
ѣсть въ назначенные часы и съ наслаж-
еніемъ покуривать табачокъ, на лавоч-
ѣ, подлѣ дверей своихъ, а потомъ по-
ружаться на ночь въ теплую постелю,
ерръ Антонъ находилъ все наслажденіе
ъ опасныхъ предпріятіяхъ и дикихъ мѣ-
тахъ. Никогда не былъ онъ такъ сча-
тливъ дома, какъ отправясь на охоту,
ъ дичь лѣсовъ, уснувъ подъ деревомъ,
ереѣзжая рѣку или какое нибудь лѣсное
зеро, занимаясь ловлей рыбы, стрѣль-
ой птицъ и проводя дни, Богъ знаетъ
акъ.

Большой другъ былъ онъ Американ-
цамъ и ихъ образу жизни, который почи-
талъ настоящею жизнью, естественнымъ
привольемъ и молодецкою утѣхою. Дома у
него всегда живало нѣсколько дикарей, бро-
дившихъ вокругъ его жилища, спавшихъ,
какъ собаки, на солнцѣ, готовившихъ охот-
ничьи и рыбачьи снаряды на новые похо-
ды и стрѣлявшихъ въ цѣль изъ луковъ.

Надъ этими бродящими существами
Герръ Антонъ имѣлъ полную власть, какъ
охотникъ надъ своими собаками, хотя
житье дикихъ Американцовъ у Герръ Ан-
тона страхъ какъ не нравилось добрымъ

Digitized by Google

людямъ, его сосѣдямъ. Но Герръ Антонъ былъ богачъ и никто не думалъ противиться его прихотямъ; да, притомъ-же онъ такъ добродушно, такъ ласково обходился со всѣми и всѣ его такъ любили. Идя по улицѣ, Герръ Антонъ всегда напѣвалъ какую нибудь старинную Голландскую пѣсню; издали снималъ свою шляпу предъ встрѣчными, а входя къ кому нибудь въ домъ, крѣпко хлопалъ хозяина по плечу, жалъ ему руку, пока тотъ закричитъ, цѣловалъ хозяйку, дочекъ . . . короче, въ Герръ Антонѣ никто не замѣчалъ ни гордости, ни своенравія.

Кромѣ Американцовъ, было у него еще три, четыре товарища изъ бѣлыхъ людей, видѣвшихъ въ немъ своего покровителя, обѣдавшихъ у него и иногда имѣвшихъ честь сопутствовать ему въ походахъ. Съ такою свитою и теперь плылъ Герръ Антонъ около береговъ Гудзоновой рѣки, въ лодкѣ, построенной нарочно для его разгулокъ. При немъ было двое бѣлыхъ товарищей его, одѣтыхъ отчасти по-Американски; остальную часть общества составляли четыре любимые Американца. Такъ, гуляя, доплыли они до горъ, гдѣ жили уже два или три дня, забавляясь охотой и бродя по горамъ и по берегу.

»Кстати сегодня свалился ты въ воду, пріятель,« сказалъ Герръ Антонъ Дольфу. »Завтра ворошимся мы домой и ты на-

Digitized by Google

красно ждалъ бы себѣ ужина въ этѣхъ го-
ахъ. Но, товарищи, за работу! за работу!
Посмотримъ, что есть у насъ поужинать;
отелъ нашъ кипѣль довольно; желудокъ
ой проситъ работы и я увѣренъ, что и
остію нашему не лишнее будетъ пораба-
пать зубами.«

И въ небольшомъ таборѣ ихъ началось
вижение: одни снимали котелъ и выпра-
тывали часть похлебки въ большую де-
ревянную чашу; другіе ладили столъ на
обломкѣ утеса; третьи несли снаряды и
запасы изъ лодки, стоявшей подлѣ берега,
а самъ Герръ Антонъ пошелъ туда-же за
парою бутылокъ доброй водки, особо за-
пертой въ ящичкѣ; онъ хорошо зналъ сво-
ихъ товарищей и потому не давалъ имъ въ
руки ключей отъ своего веселящаго запаса.

Тотчасъ готовъ былъ простой, но
сытный ужинъ, состоявшій изъ оленины,
сваренной въ водѣ, съ свинымъ саломъ и
Индійскимъ пшеномъ, и изъ домашняго,
свѣжаго хлѣба. Никогда Дольфъ не ужиналъ
такъ вкусно, и когда проглотилъ онъ нѣ-
сколько пріемовъ водки Герръ Антона и
почувствовалъ, какъ по жиламъ его по-
текъ благотворный этотъ даръ природы
и отогрѣлъ у него сердце, онъ не захо-
тѣлъ мѣняться своимъ состояніемъ ни на
губернаторское мѣсто.

Герръ Антонъ въ свою очередь развесе-
лился и разшумился, разсказавъ съ дюжи-

Digitized by Google

ну такихъ исторій, отъ которыхъ бѣлы товарищи его хохотали до упаду, межд тѣмъ какъ Американцы сохраняли неизмѣ нлемую свою важность.

»Вотъ настоящая жизнь, пріятель! вскричалъ Герръ Антонъ, потирая руки »Мужчина тогда только не баба, когда он можетъ пускаться на вѣтеръ и непогоду бродить по лѣсамъ и пустынямъ, спать подъ деревомъ и жить, какъ ему хочется!

Тутъ затянулъ онъ старинную за столъную пѣсню, размахивая небольшою дорожною фляжкою; товарищи его присп ли хоромъ, такъ, что по всему лѣсу раз давался гулъ ихъ пѣнія:

»They all with a shout made the elements ring,
So soon as the office was o'er;
To feasting they went, with true merriment,
And tippled strong liquor gillore.«

Какъ ни веселъ былъ Герръ Антонъ, но не забывалъ однакожъ осторожности. Давая полную волю Дольфу, онъ самъ подчивалъ другихъ, и особливо съ умѣренностію подносилъ водку своимъ Американцамъ. Когда кончили ужинъ, Американцы выпили свои доли, выкурили по трубкѣ, завернулись въ плащи, легли на землю, ногами къ огню, и скоро захрапѣли во всю мочь. Бѣлые собесѣдники хотѣли продолжить бесѣду, обсѣли кругомъ огня, который тѣмъ болѣе казался пріятнымъ, что

Digitized by Google

послѣ прошедшей бури, въ лѣсу и въ воздухѣ оставалась еще сырость. Разговоръ завязался живой: говорили объ охотѣ, разныхъ приключеніяхъ, подвигахъ, опасностяхъ, и многіе изъ разсказовъ были такъ чудны, что я не смѣю повторять ихъ, боясь что слова Герръ Антона и его товарищей могутъ возбудить недовѣрчивость въ нашемъ вѣкѣ. Много разсказывали повѣстей о рѣкѣ Гудзоновой и поселеніяхъ по берегамъ ея, при чемъ Герръ Антонъ показалъ необыкновенную память и способность. Видя его, сидящаго на пнѣ, какъ въ большихъ креслахъ, разсказывающаго чудесныя исторіи, въ то время, когда огонь освѣщалъ выразительныя черты лица его, Дольфъ опять пораженъ былъ чѣмъ-то напоминавшимъ ему старика Заколдованнаго дома, тѣмъ страннымъ сходствомъ Герръ Антона съ старикомъ, въ которомъ Дольфъ не могъ самъ себѣ отдать отчета и которое чувствовалъ при взглядѣ на видъ и осанку новаго знакомца своего.

Обстоятельства Дольфова паденія въ рѣку привели къ разсказамъ о разныхъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ, испытанныхъ путешественниками на сей рѣкѣ, особливо въ старые годы. Герръ Антонъ почти все приписывалъ сверхъ-естественнымъ причинамъ. Дольфъ сомнѣвался въ этомъ; но Герръ Антонъ увѣрялъ Дольфа, что

Digitized by Google

это было достовѣрно извѣстно старинным Голландскимъ поселенцамъ ; что окружныя горы находились подъ властью какихъ-то злыхъ духовъ, которые особенно не любили Голландцовъ. Потому дѣлали они всякія шалости и проказы надъ Голландскими шкиперами, подымая бури, проводя теченія и проч. и проч., такъ что Голландскій шкиперъ всегда принужденъ бывалъ брать надежныя средства для спасенія: становиться на якорь вечеромъ, подбирать паруса, чуть завидитъ облачко надъ горами, словомъ: столько предосторожностей было необходимыхъ, что неимовѣрно долгое время надобно было, чтобы проплыть по рѣкѣ отъ Мангаттое до Альбани.

»Иные думаютъ,« продолжалъ Герръ Аптонъ, »что непріязненная сила духовъ закляла была Американскими колдунами мстить Европейцамъ, выживающимъ природныхъ жителей. Этому приписываютъ бѣдствіе самаго Генриха Гудзона, когда онъ, плывя по рѣкѣ, искалъ Сѣверо-Западнаго пролива и думалъ, что корабль его разбивается, въ то время, какъ это было просто обморочиванье Американскихъ колдуновъ, не хотѣвшихъ допустить Европейцовъ по этой дорогѣ въ Китай.

»Большая часть приключеній,« прибавилъ Герръ Аптонъ, »изъясняются еще

Digitized by Google

старымъ преданіемъ о *бурномъ кораблѣ*, плававшемъ по рѣкѣ въ былое время.« Увидя, что Дольфъ не знаетъ этого преданія, Герръ Антонъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и спросилъ, гдѣ жилъ онъ до сихъ поръ, если не знаетъ такого важнаго событія изъ отечественной исторіи. Желая въ разговорахъ докончить остатокъ вечера, онъ рѣшился разсказать преданіе, сколько помнилъ, тѣми самыми словами, какими передалъ его потомству древнѣйшій поэтъ Новыхъ Нидерландовъ Фанъ-Зелинъ. Герръ Антонъ пошевелилъ огонь, отъ чего полетѣли изъ него искры, какъ изъ маленькой огнедышущей горы, потомъ хорошенько усѣлся на своемъ сѣдалищѣ, закинулъ назадъ голову, закрылъ глаза, какъ будто желая лучше припомнить, и черезъ минуту началъ разсказывать.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

II. СМѢСЬ.

Отрывки писемъ изъ Парижа.

. . . . Даръ слова принадлежитъ Французамъ безспорно прошивъ прочихъ народовъ: Французъ, даже изъ низшаго класса, изъясняется свободно и часто красно. У насъ существуютъ два языка: разговорный и письменный; никто (если не желаетъ быть смѣшнымъ) въ обыкновенномъ разговорѣ не употребитъ языка книжнаго; но у Французовъ нѣтъ различія: если записывать разговоръ краснорѣчиваго человѣка, то можно въ томъ же видѣ отдать его въ печать; большая часть статей Пустынника Жуи ничто иное, какъ вѣрное подражаніе обыкновеннымъ разговорамъ, и я вѣрю, что онъ многое подслушалъ въ кофейныхъ домахъ, трактирахъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Стенографы (*) засѣдаютъ вездѣ, гдѣ только бываютъ всенародныя чтенія или пренія; каждое слово ораторовъ записывается и отдается въ печать, совершенно въ томъ видѣ, какъ было произнесено. Многіе члены Палаты Депутатовъ и нѣкоторые министры произносятъ свои рѣчи на-

(*) Не льзя не удивляться быстротѣ и точности Стенографовъ: я находился однажды въ Палатѣ Депутатовъ; засѣданіе кончилось въ $5\frac{1}{2}$ часовъ, а въ $7\frac{1}{2}$ я уже читалъ въ вечернемъ журналѣ, l'Etoile, подробный и пространный отчетъ засѣданія. Если-бъ рѣчи были заготовлены заблаговременно, въ такомъ случаѣ неудивительно; но въ этотъ день всѣ ораторы говорили наизусть (d'abondance): Бенжаменъ-Констанъ, Генералъ Фуа, Казимиръ Перьэ и проч., нападали на Министра Виллеля, который защищался весьма искусно съ помощію Королевскаго Коммисара Мартиньяка; всѣ они говорили отмѣнно хорошо и отвѣчали на внезапные вопросы.

Digitized by Google

изусть, и неожиданные вопросы нѣкоторыхъ, порождая краснорѣчивые отвѣты другихъ, явно свидѣтельствуютъ, что рѣчи ихъ не сочинены заблаговременно, тѣмъ болѣе, что таковыя пренія производятся между людьми противныхъ мнѣній.

Самые искуснѣйшіе ораторы, изъ слышанныхъ мною, суть: бывшій Депутатъ Генералъ Фуа и Профессоръ Краснорѣчія, Французской Академіи Членъ, Виллеменъ (Villemain). Первый говаривалъ тономъ Парламентскимъ, съ жаромъ, силою и выразительностью; послѣдній изъясняется съ пріятностью, свободою и легкостью. Каждый понедѣльникъ, произноситъ онъ наизусть лекціи о Французской Литтературѣ, въ обширной залѣ, называемой *Сорбона*, гдѣ въ продолженіе 400 лѣтъ спорили о Ѳеологическихъ истинахъ. Парижане, предпочитающіе блестящее краснорѣчіе истинно-полезнымъ наукамъ, огромными толпами, подобно шумнымъ волнамъ, несутся по понедѣльникамъ въ залу Сорбоны, между тѣмъ какъ мудрый Ж. Б. Сей, ученый Карлъ Дюпенъ, славный Тенаръ и проч., проповѣдываютъ въ пустынѣ. Напрасно Французы уподобляютъ себя Аѳинянамъ; нѣтъ! они мнѣ кажутся еще вѣтренѣе Аттическаго народа. Сіи послѣдніе съ равнымъ любопытствомъ внимали урокамъ Платона, сценическимъ представленіямъ Аристофана и рѣчамъ Димосѳена; Французы-же ищутъ одной *представительности*. Я часто присутствовалъ во время курсовъ Виллемена и вотъ что я извлекъ изъ оныхъ. Профессоръ, человѣкъ пріятной наружности, ловкій мужчина, лѣтъ сорока, имѣетъ даръ слова необыкновенный, произношеніе ясное и сильное, голосъ сладкозвучный; сентенціи его иногда

Digitized by Google

весьма остроумны, изрѣдка вылетаютъ у него порывы истиннаго краснорѣчія; но далѣе ничего не могу сказать въ его пользу. Часто грѣшитъ онъ противъ Логики; говоря о какомъ нибудь предметѣ, ежеминутно перелетаетъ къ другому и увлекаясь изобиліемъ мыслей, оставляетъ прежній, на коемъ основаны всѣ его сужденія, такъ, что ежели придти получасомъ позже, то не всегда угадаешь, о чемъ идетъ рѣчь. Я всегда физически страдалъ, слушая его лекціи, и можетъ быть потому недовольно цѣнилъ его талантъ: квартира моя была посреди города, близъ площади Вандомской, и я принужденъ былъ отправляться къ нему на другой край Парижа; сверхъ того, пришедъ туда за часъ, не находилъ я уже ни одной пустой скамьи и долженъ былъ два часа стоять. Усердные любители краснорѣчія, съ восходомъ солнца уже занимали мѣста, и вооружась терпѣніемъ, книгами и съѣстными припасами, ожидали вшествія оратора.

Зала построена амфитеатромъ и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 1000 человѣкъ. Въ часъ по полудни входитъ Профессоръ, водворяется глубокая тишина; онъ начинаетъ говорить и никто не дерзаетъ хлопать въ ладоши, ибо Г-нъ Виллеменъ не терпитъ подобныхъ изъявленій восхищенія. Однажды при мнѣ, говоря о Генрихѣ IV, съ жаромъ, онъ такъ восхитилъ слушателей, что они не могли воздержаться и прервали его, въ лучшую минуту, громкими восклицаніями; Профессоръ съ гнѣвомъ возразилъ: »Hé Messieurs! ne m'interrompez pas, je ne me soucie pas de vos applaudissements!« Я истинно жалѣлъ объ этомъ запрещеніи и съ неудовольствіемъ слышалъ непріятное возраженіе Виллемена. Вообра-

Digitized by Google

женіе мое сначала перенесло меня въ древній портикъ : я мечталъ объ Аѳинахъ ; мнѣ казалось , что какой нибудь велерѣчивый мудрецъ говорилъ — и народъ рукоплескалъ! Такъ думалъ я; но гнѣвъ Профессора пробудилъ меня отъ мечты, и я увидѣлъ , что ораторъ во фракѣ и не древній Аѳинскій ораторъ , а просто Французскій учитель. Когда-жь снова водворилось глубокое молчаніе и голосъ вития съ силою раздавался по пространству залы , мнѣ опять казалось , что

. . . на играхъ Олимпійскихъ ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ ,
Отецъ Исторіи читалъ ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ.
Народъ , любитель громкой славы ,
Забывъ ристанья и забавы ,
Стоялъ — и весь вниманье былъ. . .

Впрочемъ , если слушать съ прилежаніемъ и вникать въ смыслъ выраженій , можно многое опорочить , и когда вздумаешь , что Профессоръ Виллеменъ , уже 15 лѣтъ какъ занимаетъ сію каѳедру и говоритъ всегда объ одномъ , то неудивительною покажется свобода, съ какою онъ объясняется. Однажды , онъ разбиралъ Гоѳолію, Расинову , и необыкновенно дурно объяснялся въ этотъ день; эпитеты его были неправильны и неприличны , наприм. »Toute la profondeur de la superficie« (*вся глубина поверхности*) было-бы осмѣяно всегда и вездѣ. Неоднократно заикался , запинался онъ и чтобы дать себѣ время поправиться , прервавъ рѣчь въ самой срединѣ , просилъ запереть окно; потомъ совсѣмъ

Digitized by Google

сбился съ толку, внезапно остановился и началъ пить воду съ сахаромъ; но видя, что слушатели замѣтили его замѣшательство, промолвилъ: »Je bois, parceque je ne sais pas mon rôle. . .«

Кстати теперь сказать вамъ нѣсколько словъ о Французскомъ импровизаторѣ: сей новаго рода Литтераторъ (имя его *Евгеній Прадель*), тотъ самый, который стихами защищался въ судѣ, теперь взялъ подрядъ сочинять на заказъ разные стихи. Я былъ у этого чудака; онъ принялъ меня въ весьма скромномъ жилищѣ; въ кабинетѣ его замѣтилъ я длинныя таблицы, на коихъ написаны стихи, годные на разные случаи: они отличаются надписями слѣдующаго рода: *Свадьбы*, *Рожденія*, *Новый годъ*, и т. д. Тысячи стиховъ съ мужскими риѳмами и такое-же количество съ женскими; сверхъ того, въ дополненіе полустишія, эпитеты, острыя слова, и проч. Купецъ - стихотворецъ въ нѣсколько минутъ окинувъ взорами сіи таблицы, составляетъ весьма порядочные стишки; но чѣмъ скорѣе поспѣваетъ работа, тѣмъ она дороже стоитъ.

„Что вамъ угодно?“ спросилъ Прадель, »извольте приказать; повѣрьте, что вы останетесь довольны; за самую сходную цѣну я готовъ вамъ сей часъ написать посланіе, мадригалъ, сонетъ, оду, эпиталаму, диѳирамбъ, куплеты! . . .« Онъ никогда - бы не кончилъ, если - бъ я не прервалъ его. — Напишите мнѣ куплеты, возразилъ я, на вѣтренность и непостоянство Парижанъ. — „Сей часъ, сударь! Сколько вамъ угодно строфъ?“ — Не болѣе пяти. — „Много-ль стиховъ въ каждомъ

Digitized by Google

куплетѣ?“ — Десять или двѣнадцать; теперь условимся въ цѣнѣ. — „Если вамъ нужно сей часъ, въ такомъ случаѣ вы мнѣ дадите 20 франковъ; если-жь вы можете повременить, то я возму дешевле, на прим. къ завтрашнему дню 15 франковъ.“ — Помилуйте! это выйдетъ почти по франку на 4 стиха: возможно-ль за такую бездѣлицу запрашивать такъ дорого? — Мнѣ было не къ спѣху, я началъ торговаться и выторговалъ 5 франковъ; на другой день пришелъ и Прадель вручилъ мнѣ мои куплеты: я говорю *мои*, ибо я заплатилъ за принадлежность ихъ чистыя деньги, слѣдовательно могу назвать ихъ моею собственностью, хотя отнюдь не желаю быть авторомъ подобныхъ стиховъ. Но по скорости времени и по цѣнѣ, стихи, ей! ей! не дурны! Однакожь, Прадель написалъ ихъ въ превратномъ смыслѣ и заданный сюжетъ на вѣтренность Парижанъ замѣнилъ своимъ собственнымъ: Les plaisirs de Paris (*Удовольствія Парижа*).

Я. Т.

Digitized by Google

Литтературныя извѣстія.

Два романа В. Скотта, о коихъ мы упомянули въ послѣднемъ No Телеграфа, уже переводятся на Французскій языкъ, по мѣрѣ отпечатанія листовъ Англійскаго подлинника, и переводъ ихъ выйдетъ съ подлинникомъ въ одно время. Французская публика ни сколько не хочетъ ждать романовъ В. Скотта и требуетъ ихъ какъ можно скорѣе. Въ Парижѣ переводятъ еще новѣйшій романъ Фенимора Купера: Red Roved (*Красный разбойникъ*). Въ нынѣшнемъ 1827 году, вышелъ уже романъ Купера: The Prairie (*Американскія степи*). Англичане начинаютъ называть Купера *Американскимъ В. Скоттомъ* (the American Walter Scott): послѣдній романъ его превосходенъ. Странно, что всѣ нынѣшніе лучшіе романисты отличаются обиліемъ. Куперъ издаетъ уже *восьмой* романъ, въ весьма короткое время. — Виконтъ Д'Арленкуръ не отстаетъ отъ другихъ: онъ печатаетъ свой новый, *пятый*, романъ: *Любовь и смерть* (L'Amour et la mort). — Въ Англіи начинаетъ отличаться еще новый романистъ, Гейнрихъ Смитъ. О послѣднемъ романѣ его: Bramblethye - House, пишутъ съ большою похвалой. Впрочемъ, читая разборы сего романа въ Англійскихъ Журналахъ, видимъ, что Смитъ до сихъ поръ еще не выходитъ изъ ряда подражателей В. Скотта, хотя и этотъ рядъ составляютъ многіе отличные романисты; жаль на примѣръ, что донынѣ Русскіе читатели не знакомы съ романами Локкарда, зятя В. Скотта и послѣдователя его на литтературномъ поприщѣ.

Digitized by Google

Извѣстный Англійскій поэтъ Муръ издалъ также романъ, подъ названіемъ: *Эпикуреецъ*. Онъ писанъ стихами и прозою. Авторъ взялъ происшествіе изъ эпохи введенія Христіанской вѣры. Англійскіе критики въ восторгѣ отъ Эпикурейца. Говоря о новыхъ сочиненіяхъ извѣстнѣйшихъ нынѣ Европейскихъ романистовъ, замѣтимъ, что современная Польская Литтература также становится богата прекрасными романами. Желательно, чтобы кто нибудь изъ Рускихъ познакомилъ насъ на примѣръ, съ романами Бернатовича (особенно романомъ его: *Поята, дочь Лездейки*), а также съ оригинальными романами Скарбека.

Нашъ Русскій Поэтъ, И. И. Козловъ, кончилъ новую поэму свою: *Наталья Долгорукая*. Мы слышали ее изъ устъ самого поэта и не могли не плѣниться этимъ превосходнымъ произведеніемъ.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго, собранныя въ одной книгѣ, напечатаны и скоро выйдутъ въ свѣтъ, въ Москвѣ. Барашынскій кончилъ также новую поэму: *Бальный вечеръ*. Слышавъ чтеніе и этого прелестнаго произведенія, мы поспѣшаемъ сказать читателямъ, что новая поэма пѣвца Эды и Пировъ будетъ новымъ свидѣтельствомъ оригинальнаго генія Поэта, который *шествуя пріобрѣтаетъ силы*.

Первый изъ современныхъ поэтовъ Польши, Адамъ Мицкевичъ, вѣроятно, въ скоромъ времени подаритъ Польскую Словесность новою, уже конченною имъ, поэмою: *Валленродъ*. Не смѣемъ говорить о достоинствѣ поэтическаго творенія, писаннаго не на родномъ языкѣ нашемъ. Но если предвѣщанія могутъ существовать въ нашъ вѣкъ, хотя въ литтературѣ, мы смѣло скажемъ, что

Digitized by Google

новое твореніе Мицкевича, не только еще болѣе возвыситъ славу его, но, кажется, рѣшительно поставитъ Мицкевича на ряду съ великими поэтами Европы.

Журналистика.

Четверть-годичные Журналы Англійскіе составляютъ, такъ сказать, высшій трибуналъ Англійскаго критицизма и политики. Газеты Англійскія, состоя изъ безчисленнаго множества мелкихъ статей, занимаются также литературой и политикой. Но ихъ эфемерное существованіе (въ самомъ дѣлѣ *эфемерное*, ибо большая часть ихъ выходитъ ежедневно) держится только разнообразностью содержанія, а не ученымъ достоинствомъ. Между Газетами и четвертными Журналами составляютъ среднее ежемѣсячные и еженедѣльные Журналы. Мы говоримъ только о тѣхъ, которые посвящены политикѣ и литературѣ. Въ нихъ уже не однѣ рецензіи составляютъ содержаніе, но все входитъ въ планъ ихъ: стихи, проза, извѣстія, ученыя статьи, и проч. и проч.

Самый *старшій* изъ всѣхъ вообще Журналовъ Англійскихъ, есть ежемѣсячный Лондонскій Журналъ: *The Gentleman's Magazine*. Гроу, *Джонсонъ* и другіе славные писатели, участвовали нѣкогда въ этомъ, нынѣ *почти столѣтнемъ*, повременномъ изданіи. Онъ, какъ говорятъ, нынѣ совершенно дряхлое литературно-политическое созданіе. Той-же дряхлости подвергался въ Англіи *Европейскій Магазинъ* (The European Magazine), не смотря на частую

Digitized by Google

перемѣну редакторовъ въ новѣйшее время, двукратное прекращеніе и перемѣну самыхъ издателей его, Лондонскихъ книгопродавцовъ: онъ мирно скончался въ 1826 году. Не уже-ли и въ журналистикѣ, также какъ въ физическомъ мірѣ, есть свои періоды юности, мужества и старости? Говорятъ, будто у насъ на Руси бывали этому доказательства. Намъ сказывали даже о явленіи нашей Русской Журналистики еще болѣе поразительномъ: былъ, или и теперь еще есть, говорили намъ, какой-то Журналъ, въ первыхъ лѣтахъ оказавшій крѣпость юноши, потомъ задряхлѣвшій и наконецъ перешедшій въ состояніе дѣтства. Не смотря на розовую оберику, этотъ старикъ - дитя, прежде бодрый и крѣпкій, въ старости утѣшалъ читателей тѣмъ, что напѣвалъ пѣсенки Русскихъ нянюшекъ, перебиралъ старинку, любилъ ученическія диссертаціи, ворчалъ на другихъ товарищей, точно какъ дѣти-старики, самымъ забавнымъ образомъ и называлъ это ворчанье — критикою.

По крайней мѣрѣ, не всѣ-же старые Журналы дряхлѣютъ. Это доказываетъ Англійскій старинный Журналъ: *Ежемѣсячное обозрѣніе* (The monthly Review). Въ немъ политика умѣренная, критика здравая и литтературныя статьи отличнаго достоинства, заслуживаютъ донынѣ вниманіе читателей. Три раза въ годъ издается при немъ особое *Прибавленіе*, гдѣ находятся извѣстія объ иностранныхъ книгахъ. *Ежемѣсячный Магазинъ* (The Montly Magazine) также не молодой Журналъ, но пользуется уваженіемъ. Его издаетъ Ричардъ Филипсъ, извѣстный нѣсколькими полезными сочиненіями. Сотрудникъ его Тельуаллъ началъ было въ 1825 г. изда-

Digitized by Google

вать отдѣльный Журналъ: *Всеобщая смѣсь*, но прекратилъ изданіе свое однимъ годомъ и присоединился къ старому Журналу.

Всѣ сіи старые Журналы хотя и держатся въ Англіи, и хотя иные изъ нихъ и пользуются уваженіемъ, но юные сотоварищи далеко ихъ опередили. И здѣсь являются намъ также три соперника, какъ въ четверть-годичныхъ Журналахъ. *Новый ежемѣсячный Магазинъ* (The New Monthly Magazine), есть оракулъ *Виговъ*. Редакторъ его Поэтъ Кампбелль. Журналъ начался съ 1821 года. Противникъ его *Блаквудскій Магазинъ*, издается въ Эдимбургѣ, съ 1817 года. Его Редакторомъ былъ прежде Локкардъ. В Скоттъ принимаетъ въ этомъ Журналѣ особенное участіе; Тори находятъ въ немъ сильнаго поборника. *Радикалы* дѣйствуютъ также посредствомъ Журнала: *Лондонскій Магазинъ* (The London Magazine).

Вотъ три соперника, точно какъ въ четвертныхъ Журналахъ. Содержаніе ихъ разнообразно: стихи и проза, науки и критика, извѣстія и политика. *Первый* считается лучшимъ изъ всѣхъ Англійскихъ Журналовъ, которые неисключительно занимаются Критикою. Блаквудскій Магазинъ отличается выходками своими противъ всего новаго; Лондонскій Магазинъ, напротивъ радикализмомъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Буккингамъ, долго жившій въ Индіи, бывшій въ Калькуттѣ издателемъ тамошняго Журнала и по возвращеніи въ Англію издавшій любопытныя путешествія свои по Азіи, съ 1824 года началъ новый Журналъ въ Лондонѣ, подъ названіемъ: *Глашатай Востока* (The oriental Herald). Онъ по-

Digitized by Google

свящаетъ его всему, что касается Азіи и особенно Индіи, въ ученомъ и политическомъ отношеніи. Съ 1816 года издается въ Лондонѣ *Азіятскій Журналъ* (The Asiatic Journal). Оба Журнала передаютъ Европѣ вѣрныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія объ Азіи и идутъ весьма успѣшно. Видно, что Азіятскимъ Журналамъ благопріятнѣе участь въ Англіи, нежели въ Россіи. За то неудача постигла тамъ Журналъ, назначенный для особеннаго познанія Америки. *Американскаго Монитёра* (The American Monitor), въ два года, вмѣсто 24, вышло только *шесть* книжекъ, и тѣ были такъ плохи, что Журналъ совсѣмъ кончился ими. По крайней мѣрѣ, нашъ Азіятскій Вѣстникъ до сихъ поръ еще не конченъ.

Тори находятъ довольно сильную помощь въ еженедѣльномъ Журналѣ: *Лондонская Литтературная Газета*, которую издаетъ уже около десяти лѣтъ Литтераторъ Журданъ. Что въ четверть-годичныхъ изданіяхъ *Эдимбургск. обозрѣніе*, въ ежемѣсячныхъ *Новый ежемѣсяч. Магазинъ*, то въ еженедѣльныхъ *Литтературная Лондонская Газета*. У нее отъ 5 до 6000 подписчиковъ. Противникъ ея *Литтературная Лѣтопись* (The litterary Chronicle) уступаетъ ей во многомъ, хотя ведетъ съ нею жестокую войну. Первая отличается особенно скорымъ объявленіемъ о всѣхъ литературныхъ новостяхъ. Впрочемъ, критика сихъ изданій большею частію ограничивается длинными выписками изъ книгъ, послѣ чего предоставляется самому читателю судить, какъ угодно, о книгахъ, изъ коихъ сдѣланы выписки. Этимъ особенно отличались *Новости литтературы и модъ*, *наукъ и*

Digitized by Google

искусствъ, умершія послѣ двухъ-лѣтняго бытія. На еженедѣльныя изданія какъ-то въ Англіи вообще нѣтъ долговѣчья. Понынѣ являлось уже ихъ безчисленное множество, но кромѣ двухъ вышеозначенныхъ изданій, почти ни одно долго не уцѣлѣло. Не входя въ родословіе скончавшихся, означимъ существовавшія въ 1826 году.

Cobbet's Register и The Republican, два, простонародные Журнала еще поддерживались народными неудовольствіями на Англійскихъ рынкахъ и площадяхъ. *Зеркало*, нѣкогда было въ большомъ ходу и имѣло (по словамъ Брума) 80,000 подписчиковъ. Оно и теперь ими не бѣдно, ибо очень дешево и издается для простонароднаго чтенія. *Портфёйль* и *Шмель*, еженедѣльныя Газеты, поддерживаются, какъ говорятъ, плохими стихотворцами, которыхъ не пускаютъ въ хорошіе Журналы, простонародными шутками и бранью. *Ежедневная книга* есть родъ нашего Памятника событій, который очень извѣстенъ между средними званіями народа за *куріозныя диковинки*, какія находятъ въ немъ добродушные читатели, на каждый день прочитывающіе изъ него по статейкѣ.

(Будетъ продолженіе.)

Журнальный сыщикъ.

Парижскія моды (*).

Gros de Naples uni et mérinos broché, telles sont les étoffes pour robes et redingotes. Toutes les nuances

(*) До 5 Октября (н. с.) 1827 г.

Digitized by Google

de vert sont à la mode. On nomme vert-de-gris dans quelques magasins de nouveautés, la nuance qui, dans d'autres, porte le nom de vert-anglais. — On donne comme étoffe nouvelle, un satin damassé à larges losanges couleur sur couleur, ou fond blanc, fond jaune, fond bleu, rayé de filets noirs. Nous avons vu des chapeaux de ce satin. — Il y a des chapeaux de satin dont la passe, jaune ou bleue est doublée en satin noir damassé. Un grand panache jaune et noir, ou bleu et noir est attaché, à droite, au haut de la forme de ces chapeaux, par un large noeud de deux couleurs. — Déjà les magasins de modes sont remplis de chapeaux d'hiver: les uns, en satin noir, ont la passe doublée de satin rose, ainsi que le large biais dentelé, qui entoure la forme; les autres, en velours noir, ou en satin jaune à raies noires pareilles à celles du papier de musique, sont doublés de satin rose, blanc ou bleu, à grandes losanges couleur sur couleur. — Une des fleurs à la mode est le troëne; on le voit sur des chapeaux de crêpe crêpé rose, jaune ou bleu, et sur ceux de satin blanc. — En toilette, les dames commencent à porter des turbans, soit de crêpe de Chine, soit de velours rayé et à fleurs. Souvent la torsade du turban est de deux étoffes différentes. Un long panache de plumes renouées se place entre la torsade et la calote.

Гладкій гроденапль и мериносовая ткань, вышитая: вотъ модныя матеріи для платьевъ и реденготовъ. Въ модѣ всѣ оттѣнки цвѣта зеленаго. *Зелено-сѣрымъ* цвѣтомъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ называютъ тотъ-же оттѣнокъ, который въ другихъ называютъ *зеленымъ-Англійскимъ*.

Выдаютъ за новую матерію камчатный атласъ, или съ цвѣтными широкими ромбоидами (косоугольниками), или по бѣлому, желтому, голубому полю, съ черными полосками, расположенными сѣткою. Появляются шляпки изъ сего атласа.

Digitized by Google

Дѣлаютъ атласныя шляпки, у которыхъ поля желтаго или голубаго цвѣтовъ, подбиты камчатнымъ чернымъ атласомъ. Большой султанъ, цвѣта желтаго съ чернымъ или голубаго съ чернымъ, укрѣпленъ на правой сторонѣ сихъ шляпокъ, въ верху тульи, широкимъ бантомъ двухъ цвѣтовъ.

Магазины модъ уже наполнены зимними шляпками: у однѣхъ, изъ чернаго атласа, поля подбиты розовымъ атласомъ, и широкій зубчатый косякъ, также розовый, окружаетъ тулью; другія, изъ чернаго бархата или желтаго атласа, съ черными полосками, какія видимъ на нотной бумагѣ, подбиты атласомъ, розовымъ, бѣлымъ или голубымъ, съ цвѣтными ромбоидами.

Модный цвѣтокъ нынѣшній есть *бирюзина*: его увидите на шляпкахъ изъ крепъ-крепе, розоваго, желтаго или голубаго, и на бѣлыхъ атласныхъ.

Въ нарядѣ, дамы начинаютъ носить тюрбаны изъ Китайскаго крепа, или изъ бархата съ полосками и цвѣтами. Часто, торсада тюрбана бываетъ двухъ различныхъ матерій. Длинный султанъ, изъ крученыхъ перьевъ, помѣщается между торсадою и тульею.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама.* Креповая шляпка, убранная атласными руладками, цвѣтами и газовыми лентами. Гроденаплевое платье. Манишлья изъ тюля, съ шалевыми узорами.

2. *Мужчина.* Суконный фракъ съ бархатнымъ воротникомъ и шелковыми пуговицами; жилетъ изъ пике, съ позолоченными пуговицами. Шелковый платокъ на шеѣ. Панталоны изъ матеріи, сдѣланной изъ козьяго пуху (poil de chevre).

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Нѣсколько мыслей о Лекенѣ и Театральномъ искуствѣ.

(Окончаніе.)

Да позволятъ мнѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, внушенное великими, несчастными событіями революціи, ибо жестокія крайности, которыхъ свидѣтелемъ она заставила меня быть, часто служили мнѣ изученіемъ.

Человѣкъ свѣтскій и взятый изъ простаго народа, столь противоположные по своему языку, часто имѣютъ одно выраженіе при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ: одинъ забываетъ свое общественное обращеніе, другой оставляетъ простонародныя формы; одинъ возвращается къ природѣ, другой восходитъ до нея; оба скидаютъ съ себя человѣка искусственнаго, дабы остаться истинно людьми. Звуки того и другаго будутъ одина-

Digitized by Google

ковы, при насилiи одинакихъ страстей или горестей.

Вообразите себѣ мать, устремившую взоры свои на пустую колыбель любимаго дитяти, только что потерянаго ею: какое-то оцѣпенѣніе въ чертахъ лица; рѣдкія слезы, скользящія по щекамъ ея; немногіе раздирающіе вопли, судорожныя рыданія, иногда вырывающіяся у нея — вотъ чѣмъ будетъ выражаться горесть женщины-простонародной и женщины-герцогини. Вообразите также человѣка изъ простаго народа и человѣка придворнаго, въ припадкѣ страсти, пусть будетъ то ревность, мщеніе: оба они, столь различные по своимъ привычкамъ, будутъ одинаковы по своему бѣшенству. Въ неистовствѣ у нихъ будетъ то-же выраженіе: ихъ взгляды, черты лица, жесты, положенія (аттитюды), движенія, вдругъ примутъ одинъ характеръ, ужасный, великій, торжественный, въ обоихъ достойный кисти живописца, изученія актера и можетъ быть даже, безумство страсти внушитъ тому и другому одно изъ сихъ словъ, сихъ выраженій возвышенныхъ, которыя также достойны быть схвачены и поэтомъ.

Великія душевныя движенія переносятъ человѣка къ природѣ идеальной, какое ни занималъ бы онъ мѣсто по волѣ судьбы. Революція, заставившая разыграться столько гибельныхъ страстей

Digitized by Google

разве не произвела народныхъ ораторовъ, изумлявшихъ сильными чертами неизысканнаго, ужаснаго краснорѣчія, и выраженіемъ и звуками, отъ которыхъ не отрекся-бы самъ Лекенъ?

Онъ чувствовалъ, что искуство деклаиаціи (ибо надобно наконецъ употребить это слово) состоитъ не въ сказываніи стиховъ, съ большимъ или меньшимъ жаромъ и надутостію; что это искуство можетъ, усовершенствовавшись, дать нѣкоторымъ образомъ дѣйствительность вымысламъ сцены.

Для достиженія сей цѣли актеръ долженъ получить отъ природы чрезвычайную чувствительность и глубокій умъ: Лекенъ обладалъ сими качествами въ высокой степени. Дѣйствительно, глубокія впечатлѣнія, производимыя актерами на сценѣ, суть слѣдствіе соединенія сихъ двухъ существенныхъ нравственныхъ способностей. Надобно мнѣ объяснить, что я разумѣю подъ симъ. По моему мнѣнію, чувствительность есть не только способность актера легко приходить въ движеніе самому, возмутить свое существо, такъ чтобы отпечатать въ своихъ чертахъ, и особенно въ голосѣ, это выраженіе, эти звуки горести, могущіе пробудить все сочувствіе сердца и извлечь слезы у слушающихъ; здѣсь еще я разумѣю и дѣйствіе, ею производимое, и воображеніе, котораго она есть источникъ, во-

Digitized by Google

ображеніе, состоящее не въ воспоминаніяхъ при коихъ предметы кажутся присущны ми: это, собственно, только память; н воображеніе творческое, дѣйствительное, могущественное, состоящее въ соединени качествъ многихъ дѣйствительныхъ пред метовъ въ одинъ, вымышленный, соеди няющее актера съ вдохновеніемъ поэта переносящее его во времена уже несуще ствующія, заставляющее его присут ствовать при жизни лицъ историческихъ или страстныхъ существъ, созданныхъ геніемъ, открывающее ему, какъ-бы оча рованіемъ, ихъ физіогномію, ихъ героиче скій видъ, ихъ разговоръ, ихъ привычки всѣ оттѣнки ихъ характера, всѣ движе нія ихъ души и даже ихъ частныя стран ности. Я называю чувствительностью сію способность возвышаться духомъ которая волнуетъ актера, обладаетъ ег чувствами, возмущаетъ его до глубин души и заставляетъ входить въ положе нія самыя трагическія, понимать стра сти самыя ужасныя, какъ будто-бы он были его собственныя.

Умъ, совершая свое дѣло и дѣйствуя уж послѣ чувствительности, судитъ о впе чатлѣніяхъ испытываемыхъ нами по е власти: умъ избираетъ ихъ, приводитъ в порядокъ, подвергаетъ своимъ разсчетам Если чувствительность даетъ предметы умъ дѣлаетъ изъ нихъ употребленіе. Он помогаетъ намъ располагать употребле

Digitized by Google

ніемъ нашихъ физическихъ и умственныхъ силъ; судить объ отношеніяхъ и связи между словами поэта и положеніемъ или характеромъ дѣйствующихъ лицъ, иногда прибавлять оттѣнки, недостающія имъ и невыразимыя въ стихахъ; наконецъ, дополнять ихъ выраженіе жестами и физіогноміею.

Понятно, что такой человѣкъ долженъ получить отъ природы совершенно особенную организацію, ибо чувствительность, эта собственность нашего существа, дана каждому въ большей или меньшей степени силы; но у человѣка, назначеннаго природою живописать страсти въ ихъ высочайшемъ изступленіи, выражать всю ихъ жестокость, показывать ихъ во всемъ безуміи, разумѣется, она должна быть гораздо въ высочайшей степени, и какъ всѣ душевныя движенія наши состоятъ въ ближайшемъ отношеніи съ нервами, то самая нервная система должна быть у актера движима и способна къ впечатлѣніямъ такъ, чтобы могла отзываться вдохновеніямъ поэта столь-же легко, какъ Эолова арфа, издающая звуки при малѣйшемъ дыханіи воздуха, къ ней прикасающагося (*).

(*) Часто видали, что молодые актеры при первыхъ своихъ дебютахъ имѣли успѣхи, отчасти заслуженные, но впослѣдствіи не оправдывали надежды

Если актеръ не равенъ чувствительностію по крайней мѣрѣ самому чувствительному изъ своихъ слушателей, онъ будетъ дѣйствовать на нихъ слабо; только высочайшею чувствительностью можетъ онъ произвесть впечатлѣнія глубокія и привести въ движеніе души самыя холодныя. Сила возвышающая не должна-ли быть могущественнѣе той, которую хотятъ взволновать? Надобно, чтобы у актера эта способность была даже, не скажу болѣе и сильнѣе нежели у поэта, постигнувшаго движенія души, повторяемыя въ театрѣ, но она должна быть у

поданныхъ ими. Это потому, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ, неразлучное съ первыми опытами сценическими движеніе, приводило нервы ихъ въ состояніе волненія и смущенія, способнаго легко ввести ихъ въ самыя страстныя положенія. Впослѣдствіи, привычка показываться публично, освободивъ ихъ отъ сихъ тяжелыхъ, но благодѣтельныхъ движеній, возвратила ихъ также и къ прежней посредственности. Развѣ не видимъ еще иныхъ людей, для смѣлости употребляющихъ нѣсколько вина? Робкая или лѣнивая природа ихъ, раздраженная такимъ образомъ, получаетъ ложную возвышенность, которая на нѣсколько минутъ можетъ замѣнить истинную возвышенность души. Также не замѣчаемъ-ли ежедневно, что между собесѣдниками, даже самыми трезвыми, бываетъ болѣе говорливости и ума, послѣ, нежели до обѣда? Надобно осмѣлиться допустить, что это присутствіе живости и остроты происходитъ часто отъ одного движенія нервовъ, доставленнаго удовольствіями стола.

Digitized by Google

него быстрѣе, живѣе, должна сильнѣе дѣйствовать на его органы. Поэтъ или живописецъ занимаются своими трудами въ минуты вдохновенія: и могутъ ждать сихъ минутъ. У актера вдохновеніе должно быть ежеминутно и покорно его волѣ. Но дабы повелѣвать вдохновеніемъ, властвовать имъ вдругъ, быстро и съ живостью, не должна-ли чувствительность актера быть, нѣкоторымъ образомъ, чрезмѣрною? Еще болѣе: его умъ долженъ всегда бодрствовать и дѣйствовать вмѣстѣ съ чувствительностью, дабы управлять ея движеніями и дѣйствіями, ибо актеръ не можетъ подобно живописцу и поэту уничтожить того, что выразилъ.

Да позволятъ мнѣ, говоря о сихъ двухъ главныхъ качествахъ, чувствительности и умѣ, сдѣлать отступленіе: оно можетъ служить отвѣтомъ одному изъ мнѣній Дидеро. Допустивъ, что „природа должна наградить актера внѣшними качествами, видомъ, голосомъ, *чувствительностью*, разсудкомъ и тонкостью чувства, а изученіе великихъ художниковъ, театральная практика, трудъ, размышленіе, усовершенствовать дары природы," что совершенно справедливо; далѣе онъ прибавляетъ невѣроятное противорѣчіе самому себѣ, что „желаетъ великому актеру много разсудка; желаетъ ему быть *холоднымъ и спокойнымъ* зрителемъ человѣческой природы и что, слѣдовательно, ему надобно

»много тонкости чувства и *совсѣмъ ненуж-*
»*но чувствительности.*“ Въ самой природѣ
генія Дидеро открываю причину этого
страннаго парадокса; дѣйствительно, онъ
былъ одаренъ обширнымъ и дѣятельнымъ
умомъ, но лишенъ чувствительности: это
доказываютъ его сочиненія. Онъ отличает-
ся надутостью изложенія, вездѣ соединен-
наго съ увеличенными идеями. Дидеро по-
нимаетъ всѣ отвлеченныя основанія, всѣ
послѣдствія вещей, и не имѣетъ понятія
о перемѣнчивыхъ способностяхъ чувство-
ваній. Слогъ его, вообще декламаторскій и
напыщенный, никогда недоступенъ разно-
образнымъ вліяніямъ внутреннихъ ощуще-
ній, столь различныхъ и многочисленныхъ,
дѣйствующихъ на писателей чувствитель-
ныхъ и нѣжныхъ. Умъ его былъ способенъ
увлекаться, но въ сердцѣ у него не было
страстей. ибо онъ всегда увеличивалъ и
никогда не былъ истинно тронутъ. Отсе-
лѣ его однообразно-возвышенное краснорѣ-
чіе и этотъ однозвучный тонъ величія,
отнимающій у его рѣчей гибкость и есте-
ственность. Сравнимъ трогательную про-
стоту и высокую силу сочиненій Жанъ-
Жака, съ ложно-оживленною нарядностью
философическихъ фразъ Дидеро, и мы убѣ-
димся, что въ семъ послѣднемъ не было ни-
когда, никакой примѣси чувствительности
существенной, врожденной, при коей перо
поэтово, кисть живописцова и органы
истинныхъ актеровъ такъ естественно и

Digitized by Google

вѣрно выражаютъ сладостныя, печальныя или ужасныя ощущенія, которыя умѣютъ они изобразить могуществомъ своего искусства. Между Жанъ-Жакомъ и Дидеро видятъ разницу тщеславія и истины; такъ же какъ между актерами различаютъ произношеніе съ чувствомъ, внушаемое природою, и условленную, выучиваемую декламацію: звуки ея не приводятъ въ движеніе, потому что происходятъ не изъ глубины сердца. Такъ, у Дидеро совсѣмъ не было того, что нужно для сужденія о дарованіи актеровъ, и неудивительно послѣ этого, что онъ слишкомъ увеличивалъ дарованіе дѣвицы Клеронъ, ибо оно было совершенно составное и по этому уже имѣло нѣкоторую аналогію съ геніемъ сего философа, и въ то же время унижалъ таланть дѣвицы Дюменилъ, основанный на изящнѣйшей чувствительности. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что Дюменилъ была иногда *возвышенна*, а въ великолѣпной похвалѣ своей покровительствуемой, довольно холодно восклицаетъ: »Чья игра совершеннѣе игры дѣвицы Клеронъ!« Признаюсь, я предпочитаю игру возвышенную игрѣ совершенной.

Потому-то, изъ двухъ особъ, назначенныхъ для театра, пусть одна будетъ одарена тою чрезвычайною чувствительностью, какую опредѣлилъ я выше сего, и другая глубокимъ умомъ: я безъ сомнѣнія предпочту первую. Конечно, у нея будутъ нѣ-

Digitized by Google

которыя погрѣшности; но ея чувствительность внушитъ ей возвышенныя душевныя движенія, поражающія зрителя и восхищающія его до глубины сердца.

Умъ заставитъ другую быть холодно благоразумною и правильною. Одна превзойдетъ ваше ожиданіе и понятіе; другая только исполнитъ ихъ. Актеръ-вдохновенный глубоко взволнуетъ душу; актеръ умный удовлетворитъ одному уму. Тотъ столько приобщитъ васъ къ своимъ ощущеніямъ, что не дастъ вамъ воли даже судить; этотъ совершенно оставитъ васъ самимъ себѣ своею умною и безукоризненною игрою и позволитъ вамъ разсуждать на свободѣ. Одинъ будетъ само лицо, другой только актеръ представляющій лицо. У одного, вдохновеніе часто будетъ замѣнять умъ, тогда какъ у другаго соображенія ума будутъ слабо замѣнять дѣйствія вдохновенія.

Но для созданія великаго актера, каковъ былъ Лекенъ, надобно соединеніе чувствительности и ума.

У актера, обладающаго симъ двойнымъ даромъ природы, наступаетъ родъ особеннаго труда. Сначала, повторительнымъ ученіемъ, онъ испытываетъ свою душу ощущеніями и даръ слова звуками, собственными положенію лица, которое онъ долженъ представлять. Тогда идетъ онъ въ театръ, приводитъ въ исполненіе не только первыя изученія свои, но еще бо-

Digitized by Google

лѣе предаваться всѣмъ дикимъ порывамъ своей чувствительности, всѣмъ движеніямъ, внушеннымъ ею безъ его сознанія. А послѣ сего? Такія вдохновенія не должны быть потеряны, и его память въ спокойствіи ищетъ ихъ, оживляетъ ему звуки, ударенія голоса его, выраженія лица, движенія, степень непринужденности, наконецъ все, что въ сіи минуты изступленія способствовало произведенному имъ дѣйствію. Тогда умъ подвергаетъ своему разсмотрѣнію всѣ сіи средства, очищаетъ ихъ, утверждаетъ въ его воспоминаніи и хранитъ въ сей сокровищницѣ, дабы въ слѣдующія представленія снова явить ихъ по волѣ. Впечатлѣнія сіи такъ неуловимы, что часто актеръ долженъ, вышедши за кулисы, повторить то что игралъ, скорѣе нежели то что будетъ играть. Такимъ-то трудомъ умъ собираетъ и хранитъ всѣ сіи созданія чувствительности. Только симъ средствомъ, послѣ двадцати лѣтъ (надобно по крайней мѣрѣ столько времени), человѣкъ, которому назначено имѣть изящный талантъ, можетъ наконецъ изобразить передъ публикою почти всѣ роли съ совершеннымъ познаніемъ, разыгранныя во всѣхъ ихъ частяхъ. Симъ путемъ постолино шелъ Лекенъ (*), и

(*) И Тальма. Сіи аналитическія изученія самого себя чрезвычайно драгоцѣнны и высказаны съ полнымъ чистосердечіемъ. Здѣсь узнаемъ столь-же до-

Digitized by Google

долженъ идти всякій, кто имѣетъ гордость слѣдовать за нимъ. Вся жизнь его была посвящена сему роду труда, и только въ послѣднія пять или шесть лѣтъ своей жизни онъ вполнѣ собралъ плодъ своихъ изученій. Тогда-то обильная чувствительность его никогда не поставляла его ниже трагическихъ положеній, какія онъ долженъ былъ живописать, и умъ его вполнѣ раскрылъ всѣ собранныя имъ сокровища; тогда-то увидѣли игру его столь вѣрною, столь покорною его волѣ, что онъ всегда снова находилъ и тѣже соображенія и тѣже дѣйствія: звуки, уклоненія, жесты, положенія, взгляды, все вновь являлось у него при каждомъ представленіи съ равною точностью, силою и непринужденностью: если и была какая разница въ одномъ представленіи отъ другаго, то всегда въ пользу послѣдняго.

Такимъ образомъ, чувствительность и умъ суть главныя, необходимыя качества для актера. Сверхъ того, еще кромѣ памяти, какъ необходимаго для него орудія, ему нуженъ станъ и черты лица, по крайней мѣрѣ приличныя тѣмъ ролямъ, къ какимъ онъ предназначенъ; нуженъ голосъ, легко измѣняющійся, могущественный, выразительный. Не имѣю нужды

браго человѣка, какъ искуснаго актера. Рекомендуемъ сіи наставленія юнымъ ученикамъ прекраснаго искуства. *Примѣч. Франц. Издателя.*

Digitized by Google

досказывать, что хорошее воспитаніе, изученіе Исторіи, не столько событій, сколько нравовъ народныхъ и особеннаго характера лицъ историческихъ, даже рисованіе, должны также укрѣпить дары природы.

Легко разсудить, что я говорю здѣсь объ одной трагедіи. Не входя въ изслѣдованіе вопроса, что труднѣе играть: трагедію или комедію, скажу, что для достиженія совершенства въ томъ и другомъ родѣ, надобно обладать тѣми-же нравственными и физическими качествами; думаю только, что у актера трагическаго они должны имѣть болѣе могущества. Актеру комическому не нужно такой силы въ чувствительности и изступленіи; воображенію у него меньше дѣла. Онъ представляетъ предметы, видимые имъ ежедневно, представляетъ существа, въ жизни коихъ онъ самъ нѣкоторымъ образомъ участвуетъ. Съ небольшими исключеніями, обязанность его состоитъ единственно въ подражаніи странностямъ и смѣшнымъ сторонамъ, въ живописи страстей, взятыхъ изъ той сферы гдѣ самъ актеръ находится, слѣдовательно болѣе умѣренныхъ нежели страсти въ области трагедіи. Здѣсь въ немъ говоритъ и дѣйствуетъ, такъ сказать, его собственная природа, въ своихъ подражаніяхъ, тогда какъ трагическій актеръ обязанъ оставить тотъ

Digitized by Google

кругъ, гдѣ онъ привыкъ жить, и пустится въ высшую область, гдѣ геній поэта поставилъ и облекъ идеальными формами существа, созданныя мыслію или данныя ему Исторіею, и уже возвеличенныя ею и большимъ разстояніемъ времени. Онъ долженъ въ сихъ лицахъ сохранить ихъ великій размѣръ и въ тоже время дать ихъ возвышенному языку естественные звуки, выраженіе откровенное, истинное: этого-то соединенія величія безъ надутости, естественности безъ плоскости (trivialité), этого согласія идеала съ истиною чрезвычайно трудно достигнуть въ трагедіи.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что трагическій актеръ имѣетъ гораздо болѣе свободы въ выборѣ средствъ, изображая передъ судилищемъ публики предметы, основно не существующіе въ обществѣ, тогда какъ также публика легко можетъ судить актера комическаго, соображая, сходна-ли копія съ подлинникомъ, находящимся передъ ея глазами (*); но я отвѣчаю, что

(*) Вотъ совершенный камень преткновенія для актера, играющаго комедію: если онъ избѣгаетъ его, представляя истинную копію оригиналовъ общества, не разрушая однакожъ законовъ театральной оптики, то заслуживаетъ быть почитаемъ актеромъ перваго достоинства и занимаетъ сію степень по желанію даже толпы, ибо она въ самой себѣ находитъ мѣрило своего сужденія. Приговоръ трагическому актеру основывается на историческихъ воспоминаніяхъ, и

Digitized by Google

страсти одинаковы во всѣ времена: общество можетъ уменьшить силу ихъ, но тѣмъ не менѣе существуютъ онѣ въ глубинѣ души, и каждый зритель можетъ очень хорошо судить о нихъ собственно по себѣ.

Что касается до великихъ историческихъ характеровъ, то одна просвѣщенная публика составляетъ мнѣніе, также какъ и славу актера: Исторія знакома ей и она легко можетъ судить объ истинѣ подражанія. Вслѣдствіе сказаннаго мною, явно, что нравственныя способности у актера трагическаго должны быть сильнѣе и выше, нежели у актера комическаго (*).

воображеніи зрителей, на ихъ ощущеніяхъ, что можетъ увеличить энтузіазмъ, но не даетъ правилъ для сужденія. Короче: я почитаю всѣхъ, особенно нервическихъ женщинъ и молодыхъ людей, принимающихъ впечатлѣнія, способными судить о трагедіи; напротивъ, представленіе комедіи можетъ быть оцѣнено только людьми зрѣлыми и знатоками. Такимъ образомъ, актеръ трагическій будетъ извѣстнѣе, комическій славнѣе.

(*) Подобно сему послѣднему, онѣ должны быть испытательнѣе, изыскательнѣе, нѣжнѣе, должны проникать глубже. Большая часть трагическихъ ролей одного цвѣта: сильнаго, блестящаго, рѣшительнаго; роли комическія состоятъ изъ намековъ, изъ бѣглыхъ оттѣнковъ: надобно схватить тонкости ихъ для созданія, для оживленія картины, начертанной авторомъ.

Digitized by Google

Разумѣется, что качества физическія, какъ-то: измѣняемость лица, выразительность физіогноміи, должны быть рѣзче, голосъ полнѣе, звучнѣе, сильнѣе въ удареніяхъ у актера трагическаго, ибо ему нужно нѣкоторое созданіе частей въ цѣлое, сила болѣе нежели обыкновенная, дабы съ начала до конца передать съ одинакою *энергіею* ролю, гдѣ авторъ не рѣдко заключилъ въ тѣсномъ размѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ, всѣ движенія, всѣ волненія, часто существомъ страстнымъ испытываемыя единственно въ долгое время цѣлой жизни. Впрочемъ, повторяю еще, что великому актеру комическому надобно столько-же качествъ, какъ и великому актеру трагическому, хотя и въ различныхъ родахъ: тому и другому необходимо быть посвященнымъ въ таинства страстной природы, необходимо знать склонности, слабости и даже странности сердца человѣческаго.

Сообразивъ всѣ качества, составляющія истиннаго актера трагическаго, всѣ дары, какими должна надѣлить его природа, должно-ли удивляться, что актеры сіи такъ рѣдки? Изъ многихъ являющихся на семъ поприщѣ, у одного есть умъ, но душа его ледяная; у другаго есть чувствительность, но совсѣмъ нѣтъ ума. Тотъ обладаетъ обоими сими качествами, но въ такой слабой степени, что все равно хотябы ихъ у него не было: игра его не производитъ дѣйствія; все выраженіе его

Digitized by Google

притворно, невѣрно, безцвѣтно; попеременно говоритъ онъ громко, тихо, скоро, протяжно и какъ-бы на удачу. Тотъ получилъ отъ природы всѣ сіи счастливые дары души и ума, но его голосъ, безжизненный, тупой, невозвышающійся, не повинуется ему въ выраженіи страстей; такой акторъ плачетъ и не заставляетъ плакать; растроганъ, но никого не можетъ растрогать. У этого звучный и трогательный голосъ, но черты его лица не красивы, ростъ и формы совсѣмъ не героическіе. Словомъ сказать: счастливое соединеніе случайностей, какое долженъ заключить въ себѣ одинъ человѣкъ, дабы сдѣлаться великимъ актеромъ, таково, что нѣчего удивляться, если рѣдко видимъ великихъ актеровъ.

Надобно сказать, что и въ Лекенѣ были нѣкоторые недостатки; но въ Литературѣ и въ подражательныхъ искуствахъ, геній цѣнится по своимъ изящнымъ произведеніямъ; несовершенства не составляютъ части его славы: это грубая матерія, безъ превосходства благороднѣйшихъ его вдохновеній достающаяся на часть забвенію; самое воспоминаніе о недостаткахъ его сохраняется только извѣстностію, доставленною ему совершенствами. Природа отказала Лекену въ нѣкоторыхъ физическихъ преимуществахъ, требуемыхъ сценою. Въ чертахъ лица его не было ничего благороднаго; физіогномія

Digitized by Google

его казалась обыкновенною, станъ былъ коротокъ; но его изящная чувствительность, движенія души пламенной и страстной, способность его, совершенно переходить въ положеніе представляемыхъ имъ лицъ, умъ его, столь тонкій, что давалъ ему средства понимать и передавать всѣ оттѣнки характеровъ, какіе должно было живописать, все это украшало его неправильныя черты и придавало имъ прелесть невыразимую. Голосъ его, отъ природы тяжелый и мало измѣняющійся, былъ, какъ-бы подъ покрываломъ: но самое это сообщало его голосу, дурному въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какія-то меланхолическія и проницающія дрожанія (vibrations), поражавшія до глубины сердца. Однакожъ, посредствомъ труда, Лекенъ успѣлъ уменьшить жесткость голоса, обогатить его всѣми звуками страсти и покорить всѣмъ, самымъ нѣжнѣйшимъ измѣненіямъ чувства; наконецъ, онъ изучалъ свой голосъ, какъ изучаютъ инструментъ, и зналъ всѣ качества его, всѣ недостатки. Онъ легко пробѣгалъ по струнамъ неблагодарнымъ, дабы производить звуки только струнами гармоническими; голосъ, коимъ испытала онъ всѣ тоны, былъ для него какъ-бы полный клавиръ: онъ по волѣ извлекалъ изъ него тѣ звуки, какіе были ему нужны; и такое могущество голоса чувствительнаго, даннаго природою, или пріобрѣтеннаго ис-

Digitized by Google

кусствомъ, что онъ приводитъ въ движеніе даже иностранца, непонимающаго словъ: въ голосѣ Лекена было это преимущество.

Талантъ дѣвицы Госсенъ и дѣвицы Дегарсенъ, болѣе всего состоялъ въ этомъ счастливомъ дарѣ природы. Я видѣлъ въ Лондонѣ Французовъ, неразумѣвшихъ ни одного Англійскаго слова, но они умилялись и плакали, слыша звуки трогательнаго голоса Миссъ О'Нейль.

При началѣ своего поприща, Лекенъ поступалъ также какъ и всѣ молодые актеры: онъ предавался сильнѣйшимъ движеніямъ, кричалъ, потому, что въ молодыхъ лѣтахъ это единое спасеніе отъ трудностей. Но, со временемъ, Лекенъ почувствовалъ, что изъ всѣхъ монотоній, монотонія силы есть самая нестерпимая, что въ трагедіи надобно говорить, а не реветь, что кто безпрестанно выходитъ изъ себя, тотъ утомляетъ не трогая, что только бывая рѣдко, неожиданно, это можетъ удивлять и приводить въ волненіе, что, наконецъ, слушатель, оскорбленный безпрестаннымъ крикомъ актера, забываетъ трагическое лицо и перестаетъ сочувствовать несчастіямъ его, для того, чтобы жалѣть объ усталости актера. Лекенъ, часто утомленный въ продолжительныхъ и сильныхъ сценахъ, старался скрывать отъ публики послѣднюю мѣру своихъ усилій; въ минуту, когда средства его были наибо-

лѣе истощены, онъ, казалось, еще сохранялъ всю силу ихъ и могущество.

Въ Лекенѣ осуждали также нѣкоторую тяжесть произнесенія; но, во первыхъ, этотъ недостатокъ происходилъ отъ его нравственной природы, медленной, основательной и размышляющей; сверхъ сего, Вольтеръ, у котораго особенно онъ былъ актеромъ, можетъ быть не легко-бы согласился пожертвовать пышностью и гармоніею своихъ стиховъ произношенію слишкомъ естественному и истинному. Онъ желалъ, чтобы поражали сильно, если не поражаютъ вѣрно, и какъ въ трагедіи его было нѣсколько надутости, то актеръ долженъ былъ слѣдовать системѣ принятой поэтомъ. Къ тому-же, во время Лекена, еще столь блестящее геніемъ тогдашнихъ писателей и философовъ, всѣ подражательныя искуства подверглись направленію ложному и изысканному, а Лекенъ, можетъ быть, чувствовалъ, что онъ былъ довольно богатъ всѣми совершенствами и могъ сдѣлать легкую жертву дурному вкусу своего времени; впрочемъ, произношеніе его, сначала медленное и размѣренное, постепенно оживлялось, и вошедши въ высшую область страстей, Лекенъ уже удивлялъ высокостью своей игры. Не смотря на величайшее распространеніе дурнаго вкуса въ искуствахъ, среди общества того времени и въ числѣ друзей Вольтера, было много людей, одаренныхъ истиннымъ

Digitized by Google

вкусомъ: ихъ совѣты были чрезвычайно полезны Лекену; самъ Вольтеръ, хотя былъ очень дурной актеръ, даже разыгрывая свои сочиненія, но имѣлъ ученыя намѣренія, сообщалъ ихъ Лекену и Лекенъ искусно приводилъ ихъ въ исполненіе. Во время одного путешествія въ Ферней, о которомъ можно найдти извѣстіе въ письмахъ Лекена, Вольтеръ заставилъ его совершенно перемѣнить образъ игры въ ролѣ Чингисъ-хана. По возвращеніи въ Парижъ, Лекенъ явился на сценѣ въ этой роли. Публика, сначала изумленная перемѣною игры его, долго оставалась въ нерѣшимости: порицать или хвалить? Думали, что актеръ не въ расположеніи: въ игрѣ его исчезъ шумъ и всѣ ремесленныя пособія, прежде доставлявшія ему столько рукоплесканій за сію роль. Когда опустился занавѣсъ, тогда только публика, неподвижная во все продолженіе пьесы, дѣйствительно почувствовала, что Лекенъ разсудительно замѣнилъ напрасные крики, напрасную надутость и простонародныя средства, звуками простыми, благородными, ужасными, страстными: это былъ точно, какъ сказалъ Вольтеръ, левъ, ласкающій свою львицу вонзая въ нее когти. Мгновенно, и какъ-бы электрическимъ движеніемъ, составилось мнѣніе: оно было изъявлено продолжительными и многочисленными рукоплесканіями. Лекенъ услышалъ это доказательство общественнаго одо-

бренія, всходя въ свою ложу; облокотясь на перила лѣстницы, онъ сказалъ театральному прислужнику, который стоялъ внизу: »Ружо! что это намъ слышно?» — Э, Г-нъ Лекень! отвѣчалъ Ружо, это вамъ рукоплещутъ: наконецъ они васъ узнали. —

Опытъ показалъ ему, что всѣ вздорныя соображенія посредственности, всѣ противоположности звуковъ, всѣ крики, могутъ доставить много рукоплесканій и *брава*, но вовсе не дадутъ славы. Въ то время, когда охотники кричать воображаютъ, что душа ихъ взволнована, хотя у нихъ страдаютъ только уши, когда они рукоплещутъ до послѣдней возможности, въ это время есть нѣкоторое число артистовъ, знатоковъ, просвѣщенныхъ людей, чувствительныхъ только къ истинному и сообразному съ природою: эти люди мало производятъ шуму, но они утверждаютъ славу. Лекень освободилъ себя отъ любви къ рукоплесканіямъ, которая мучитъ большее число актеровъ и часто вводитъ ихъ въ заблужденіе: онъ желалъ нравиться только здравомыслящей части публики. Отбросивъ все шарлатанство ремесла, онъ, для произведенія истиннаго дѣйствія, не заботился, какъ произвести дѣйствіе: потому-то, можетъ быть, ему рукоплескали меньше всѣхъ актеровъ того времени, особенно

Digitized by Google

когда онъ приближался къ концу своего поприща; но ему больше всѣхъ удивлялись, и онъ сдѣлалъ трагедію болѣе общественною, не лишивъ ее величественныхъ ея размѣровъ. Онъ умѣлъ соблюдать благоразумную умѣренность въ жестахъ и движеніяхъ своихъ, и смотрѣлъ на эту часть искуства, какъ на существенную принадлежность, ибо жесты также языкъ; умноженіе ихъ лишаетъ благородства вида. Когда другіе актеры были только театральные герои, въ немъ благородство казалось не произведеніемъ усилія, но простымъ дѣйствіемъ привычки; онъ не старался казаться величественнымъ, не усиливалъ голоса, когда надобно было повелѣвать или отдать приказъ. Онъ зналъ, что человѣку могущественному не нужно усиливаться, дабы заставить себѣ повиноваться, и что въ томъ достоинствѣ, въ какомъ онъ находится, во всѣхъ словахъ его есть вѣсъ, во всѣхъ движеніяхъ власть.

Лекенъ показывалъ величайшій умъ и рѣдкое, истинное искуство въ различныхъ движеніяхъ своего произнесенія, умѣя дѣлать его быстрымъ или медленнымъ, соображаясь съ положеніемъ лица и часто онъ прерывалъ свою рѣчь искуственнымъ молчаніемъ.

Дѣйствительно, есть извѣстныя обстоятельства, гдѣ необходимо сообразиться, прежде нежели ввѣримъ слову то,

Digitized by Google

что испытываетъ душа или разсматриваетъ умъ. Потому-то въ сихъ случаяхъ актеръ долженъ, не начиная еще говорить, быть по виду въ размышленіи; показывать, что въ продолженіе сихъ остановокъ онъ обдумываетъ то, что хочетъ сказать; но, должно также, чтобы въ это время физіогномія его замѣняла слова; чтобы положеніе тѣла его, черты лица, означали, что въ сіи минуты размышленія душа его сильно занята; безъ этого, промежутки въ произнесеніи будутъ только холодными разстановками и ихъ скорѣе припишутъ развлеченію памяти, нежели дѣйствію мысли.

Также бываютъ положенія, когда человѣкъ, жестоко волнуемый, такъ много чувствуетъ, что не можетъ ждать медленнаго соединенія словъ; чувство, стѣсняющее его, прежде нежели будетъ выражено голосомъ, внезапно вырывается въ нѣмыхъ дѣйствіяхъ. Тогда жесты, положенія тѣла, взгляды должны предшествовать словамъ, какъ блескъ молніи предшествуетъ удару грома. Это средство удивительно усиливаетъ выраженіе, обнаруживая душу столь глубоко проникнутую, что нетерпѣливо желая выразиться, она избираетъ для этого самые скорые знаки.

Вотъ что составляетъ собственно такъ называемую нѣмую игру: это одна изъ существеннѣйшихъ частей театраль-

Digitized by Google

него искусства; ее очень трудно изучить, трудно овладѣть ею и привести въ правила; но ею даетъ актеръ своему произнесенію видъ естественности и истины, скрывая всю наружность изученій и повторительнаго упражненія.

Но есть еще другія положенія, гдѣ лицо, увлекаемое силою чувства, вдругъ находитъ всѣ нужныя ему выраженія. Слова являются на устахъ его столь-же быстро, какъ мысли въ душѣ: они родятся въ одно время и слѣдуютъ одни за другими безпрерывно; тогда произнесеніе актера должно быть скоро, быстро, одного пріема. Онъ долженъ скрыть отъ публики даже усилія дыханія слишкомъ сильнаго и продолжительнаго, ибо принять въ себя воздухъ значитъ нѣкоторымъ образомъ отдыхъ, остановку, а это, въ самомъ малѣйшемъ своемъ явленіи, замедляетъ жаръ движенія и необходимо уничтожаетъ его дѣйствіе, потому что, какъбы заставляетъ участвовать душу въ этомъ отдохновеніи, успокоеніи (*). На-

(*) Для выполненія того, чего я здѣсь требую и особенно для избѣжанія отъ этого сипѣнья грудью, этихъ нестерпимыхъ хрипѣній, какія слышимъ у иныхъ актеровъ на сценѣ, есть вѣрное средство, которому научилъ меня опытъ; вотъ оно: актеръ долженъ вбирать въ себя воздухъ, прежде нежели у него прервется дыханіе и прежде нежели необходимость и усталость заставятъ его вдругъ вздохнуть

добно еще прибавить, что страсть идетъ не какъ Грамматика: она не останавливается всегда тамъ, гдѣ-бы хотѣлось сей послѣдней; обыкновенно она мало уважаетъ точками и запятыми и переходитъ ихъ или перемѣщаетъ по волѣ своего безпорядка и своихъ влеченій.

въ себя много воздуха. Слѣдовательно, онъ долженъ вбирать воздухъ понемногу, часто, и особенно, прежде нежели необходимость принудитъ его къ этому. Для того довольно легчайшихъ дыханій, если они частыя; но въ семъ случаѣ надобно большое искусство, чтобы они не были замѣтны; безъ этого, отъ частаго прерыванія стиховъ, чтеніе актера будетъ невѣрно, нескладно и затруднительно; это средство можно всего легче сдѣлать незамѣтнымъ передъ гласными и особенно передъ *l'a* и *l'e*. Желая, чтобы меня лучше поняли, я привожу примѣръ и отмѣчаю черточкою мѣста, гдѣ-бы я переводилъ дыханіе, если-бы мнѣ надобно было читать слѣдующій отрывокъ:

Lusignan, — le dernier de cette auguste race,
Dans ces momens affreux ranimant notre audace, —
Au milieu des débris des temples renversés,
Des vainqueurs, des vaincus — et des morts entassés, —
Terrible, — et d'une main reprenant cette épée,
Dans le sang infidèle — à tout moment trempée, —
Et de l'autre — à nos yeux montrant avec fierté
De notre sainte loi — le signe redouté, —
Criant à haute voix: — Français, soyez fidèles! —
Sans doute en ce moment, le couvrant de ses ailes,
La vertu du Très-Haut, — qui nous sauve aujourd'hui,
Aplanissait sa route, — et marchait devant lui.

Digitized by Google

За нѣсколько лѣтъ передъ смертью, Лекенъ былъ постигнутъ сильною и продолжительною болѣзнью: она-то раскрыла таланты его во всей зрѣлости совершенства. Это покажется страннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо. Бываютъ жестокіе, рѣшительные переломы и разстройства въ животной экономіи; они возвышаютъ силу нервной системы и даютъ воображенію непостижимую дѣятельность: иногда тѣло въ страданіи, умъ въ ясновидѣніи. Иногда больные удивляютъ живостью своихъ идей, иногда память ихъ приходитъ въ новую дѣятельность, оживляетъ для нихъ событія и обстоя-

---

Изъ этого примѣра видно, что я употребляю сіи легкія дыханія, гдѣ только можно, передъ гласными; сіи дыханія поставлены также передъ выраженіями, требующими силы, каковы, напримѣръ, слово: *terrible* и два полустишія:

Criant à haute voix: — Français, soyez fidèles!

Но, повторяю, надобно очень остерегаться, чтобы ни ухо, ни даже глазъ зрителя не подозрѣвали, что вы переводите дыханіе. Объявляю также, что надобно большую привычку и упражненіе, дабы познакомиться съ симъ механическимъ дѣйствіемъ. Этимъ средствомъ, приведенные мною въ примѣръ двѣнадцать стиховъ, могутъ быть сказаны какъ-бы однимъ духомъ, со всею быстротою и жаромъ, какихъ они требуютъ. Впрочемъ, чаще или рѣже надобно употреблять сіи дыханія, это зависитъ отъ большей или меньшей силы каждаго человѣка. Иному актеру совсѣмъ не нужно употреблять ихъ такъ часто.

Digitized by Google

тельства, совершенно забытыя; иногда въ нихъ является родъ какого-то предвѣдѣнія, и потому Шенье, можетъ быть, справедливо сказалъ:

Le ciel donne aux mourans des accens prophétique.

Послѣ сего состоянія, въ нервной системѣ всегда остается нѣчто изъ этой чрезмѣрной чувствительности. Ощущенія становятся легче и глубже; всѣ чувствованія наши получаютъ высшую степень нѣжности. Сіи потрясенія, кажется, очищаютъ и обновляютъ наше бытіе: это испыталъ Лекенъ послѣ своей болѣзни. Ему было полезно даже продолжительное бездѣйствіе во время выздоровленія. Самое спокойствіе его было трудъ, ибо геній не всегда требуетъ упражненія; онъ, какъ золото въ нѣдрахъ земли, образуется и совершенствуется безъ шума и движенія.

Послѣ долгаго отсутствія Лекенъ явился на сценѣ. Какъ удивилась публика, готовившаяся быть снисходительною къ человѣку, ослабленному страданіемъ, увидѣвъ его въ блескѣ совершенства и новой красѣ. Онъ какъ-бы облекся существомъ болѣе прежняго совершеннымъ и болѣе чистымъ. Здѣсь-то умъ его отвергъ все чего не можетъ одобрить разсудокъ. У него исчезли крикъ, напряженія легкихъ, ходячія горести и простонародныя слезы, уменьшающія и унижающія дѣйствующее лицо. Въ голосѣ его, прерывистомъ

Digitized by Google

и звучномъ, явились, не могу объяснить, какіе-то звуки, какое-то дрожаніе, отзывавшіяся въ душѣ каждаго; слезы, коими онъ смягчалъ свой голосъ, были героическія и проницательныя (*). Игра его, полная, глубокая, патетическая, ужасная, очищенная отъ всѣхъ шумящихъ средствъ дѣйствовать, неоставляющихъ по себѣ воспоминанія, преслѣдовала даже во снѣ тѣхъ, кто его слушалъ.

Въ это-же послѣднее время своей жизни, лучше узнавъ страсти людей, и можетъ быть увидѣвъ вблизи великія горести, онъ умѣлъ лучше живописать ихъ, и если для выраженія душевныхъ мученій горестные и меланхолическіе звуки часто вырывались изъ груди его среди рыданій и слезъ, часто также, при послѣдней степени страданія нравственнаго, измѣнившійся голосъ его издавалъ звуки задушаемые, тяжкіе, страшные, худо образованные; въ глазахъ его, какъ-бы помѣшанныхъ, не было слезъ: онѣ, казалось, всѣ пали на его сердце. Удивительное искуство, заимствованное изъ самой природы! Оно гораздо болѣе волнуетъ

(*) Тальма, написавшій сію статью вообще смѣлымъ и даже небрежнымъ слогомъ, употребилъ здѣсь такое выраженіе, котораго я не смѣлъ перевести вѣрно; вотъ оно: les larmes dont il la trempait étoient héroïques et pénétrantes (слезы, коими онъ *смачивалъ* голосъ, были героическія и проницательныя). *Перев.*

Digitized by Google

душу нежели самыя слезы, ибо въ дѣйствительной жизни, вполнѣ сострадая плачущему отъ горести, мы по крайней мѣрѣ чувствуемъ что онъ облегчаетъ себя слезами; но жалость наша неизмѣримо сильнѣе, при видѣ несчастливца, у котораго, въ изступленіи мрачнаго и глубокаго отчаянія, нѣтъ голоса для выраженія своихъ страданій и нѣтъ слезъ для облегченія ихъ! Такимъ образомъ, аксіома Горація, повторенная Буало:

Pour m'arracher des pleurs, il faut que vous pleuriez,

не всегда вполнѣ справедлива.

Страсти Лекена были чрезвычайны. Онъ любилъ съ бѣшенствомъ (*); ненавидѣлъ, какъ сказываютъ, также, и тотъ всегда будетъ дурнымъ актеромъ, чья душа неспособна чувствовать страстей чрезмѣрныхъ. Въ выраженіи ихъ есть столько оттѣнковъ, что актеръ можетъ понять, выразить оные, единственно самъ испытавъ ихъ. Тогда, богатый наблюденіями, сдѣланными надъ собственною своею природою, онъ самъ себѣ служитъ образцомъ и примѣромъ. Онъ вопрошаетъ самого себя о впечатлѣніяхъ, испытан-

(*) Въ послѣднее время жизни своей онъ страстно влюбился въ госпожу Бенуа и долженъ былъ жениться на ней. Играя въ театрѣ, онъ всякій разъ поѣдалъ ее за первою кулисою и обращалъ къ ней всѣ выраженія нѣжности и любви, какія произносилъ актрисѣ, бывшей съ нимъ на сценѣ.

Digitized by Google

ныхъ его душою, о выраженіи, отпечатавшемся въ чертахъ лица его, о звукахъ, какими волновался голосъ его въ различныхъ припадкахъ страстей; онъ размышляетъ о сихъ воспоминаніяхъ и всѣ сіи дѣйствительности заставляетъ переходить въ вымышленныя страсти, какія долженъ живописать.

Осмѣлюсь-ли сказать, что самъ я, при одномъ случаѣ моей жизни, испытывалъ глубочайшее огорченіе, но страсть къ театру была во мнѣ такъ велика, что обремененный дѣйствительною горестью, проливая слезы, я невольно сдѣлалъ быстрое и бѣглое замѣчаніе объ измѣненіи моего голоса и какомъ-то спазмодическомъ дрожаніи, производимомъ имъ во время слезъ. Не безъ нѣкотораго стыда признаюсь, я машинально думалъ, какъ воспользоваться этимъ при случаѣ, и въ самомъ дѣлѣ, этотъ опытъ надъ самимъ собою часто былъ мнѣ очень полезенъ (*).

(*) Замѣчу при семъ случаѣ, что слезы почти всегда заставляютъ голосъ перейдти къ самымъ высокимъ тонамъ его; но въ сихъ рѣзкихъ тонахъ онъ не только не умилителенъ, но часто сухъ, обыкновенъ и не трогателенъ. Слѣдственно, въ горести надобно, сколько возможно, употреблять голосъ средній: только при этомъ тонѣ слезы благородны, трогательны, проницательны и голосъ легко находитъ тѣ патетическіе звуки, тѣ раздирающіе и горестные тоны, которые пробуждаютъ всю чувствительность души и заставляютъ зрителя плакать съ вами.

Digitized by Google

Непріятности, огорченія, горестныя воспоминанія, которыя актеръ можетъ примѣнять къ представляемому имъ лицу, усиливая его чувствительность, также приводятъ его въ это необходимое для развитія нравственныхъ способностей состояніе волненія. Я совсѣмъ не желаю, чтобы идущіе по сему поприщу имѣли случай часто испытывать подобныя средства. Но актеръ имѣетъ однакожъ преимущество извлекать даже изъ своихъ горестей существенную выгоду и изъ нихъ почерпать средства усовершенствованія.

Слѣдственно, Лекенъ въ самыхъ страстяхъ своихъ находилъ пищу своему таланту Для характеровъ ненавистныхъ и страстей порочныхъ онъ не имѣлъ никакого основанія въ душѣ своей, потому, что былъ человѣкъ благороднѣйшій, но умѣлъ живописать ихъ по аналогіи. Дѣйствительно, между страстями безпорядочными, унижающими природу человѣческую, нѣкоторыя сближаются отдѣльными частями своими съ возвышающими ее и возвеличивающими страстями, живыми и чистыми. Такъ чувство благороднаго соревнованія даетъ намъ знать, что испытывать можетъ зависть, справедливое негодованіе за оскорбленія, показываетъ намъ издалека изступленіе ненависти и мщенія. Осторожность и благоразуміе объясняютъ намъ скрытность. Желанія, мученія, безпокойная ревность любви, даютъ понятіе

Digitized by Google

о всѣхъ ея неистовствахъ и посвящаютъ насъ въ тайны всѣхъ ея преступленій. Сіи соображенія, сіи сближенія суть слѣдствія незамѣтнаго, быстраго труда чувствительности и ума, въ тайнѣ совершающагося въ актерѣ и поэтѣ и открывающаго имъ, не смотря на неприкосновенность къ сему ихъ природы, черныя склонности и виновныя страсти порочныхъ и испорченныхъ душъ. Такъ Мильтонъ, человѣкъ строго-честный, съ душою столь полною Божественнаго чувства, сотворилъ лицо Сатаны; Корнель, самый простой и честный человѣкъ, создалъ Фоку и Феликса; Расинъ Нерона, Нарциса и Маѳана; Вольтеръ, съ ужасающею истиною, изобразилъ дѣйствія фанатизма, и Дюсисъ, столь простой по своимъ склонностямъ, жившій столь набожно, пламенною кистью написалъ въ Абюфарѣ всѣ увлекательности преступной любви.

Здѣсь оканчиваю мои размышленія. Я набросалъ ихъ не въ большомъ порядкѣ и какъ они попадались мнѣ подъ перо. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи воздать благодарность памяти величайшаго изъ всѣхъ актеровъ, являвшихся на нашей сценѣ, и мимоходомъ распространить нѣкоторыя идеи о Театральномъ Искусствѣ, бывшія слѣдствіемъ моей собственной опытности. Знаю, въ чемъ онѣ не полны. Жаль, что самъ Лекень очень мало оставилъ намъ своихъ мыслей о семъ предме-

Digitized by Google

тѣ. Никакъ не думаю, чтобы я могъ дополнять то, чего онъ не сдѣлалъ; но если силы мои будутъ соотвѣтствовать моему желанію, если дѣятельныя занятія мои дадутъ мнѣ нѣсколько досуга, я желалъ-бы, въ тишинѣ и на покоѣ, собрать въ послѣдствіи воспоминанія продолжительной опытности и, такимъ образомъ, трудомъ, можетъ быть полезнымъ для моихъ будущихъ послѣдователей, окончить поприще, украшенное нѣкоторыми успѣхами и вполнѣ посвященное возвышенію прекраснаго нашего искуства: я такъ любилъ его!

II. КРИТИКА.

Критическое обозрѣніе Русской Литтературы, помѣщенное въ Revue Encyclopédique.

(Для всякаго просвѣщеннаго и любящаго свое отечество Россіянина пріятно видѣть, съ какою ревностію иностранцы начинаютъ заниматься пріобрѣтеніемъ точныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ и стараются познакомиться съ нашею Литтературою. — Многіе иностранные журналы постоянно посвящаютъ сему предмету особенныя отдѣленія въ изданіяхъ своихъ. — Изъ числа таковыхъ *Revue Encyclopédique*, одно изъ лучшихъ періодическихъ изданій въ Европѣ, отличается болѣе прочихъ, въ общемъ смыслѣ, удовлетворительными свѣдѣніями, точными сужденіями и отсутствіемъ

Digitized by Google

предубѣжденій въ статьяхъ своихъ о Россіи, ибо считаетъ въ числѣ сотрудниковъ, людей, которымъ отечество и Литтература наша извѣстны по достовѣрнымъ источникамъ, а не по наслышкѣ, или изъ сочиненій наполненныхъ грубыми и невѣжественными ошибками и извѣстіями, чрезъ посредство коихъ единственно Европа долгое время знакомилась съ Россіею. Въ Ноябрьской и Декабрьской книжкахъ прошедшаго 1826 года, сего изданія, находится разборъ Русской Антологіи Г-на Дюпре-де-С. Мора, писанный Г. Геро; хотя достоинство сей Антологіи въ отношеніи переводовъ Русскихъ стихотвореній, въ оной находящихся, давно уже опредѣлено, по крайней мѣрѣ у насъ, однакожь, такъ какъ этотъ разборъ содержитъ въ началѣ своемъ бѣглый взглядъ на Русскую Литтературу и общія изслѣдованія объ оной, имѣющія значительное достоинство для иностранцовъ, и кои также могутъ быть любопытны и полезны для насъ, то я побудился сими причинами перевести эту часть разбора съ нѣкоторыми небольшими замѣчаніями и просить Издателя Московскаго Телеграфа о помѣщеніи онаго въ своемъ Журналѣ.

Н. П—а.)

Имѣютъ-ли Русскіе Литтературу? вотъ вопросъ, дѣлаемый ежедневно людямъ, кои имѣли случай быть въ сношеніяхъ съ симъ народомъ, столь юнымъ еще, но сдѣлавшимъ уже столько успѣховъ, по многимъ отношеніямъ, въ просвѣщеніи.

»Начало« какъ говоритъ Г-нъ Дюпре-де-Сенъ Морѣ въ своемъ *Введеніи*, »подлинно можетъ считать-

Digitized by Google

ся только со временъ Петра I. Прежде этой эпохи просвѣщеніе сосредоточивалось въ монастыряхъ; высшее Русское Духовенство отличилось въ отдаленныя времена, нѣкоторыми хорошими твореніями. Рускіе ссылаются на *Лѣтописи Монаха Нестора*, писанныя въ XI столѣтіи, кои должны быть почитаемы главнымъ основаніемъ Русской Исторіи. Сіи Лѣтописи были продолжаемы до 1700. Есть также *Житія Святыхъ, Духовныя наставленія; Путешествіе Игумена Данінла въ Палестину;* переводы *Священныхъ книгъ* на Славянскомъ языкѣ, писанные отцами Греческой Церкви; сказки и героическія Поэмы, въ томъ числѣ одна подъ заглавіемъ: *Повѣствованіе о походѣ Князя Игоря на Половцовъ* (Пѣснь о походѣ Игоря), которая относится къ XII столѣтію. Но, какъ (прибавляетъ Авторъ Русской Антологіи) нѣкоторые слабые лучи, проницающіе сквозь глубокую темноту и въ большихъ промежуткахъ, не могутъ разсѣять мрака невѣжества, такъ просвѣщеніе поздно является у народа, лишеннаго еще тѣхъ полезныхъ заведеній, кои суть, такъ сказать, маяки ума человѣческаго и служатъ точками соединенія для умственныхъ способностей и порывовъ воображенія."

Прибавимъ однакожь къ сей картинѣ одно соображеніе, почерпнутое изъ славнаго сочиненія Русскаго Историка Карамзина (1). »Было время« говоритъ онъ (2) »когда Россія, рожденная, возвеличенная Еди-

(1) Смотр. въ послѣдней *Іюльской* книжкѣ, Томъ XXXI, стр. 242, *Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ Карамзина*, Г-на Толстаго. *Прим. Сот.*

(2) Смотр. Истор. Госуд. Росс. Томъ V, Глав. IV, стр. 366 и слѣд.

Digitized by Google

повластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ-же характеръ, тѣ-же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, неиспроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ, и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳеатромъ помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства . . . Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія. Нашествіе Батыево испровергло Россію. Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и науки болѣе и болѣе въ ней размножались. . . .“.

Такимъ образомъ будучи замедлены въ своемъ ходѣ, Рускіе, по возстановленіи независимости, долженствовали сдѣлать успѣхъ тѣмъ быстрѣйшій, что они были избавлены отъ медленныхъ попытокъ, коимъ геній другихъ народовъ былъ подвергнутъ: имъ стоило только заимствовать просвѣщеніе съ той степени, на которую оно достигло у сосѣдственныхъ народовъ. И такъ можно смѣло сказать

Digitized by Google

что Литература не имѣла младенческаго возраста въ Россіи; съ первыхъ шаговъ она явилась въ полной красотѣ и мужествѣ, и сѣверъ дѣйствительно не имѣлъ, какъ говоритъ Г нъ де-С. Моръ, ни своихъ Тристановъ, ни своихъ Жоделлей. Едва считаютъ въ сей Литературѣ одного Тредьяковскаго, Профессора весьма ученаго и воспитанника Роллена, который совершенно заблудился, избравъ поэтическое поприще, для коего природа вовсе его не опредѣлила (1).

Искуство книгопечатанія было введено въ Россію въ 1553 году, т. е. сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія онаго; одиннадцать лѣтъ прошли еще до появленія Апостола, первой книги на Славянскомъ языкѣ, изданной въ Москвѣ. Съ сего времени до 1813 года, считаютъ по показанію одной Русской Библіографіи (2) 13,249 твореній, напечатанныхъ въ Россіи на Славянскомъ и на Русскомъ языкахъ. Опытъ Исторіи Россійской Словесности, изданный Г-мъ Гречемъ и находящійся въ четвертомъ томѣ

(1) Тредьяковскій предпринялъ, между прочими поэтическими сочиненіями, переводъ шести-стопными стихами Фенелонова Телемака, подъ заглавіемъ *Телемахида*. Императрица Екатерина, на вечерахъ своихъ въ Эрмитажѣ, имѣняла въ наказаніе придворнымъ особамъ прочесть наизусть отрывокъ изъ сей странной Поэмы; и тѣ, кои съ удовольствіемъ воспоминаютъ теперь эти вечера, увѣряютъ, что сіе наказаніе было самое тяжелое, какому только могли ихъ подвергнуть. Этотъ же самый Литераторъ, лишь только окончилъ переводъ въ 26-ти Томахъ Древней и Римской Исторіи Роллена, какъ пожаръ истребилъ рукопись. Но онъ не потерялъ бодрости, принялся за работу съ новою ревностію и сдѣлалъ второй переводъ, который и былъ изданъ въ С. Петербургѣ (въ годахъ 1749—1762 и 1761—1767). *Прим.* С.

(2) *Опытъ Россійской Библіографіи Василія Сопикова.* С.Петербургъ, 1814—1821. Пять Том. in 8. *Прим. Сос.*

Digitized by Google

сочиненія, о которомъ мы недавно объявляли (1), содержитъ извѣстія вмѣстѣ біографическія и библіографическія, о четырехъ стахъ или около того Русскихъ сочинителей; изъ сего числа можно наименовать до шестидесяти дѣйствительно отличившихся. Древнѣйшій изъ лѣтописцовъ Русскихъ, Несторъ, славился уже въ XI столѣтіи; онъ имѣлъ достойнаго послѣдователя въ Патріархѣ Никонѣ, жившемъ около пяти сотъ лѣтъ послѣ него. Въ царствованіе Петра I го учрежденіе многихъ общественныхъ школъ и основаніе Академіи наукъ, въ которую онъ призвалъ многихъ иностранныхъ ученыхъ, придали просвѣщенію сильный полетъ и приготовили чудеса послѣдующихъ царствованій. Къ этой эпохѣ, отъ второй половины XVII столѣтія, до второй половины XVIII, относятся труды Князей *Кантемира* и *Хилкова* и Статскаго Совѣтника *Татищева*, перваго въ *Сатирической поэзіи*, двухъ другихъ въ *Исторіи*.

Но въ царствованіе Екатерины II науки на Сѣверѣ блистали самымъ яркимъ свѣтомъ. Тридцать лѣтъ сего царствованія должны быть почитаемы великимъ литературнымъ вѣкомъ Россіи; они суть относительно сей страны то, чѣмъ былъ относительно Франціи вѣкъ Людовика XIV. Сама Императрица подала примѣръ своимъ подданнымъ: она попеременно являлась мудрымъ законодателемъ,

(1) Это сочиненіе въ 4-хъ томахъ, изъ коихъ мы объявляли только о послѣднемъ, изданномъ особо, подъ заглавіемъ: *Опытъ краткой Исторіи Россійской Словесности*, составляетъ полный курсъ Риторики, Стихосложенія и Словесности Россійской, съ собраніемъ отрывковъ изъ лучшихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, дѣлающихъ честь вкусу и учености Автора. *Прим. Сог.*

Digitized by Google

великимъ полководцомъ, искуснымъ дипломатомъ; Философія и Словесность скоро включили ее въ число своихъ дражайшихъ послѣдователей — Петръ 1-й, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Историкъ, на коего мы ссылались въ началѣ сей статьи, желалъ возвысить насъ на степень просвѣщенія; Екатерина видѣла въ насъ людей уже просвѣщенныхъ и обращеніе ея съ народомъ своимъ было слѣдствіемъ сего благороднаго мнѣнія, которое она возымѣла о немъ. Къ именамъ *Ломоносова*, почитаемаго основателемъ Русской Литтературы, лирическихъ поэтовъ *Петрова* и *Поповскаго* (1), трагическаго поэта *Сумарокова*, эпическаго поэта *Хераскова*, прославившихся уже въ царствованіе Елисаветы, присоединились въ теченіе сихъ знаменитыхъ тридцати лѣтъ имена: прелестнаго *Богдановича*, баснописца *Хемницера*, двухъ комиковъ, *Фонъ-Визина* и *Княжнина* (2), трехъ лирическихъ поэтовъ, *Державина*, *Капниста* и *Петрова*, изъ коихъ первый почитается вмѣстѣ Русскимъ Пиндаромъ, Гораціемъ и Анакреономъ, двухъ историковъ *Щербатова* и *Болтина* и многихъ другихъ почтенныхъ писателей, исчисленіе которыхъ конечно показалось-бы слишкомъ длиннымъ читателю лишенному подробностей, кои единственно могли-бы сдѣлать оное занимательнымъ для Французовъ.

---

(1) *Поповскій* врядъ ли можетъ назваться лирическимъ поэтомъ, ибо онъ извѣстенъ переводомъ Дидактической Поэмы: *Опытъ о человѣкѣ*, Попе, и первый послѣ Ломоносова писалъ довольно чистою прозою. *Прим. Перев.*

(2) *Княжнинъ* равно извѣстенъ и какъ трагическій, и какъ комическій писатель. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

Если мы прибавимъ еще къ сему списку имена новѣйшихъ писателей, дѣлающихъ особенную честь Россіи, и между коими отличаются Г-да *Дмитріевъ*, *Карамзинъ*, *Крыловъ*, *Жуковскій*, *Батюшковъ*, *Катенинъ*, *Гнѣдичъ*, *Мерзляковъ*, *Измайловъ*, *Вдейковъ*, оба *Пушкины*, Князья *Шихматовъ*, *Шаховской* и *Вяземскій*, *Нелединскій-Мелецкій*, *Шишковъ*, *Олинъ*, *Долгорукій*, *Озеровъ* и *Милоновъ* (1), и особенно если-бы мы могли изложить ихъ права на общественное уваженіе и признательность, то конечно не были-бы въ затрудненіи отвѣчать на вопросъ, коимъ начали нашу статью: *имѣютъ-ли Русскіе Литтературу?* Однакожь, отъ чего Литтература сія столь мало извѣстна другимъ народамъ Европы? Постараем-

(1) Съ нѣкотораго времени Россія потеряла сихъ трехъ послѣднихъ писателей. Князь *Долгорукій* отличался въ посланіяхъ и сатирѣ; *Милоновъ* приобрѣлъ величайшіе успѣхи въ семъ послѣднемъ родѣ и обѣщалъ быть Русскимъ Ювеналомъ. Что же касается до *Озерова*, который умеръ, имѣя только 46 лѣтъ отъ роду, онъ превзошелъ уже всѣхъ трагическихъ поэтовъ своего народа. Полагаютъ, что зависти можно частію приписать смерть сего человѣка, одареннаго чувствительностію столь же тонкою, какъ нашъ безсмертный Расинъ. — Г-нъ де С-нъ При (M. de Saint-Priest), въ томѣ посвященномъ Русскому театру и составляющемъ часть собранія Образцовыхъ драматическихъ произведеній (Chefs-d'oeuvre dramatiques), изданнаго Книгопродавцемъ Ладвока, предпринялъ познакомить Францію съ двумя лучшими сочиненіями Озерова, *Фингаломъ* и *Димитріемъ Донскимъ*. — *Карамзинъ* жилъ еще, когда сія статья была написана. *Прим. Сот.* — Каждый образованный Русскій читатель увидитъ, что здѣсь современные наши писатели помѣщены просто безъ разбора и вовсе не по порядку ихъ относительныхъ достоинствъ. Достаточно только замѣтить, что А. С. Пушкинъ и В. Л. Пушкинъ совокуплены подъ общимъ именемъ *обоихъ Пушкиныхъ*. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

ся разсмотрѣть въ самыхъ источникахъ причин
такого равнодушія, тѣмъ болѣе удивительнаго в
отношеніи къ народу, вступившему съ нами в
удѣлъ просвѣщенія, что мы вдались въ Литтературу
другихъ народовъ Европы, кажется, до такой сте
пени, что пренебрегаемъ изученіемъ собственных
классическихъ писателей.

Я уже сказалъ, что Рускіе, будучи удержан
въ стремленіи своемъ обстоятельствами самыми не
благопріятными для успѣховъ просвѣщенія, должен
ствовали заимствовать знанія съ той точки, д
коей оныя достигли у сосѣдственныхъ народовъ,
когда избавились наконецъ отъ продолжительнаго
ига Татаръ. Но отъ сего обязательства, им
отъ сей удобности имѣть Литтературу уже совер
шенно образованную, не могло-ли также произойдти
важнаго неудобства, и не должно-ли приписыват
сему случаю недостатокъ, коимъ можно вообще
упрекать Русскихъ писателей, то есть, отсутс
ствіе оригинальности, сего качества, которое
единственно можетъ продлить существованіе Лит
тературы за предѣлы той эпохи, въ которую он
оказывала свое вліяніе? Я готовлюсь уже къ воз
станію противъ меня народнаго самолюбія для опро
верженія сего предположенія, которое Рускіе почт
тутъ обиднымъ и за которое могутъ меня обви
нить въ предубѣжденіи. И такъ я заставлю гово
рить одного изъ ихъ соотечественниковъ: он
конечно не отстранятъ свидѣтельства человѣка равно
свѣдущаго въ обѣихъ Литтературахъ и долгое
время занимавшаго въ Россіи значительную долж
ность по части общественнаго воспитанія. Слѣду
ющія строки суть извлеченіе изъ одного пись

къ Французу, десять лѣтъ жившему въ Рос-
, который, съ того времени, посвящалъ часть
ихъ досуговъ на изученіе языка и Словесности,
ставлявшихъ ему часто истинное наслажденіе.
редпріятіе ваше, совокупить въ одну книгу раз-
ныя Русскія стихотворенія, переведенныя уже
и и тѣ, кои вы намѣреваетесь передать на вашъ
ыкъ, конечно есть самый естественный способъ
обить себѣ новую тропу на поприщѣ Литте-
туры, и составляющееся теперь совмѣстничество
я достиженія одной цѣли, должно произвесть со-
ваніе, могущее обратиться въ вашу пользу. Вы
лаете, чтобы я указалъ вамъ на наши оригиналь-
ая произведенія, дабы избѣгнуть неудобствъ, замѣ-
нныхъ вами послѣ первыхъ опытовъ. Не скрою отъ
ъ, что подобное обязательство превышало бы
ои силы, и я полагаю даже, что тотъ, кто возмет-
я за это, наложитъ на себя многолѣтній трудъ,
бо оный требуетъ знанія всѣхъ языковъ Европы,
авно и различныхъ Литтературъ, на кои мы на-
агали сборъ. Русскіе не ограничивались переводами,
подражаніями и копіями съ Французскихъ писателей:
они заимствовали у всѣхъ народовъ Европы и даже
не оставили Востока въ пренебреженіи (1). Если

1) Что Русскіе подражали, переводили, списывали Французскихъ писателей, это совершенно справедливо; но не думаю, чтобы трудъ показать собственно намъ принадлежащее въ нашей Литтературѣ, требовалъ знанія всѣхъ языковъ и Словесностей Европы. Къ сожалѣнію, мы ограничивались жатвою на полѣ одной Французской Поэзіи и сборы наши съ другихъ Литтературъ мало насъ обогатили. Съ Нѣмецкими писателями насъ нѣсколько познакомилъ Жуковскій; съ Англичанами онъ-же, и то весьма немного; о древнихъ мы почти и не думали, не говоря уже объ Итальянской, Испанской и проч. Литтературахъ Европы, и если

Digitized by Google

бы надлежало показать, что принадлежитъ имъ со
ственно, то подобное дѣло было-бы весьма продо
жительно, трудно и утомительно. Я опасаюсь д
же, чтобы заключеніе не было предосудительно д
нашей славы. По моему мнѣнію, за исключеніемъ н
которыхъ стихотвореній *Ломоносова*, большаго ч
сла стихотвореній *Державина*, многихъ Басенъ *Х
мницера* и *Крылова*, Русская Литтература
*представляетъ ничего достойнаго чести перев
да*; и если мы владѣемъ другими отличными про
веденіями, то не по достоинству изобрѣтенія и
принадлежатъ одобренія знающихъ судей, но по вы
раженію, по новости оборотовъ и по искусному уп
требленію различныхъ формъ нашего языка (1)

есть у насъ переводы образцовыхъ твореній сихъ народовъ
то они сдѣланы съ Французскаго, писаны слогомъ уст
рѣвшимъ и ни кѣмъ не читаются. Къ изученію Восточныхъ
языковъ мы обратились весьма недавно, и оно не имѣло
еще ощутительнаго вліянія на нашу Словесность: Восток
мы еще болѣе Запада оставляли въ пренебреженіи. Если мы по
ставлены событіями въ такое положеніе, что должны заим
ствовать знанія и просвѣщеніе съ той степени, которой
оныя достигли у сосѣдственныхъ народовъ, намъ надле
житъ обогатиться всѣми свѣдѣніями, опытами вѣковъ и
роскошью просвѣщенія Запада; сродниться съ произведенія
ми пламеннаго воображенія восточныхъ народовъ, имѣв
шихъ столько вліянія на судьбу нашего Государства; почер
пать вдохновеніе въ Лѣтописяхъ народа, въ подвигахъ,
событіяхъ и нравахъ многочисленныхъ племенъ Русскаго
Царства, и излагая мысли и чувствованія языкомъ мощ
нымъ и свѣжимъ, облекать наши творенія въ формы обра
зованной Словесности. Такимъ образомъ Литтература
наша можетъ содѣлаться оригинальною, Европейскою и
приобрѣтетъ права жить въ вѣкахъ. *Прим. Пер.*

(2) Можно прибавить еще къ симъ четыремъ оригиналь
нымъ писателямъ, о коихъ говоритъ нашъ Русскій кор
респондентъ, *Хераскова*, Сочинителя двухъ Эпическихъ
Поэмъ; *Россіяды* или покоренія Казани, коей весьма хоро-

Digitized by Google

рочемъ, не въ этомъ-ли состоитъ главное достоин-
во Лафонтена, Расина, Буало и Делиля? Наши пи-
тели подверглись упреку за то, что почерпали изъ
ихъ источниковъ съ сими великими геніями, что
старались сблизиться съ первобытными образцами,
подражали подражателямъ древнихъ. Когда обкра-
ваешь славнаго писателя, говоритъ Вольтеръ,

ій разборъ, писанный однимъ Французомъ, Г-мъ *Базеномъ*,
енералъ-Маіоромъ въ Русской службѣ, находится въ
нтологіи Г-на Дюпре-де-Сенъ Мора, и *Владиміръ*, или
ристіанство введенное въ Россію, и Исторической Поэмы
раженіе при Чесмѣ; *Боброва*, Автора Описательной Поэ-
ы *Таврида*; Трагическихъ Поэтовъ, *Сумарокова*, *Княж-
ина*, *Озерова*, *Крюковскаго* и Комика *Фонъ-Визина*, ко-
мъ обязаны трагедіями: *Хоревъ*, *Синавъ и Труворъ*, *Лже-
имитрій*; *Росславъ*, *Владиславъ*, *Смерть Олега*, *Димитрій
онской*; *Пожарскій*, *Елизавета* (дочь Ярослава), и Ко-
едіями: *Бригадиръ* и *Недоросль*, всѣ піэсы, какъ
идно, содержаніе національное; наконецъ многихъ дру-
ихъ сочинителей, коихъ произведенія въ родѣ менѣе воз-
ышенномъ, почерпнуты также изъ Русской Исторіи и
равовъ и обычаевъ ихъ народа. Разумѣется, что мы
оворимъ здѣсь только о поэтахъ, ибо въ другихъ отра-
ляхъ Словесности, коими занимались Рускіе, вообще
ожно найти болѣе оригинальныхъ писателей. *Прим. Соч.*

Русскій корреспондентъ, наименовавъ Ломоносова, осо-
енно-же Державина, Крылова и Хемницера, показалъ всѣ
сточники нашихъ оригинальныхъ произведеній и почти
сполнилъ трудъ, для коего онъ требовалъ многихъ лѣтъ.
очинитель, должно признаться, весьма ошибочно увели-
илъ это число. Въ сочиненіяхъ Сумарокова, Княжнина
проч., даже Озерова, кромѣ Русскихъ именъ, ничего нѣтъ
аціональнаго; и за исключеніемъ комедій Фонъ-Визина,
ъ семъ спискѣ трагедій и поэмъ, болѣе всего оригинально-
ти находится, можетъ быть въ Херсонидѣ, Боброва. —
поминая о *Владиславѣ*, Княжнина, Авторъ вѣроятно разу-
ѣлъ трагедію его *Владисанъ*; *Смерть Олега* также не на-
одится въ сочиненіяхъ Озерова, и какъ говорятъ, истре-
лена имъ самимъ; *Елисавета*, Крюковскаго, издана послѣ
мерти Автора и ни что иное, какъ подражаніе. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

то надобно уже его убить; а мы вовсе не имѣем знаменитыхъ преступниковъ, могущихъ похвастаться подобными смертоубійствами. Я пойду далѣе и стану даже утверждать, что лучшій переводъ оригинальныхъ произведеній нашего Тиртея (1) можетъ быть опасенъ для его знаменитости, ибо обнаживъ его отъ собственнаго колорита, предполагая, что замѣна вознаградитъ потерю, что найдутъ въ мысляхъ, ходѣ, планѣ, расположеніи и порядкѣ лучшихъ изъ его произведеній? Увидятъ только блуждающее воображеніе, много дурнаго вкуса, и въ итогѣ уродливости (2). Послѣ сего по-

(1) Здѣсь говорится о *Жуковскомъ*, Сочинителѣ Поэмы изданной въ 1812 мъ году, подъ заглавіемъ: *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, за которую Императоръ Александръ пожаловалъ ему ежегодный пенсіонъ въ 4 т. руб. — *Прим. Сов.*

(2) Этотъ самый Поэтъ, коего соотечественники именуютъ *Романтическимъ*, подражалъ особенно Нѣмецкимъ писателямъ. Онъ поставилъ въ чести у Русскихъ *Балладу*, давно уже оставленную Французами, но которая считаетъ многочисленныхъ приверженцовъ въ Англіи и Германіи, гдѣ впрочемъ она не имѣетъ тѣхъ формъ, какъ у насъ. *Прим. Сов.*

Большая часть стихотвореній Жуковскаго суть переводы или подражанія, и главное, собственное его достоинство состоитъ въ прелести языка и въ искуствѣ, съ коимъ онъ умѣлъ, такъ сказать, присвоить намъ разнообразныя творенія знаменитыхъ Германскихъ и Англійскихъ поэтовъ и сроднить ихъ съ нашею Словесностію; конечно для сего надобно имѣть великій талантъ, и Жуковскій владѣетъ имъ неоспоримо, но обнаживъ его сочиненія отъ собственнаго ихъ колорита, все прочее не принадлежитъ уже ему, а слѣдовательно и упрекъ за недостатки въ составѣ не можетъ къ нему относиться. Въ небольшомъ же числѣ собственныхъ произведеній Жуковскаго, на прим. въ *Свѣтланѣ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Пѣвца во станѣ воиновъ* и другихъ находятся красоты оригинальныя и въ составѣ сихъ піесъ, основанныхъ на повѣрьяхъ, предразсудкахъ и обычаяхъ народныхъ, вовсе нѣтъ *уродливости*. Способны ли онѣ къ переводу на иностранные языки? Это вопросъ совсѣмъ посторонній. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

ците сами, выиграетъ ли онъ отъ перевода. У
съ есть молодой Поэтъ *Александръ Пушкинъ*, ко-
рый сдѣлался извѣстнымъ произведеніями, изо-
чающими отпечатокъ великаго таланта и поры-
ъ оригинальности; но стихотворенія его разсѣя-
по разнымъ журналамъ и лучшія хранятся еще
его портфёйлѣ, хотя копіи съ оныхъ быстро
множаются и украдкою обращаются въ нашихъ
ществахъ. Этотъ новый Протей, ибо онъ умѣетъ
лекаться во всѣ образы, обѣщаетъ быть перво-
пеннымъ поэтомъ (1)."

Читатели останутся намъ благодарными мо-
тъ быть, за сіи общія изслѣдованія, коими мы
ли обязанностію начать разборъ творенія, по-
ященнаго Авторомъ Литературѣ, такъ сказать,
все еще новой въ Европѣ, или по крайней мѣрѣ
вѣстной только весьма немногимъ. Давно уже
бѣщали мы имъ *Извѣстіе о Русской Литературѣ*;
рашкія подробности, въ кои мы входили теперь, и
ѣ, кои были помѣщены нами, годъ уже тому на-
дъ, въ статьѣ о подражаніяхъ Русскимъ Баснямъ

---

1) Смотр. Rev. Encycl. T. XXX, въ Іюньской книжкѣ, стр. 819 — 821, объявленіе о послѣдней Поэмѣ сего Сочинителя, *Бахчисарайскій Фонтанъ*, переведенной Французскими стихами Г-мъ Шопеномъ, и проч. — *Прим. Сот.*

А. Пушкинъ исполнилъ въ полной мѣрѣ обѣщаніе быть первостепеннымъ Поэтомъ. Пять изданныхъ имъ поэмъ свидѣтельствуютъ о разнообразіи и силѣ его генія, зрѣющаго безпрестанно; но судя по напечатанному отрывку изъ его Трагедіи *Борисъ Годуновъ* и по отзывамъ объ оной свѣдущихъ людей, читавшихъ сіе произведеніе въ манускриптѣ, можно и теперь еще сказать, что лучшія его творенія, долженствующія упрочить его славу и званіе оригинальнаго Поэта, хранятся еще у него въ портфёйлѣ. — *Прим. Пер.*

Digitized by Google

Крылова на Французскомъ и Италіянскомъ языкахъ, послужатъ имъ предварительными свѣдѣніями, а нами точкою начала для труда, отъ коего мы не отказались, но который требуетъ продолжительнаго изученія, тщательныхъ изысканій и болѣе распространенія, нежели мы можемъ сдѣсь дать оному (1).

(1) Сія статья, коею мы почли нужнымъ начать разборъ твореній Г-на Дюпре-де-Сенъ Мора, была давно уже написана и даже извѣстна въ Россіи, когда вышелъ *Этнографическій Атласъ* Г-на Бальби, въ коемъ съ пользою можно заимствоваться изъ *Взгляда на Русскую Литтературу*, дополненнаго Русскимъ писателемъ. Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что встрѣтились съ нимъ во многихъ сужденіяхъ о твореніяхъ его соотечественниковъ. Онъ могъ войдти въ большія подробности нежели мы и наименовать нѣсколько писателей болѣе. Для дополненія нашей картины и дабы отдать долгъ справедливости, мы, прибавимъ здѣсь имена *Востокова, Лобанова, Загоскина, Хмельницкаго, Грибоѣдова, Панаева, Каченовскаго, Глинку, Нарѣжнаго, Малиновскаго, Калайдовича и Строева*, кои равно оказали хорошія услуги Словесности. — Многіе молодые писатели, между которыми замѣчаютъ *Баратынскаго*, готовятся идти по ихъ стопамъ. *Прим. Сов.*

Признаюсь, что я не имѣлъ въ рукахъ Атласа Г-на Бальби, но судя по тому, что сказано о немъ въ № XI Московскаго Телеграфа, я никому не совѣтовалъ-бы почерпать свѣдѣнія о Русской Литтературѣ изъ помѣщеннаго въ сей книгѣ *Взгляда* на оную, хотя сей взглядъ и писанъ какимъ-то Русскимъ дворяниномъ и словесникомъ; особенно же надобно остерегаться прибавленія къ оному, составленнаго Г-мъ Нейенкирхеномъ, гдѣ между прочимъ, лучшими Русскими Трагедіями показаны: Мареа Посадница, соч. Иванова, Персей, соч. Г-на Ростовцова и Сафо, соч. Г-на Сушкова, а главнѣйшимъ поэтомъ Г-нъ Филимоновъ! Изъ прибавленнаго въ семъ послѣднемъ замѣчаніи списка новѣйшихъ Русскихъ писателей можно полагать, что оный заимствованъ изъ Атласа Г-на Бальби, ибо Сочинитель хотѣлъ говорить только объ однихъ Поэтахъ, а тутъ находятся имена Гдѣ *Нарѣжнаго, Каченовскаго, Калайдовича, Строева* и проч., кои конечно оказали важныя услуги нашей Литтературѣ, но первый писалъ повѣсти, другіе занимались отечественною Ис-

Digitized by Google

Перейдемъ теперь къ разбору твореній Г-на Дюпре е С.-Мора.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература.

1826 *года.*

211. *Государственная внѣшняя торговля* 825 *года, въ разныхъ ея видахъ.* СПб. 1826 г. n 4, 68 стр.

1827 *года.*

107. *Государственная внѣшняя торговля* 826 *года, въ разныхъ ея видахъ.* СПб. 1827 г. въ тип. Департам. внѣшней торговли, in 4, 68 стр.

Мы упоминали о выходѣ сихъ важныхъ статистическихъ актовъ, отъ Правительства обнародо-

---

шоріею, Древностями и проч. и ни одинъ изъ нихъ немавѣ спенъ какъ Поэтъ. *Баратынскій*-же стоитъ на ряду отличнѣйшихъ нашихъ современныхъ Стихотворцовъ и давно уже далеко опередилъ нѣхъ, по стопамъ коихъ заставляетъ его идти Французскій Писатель. Элегіи Барашынскаго, носящія отпечатокъ истинной душевной грусти, могутъ стать на ряду съ Элегіями А. Пушкина, хотя имѣютъ различный съ ними характеръ. Стихотворенія его вообще отличаются глубокими чувствами и точнымъ выраженіемъ: его можно назвать анатомикомъ души человѣческой. *Эда, Пиры, Черепъ, Истина, Посланіе къ Гнѣдичу* и другія произведенія сего Поэша даютъ ему право на весьма почетное мѣсто на нашемъ Парнассѣ. О *Грибоѣдовѣ* я не говорю, ибо изъ комедіи его: *Горе отъ ума*, былъ напечатанъ одинъ только небольшой отрывокъ, слѣдовашельно, иностранный Писашель не могъ достойно о немъ судить. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

ваемыхъ, за 1824 годъ (Тел. Т. IX, стр. 146). После того, точно въ такомъ-же порядкѣ, какъ и за 1824, выданы отъ Департамента внѣшней торговли извѣстія о внѣшней торговлѣ нашей за 1825 и 1826 гг. — Извлекаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сихъ драгоцѣнныхъ актовъ, совѣтуя всѣмъ Статистикамъ нашимъ ближе заниматься отчетами за нашу торговлю, ибо въ нихъ найдутъ они повѣрку многимъ теоріямъ.

Въ 1825 г. вывезено отъ насъ за границу, товарами и деньгами, всего на сумму 236,351,242 р. а., привезено къ намъ только на 195,095,250 руб., слѣдовательно: въ 1825 г. Россія *выиграла* 41 255,992 р. — Въ 1826 г. отпускъ простирался до 181,782 254 руб.; привозъ до 186,807,152 р., слѣдовательно: въ 1826 г. *перевѣсъ привоза* былъ 5,024,898 руб. — Но, »поелику привозные товары »прежде очищаются пошлиною, нежели обращаются »въ продажу, а отпускные прежде бываютъ про»даны, пошлина-же платится при объявленіи къ от»правкѣ, то изъ сего слѣдуетъ, что для правильно»сти баланса, къ цѣнѣ отпускныхъ товаровъ, над»лежитъ приложить сумму поступившихъ съ нихъ »пошлинъ, а изъ таковыхъ-же привозныхъ, сумму по»ступившихъ пошлинъ вычесть.« — Посему выходитъ, что *перевѣсъ на нашу сторону* состоялъ въ 1825 г. 70,063,174 р., а въ 1826 г. 17,197,521 руб. — Въ 1824 г. Россія выиграла внѣшнею торговлею 25,318,304 р., итого *въ три года болѣе 112 милліоновъ рублей*. Касательно 1825 года, мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: »что перевѣсъ тор»говли въ семъ году дѣйствительно значительно »склонился на нашу сторону, въ томъ легко удосто-

Digitized by Google

»вѣрится сравненіемъ нынѣшняго судоходства съ »прошлогоднимъ, количествомъ лошадей вышедшихъ »за границу съ товарами, возвышеніемъ нашего кур»са, бывшаго въ продолженіе торговаго года, и тѣмъ, »что монеты привезено болѣе нежели на 11½ мил»ліоновъ; чему доселѣ, кромѣ 1822 года, мало было »примѣровъ. — Впрочемъ въ составъ сего торго»ваго баланса естественно не входятъ ни обороты »контрабанды, которой прекратить невозможно, ни »разные платежи за границею посредствомъ вексель»ныхъ оборотовъ, какъ по надобностямъ Правитель»ства, такъ и отъ множества проживающихъ за гра»ницею нашихъ единоземцевъ, ни таковые-же плате»жи у насъ отъ иностранцовъ, ниже истинные пла»тежи за наши и чужестранные товары, которые »не могутъ быть съ показанными цѣнами одинаковы, »ибо въ сихъ цѣнахъ включаются и купеческія при»были; при чемъ и самыя показанія цѣнъ не всегда »можно принимать за вѣрное. Съ другой стороны у »насъ и золото, по значительному добыванію онаго, »должно быть почитаемо товаромъ. Если-бы воз»можно было все сіе положить въ счетъ съ точ»ностію, то безъ сомнѣнія балансъ нашъ мно»го-бы уменьшился, какъ по правиламъ здраваго »разсудка и быть надлежитъ, ибо по существу »вещей не льзя быть столь непомѣрному перевѣсу »отпуска противъ привоза.« Касательно 1826 года, сдѣлано замѣчаніе слѣдующее: »Почти во всей »Европѣ происходили по торговлѣ необыкновенныя »замѣшательства, и въ семъ отношеніи надлежало »опасаться весьма невыгодныхъ послѣдствій и для »Россіи. Но при внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ »обстоятельствъ, несправедливо-бы было жаловать-

Digitized by Google

»ей на ходъ нашей торговли, ибо хотя перевѣсъ »въ нашу пользу и не столь значителенъ, какъ былъ »въ нѣкоторые изъ прежнихъ годовъ; но судя во»обще, мы отъ общаго разстройства торговли по»терпѣли менѣе, нежели другіе народы. Отпускъ »нашихъ товаровъ, хотя противъ отличнаго 1825 »года значительно менѣе, однако по соображенію съ »1824, еще довольно удовлетворителенъ, и къ осе»ни непроданныхъ товаровъ при портахъ не оста»лось. Къ тому за необыкновеннымъ приливомъ по»купщиковъ въ 1825 году, необходимо должно было »послѣдовать чувствительному оныхъ уменьшенію. »Привозъ-же напротивъ по соразмѣрности былъ до»вольно силенъ, по той причинѣ, что иностран»цы естественнымъ образомъ всячески старались »сбыть своихъ произведеній сколько можно болѣе, »и слѣдовательно обратились наипаче къ Россіи.« За симъ, по соображеніи того, что товаровъ обработанныхъ и служащихъ къ удовлетворенію роскоши и временныхъ потребностей привезено въ 1826 году *менѣе*, нежели въ 1825 г., а товаровъ служащихъ къ рукодѣліямъ и фабрикамъ въ 1826 *болѣе*, нежели въ 1825 г., выводится заключеніе, что »разсматривая внѣшнюю нашу торговлю, по »симъ уваженіямъ не льзя не убѣдиться, что она »въ нынѣшнемъ ея положеніи истинную приноситъ »государству пользу,« и что, »отъ самаго состоянія »нынѣ дѣйствующаго тарифа перевѣсъ всегда кло»нился на нашу сторону.«

Замѣчательнѣйшія событія по торговлѣ нашей, въ 1825 году, суть слѣдующія: »Правительство наше не переставало пещись объ усиленіи правильной торговли и обезпеченіи оной отъ подрывовъ

Digitized by Google

ностаенною торговлею, равно и о доставленіи торгующему сословію возможныхъ удобствъ и облегченій. — Дозволено иностранцамъ имѣть хожденіе въ таможняхъ по дѣламъ, до торговыхъ операцій относящимся, отъ иностранныхъ гостей или заѣзжихъ купцовъ, безъ записки въ соотвѣтственные съ вѣрителемъ разряды, представляя прикащичьи свидѣтельства I-го класса не по каждому дому, но вообще одно свидѣтельство. — За отправленные въ складочныя таможни и транзитомъ товары позволено принимать въ залогъ каменныя строенія, въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ состоящія. — Доброта отвозныхъ товаровъ въ С. Петербургѣ, главномъ мѣстѣ нашего отпуска, обезпечена тѣмъ, что браковщики подчинены Департаменту внѣшней торговли. — Производство таможенныхъ обрядовъ и дѣлъ ускорено до такой степени, что корабли, приходившіе въ теченіе года къ С. Петербургскому порту съ товарами, чрезъ двои сутки по приходѣ, начинали уже нагружаться нашими. — Уменьшены сборы съ судовъ Бѣломорскихъ промышленниковъ. — Срокъ на подачу объявленій на товары, привозимые къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ безъ коносаментовъ, постановлено считать со дня передачи товаровъ изъ карантиновъ въ таможни, а не съ прихода кораблей. — Увеличены сроки на перевозъ громоздкихъ товаровъ отъ Пруга къ Днѣстру. — Постановлены правила для торговли Персіянъ и другихъ Азіятскихъ народовъ. — Нѣкоторыя Турецкія издѣлія, тарифомъ 1822 года запрещенныя, по древней привычкѣ къ онымъ Крымскихъ жителей Магометанскаго закона, разрѣшено привозить къ портамъ Ѳеодосійскому и Керченско-

Digitized by Google

му. — Уменьшена 10 копѣйками серебромъ съ пуда пошлина на иностранную соль, привозимую въ Остзейскія Губерніи и Нарву. — Съ Крымской соли пошлина при отпускѣ сбавлена, съ 15 на 5 к. ассигнаціями съ пуда. — Бессарабскую соль разрѣшено, сверхъ Дубоссаръ и Могилева, привозить на маяки Парканы и Одессу. — Въ Бессарабію разрѣшено деготь отпускать безпошлинно. — Для пользы торговли Новороссійскаго края сдѣлано уменьшеніе въ пошлинахъ съ кожъ и поташа, вывозимыхъ изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, и изъ Бессарабской области по Дунаю. — Равнымъ образомъ разрѣшено изъ Грузіи красцы отпускать безпошлинно; но привозъ оныхъ, кромѣ Персидскихъ, къ таможнямъ Астраханскаго округа запрещенъ. — Въ Баку разрѣшено привозить дерево и дрова безъ пошлинъ. — Въ исходѣ года послѣдовала роспись, коею со многихъ отпускныхъ товаровъ еще сбавлена или и совсѣмъ сложена пошлина, а нѣкоторые изъ иностранныхъ вновь разрѣшены къ привозу и на Министерство финансовъ возложено изготовить новое изданіе Европейскаго Тарифа, въ совокупности со всѣми послѣдовавшими послѣ перваго перемѣнами. — Въ теченіе сего года сдѣланы разныя распоряженія для вящшаго прегражденія тайнаго провоза товаровъ. — На границѣ Пруссіи учреждена наблюдательная линія. Изобрѣтенъ и вводится новый способъ для клейменія товаровъ. — Постановлено, чтобы конвоевые листы, выдаваемые Польскими Камерами, предъявлялись въ Россійскія таможни. — Подтверждено, чтобы Евреи производили торговлю въ тѣхъ только 15 Губерніяхъ, въ коихъ было имъ сіе позволено въ 1804 году. — По составу таможеннаго вѣдомства

Digitized by Google

произошли следующія перемѣны: таможни Юрбургская и Полангенская возведены въ первоклассныя, чрезъ что торговля тамъ значительно усилилась; учрежденъ надзирательскій постъ въ Сумскомъ посадѣ и особый таможенный надзоръ въ Екатеринограде; уничтожены таможни: Виленская и Кіевская, заставы Кольская и Мезенская; Гродненская таможня перемѣщена въ третій классъ. — Наконецъ, сдѣланы распоряженія для удобнѣйшей и лучшей складки и храненія, какъ привозныхъ, такъ и отпускныхъ товаровъ. — При С. Петербургской биржѣ строились пакгаузы, въ коихъ товары будутъ находиться въ совершенной безопасности отъ всякаго наводненія; достроивалась Кронштатская Таможня; также построены для товаровъ вновь разныя зданія при таможняхъ Архангельской, Желтковской, Таганрогской и Оренбургской." — Въ 1826 году, »удостоились ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія: 1) планъ торговаго общества въ Одессѣ, съ капиталомъ до 2,000,000 червонцовъ, имѣющаго цѣлію распространить отпускную нашу торговлю чрезъ Черноморскіе порты и торговыя связи Россіи съ иностранными державами, особенно внѣ Европы; 2) учрежденіе въ Одессѣ-же Морской Страховой Конторы, для застрахованія судовъ и товаровъ, отправляемыхъ оттуда, какъ за границу, такъ и въ другіе Черноморскіе и Азовскіе порты. — Тамъ-же составилась Компанія, подъ названіемъ Черноморской, для заведенія паровыхъ мѣльницъ и отпуска пшеничной муки за границу. — Вышло на Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ новое изданіе тарифа (о коемъ упомянуто въ 1825 году) и въ коемъ содержится, не только роспись пошлинъ съ привозныхъ и от-

Digitized by Google

пускныхъ товаровъ, но сводъ всѣхъ постановленій, какъ тарифныхъ, такъ и другихъ, касательно привоза и отпуска. — Для распространенія торговли нашей Кяхтинскими чаями за предѣлами Имперіи, установленъ возвратъ пошлинъ при отпускѣ оныхъ за границу. — Въ поощреніе конскихъ нашихъ заводовъ, дозволенъ выводъ лошадей, кромѣ жеребцовъ и жеребчиковъ, какъ изъ портовъ, такъ чрезъ всѣ таможни и заставы, находящіяся противъ границъ Австрійскихъ и Прусскихъ. — Установленъ транзитный прогонъ нашего скота въ Австрію и Пруссію, чрезъ Царство Польское. — Облегченъ отпускъ отъ Санктпетербургскаго порта за границу хлѣба вообще, и дозволено пшеницу и рожь въ зернѣ отправлять безъ особыхъ дозволеній главнаго мѣстнаго Начальства. — Разрѣшенъ безпошлинный привозъ въ Санктпетербургъ изъ Финляндіи сухопутно и моремъ чугуна. — Ревельской Таможнѣ дозволено принимать всѣ тѣ товары, кои допускаются въ Рижскую, кромѣ суконъ, полусуконъ и казимировъ, и на очистку оныхъ положенъ срокъ шестимѣсячный. Сей-же Таможнѣ присвоено и складочное право на тѣ товары, кои будутъ въ оную привозиться прямо изъ иностранныхъ земель моремъ. — Съ нѣкоторыхъ Россійскихъ произведеній при отпускѣ изъ Ревельскаго порта за море уменьшена пошлина. — Исправлено постановленіе о взиманіи просроченныхъ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ, остающихся въ распоряженіи таможенъ. — Разрѣшено повсемѣстно шкиперамъ имѣть вмѣсто двухъ анкерковъ водки столько-же вина, и въ томъ числѣ водки не болѣе двухъ. — Для усиленія торговли по сухопутной нашей Европейской границѣ,

Digitized by Google

пошлина съ иностранной соли, привозимой чрезъ Полангенъ и Юрбургъ, понижена наравнѣ со взимаемою въ портахъ Балтійскаго моря. — Бессарабскую соль разрѣшено привозить моремъ въ Одессу, Овидіополь и Николаевъ. — Разрѣшено привозить Бессарабское виноградное вино, сверхъ Дубоссаръ и Могилева, чрезъ Овидіополь, Маяки и Парканы, при чемъ опредѣленъ срокъ на дѣйствіе выдаваемыхъ на оное свидѣтельствъ. — Какъ Россійскіе, такъ и Бессарабскіе товары, за исключеніемъ виноградная вина, чрезъ Днѣстровскія таможни провозить дозволено всему Россійскому купечеству, безъ различія гильдій. — Впредь, до устроенія Керченскаго карантина, дозволенъ чрезъ Ѳеодосійскую таможню безпошлинный пропускъ произведеній Черкесіи и Абазіи. — Для оживленія мѣноваго торга съ Малою Азіею, уменьшена пошлина съ привозимыхъ въ Крымъ изъ Анаполіи издѣлій шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ. — Наконецъ, дабы Азіятскіе купцы, пріѣзжающіе въ Россію, не терпѣли по торговлѣ затрудненій, постановлено, чтобы впредь начальники Бухарскихъ каравановъ допускаемы были въ качествѣ посредниковъ или ходатаевъ по дѣламъ торговли между Азіятскими купцами и таможеннымъ начальствомъ.«

Изъ вышесказаннаго, что въ 1826 г. въ привозѣ *менѣе* противъ 1825 г. было товаровъ недающихъ жизни промышленности, а *болѣе* подкрѣпляющихъ ея дѣятельность, можно замѣтить, что такія, »событія, свидѣтельствующія о постепенномъ преуспѣяніи нашихъ фабрикъ, по всей справедливости не льзя отнесть ни къ чему иному, »какъ къ дѣйствію нынѣшней нашей тарифной си-

Digitized by Google

»стемы. Видѣть такое распространеніе промышлен»ности тѣмъ пріятнѣе, что въ сырыхъ произведе»ніяхъ мы много имѣемъ нынѣ совмѣстниковъ. Земле»пашество противъ прежняго времени возведено »по всей Европѣ на великую степень совершенства; »ленъ и пенька стали отпускаться изъ Италіи; въ »Ирландіи для разведенія оныхъ учредилось Общество »съ большимъ капиталомъ; ленъ разрѣшено отпу»скать изъ Египта; кожи и лѣсной товаръ при»возятся въ Европу изъ Америки; металлы также »въ разныхъ земляхъ добываются, особливо въ желѣ»зѣ соперничествуютъ съ нами Шведы.« — „Здѣсь »приличнымъ почитается сказать, что собствен»ное наше торговое судоходство начинаетъ рас»пространяться; что духъ предпріимчивости »въ нашемъ купечествѣ возрастаетъ, и что »вѣроятности къ сбыту нашихъ произведеній »на будущее время представляются благопріят»ныя. — Хотя не всѣ корабли, ходящіе подъ »Россійскимъ флагомъ, суть собственно-Россійскіе, »ибо многіе изъ нихъ принадлежатъ Финляндцамъ; »но и наше купечество начинаетъ дѣятельно зани»маться сею существенною вѣтвью торговли. — »Между прочими, одного Архангельскаго купца, Ком»мерціи Совѣтника Брандта, ходитъ нынѣ въ море »11 кораблей, величиною совокупно въ 2651½ ластъ. »Въ семъ году ходилъ изъ С. Петербурга Россійскій »корабль въ Александрію съ нашими товарами, и »возвратился оттуда съ грузомъ Египетскихъ про»изведеній. На собственныхъ своихъ корабляхъ по»сылали разные наши товары купцы: Савинъ въ Лон»донъ, а Сапожниковъ въ Ливорну; первый изъ нихъ »также отправлялъ прямо отъ себя юфть свою въ

Digitized by Google

Ѣну. Нѣкоторые изъ нашего купечества вошли въ ношенія съ Бразиліею. — Въ Гамбургѣ примѣтно озвысилась цѣна на наши свѣчи, конопляное масло канаты. Въ Китаѣ Московское сукно предпочи-пается прочимъ. Въ Мексикѣ усилились требованія на наше фламское полотно и воскъ. — Такимъ образомъ торговыя наши связи распространяясь по всѣмъ частямъ свѣта, будутъ безъ сомнѣнія бо-лѣе и болѣе усугублять какъ трудолюбіе нашихъ мастеровъ и промышленниковъ, такъ и дѣятель-ность торгующаго сословія."

Приходящихъ кораблей во всѣ порты Россій-скаго государства было въ 1825 г. 3,903, въ томъ числѣ изъ Англіи 1740; въ 1826 г. всего 3,594, въ томъ числѣ изъ Англіи 1,209. Отходящихъ кораблей въ 1825 г. было 4,046, въ томъ числѣ въ Англію 1722; въ 1826 г. всего 3,616, въ томъ числѣ въ Англію 1216.

Въ числѣ отпущенныхъ товаровъ изъ Россіи было въ 1825 г. *хлѣба и муки* на 16,454,821 р., *льну* 2,452,010 пуд. на 36,317,321 р., *пеньки* 2,808,344 пуда на 26,379,426 руб., *желѣза и мѣди* на 15 слишкомъ милліоновъ рубл., *шерсти* 117,706 пуд. на 5,206,544 р., *лѣснаго товара* на 11,882,348 р., *поташу* 518,800 пуд. на 3,568,404 р., *сала* 3,773,497 пуд. на 37,056,610 р., *сѣмя льнянаго* на $8\frac{1}{2}$ милліоновъ, *щетины* на 12 слишкомъ милліоновъ, *воску* на 4,858,252 р. — Въ 1826 г. *хлѣба* отпущено на 16,766,833 р., *льну* 2,173,231 пуд. на 25,494,669 руб., *пеньки* 2,577,555 пуд. на 24,966,390 руб., *желѣза и мѣди* на $14\frac{1}{2}$ милліоновъ, *шерсти* 63,292 пуд. на 1,545,604 руб., *лѣснаго товара* на 7,919,156 руб., *поташу* 428,331 пуд. на 2,666,305 руб., *сала*

Digitized by Google

2,902.723 п. на 28,053,078 руб., *семя льняного* 372,251 ч. на 7,577,563 руб., *щетины* 47,721 пуд. на 3,847,600 руб., *воску* на 3,819,928 руб.

Въ числѣ привозныхъ товаровъ было *винъ виноградныхъ*, въ 1825 г. 35,065 оксоф. на 8,073,132 р., въ 1826 г 39 005 оксофт. и 76,322 бут. на 7,522,634 руб., *Шампанскаго*, въ 1825 г 326,071 бут. на 1.943,175 руб., въ 1826 г. 248,567 бут. на 1,552,817 руб., *кофе* въ 1825 г. 106,560 пуд. на 6,769,147 руб., въ 1826 г. 95,235 пуд. на 4,640,670 руб., *чаю* въ 1825 г. 133,514 пуд. на 4,807,049 руб., въ 1826 г. 130 562 пуд. на 5,675,992 руб., *фруктовъ* въ 1825 г. на 4 570,201 руб., въ 1826 г. на 4,401,374 руб., *соли*, въ 1825 г. 3,050,006 пуд. на 5,326,153 руб., въ 1826 г. 2,821,226 пуд. на 4.520,566 руб., *бумажныхъ издѣлій* въ 1825 г. на 11,174,775 руб., въ 1826 г. на 12,627,635 руб.

Главнѣйшіе торговые домы, судя по обширности торговли, въ 1825 и 1826 г. были слѣдующіе: *Клеменцъ и Берхъ* 14 и 21 милліонъ; *Вильсонъ и Томсонъ* 17 и до 13 милліоновъ; *Стиглицъ* 13 и до 15 милліоновъ; *Люисъ* Д. Д. до 12 и 9 милл.; *Митчель и К.* 10 и до 7 милл.; *Бейли Э. К.* 14 и до 8 милліоновъ.

108. *Собраніе актовъ торжественнаго засѣданія ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ*, бывшаго по случаю празднованія столѣтняго ея существованія, 29 Декабря, 1826 года. Санктпетербургъ, 1827 года, въ Типографіи Акад. Наукъ, in 4, 72 и 111 страницъ, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ медали Академической,

Digitized by Google

Сто лѣтъ совершилось, какъ знаменитое ученое сословіе, предположенное Великимъ Петромъ и учрежденное Екатериною I, существуетъ въ Россіи. Публикѣ извѣстно уже изъ Вѣдомостей обѣихъ столицъ, какимъ образомъ праздновала Академія сіе торжественное событіе. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ ИМПЕРАТОРСКОЮ Фамиліею, удостоили засѣданіе Академіи своимъ посѣщеніемъ. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, Его Величество Король Прусскій и ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА, Наслѣдникъ, Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, Государь Цесаревичь и Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ и Великій Князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, при семъ случаѣ благоволили принять званіе Почетныхъ Членовъ Академіи. Торжество Академіи ознаменовано для потомства медалью, по изобрѣтенію Господина Академика Келлера, исполненною извѣстнымъ Художникомъ нашимъ Графомъ Ѳ. П. Толстымъ. Изобрѣтеніе и исполненіе сей медали превосходны.

Въ изданной нынѣ книгѣ помѣщены: Описаніе торжества Академіи; Рѣчи Президента и Секретаря Академіи; Изложеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею; Рѣчь Господина Академика Шторха и Прибавленія, состоящія въ письмахъ Президента къ Государю Цесаревичу и Его Величеству Королю Прусскому, отвѣтахъ сихъ Высокихъ Особъ и копіяхъ съ дипломовъ, поднесенныхъ Академіею ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, Особамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Дома и Его Величеству Королю Прусскому.

Рѣчь Господина Президента Академіи, Тайнаго Совѣтника и Сенатора, С. С. Уварова, заключаетъ въ себѣ изложеніе знаковъ покровительства, какими

Digitized by Google

удостоена была Академія, съ самаго ея основанія донынѣ, отъ Монарховъ Россіи. Въ Рѣчи Господина Секретаря Академіи Н. П. Фусса кратко изложена Исторія Академіи, за прошедшее столѣтіе съ 17 по 1826-й годъ. Заслуги сего ученаго заведенія блестящи и велики. Академія наша смѣло можетъ стать въ ряду другихъ знаменитѣйшихъ Европейскихъ Академій. Сожалѣемъ, что пространство статьи нашей не позволяетъ намъ выписать подробно всего исчисленнаго въ прекрасной Рѣчи Господина Секретаря Академіи, достойно наслѣдовавшаго мѣсто и званіе своего почтеннаго родителя. Вотъ главнѣйшія черты:

Математическія науки, составляющія одно изъ отдѣленій Академіи, болѣе всего были обрабатываемы съ самаго начала ея. »Нѣтъ сомнѣнія, что число и изобрѣтательный духъ Математиковъ, коими Академія имѣла счастіе обладать съ самаго учрежденія ея, способствовали къ утвержденію славы ея въ чужихъ краяхъ и къ обращенію вниманія на труды ея, особливо въ такое время, когда открытіе новаго исчисленія величинъ безконечныхъ совершенно преобразовало видъ наукъ Математическихъ, когда всѣ умы восторжены были блистательнымъ и счастливымъ приложеніемъ сего анализа къ задачамъ дотолѣ неприступнымъ для усилій величайшихъ Геометровъ. Довольно наименовать двухъ братьевъ Николая и Даніила Бернулли, ихъ соотечественника Леонарда Эйлера и Германа, также Гольдбаха, Крафте отца и Эпинуса, дабы показать, сколь великое участіе Академія, совокупными усиліями сихъ Членовъ своихъ, въ первое пятидесятилѣтіе своего существованія, принимала въ быстрыхъ успѣхахъ

Digitized by Google

сѣхъ отраслей наукъ Математическихъ, которыя были слѣдствіемъ постепеннаго усовершенствованія высшей Аналитики и Геометріи. Двѣ новыя отрасли анализа, не менѣе важныя: вычисленіе синусовъ и вычисленіе варіаціонное, проложившія новые пути къ рѣшенію множества задачъ величайшей важности, воспріяли свое начало и усовершенствованіе въ нѣдрахъ Академіи, будучи произведеніемъ генія великаго Эйлера. Вся первая половина столѣтія, протекшаго со времени учрежденія Академіи, была временемъ математическихъ открытій; во вторую же половину, новое поколѣніе ученыхъ, на основаніи столь прекрасномъ и столь прочномъ, начало возвигать зданіе правильнѣйшее, прибавлять къ оному части новыя, пополнять недостаточныя, утверждать слабыя, и сей подвигъ былъ совершенъ самимъ ветераномъ Эйлеромъ и учениками его Іоанномъ Альбертомъ Эйлеромъ, Лекселемъ, Крафтомъ (младшимъ), Румовскимъ, Котельниковымъ, Николаемъ Фусомъ, также Яковомъ Бернулли, Шубертомъ, Гурьевымъ, Висковатовымъ и Коллинсомъ.

»Извѣстно, что Гидродинамика преобразована, можно даже сказать, получила видъ науки, чрезъ изысканія, вышедшія изъ нѣдръ нашей Академіи, чѣмъ наиболѣе обязана она Даніилу Бернулли и Леонарду Эйлеру, коего послѣднія сочиненія о семъ предметѣ принадлежатъ уже ко второй половинѣ столѣтія. Теорія движенія тѣлъ небесныхъ, особенно Луны, самая затруднительная изъ задачъ Астрономическихъ, наука мореплаванія, теорія строенія и управленія кораблей, теорія музыки, классическія сочиненія о Діоптрикѣ, Механикѣ, Астрономіи, системѣ міра, вышли изъ подъ пера Академиковъ-

Digitized by Google

Математиковъ 2-й половины протекшаго столѣтія. Болѣе 1200 разсужденій, заключающихся въ 72 томахъ записокъ Академіи и объемлющихъ всѣ отрасли Математики, какъ чистой, такъ прикладной, содержатъ многія любопытныя изслѣдованія, новыя методы, остроумныя рѣшенія великаго множества задачъ, доколѣ нерѣшенныхъ, или рѣшенныхъ недостаточно, въ отношеніи основательности началъ, строгости и точности сужденій, или со стороны простоты и изящности формулъ, удобности въ употребленіи оныхъ и легкости вывода.

»Академическая обсерваторія, не смотря на неудобство своего положенія, принадлежитъ къ числу заведеній постоянныхъ и достаточно снабженныхъ нужными приборами; имѣвъ притомъ дѣятельныхъ и искусныхъ Астрономовъ, какъ-то: Делиля, Гейнзіуса, Гришова, Лекселя, Румовскаго, Ганри, Иноходцова, Шуберта, Вишневскаго, Тарханова, она всегда доставляла наблюденія, которыя были уважаемы и заслуживали вниманіе ученыхъ. Исторія Астрономіи въ Россіи представляетъ многія эпохи, въ которыя Академія особенно обнаружила великую дѣятельность. Таково, на примѣръ, было прохожденіе Венеры мимо солнца, для наблюденія коего посыланы были Академіею 12 Астрономовъ въ разныя мѣста Имперіи. Извѣстно, что наблюденіями сего прохожденія изъ столь многихъ точекъ поверхности земной, опредѣлено разстояніе земли отъ солнца и многія другія измѣренія нашей планетной Системы, съ такою точностію, что оную превзойдши могутъ только вычисленія будущаго подобнаго явленія въ 1874 году.

Digitized by Google

»Упомянутому путешествію 12 Астрономовъ, наблюдавшихъ прохожденіе Венеры, и позднѣйшему путешествію Академика Иноходцова, совершенному на счетъ Академіи, Географія обязана опредѣленіемъ Географическаго положенія многихъ городовъ. Путешествіе Академика Шуберта изъ С. Петербурга въ Иркутскъ съ посольствомъ, отправлявшимся въ Пекинъ, обогатило ее также свѣдѣніями о долготѣ и широтѣ многихъ мѣстъ. Особенно-же Географія и карты нашей Имперіи возведены на степень нынѣшняго ихъ совершенства восьмилѣтнимъ Астрономическимъ путешествіемъ Академика Вишневскаго, совершеннымъ на счетъ Академіи и доставившимъ ИМПЕРАТОРСКОМУ Военно-Топографическому Депо около 300 Географическихъ опредѣленій мѣстъ.

„Въ Исторіи Физики и Химіи съ похвалою упоминаются записки нашихъ Академиковъ: Лейтмана, извѣстнаго своими искусными опытами и поліэдрическими анаморфозами; Брауна, учинившаго первыя наблюденія о замерзаніи ртути; Рихмана, содѣлавшагося жертвою первыхъ опытовъ надъ электричествомъ молніи; Эпинуса, изобрѣтателя телескопическаго микроскопа, съ которымъ въ совершенствѣ не можетъ сравниться ни одинъ инструментъ сего рода; онъ же открылъ электрическую силу въ шурмалинѣ и написалъ сочиненіе объ электричествѣ и магнетизмѣ, почитавшееся въ свое время классическимъ и по сіе время уважаемое отличнѣйшими Физиками нашего времени; Бильфингера, Крафтовъ, отца и сына, Петрова, Ловица сына, извѣстнаго открытіемъ противугнильнаго свойства углей и другими превосходными раз-

Digitized by Google

ложеніями и открытіями по части Химіи; Геллерта, Ломоносова, Георги, изобрѣтателя опытовъ о самовоспламененіи; Захарова, Шерера, приобрѣтшаго достойную славу глубокою ученостію, знаніемъ химической Литтературы и сочиненіемъ о минеральныхъ водахъ въ Россіи; Кирхгофа, учинившаго первые опыты къ приготовленію сахара и водки изъ картофеля и изобрѣтшаго выгодный способъ очищать масла и приготовлять киноварь.

»Естественная Исторія всѣхъ трехъ царствъ природы, наука, столь-же обширная, сколь важная и полезная, обязана Академіи великими успѣхами. Въ доказательство сему довольно привести на память путешествія двухъ Гмелиновъ, Палласа, Гильденштета, Лепехина, Фалка и Георги, коихъ журналы и записки содержатъ драгоцѣнныя наблюденія, относительно Зоологіи, Ботаники, Минералогіи и даже Географіи, Этнографіи, Технологіи, Экономіи и Статистики. Точнѣйшее познаніе Россіи во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, безчисленное множество улучшеній, предложенныхъ въ путевыхъ журналахъ ихъ и уже съ того времени приведенныхъ въ дѣйствіе, обогащеніе Академическаго Музея по всѣхъ его частяхъ, были плодами сихъ путешествій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ. Сіи путешествія, служащія памятникомъ золотаго вѣка Академіи, по предложенію нынѣшняго Президента оной, издаются нынѣ въ одномъ собраніи на Россійскомъ языкѣ. Позднѣйшія путешествія Озерецковскаго, Зуева, Редовскаго, Адамса, нашедшаго во льдахъ свѣжее тѣло мамонта, также путешествіе Тилезіуса и Лангсдорфа, ученыхъ естествоиспытателей, участвовавшихъ въ славной экспедиціи Крузенштерна,

Digitized by Google

равно обогатили Естественныя Науки и Зоологическій кабинетъ нашъ.

»Путешествія сіи сопряжены были съ опасностями и стоили Академіи многихъ жертвъ: Ловицъ отецъ убитъ Казаками Пугачева, Гмелинъ младшій умеръ въ плѣну у Лезгинскаго Хана Усмея, Гильденштетъ, плѣненный тѣмъ-же Ханомъ, обязанъ былъ спасеніемъ по близости находившемуся корпусу Генерала Медема, который послалъ 600 Казаковъ для преслѣдованія Лезгинцовъ; Адъюнктъ Черной умеръ въ плѣну у Киргизовъ, а часовщикъ его Арнольдъ едва чрезъ нѣсколько лѣтъ выкупился изъ неволи. Фалкъ и Редовскій, утомленные и разстроенные отъ долговременнаго и затруднительнаго путешествія, до окончанія онаго лишились жизни.

»Слѣдуя за успѣхами Минералогіи, стоитъ только привести на память имена Лаксмана, Фербера, Франциска Германа, Севергина, чтобы показать, чѣмъ наука сія обязана Академіи. Тоже можно сказать и о Ботаникѣ. Въ лѣтописяхъ Академіи начертаны имена Буксбаума, издателя Центурій, Гмелина и Гильденштета, сочинителей Флоръ Сибирской и Кавказской, Зигесбека, Аммана, Гебенштрейта, Кёльрейтера, прежде всѣхъ наблюдавшаго сочетаніе тайнобрачныхъ растеній, Лепехина, Рудольфа, Смѣловскаго, Триніуса, неутомимаго изслѣдователя ниворосшей. Творенія всѣхъ сихъ ученыхъ уважаются знатоками.

»Академія наша успѣшно занималась Анатоміею и Зоотоміею, или сравнительною Анатоміею. Творенія и записки Академиковъ Дювернуа, Вейтбрехта, Вильда, Бёргаве, Вольфа, Загорскаго, Пандера, почитаются въ своемъ родѣ классическими. . . .«

Digitized by Google

Исторія, только до 1747 была занятіемъ Академіи; въ то время была она исключена новымъ Уставомъ, и только въ 1803-мъ году снова открытъ былъ при Академіи отдѣлъ наукъ историческихъ. За всѣмъ тѣмъ, заслуги Академіи по сей части незабвенны. Байеръ, первый разрѣшившій тайну происхожденія Руссовъ; Миллеръ, путешествовавшій для сохраненія драгоцѣнныхъ матеріяловъ въ Сибирь и основатель Русской Палеографіи; Шлецеръ, положившій основаніе Исторической Критикѣ; Лербергъ, столь рано похищенный смертію отъ ученыхъ занятій; Кругъ, издавшій драгоцѣнныя сочиненія касательно древней Руси и неусыпно приготовляющій дальнѣйшія изысканія; Кёлеръ, славный своими изслѣдованіями Греческихъ древностей, въ южной Россіи находящихся; Френъ, почерпнувшій въ глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ и древностей, драгоцѣнные матеріялы для Русской Исторіи и оказавшій столько услугъ Восточной Нумизматикѣ: вотъ Члены, коихъ Академія съ честію можетъ выставить въ своемъ Историческомъ отдѣлѣ.

Политическая Экономія представляетъ намъ имя Шторха; Статистика Германа; Греческія Древности и Филологія Греффе: людей, заслужившихъ уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ современниковъ. Наконецъ, труды нынѣшняго Президента Академіи, отличнаго Филолога, извѣстны всей Европѣ. Словомъ: въ 72 томахъ разныхъ сочиненій, изданныхъ нашею Академіею и состоящихъ болѣе нежели изъ 2500 отдѣльныхъ статей и диссертацій, богатый рудникъ найдутъ Математикъ, Естествоиспыта-

Digitized by Google

тель, Историкъ, Филологъ, Статистикъ и Политическій Экономъ.

Въ теченіе столѣтія составились при Академіи драгоцѣнныя собранія. Бакмейстеръ описалъ, за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сокровища, коими обладала тогда Академія. Кто Рускій не знаетъ, что при Академіи находится безцѣнный *Кабинетъ Петра Великаго*, въ коемъ сохранены вещи, принадлежавшія сему Государю, безпримѣрному въ Лѣтописяхъ человѣчества, работы его, одежда: безцѣнные остатки для каждаго Рускаго, для каждаго человѣка! Въ послѣдніе 50 лѣтъ Академія усовершенствовала свои Музеи, Кабинеты и Библіотеку, употребивъ болѣе полумилліона изъ экономическихъ суммъ и получивъ подарки отъ знаменитыхъ ученыхъ. Зоологическій Кабинетъ обогащенъ былъ въ послѣднее время Лангсдорфомъ, доставившимъ собранія Зоологическія изъ Южной Америки; Пандеромъ, составившимъ собраніе ископаемыхъ изъ окрестностей Одессы и окрестностей Петербурга; Зивальдомъ, путешествовавшимъ вокругъ свѣта. Въ Рѣчи Господина Секретаря Академіи исчислены усовершенствованія и нынѣшнее состояніе богатаго Минералогическаго собранія, Гербаріевъ, Нумизматическаго Кабинета, особенно обогащеннаго въ 1823 году покупкою коллекціи Графа Сухтелена, заключающей до 12,000 Греческихъ и Римскихъ монетъ (въ томъ числѣ 183 золотыхъ и 3758 серебряныхъ); Азіятскаго Музея, состоящаго изъ драгоцѣнныхъ книгъ и рукописей Китайскихъ, Манджурскихъ, Японскихъ, Монгольскихъ, Тибетскихъ, монетъ, идоловъ, домашнихъ утварей и драгоцѣннаго собранія, почти 700, рукописей Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ, собранныхъ ученымъ Орі-

Digitized by Google

»талистомъ въ Багдадѣ и купленныхъ Академіею. Нумизматическая часть Азіятскаго Музея содержитъ, не только монеты Золотой Орды, въ непрерывномъ порядкѣ Хановъ и лѣтъ ихъ ханствованія, но монеты всѣхъ Мугаммеданскихъ династій Востока, съ VII вѣка до нашихъ временъ; между ними находятся истинныя сокровища историческихъ памятниковъ.

Наконецъ заслуживаетъ вниманіе, вновь пріобрѣтенный Академіею, за 40,000 рублей, превосходный Музей Египетскихъ древностей, составленный въ Каирѣ и Александріи Итальянцомъ Кастильоне. Всѣхъ предметовъ въ немъ до 1000; особенно замѣчательны »три статуи изъ бѣловатаго известковаго камня, и изъ граниша, 30 барельефовъ, также »изъ известковаго камня, съ изображеніями предметовъ религіи, или занятій обыкновенной жизни. »Вкусъ сихъ изображеній весьма различенъ, но они »принадлежатъ къ числу предметовъ самыхъ любопытныхъ и отличныхъ изъ всего собранія. Берлинъ »и Вѣна не имѣютъ подобныхъ имъ, а въ Минхенѣ »находится только малое число оныхъ. Въ томъ же собраніи имѣются четыре мумія весьма хорошо сохранившіяся, въ богато расписанныхъ саркофагахъ, двѣнадцать большихъ сосудовъ изъ алебастра, два жертвенныхъ камня и небольшая пирамида изъ известковаго камня, со многими гіероглифическими надписями; нѣсколько сотъ небольшихъ »идоловъ и статуй божествъ Египетскихъ составляютъ весьма богатую и занимательную мифологическую коллекцію; великое множество небольшихъ сосудовъ, украшеній каменныхъ и глиняныхъ »не менѣе поучительно. Наконецъ восемь свитковъ »изъ папируса, весьма хорошо сохранившіеся, но-

Digitized by Google

»гутъ назваться важными памятниками и обѣщаютъ »богатый источникъ свѣдѣній касательно Исторіи, »языка и обычаевъ древнихъ Египтянъ. Сіе собраніе, »подъ именемъ *Египетскаго Музея*, расположено въ »двухъ покояхъ, украшенныхъ сообразно съ предме»тами, которые оно въ себѣ заключаетъ.“

1826 года.

212. *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. *Глава вторая*. М. 1826 г. in, 12 42 стр.

1827 года.

109. *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. *Глава третья*. СПб. 1827 г. въ тип. Департ. Народ. Просв., in 12, 51 стр.

110. *Чернецъ*, Кіевская повѣсть. Сочиненіе Ивана Козлова. Изданіе *третіе*. СПб. 1827 г. въ тип. Ивана Глазунова, in 8, 64 стр.

111. *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго*. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 8, 178, V стр.

Мы соединяемъ въ Библіографіи Телеграфа *вторую* главу Онѣгина, изданную въ прошедшемъ году и уже всѣмъ извѣстную, съ *третьею* главою, только на сихъ дняхъ полученною изъ СПбурга. Вообще за Пушкинымъ библіографическое извѣстіе едва успѣваетъ: его творенія *раскупаютъ* прежде нежели медлительный библіографъ запишетъ ихъ въ реэстръ современныхъ произведеній нашей Литтературы. Мы извѣщали читателей нашихъ о 2-й главѣ Онѣгина, еще до изданія оной въ свѣтъ; послѣ того намъ *обѣщанъ* былъ разборъ сего новаго произведе-

Digitized by Google

нія Поэта нашего; тѣмъ лучше: ждемъ исполненія обѣщанія *теперь*, ибо Рецензенту можно будетъ поговорить о трехъ главахъ вмѣстѣ. Библіографу не хочется однакожь, не подѣлиться поскорѣе съ читателями Телеграфа пріятнымъ извѣстіемъ объ изданіи *третьей главы Онѣгина* и особенно, извѣстіемъ, приложеннымъ въ началѣ книжки, что »ны»нѣ изданіе продолженія Онѣгина будетъ слѣдо»вать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава поч»часъ за другою,« а всѣхъ главъ, какъ говорятъ литтературные лазутчики, двадцать слишкомъ. Какой обширный разгулъ Поэту и сколько наслажденій ожидаетъ читателя! Что, если-бы чаще можно было соединять въ Русской Библіографіи вдругъ по четыре книги такихъ, о которыхъ теперь мы хотимъ кратко увѣдомить нашихъ читателей!

Повторяемъ, что *вторую* главу Онѣгина знаютъ всѣ, и вѣрно половина наизустъ; слѣдовательно, объ ней можно говорить, какъ о сочиненіи совершенно знакомомъ читателямъ. Они припомнятъ, что Онѣгинъ, послѣ смерти дяди полный хозяинъ его помѣстьевъ, деревенскаго дома, заводовъ и проч. и проч., скучаетъ въ наслѣдственной деревнѣ,

За тѣмъ, что онъ равно скучалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ;

знакомится съ молодымъ сосѣдомъ своимъ Ленскимъ и Поэтъ вводитъ насъ въ домъ Лариныхъ, куда Ленскій ѣздитъ, почти какъ женихъ Ольги, дочери Лариныхъ. Поэтъ обрисовываетъ характеръ и образъ жизни Ленскаго, Лариныхъ, сосѣдей ихъ, деревенскихъ дворянъ. Здѣсь Поэтъ прервалъ свое повѣствованіе.

Digitized by Google

Оно начинается снова въ третьей главѣ; но очерки постороннихъ характеровъ здѣсь всѣ въ тѣни: Ленскій, Ларины, сосѣди, самый Онѣгинъ забыты Поэтомъ: душу, сущность третьей главы составляетъ Татьяна, дѣвушка, одаренная необыкновенною, сильною душею, дѣвушка, у которой »*всю исторію составляетъ любовь.*« Татьяна любитъ Онѣгина. . .

. . . Въ сердце дума заронилась,
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой,
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала . . . кого нибудь,
И дождалась! открылись очи,
Она сказала: *это онъ!*

Поэтъ описываетъ разговоръ Татьяны съ няней, хочетъ передать намъ письмо Татьяны къ Онѣгину, долго отговаривается отъ читателей и шутитъ надъ ихъ нетерпѣніемъ. . .

. . . Предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ

Digitized by Google

На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала по Французски. . . .
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по Руски, Право, страхъ!
Могу-ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!
Я плюсь на васъ мои поэмы;
Не правдаль? милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ-ли Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился-ли въ родной?

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ,
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ граммматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ граммматикѣ приучитъ насъ;

Digitized by Google

Стихи введутъ въ употребленье:
Но я . . . какое дѣло мнѣ,
Я вѣренъ буду старинѣ.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи. . . .

Мы читаемъ однакожь потомъ письмо Татьяны, переданное въ прелестныхъ стихахъ. Письмо готово:

Татьяна, то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ,
Облатка розовая сохнетъ,
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась;
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча . . .

Не скажемъ читателямъ, что́ сдѣлала Татьяна съ письмомъ къ Онѣгину, что́ дѣлала во весь этотъ день. . . .

Смеркалось: на столѣ блистая,
Кипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею

Digitized by Google

Уже душистый чай бѣжалъ
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: О да Е.
И между тѣмъ душа въ ней ныла
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ! кровь ея застыла . . .
Вотъ ближе! скачутъ . . . и на дворъ
Евгеній . . . .

Оставляемъ читателямъ узнавать послѣдствія въ самой поэмѣ Пушкина. Мы и безъ того невольно выписали столько стиховъ, что наша Библіографическая статья стала похожа на критическія статьи Англійскихъ газетъ. Тѣмъ менѣе скажемъ мы о двухъ другихъ прекрасныхъ явленіяхъ нашей Словесности.

Чернецъ, Козлова, напечатанный *третьимъ* изданіемъ, радуетъ насъ какъ явленіе маловиданное въ Русской книжной торговлѣ: поэма, въ два года прижды напечатанная, доказываетъ, что публика наша уже понимаетъ прелесть Русской поэзіи, что поэма *Чернецъ* сдѣлалась, такъ сказать, *народною поэмою*. Пожелаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ модѣ на хорошіе Русскіе стихи.

Изданіе *Стихотвореній Баратынскаго* исполняетъ давнишнее желаніе публики: имѣть собранными въ одну книгу всѣ мелкія стихотворенія пѣвца Финляндіи, Пировъ и Любви. Три

Digitized by Google

ниги Элегій, болѣе сорока стихотвореній разнаго одержанія, сказка и тридцать Посланій составля- тъ собраніе Стихотвореній Баратынскаго. Многія ьесы донынѣ не были еще извѣстны публикѣ, и обраніе ихъ доказываетъ разнообразіе, оригиналь- ость (переводныхъ пьесъ всего только *семь*) и огатство дарованій Поэта, который обѣщаетъ амъ въ будущемъ Поэта высокой степени.

Изданіе Стихотвореній Баратынскаго прекрас- ю. Пожелаемъ, чтобы наконецъ дурныя изданія остались у насъ на долю дурно переводимыхъ рома- зовъ, сборниковъ и новѣйшихъ способовъ дѣлать сургучь и ваксу, а изящныя творенія и ученыя кни- ги издаваемы были достойнымъ образомъ (*).

(*) *Стихотворенія Баратынскаго* продаются въ Москвѣ, въ Конторѣ Телеграфа, и въ Санктпетербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Смирдина и Слѣнина. Цѣна 10 рублей ассигн. Г-да иногородные, адрессуясь въ Контору Телеграфа или къ вышеозначеннымъ книгопродавцамъ, могутъ получать сію книгу безъ всякой платы за пересылку. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ, и вновь предполагаемыя.

(Окончаніе.)

Въ 1817 году Г-нъ Делла Челла, Италіянскій Медикъ, сопутствовавшій сыну Паши Триполійскаго во время похода его противъ возмутившагося брата, также имѣлъ удобство посѣтить Киринею и сдѣлалъ описаніе оной. Послѣ него мѣста сіи были посѣщены и изслѣдованы съ величайшимъ тщаніемъ однимъ Французомъ, соединяющимъ въ себѣ пламенную любовь къ наукамъ и древностямъ съ самыми обширными познаніями. Мы хотимъ говорить о Г-нѣ Пашо. По рекомендаціи къ Дею Триполійскому, онъ получилъ отъ него позволеніе посѣтить земли между Дерною и Киринеею. Это пространство, на девятнадцать льё, покрыто развалинами городовъ и деревень. Среди сихъ слѣдовъ утраченныхъ поколѣній, четыре различныя мѣста привлекли особенное вниманіе Г-на Пашо: Натрунъ, на берегу морскомъ, почти совершенно покрытый водою; Амелондегъ, гдѣ существуютъ еще большіе бассейны, изсѣченные въ скалѣ; Терешъ, окрестности коего наполнены могилами, и Гернесъ, въ четырехъ льё отъ Киринеи. Подлѣ Дерны есть гротъ, внутренность коего покрыта прелестными арабесками и барельефами, изображающими эмблемы христіанства. Это не одно мѣсто въ Киринеѣ съ видимыми слѣдами христіанской религіи.

Digitized by Google

Въ Январѣ 1825 года Г-нъ Пашо былъ въ Киринеѣ. »Не возможно выразить« говоритъ онъ, »различныхъ чувствованій друга искуствъ при взглядѣ на сію окрестность и на разрушеніе, претерпѣнное ею отъ времени и вмѣстѣ отъ варваровъ. Ячмень и овесъ покрываютъ тѣ мѣста, гдѣ Аристиппъ и Карпеадъ учили своихъ слушателей; желѣзо плуга раздробляетъ или обезображиваетъ мастерскія произведенія Греческаго рѣзца, и непросвѣщенный Арабъ видитъ въ обломкахъ статуй и колоннъ одни камни, наполняющіе его поля и препятствующіе лучшему урожаю: чтобы избавиться отъ этого, онъ сбираетъ ихъ безъ порядка въ кучи, или раздробляетъ на части. Четыре дороги проходятъ по той долинѣ, гдѣ находится Киринея. Онѣ и во всю длину свою обложены плитами, положенными въ равномъ одна отъ другой разстояніи; вмѣсто ихъ часто находятся саркофаги или ниши, такъ некстати принятыя Докторомъ Делла Челлою за жилища. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песокъ и земля, покрывшіе дорогу послѣ ея устроенія, исчезли, и можно признать на плитахъ желобки, напечатлѣнные Греческими колесницами. Подобные слѣды находятся въ Некрополисѣ и на другихъ публичныхъ мѣстахъ Киринеи.

»Единственные памятники сей древней и знаменитой столицы, еще замѣчательной въ своихъ обломкахъ, суть: театръ, бѣгъ, амфитеатръ, два храма и нѣсколько публичныхъ бань; но все это такъ разстроено, что невозможно узнать ни размѣра оныхъ, ни рода Архитектуры. Обломанныя статуи, шафты и капители разбитыхъ колоннъ, лежатъ въ безпорядкѣ, вполовину

Digitized by Google

зарытыя землею. Но если что напоминаетъ древнюю пышность Киринеи, важность ея народонаселенія и успѣхи въ искуствахъ, то это остатки обширнаго ея Некрополиса. Восемь или девять рядовъ погребальныхъ часовень, помѣщенныхъ амфитеатромъ, служатъ поясомъ горы, на которой была выстроена столица Африканской Греціи. Каждая изъ сихъ часовень, окруженная гробницами и саркофагами, покрыта надписями и украшеніями: ихъ исполненіе, болѣе или менѣе тщательное, показываетъ, къ какой эпохѣ они принадлежатъ. Одну Греческую надпись можно еще прочитать на Аполлоновомъ фонтанѣ; вода его, среди сихъ явленій упадка и разрушенія, сохранила всю свою свѣжесть, прозрачность и льется между купами кустарниковъ и цвѣтовъ.

»Берегъ между Киринеею и Птолемаидою, выдавшись впередъ, образуетъ мысъ Фикусъ, сѣверную оконечность Киринеи. Сія часть страны, покрытая горами и неровностями, кажется, мало была обитаема древними. Тамъ не видно ничего замѣчательнаго, кромѣ остатковъ нѣсколькихъ военныхъ постовъ на высотахъ. Самыя любопытныя развалины въ Птолемаидѣ суть: развалины храма, гдѣ три колонны еще не упали; аданіе съ Греческою надписью; два квадратныя возвышенія каменной работы, кажется, принадлежавшія къ одному изъ входовъ въ городъ, и нѣсколько гробницъ, выстроенныхъ изъ большихъ каменныхъ плитъ; во внутренности оныхъ по одной или по двѣ комнаты, украшенныхъ барельефами прекрасной работы. Между гробницами и развалинами города есть много бассейновъ, неправильной формы, вокругъ коихъ находятся могильныя часовни, изсѣченныя въ

Digitized by Google

скалѣ. Онѣ неукрашены, такъ какъ въ Некрополисѣ Киринейскомъ, но не менѣе достойны любопытства великимъ числомъ надписей, ихъ покрывающихъ.

»Тейхира, въ семи миляхъ на юго-западъ отъ Птолемаиды, была нѣкогда окружена стѣною, замѣтною еще по нѣкоторымъ обломкамъ. Памятники ея находятся въ такомъ-же состояніи какъ и Птолемаидскіе. Нѣсколько холмовъ земли означаютъ мѣсто, гдѣ была нѣкогда Береника. Триста шестьдесятъ ручьевъ орошаютъ и сообщаютъ плодоносіе известковой возвышенности, на которой находится Киринея. Мармарика и пустыня Барка совершенно безъ воды, но древніе жители умѣли пособить этому множествомъ каналовъ и водоемовъ: одни слѣды ихъ видны и Арабы не думаютъ объ исправленіи оныхъ. Впрочемъ, сѣверъ Киринеи есть въ сей странѣ единственное мѣсто, гдѣ прозябеніе веселитъ нѣсколько взоръ.«

Во время бытности Г-на Пашо въ Киринеѣ, ему сказали объ одномъ мѣстѣ, находящемся почти въ пятидесяти миляхъ отъ сего города, называемомъ Марадегъ, котораго положеніе, какъ показалось ему, соотвѣтствуетъ положенію Гесперидскаго сада Стравонова. Онъ прибылъ туда, переѣхавши пустыню, и нашелъ, что Марадегъ есть оазисъ, около шести миль въ діаметрѣ, покрытый пальмовыми деревьями и орошаемый семью ручьями, изъ коихъ въ одномъ вода горячая и находится въ постоянномъ кипѣніи. Границы сей статьи не позволяютъ намъ привести здѣсь многихъ обстоятельствъ, подтверждающихъ первое предположеніе Г-на Пашо о семъ мѣстѣ.

Digitized by Google

Г-нъ Гамба, Французскій Консулъ въ Тифлисѣ, совершивъ путешествіе на югъ Россіи и особенно въ за-Кавказскія области, представилъ документы, болѣе всего важные для Европейской торговли и долженствующіе, можетъ быть, дать ей новое направленіе. По его ходатайству, одобренному Генераломъ Ермоловымъ, Императорскимъ Указомъ дарована свобода торговлѣ въ сихъ областяхъ и предоставлены льготы торговцамъ, тамъ водворяющимся. Такимъ образомъ снова открыты пути, по коимъ, во время восточныхъ Императоровъ, привозили въ Европу шелкъ Китайскій, пряные коренья и драгоцѣнные Индійскіе камни; сіи-же пути долго были источникомъ богатства и пышности Генуи.

Г-нъ Гамба долженъ былъ бороться съ предразсудками и привычкою, всегда сильно возстающими противъ всякой мысли объ улучшеніи. Но это не смутило его. Сначала онъ издалъ, въ 1825 г., карту, переведенную съ Русскаго на Французскій языкъ, дабы показать своимъ соотечественникамъ страну, на которую обращаютъ ихъ вниманіе: этого было недовольно. Вскорѣ въ описаніи его путешествій увидѣли столь-же важныя, какъ и любопытныя извѣстія о сихъ отдаленныхъ и намъ большею частію едва извѣстныхъ странахъ. Дѣйствительно, не льзя безъ особеннаго вниманія читать то, что онъ говоритъ о торговлѣ Одесской и торговлѣ между Мингреліею и портами Понта Эвксинскаго. Пріятно слѣдовать за нимъ въ поѣздкахъ его въ Севастополь, въ Сукумъ-Кале, Кубу, Дербентъ, Астрахань и въ четыре Имеретинскія области. Его описанія мѣстъ и нравовъ, новыя и любопытныя, должны нравиться и ученымъ людямъ

Digitized by Google

и тѣмъ, кто въ чтеніи ищетъ одного удовольствія; но его обширные виды, цѣль коихъ есть одна существенная польза, необходимо должны быть предметомъ размышленій негоціянтовъ и, осмѣливаемся прибавить, Европейскихъ Правительствъ.

Кромѣ путешествій, исчисленныхъ нами, есть и другія, вскорѣ долженствующія совершиться. Тщаніе и попечительность, съ коими они снаряжены, обѣщаютъ столь-же драгоцѣнныя послѣдствія, какія видѣли мы отъ путешествій уже оконченныхъ. Въ числѣ сихъ путешествій важнѣйшимъ можно почесть новую экспедицію Капитана Парри къ Сѣверному полюсу. Извѣстно, что Англійское Правительство обѣщало въ награду 5000 фунт. стерлинговъ (125,000 рублей) тому мореплавателю, кто первый достигнетъ полюса. Одушевляемый славою и любовью къ наукамъ, Капитанъ Парри не имѣлъ нужды въ подобномъ побужденіи для возобновленія своихъ предпріятій, кои производилъ уже онъ съ ревностью и непоколебимостью, столь достойными похвалъ. Не одни соотечественники желаютъ ему удачи въ предпріятіи: всѣ, кому дороги успѣхи просвѣщенія, должны почитать сего неустрашимаго мореплавателя своимъ землякомъ и съ любопытнымъ вниманіемъ смотрѣть на его труды.

Россія не осталась чуждою сему духу изыскательности, сему общему направленію. Снаряжены два корабля, имѣющіе назначеніемъ обозрѣть берега Россійскіе у водъ Тихаго моря и идти для открытій въ южную часть Великаго Океана. На нихъ находятся многіе уважаемые ученые. Оба корабля снабжены всѣми необходимыми астрономическими и физическими инструментами. Заѣхавъ въ Копенгагенъ,

Digitized by Google

въ Англію, къ Канарскимъ островамъ, въ Рio-Жанейро, послѣ краткаго пребыванія въ семъ послѣднемъ портѣ, путешественники обогнутъ мысъ Горнъ, посѣтятъ острова Товарищества, именно Отаити, и отплывутъ къ Сандвичевымъ островамъ. Въ Ситхѣ, заведеніи Россійско-Американской компаніи, корабли разстанутся и начнутъ каждому назначенныя дѣйствія. Въ условленномъ мѣстѣ Южнаго Океана они соединятся въ началѣ зимы 1828 года и возвратятся въ Европу мимо мыса Доброй Надежды.

Вотъ что исполнено или предположено, въ послѣдніе годы, разными народами, по части путешествій! Не всѣ предпріятія награждались ожидаемымъ успѣхомъ, но вообще, какъ мы сказали въ началѣ сей статьи, ими произведены большіе успѣхи въ Географіи и Естествознаніи. И каково-бы ни было слѣдствіе подобныхъ экспедицій, но мы тѣмъ не менѣе должны уважать и признавать достоинства людей, для пользы наукъ подвергающихъ себя многимъ лишеніямъ и опасностямъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Статья сія, помѣщенная въ одномъ Англійскомъ Журналѣ въ послѣдней половинѣ прошедшаго года, требуетъ пополненій, ибо черезъ годъ, со времени появленія оной въ свѣтъ, извѣстно вновь слѣдующее о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ путешествій, коихъ она касается.

Въ Англійскихъ Журналахъ пишутъ: »Капитанъ Франклинъ и Докторъ Ричардсонъ прибыли 25 Сентября, сего 1827 года, въ Ливерпуль и от-

Digitized by Google

правились въ Лондонъ. Другія особы, составляющія экспедицію, подъ начальствомъ Капитана Блакка и Лейтенанта Кендаля, должны возвратиться на кораблѣ компаніи Гудзонова залива; ихъ съ минуты на минуту ожидаютъ на островахъ Оркадскихъ. Экспедиція исполнена очень счастливо. Капитанъ Франклинъ и Капитанъ Блаккъ, сошедши по рѣкѣ Мекензія, слѣдовали западнымъ берегомъ до 150° западной долготы. Они не нашли большаго углубленія берега, но замѣтили, что онъ постепенно принимаетъ направленіе къ сѣверу, до 70° 30′ широты, гдѣ, казалось, поворачиваетъ къ западу. На самомъ отдаленномъ пунктѣ своего путешествія Капитанъ Франклинъ былъ не далѣе какъ во 150 миляхъ отъ корабля *Блоссома*, командуемаго Капитаномъ Бигеемъ, и если-бы тотъ и другой знали это, то Капитанъ Франклинъ могъ-бы возвратиться въ Англію по Тихому Океану; но неувѣренность въ сей встрѣчѣ представляла столько опасностей въ позднее время года, что далѣе углубляться на западъ было-бы непростительнымъ неблагоразумiемъ. Съ большою основательностью Капитанъ Франклинъ возвратился къ озеру Медвѣдя и провелъ тамъ зиму со своими друзьями, также изслѣдовавшими, подъ управленіемъ Лейтенанта Кендаля и Доктора Ричардсона, весь берегъ между рѣками Мекензіевою и Мѣдныхъ Рудъ. Сія послѣдняя часть Американскаго берега болѣе изобильна заливами нежели первая: обѣ онѣ изслѣдованы и обойдены неробкими нашими путешественниками. На западъ отъ рѣки Мекензія, большая цѣпь каменистыхъ горъ оканчивается въ двадцати или тридцати миляхъ отъ берега. Эскимосы сначала были

Digitized by Google

недовѣрчивы и непріязненны, но въ послѣдствіи сдѣлались дружелюбны; припасы въ великомъ изобиліи и съ большимъ радушіемъ доставляемы были повѣреннымъ компаніи Гудзонова залива.

»Съ особеннымъ удовольствіемъ можно прибавить, что сія опасная экспедиція не стоила жизни ни одному человѣку и что изнуренія и недостатки не имѣли никакого непріятнаго дѣйствія на нашего смѣлаго и неутомимаго путешественника, пользующагося совершеннымъ здоровьемъ, какъ кажется. Собранія по части Естественной Исторіи, составленныя путешественниками, многочисленны, особенно растеніями; Ботаника будетъ обогащена многими новыми родами. Опыты надъ магнитомъ и дѣйствіемъ сѣвернаго сіянія на магнитную иглу, чрезвычайно важны и подтверждаютъ наблюденія Лейтенанта Фостера (*Liverpool Mercury*).

»О послѣдней экспедиціи Капитана Парри намъ сообщили слѣдующее извѣстіе. Слѣдствія оной, надобно признаться, не соотвѣтствуютъ надеждамъ.

„Безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, *Гекла* прибыла изъ Англіи въ Гамерфестъ, на берегу Лапландіи, и взявъ извѣстное число оленей, зимней обуви и лодокъ для ѣзды по льду (*), отправилась къ Шпицбергену. Тамъ гавань была покрыта льдомъ, но Гекла, уже много дней запрудняе-

(*) Лодки сіи были устроены особеннымъ образомъ: онѣ могли служить и лодкою и санями, смотря по надобности. Будучи сдѣланы изъ легкаго, хотя твердаго и прочнаго лѣса, онѣ были одѣты кожею и навощеннымъ холстомъ, вслучаѣ надобности послужившимъ-бы вмѣсто парусовъ.

Digitized by Google

мая на ходу своемъ льдами, продолжала бороться съ сими препятствіями до 27 Мая. Тогда въ первый разъ попытались ѣхать въ саняхъ. Но ледъ скоро взломало, онъ пошелъ и невозможно было употребить въ дѣло ни оленей, ни лодокъ. *Гекла*, совершенно задержанная льдами, наконецъ освободилась отъ нихъ 8 Іюня: это позволило приблизиться на югъ до Семи острововъ, но тамъ не нашли гавани и принуждены были возвратиться къ Шпицбергену. 19 числа сдѣлали второе покушеніе ѣхать въ саняхъ, но ледъ былъ изломанъ во многихъ мѣстахъ и оказался совсѣмъ не таковъ, какимъ надѣялись его найдти; идти далѣе стало чрезвычайно затруднительно: двадцать разъ въ день надобно было выбираться изъ лодокъ и опять укладываться. На семъ пути не встрѣтили ни одной льдины которая занимала-бы пространства болѣе трехъ миль. Прибывъ къ 82° широты, путешественники остановлены были сильнымъ дождемъ (что необыкновенно въ сей высотѣ) и ледъ оказался такъ разломанъ и раздробленъ, что люди и лодки безпрестанно грузли въ промоинахъ и надобно было употребить величайшую осторожность, чтобы избѣгнуть гибельныхъ слѣдствій. Но препятствіе непреодолимое, заставившее путешественниковъ отказаться отъ всякаго покушенія идти впередъ, усмотрѣно было въ чрезвычайно сильномъ направленіи льдовъ къ югу: это движеніе такъ стремительно, что въ одинъ день, пройдя утомительныхъ осьмнадцать миль, увидѣли что увлечены на пять миль назадъ къ югу.

Капитанъ Парри не давалъ знать своимъ сопутникамъ о семъ обстоятельствѣ до тѣхъ поръ,

Digitized by Google

покуда половина запасовъ не была истрачена; тогда надлежало оставить всю надежду на успѣхъ. Можно почесть большимъ счастіемъ, что во время замѣтили направленіе льдовъ и что оно было къ Югу, ибо еслибъ ледъ пошелъ къ востоку, то при большемъ числѣ больныхъ, неспособныхъ, по мнѣнію Хирурга, переносить трудности пути, это имѣло бы слѣдствія пагубныя. Въ послѣдніе дни раціоны были уменьшены до восьми унцій говядины, 9 унцій хлѣба, полусестера рому и одной пинты какао, въ сутки.

Вышедши изъ льдовъ, лодки выдержали въ открытомъ морѣ жестокую бурю, сопровождаемую снѣгомъ и продолжавшуюся пятьдесятъ шесть часовъ: съ большимъ трудомъ можно было подвигаться ся впередъ. Между тѣмъ началъ оказываться скорбутъ и единственнымъ лекарствомъ противъ него было скорое возвращеніе. Среди всѣхъ сихъ препятствій и непредвидѣнныхъ случаевъ, постоянство и мужество начальника предпріятія не измѣнялись ни на одну минуту. Такое твердое и благоразумное поведеніе конечно заслуживало-бы лучшія послѣдствія 82° 45′ есть высшая широта, какой достигли въ сію экспедицію. (*Globe and Traveller.*)

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Выдержка.

Мой умъ колода картъ. — »Вотъ вздоръ!
»Но знать не перваго разбора!«
Прибавитъ, въ видѣ приговора,
Журнальной партьи *Матадоръ*;
Вамъ, господа, и книги въ руки!
Но съ вашей легкой мнѣ руки,
Спасибо вамъ, могу отъ скуки
Играть въ *носки* и въ *дураки*.

*

Въ моей колодѣ по мастямъ
Разсортированы всѣ *люди*:
Сдаю я желуди иль *жлуди*
По вислоухимъ игрокамъ;
Есть *бубны* славнымъ за горами;
Вскрываю *вины* для друзей;
Живо-усопшими творцами
Я вдоволь лакомлю *червей*.

*

На выдержку-ль играть начну,
Трещитъ *банкъ* глупостей союзныхъ,
И банкометъ, изъ самыхъ грузныхъ,
Не усидитъ, когда зачну;

Digitized by Google

Сѣняются, берутъ съ испуга
Вновь дольщиковъ въ игру свою . . .
Богъ помощь имъ топить другъ друга,
А я ихъ гуртомъ всѣхъ топлю.

*

Что мысли? Выдержки ума! —
А у кого задержки въ этомъ? —
Тотъ засдается, вѣкъ съ лабетомъ
Въ игрѣ и рѣчи и письма;
Какой ни сдѣлаетъ попытки,
А глупость срѣжетъ на просакъ!
Онъ проиграется до нишки
И выйдетъ на чисто дуракъ.

*

Вотъ партьи дамской игрочки,
Друзья два бѣдные Макара:
На нихъ отъ каждаго удара
Валятся шишки и щелчки:
Одинъ, съ поблекшими цвѣтами,
Съ *послѣдней жертвой*, на мѣль сталъ;
Тотъ мѣломъ, бѣлыми стихами,
Вписалъ свой проигрышъ въ Журналъ.

*

Игра честей въ большомъ ходу;
Въ нее играть не всѣмъ здорово:
Играя на честное слово,
Какъ разъ наскочишь на бѣду.
Тотъ ставитъ свѣчку злому духу,
Въ прокъ не пойдетъ того казна,
Кто легкоумье ловитъ въ *мужу*,
Чтобъ дѣлать изъ нее слона.

*

Digitized by Google

Не суйтеся къ большимъ шузамъ,
Вы мнѣ подъ пару недоростки:
Игрушки кошкѣ, мышкѣ слезки,
Давно извердитъ разсудокъ намъ;
Поищемъ по себѣ игорку,
Да игроковъ подъ нашу масть:
Кто не по силамъ лѣзетъ въ *горку*,
Тотъ можетъ и въ просакъ попасть.

*

А какъ играть тому съ плеча,
Кто заручился у фортуны;
Онъ лука натяни всѣ струны
И бей всѣ взятки съ горяча.
Другой ведетъ разсчетъ, и строгій,
Но за безсчетныхъ счастье Богъ,
И тамъ, гдѣ умный *выигралъ ноги*,
Тамъ дурачокъ всѣхъ срѣзалъ съ ногъ.

*

Бѣднякъ, дуракъ и намъ съ руки,
Заброшенный въ народной давкѣ,
У счастья и у всѣхъ въ отставкѣ,
Климъ, развѣ могъ играть въ *плевки*;
Теперь онъ стеръ успѣховъ губкой
Все, чѣмъ обчелся въ старину,
Въ игрѣ коммерческой съ прикупкой
Онъ вскрылъ удачно на жену.

*

Друзья! кто хочетъ быть уменъ,
Тотъ по пословицѣ поступитъ:
Продастъ онъ книги, карты купитъ;
Такъ древле нажилъ умъ Семенъ.

Digitized by Google

Умъ въ картахъ: соглашусь охотно!
Въ ученомъ мірѣ видимъ сплошь,
Домъ книгами набитъ, и плотно,
Да картъ не сыщешь ни на грошъ.

*

Памфилъ, пустая голова!
Ты игрокомъ себя не числи:
Не вскроешь ты на козырь мысли,
Какъ ни тасуй себѣ слова.
Не такова твоя порода,
Игрой ты не убьешь бобра:
Твой умъ и полная колода,
Я знаю, но не картъ игра.

Кн. Вяземскій.

Digitized by Google

Заколдованный домъ.

(Окончаніе.)

Мы не станемъ разсказывать повѣсти о *Бурномъ кораблѣ*, пересказанной Герръ Антономъ Дольфу; или все, или ничего: Герръ Антонъ проговорилъ далеко за полночь, и по одному отрывку вы не могли-бы оцѣнить всей занимательности бесѣды Герръ Антона. Но всему свой чередъ. Самая занимательность разговоровъ уступила могуществу дремоты. »Ты хочешь спать, пріятель!» сказалъ Герръ Антонъ, »доброй ночи!« — Онъ завернулся въ широкій мѣховой плащъ свой, прилегъ къ огню и заснулъ крѣпкимъ сномъ Между тѣмъ мѣсяцъ выставилъ серебряные роги изъ закругленной вершины Олдъ-Булль-Гилля и освѣтилъ сѣрые утесы и мрачные лѣса, отсвѣчивая дрожащимъ сіяніемъ на зыбкой поверхности обширной рѣки. Ночная роса пала на землю и оболокла всѣ окрестности сѣрымъ туманомъ. Товарищи Герръ Антона прикинули дровъ въ костеръ, настлали Дольфу постелю изъ сухихъ вѣтвей и листьевъ, подъ скалою, и проспились съ нимъ. Нѣсколько времени прошло, пока Дольфъ могъ заснуть. Онъ разсматривалъ странный ночлегъ свой и все его окружавшее: дикіе лѣса и утесы, огонь, бросавшій отблескъ на полудикое общество, на Герръ Антона, Богъ знаетъ

Digitized by Google

чѣмъ, напоминавшаго ему ночнаго посѣтителя его, старика Заколдованнаго дома. Отъ времени до времени слышалъ онъ рыканье дикихъ звѣрей, раздававшееся изъ лѣса; крикъ пустынной совы, пѣніе дикихъ птицъ, въ множествѣ обитавшихъ по окрестностямъ, или всплескъ осетра, во всю огромную длину свою всплывавшаго на поверхность тихой рѣки. Дольфъ сравнивалъ новый ночлегъ, съ обыкновеннымъ своимъ пребываніемъ на чердакѣ докторскаго жилища, гдѣ ночью только и слыхалъ онъ бывало однообразный бой городскихъ часовъ; хриплый голосъ *уетьмена*, протяжно провозглашавшаго, что въ пустыхъ улицахъ *все благополучно*; храпенье Доктора, растянувшагося въ старыхъ своихъ креслахъ, или хрустѣнье крысы, подгрызавшей гнилыя панели. Мысли Дольфа обратились къ бѣдной старушкѣ, матери его: что думаетъ она о таинственной пропажѣ своего Дольфа? какъ грустна должна быть ей такая потеря? эта мысль безпрестанно мрачила наслажденія настоящаго его положенія: она влекла за собою чувство горести и страданія; Дольфъ уснулъ со слезами, навернувшимися на глазахъ его.

Вотъ, если-бы я разсказывалъ небылицы, теперь, какой прекрасный случай ввернуть въ мою повѣсть странныя приключенія между этими дикими лѣсами и утесами, и потомъ весши моего героя

Digitized by Google

изъ бѣды въ опасность, изъ опасности въ бѣду; высвободить его какимъ нибудь чудомъ . . . но все, что я ни пересказываю, сущая правда: я долженъ довольствоваться простымъ повѣствованіемъ, говорить, что было въ самомъ дѣлѣ и держаться во всемъ безхвостой правды.

Рано поутру, на другой день, порядочно позавтракали наши искатели приключеній, сняли таборъ и поплыли въ лодкѣ Герръ Антона. Вѣтеръ не шевелилъ паруса; Американцы дружно начали работать веслами, развлекая скуку однообразія пѣснями объ одномъ изъ бѣлыхъ людей. День былъ ясный и теплый; ни одна волна не рябила поверхности водъ; только весла, ударяясь объ воду, узорили длинными струями ея поверхность. Вороны, чуя остатки ужина охотниковъ, собирались стадами и вились на томъ мѣстѣ, гдѣ синій дымокъ поднимался между деревьями и показывалъ мѣсто вчерашняго ихъ пребыванія. Когда плыли наши путешественники между горами, Герръ Антонъ указалъ Дольфу горнаго орла, властителя здѣшнихъ мѣстъ, сидящаго на сухой вѣтви, свѣсившейся надъ рѣкою, и съ поднятыми къ небу глазами, казалось, любовавшагося величіемъ утренняго солнца. Приближеніе лодки встревожило размышлявшаго властителя. Онъ расправилъ одно крыло, потомъ другое, уравновѣшивался одно мгновеніе и покинувъ свое сѣдалище, тихо и вели-

Digitized by Google

чественно поднялся надъ головами плавателей. Дольфъ схватилъ ружье и выпалилъ въ него: пуля сшибла нѣсколько перьевъ съ крыла; выстрѣлъ отозвался отъ утеса къ утесу и повторился въ тысячѣ отголосковъ; но властитель пернатыхъ летѣлъ тихо, всходилъ выше и выше, большими кругами, надъ зеленою вершиною лѣсистой горы, пока совсѣмъ пропалъ изъ виду за послѣднимъ высочайшимъ ея утесомъ. Дольфъ оскорбился молчаливымъ пренебреженіемъ орла, и почти упрекалъ самого себя, что такъ безразсудно оскорбилъ величественнаго повелителя пернатыхъ. Герръ Антонъ, смѣясь напомнилъ ему, что они еще не выплыли изъ предѣловъ владѣнія Дондербергскаго духа, а старый Американецъ покачалъ головою и замѣтилъ, что не на добро тотъ наскочитъ, кто станетъ стрѣлять въ орла, и что, напротивъ, охотникъ всегда долженъ оставлять ему часть своей добычи.

Впрочемъ, ничто не останавливало путешествія нашихъ странствователей. Весело проплыли они величественныя, пустынныя мѣстоположенія, пока достигли острова Поллополя, находящагося въ окончаніи горнаго хребта: здѣсь былъ привалъ; хотѣли провести въ запишьѣ самый жаръ и дать отдыхъ гребцамъ. Одни приготовляли шутъ полдникъ, пока другіе отдыхали въ тѣни густыхъ деревъ, любуясь красотою окреснаго мѣстоположенія. Съ

Digitized by Google

одной стороны представлялся имъ нагорный берегъ, состоявшій изъ горъ крутыхъ и высокихъ, усѣянныхъ лѣсомъ, далеко по водѣ простиравшимъ мрачную тѣнь; съ другой, обширное пространство водъ, подобное большому озеру, отрѣзано было отъ рѣки зеленѣющимъ мысомъ; наконецъ, въ самой дали синѣлась гора Шаунгункъ, какъ застывшая волна на чистой лазури неба, иногда задергивавшейся дымчатымъ облакомъ.

Но я не стану разсказывать подробностей плаванія подлѣ береговъ рѣки. Бродящее, земноводное житье, плаванье по серебристымъ волнамъ, ходьба по дикому лѣсистому берегу, пирушки на тѣнистыхъ мысахъ, гдѣ зелень деревъ шумитъ надъ головой и волны рѣки блещутъ у ногъ; отдаленныя горы, и скалы, и деревья, и бѣлоснѣжныя облака, и лазурь неба, все, облеченное прелестью лѣтнихъ дней, все это, прекрасное въ существенности, надоѣдаетъ въ повѣствованіи.

Когда останавливались наши странствователи, одна часть ихъ шла въ лѣса охотиться, другіе ловили рыбу, иные забавлялись стрѣляя въ цѣль, прыгали, бѣгали, боролись, и Дольфъ приобрѣлъ величайшую благосклонность Герръ Антона своею ловкостью и искуствомъ во всѣхъ сихъ упражненіяхъ; я сказалъ уже, что Герръ считалъ ихъ совершенствомъ человѣческихъ дарованій.

Digitized by Google

Такъ весело жили они, выбирая только самые удобные часы для путешествія, иногда на утренней зарѣ, иногда въ тихій вечеръ, иногда-же, какъ только блѣдное сіяніе луны начинало серебрить волны, вокругъ небольшаго ихъ суденышка. Никогда Дольфъ не живалъ въ такомъ привольѣ, никогда не чувствовалъ онъ такого согласія со всѣмъ тѣмъ, что его окружало, какъ теперь, въ дикой, подверженной всякимъ случайностямъ жизни. Онъ оказывался человѣкомъ совершенно такимъ, какихъ любилъ Герръ Антонъ и безпрестанно болѣе и болѣе заставлялъ любить себя. Сердце стараго весельчака билось отъ радости, видя молодаго человѣка, обѣщавшаго со временемъ быть точно тѣмъ, чѣмъ всегда былъ онъ самъ, и когда приближались они къ концу своего путешествія, Герръ не вытерпѣлъ больше и просилъ Дольфа разсказать ему подробности своей жизни. Дольфъ обо всемъ откровенно разсказалъ ему, разсказалъ и свое Медицинское ученіе, и малый успѣхъ свой, и будущій сомнительный жребій своей жизни. Герръ чрезвычайно пораженъ былъ тѣмъ, что такія необыкновенныя дарованія, какія видѣлъ онъ въ Дольфѣ, должны быть погребены и скрыты подъ докторскимъ парикомъ. Онъ совершенно презиралъ искусство лекарское, никогда не знавши другаго лекаря, кромѣ своего здороваго сложенія. Онъ не терпѣлъ даже никакого ученья, съ тѣхъ

Digitized by Google

горъ, какъ еще бывши мальчишкой, высѣченъ онъ былъ, когда не добрался смысла въ какой-то учебной книжкѣ. И вообразить, что молодой человѣкъ, подобный Дольфу, который такъ славно стрѣляетъ, удитъ, бѣгаетъ, прыгаетъ, ѣздитъ верхомъ, борется, принужденъ будетъ катать пилюли и толочь коренья для своего пропитанія: это ужасно! Онъ совѣтовалъ Дольфу не отчаиваться и »бросить ремесло людоморовъ.« Передаю слова, какъ были они сказаны. »Молодой малый, съ такими удивительными дарованіями, всегда сыщетъ себѣ дорогу въ свѣтѣ,« продолжалъ Герръ Антонъ. »Въ Альбани, у тебя нѣтъ, кажется, никакого пріюта: ты можешь пристать прямо ко мнѣ и остаться подъ моей кровлей, пока не вздумаешь воротиться домой, а между тѣмъ мы поохотимся и поудимъ съ тобою: жаль твои способности оставлять долго въ праздности.«

Дольфъ, брошенный на игру случая, не затруднился въ согласіи своемъ. Впрочемъ, какъ онъ ни начиналъ обдумывать, какъ ни размышлялъ, онъ не могъ не воображать, что Антонъ-фанъ-деръ-Гейденъ, *такъ или такъ*, связанъ былъ въ участи его съ Заколдованнымъ домомъ, что несчастный случай, столкнувшій его съ Герръ Антономъ въ горахъ, *такъ или такъ*, велъ къ чему нибудь хорошему. Всего удобнѣе рѣшатъ затрудненія словами: *такъ*

Digitized by Google

или сякъ: эта дорожка, по которой бродятъ всѣ беззаботные люди, крѣпкіе заднимъ умомъ, подобные нашему Дольфу Гейлигеру. Идя по ней, могутъ они весьма легко мирить прошедшее горе съ ожидаемымъ счастьемъ и, правду сказать, обладаютъ тайною счастія столь-же драгоцѣнною, какъ философскій камень; словомъ, нашъ Дольфъ рѣшился идти по легкой дорогѣ *такъ или сякъ*.

По пріѣздѣ въ Альбани, появленіе Дольфова покровителя, казалось, произвело всеобщую радость. Множество поздравленій встрѣтило его на берегу, еще больше на улицахъ: собаки ластились къ нему, мальчишки кричали отъ радости, цѣлый свѣтъ, казалось, знаетъ Герръ Антона. Дольфъ слѣдовалъ за нимъ въ молчаніи, удивляясь чистотѣ, опрятности прекраснаго города: тогда Альбани былъ еще въ полной славѣ и обитаемъ почти исключительно одними потомками Голландскаго племени. Въ него не набрелъ еще тогда безпокойный народъ изъ Новой Англіи. Все было спокойно и въ порядкѣ: ни шуму, ни крику, ни толканья; всѣ жили не сшибаясь другъ съ другомъ. Густая трава росла на немощеныхъ улицахъ и веселила глаза своею свѣжею зеленью. Высокіе сикоморы, или плакущія березы осѣняли домы и покрыты были паутинками гусеницъ, безопасно развѣшивавшихъ длинныя нити, или въ видѣ бабочекъ радовавшихся новому своему пре-

Digitized by Google

образованію. Домы построены были въ старинномъ Голландскомъ вкусѣ, съ превысокими кровлями. Опрятныя хозяйки сидѣли на лавочкахъ передъ дверьми домовъ, въ капорахъ, унизанныхъ большими складками, въ красныхъ юбкахъ, съ бѣлыми передниками и усердно вязали чулки. Мужья сидѣли тутъ-же на другихъ лавочкахъ, покуривая табачокъ; у ногъ хозяевъ сидѣли маленькія Негритянки и шили. Ласточки вились вокругъ кровель и косыми линіями быстро пролетывали вдоль улицъ, унося богатыя добычи своимъ маленькимъ крикунамъ; прелестные подкрапивники летали вокругъ своихъ крошечныхъ жилищъ, прилѣпленныхъ къ стѣнамъ дома; коровы шли домой, мычали и останавливались подлѣ воротъ своихъ хозяевъ, дожидаясь, когда начнутъ ихъ доить; маленькіе Негрёнки подгоняли тоненькими хворостинами лѣнивыхъ и отстававшихъ.

Гдѣ ни шелъ Дольфовъ покровитель, вездѣ встрѣчало его ласковое наклоненіе головы хозяина, привѣтливое слово хозяйки, всѣ за просто называли его Антономъ, ибо въ этомъ уголку патріархальнаго быта всѣ жители росли вмѣстѣ и называли другъ друга просто по именамъ, какое кому дано было при крещеніи. Герръ мало однакожъ останавливался для обыкновенныхъ своихъ шутокъ: ему нетерпѣливо хотѣлось видѣть своихъ домашнихъ, и вскорѣ Герръ Антонъ и гости его при-

Digitized by Google

ли къ мирному своему пристанищу. Домъ Герръ Антона былъ огромное строеніе, въ Голландскомъ вкусѣ, съ огромными желѣзными буквами на переди его, показывавшими годъ, когда онъ построенъ; эпоха построенія его восходила почти до временъ первыхъ переселеній Голландскихъ.

Вѣсть о пріѣздѣ Герръ Антона предупредила приходъ его и уже весь домашній народъ бѣжалъ встрѣтить своего хозяина. Передъ домомъ стояла толпа маленькихъ и большихъ Негровъ. Старики, посѣдѣвшіе въ домѣ Герръ Антона, хохотали отъ радости, неловко поздравляли его и кривлялись, а маленькіе Негры прыгали вокругъ него. Но самое счастливое твореніе, изъ всѣхъ осчастливленныхъ его пріѣздомъ, была невысокая, миленькая, кровь съ молокомъ дѣвушка, единственное дитя его и отрада его сердца. Она прибѣжала и хотѣла обнять своего отца, но при взглядѣ на неизвѣстнаго молодаго человѣка, пришедшаго съ отцомъ, застыдилась и обробѣла, какъ обыкновенно робѣютъ дѣвушки, никогда не оставлявшія отеческаго жилища. Дольфъ съ удивленіемъ и радостію смотрѣлъ на нее: никогда Дольфъ не видывалъ ничего подобнаго. Она одѣта была очень мило, по старинной модѣ Голландокъ, въ узкомъ корсетѣ и коротенькой, широкой юбочкѣ, нарядѣ столь выгоднымъ для показанія стройнаго стана

Digitized by Google

и хорошенькой ножки. Волосы ея красиво завиты были вокругъ маленькой красной шапочки и оттѣняли свѣжую бѣлизну лица ея; глаза были голубые, блестящіе, станъ прекрасный; ножки... словомъ: это была маленькая Голландская богиня, и Дольфъ, не умѣвшій выдерживать силы каждаго новаго впечатлѣнія, тотчасъ влюбился въ нее до безумія.

Ласковымъ привѣтствіемъ пригласили Дольфа войдти въ домъ. Внутреннее устройство дома представляло смѣшеніе любимыхъ привычекъ Герръ Антона съ великолѣпіемъ его предковъ. Мебель въ комнатахъ была старинная, лучшаго краснаго дерева; буфеты и горки блистали тяжелою серебряною посудою и дорогимъ Китайскимъ фарфоромъ. Надъ каминомъ былъ, по обыкновенію, фамильный гербъ, раскрашенный и въ кружкѣ. Выше его висѣло отличное ружье съ Американскими снарядами и пороховымъ рогомъ. Главная комната убрана была множествомъ Американскихъ орудій, калюметами мира, томагауками, ножами и поясами изъ уампума; тутъ-же были разнаго рода рыболовные приборы и два или три охотничьи ружья. Домашнія дѣла вообще ведены были, какъ видѣлось, по прихотямъ хозяина, поправляемымъ, можетъ быть, маленькими заботами его дочки. Патріархальная простота и добродушіе замѣтны были во всѣхъ поступкахъ домашняго народа.

Digitized by Google

Негры приходили безъ всякаго призыва въ комнаты, только для того, чтобы смотрѣть на своего хозяина и слушать его разсказы: они стояли у дверей, пока онъ продолжалъ говорить, потомъ смѣялись и уходили разсказывать въ кухнѣ, что услышали. Пара маленькихъ Негрёнковъ играла на полу въ собаками и отнимала у нихъ хлѣбъ, намазанный масломъ. Всѣ люди съ домѣ Герръ Антона были веселы и счастливы, а когда накрыли ужинъ, разнообразіе и изобиліе домашнихъ припасовъ показывали, и роскошную щедрость хозяина, и отличное умѣнье хозяйствовать его дочери.

Вечеромъ собралась главнѣйшая Альбанская знать, Фанъ-Реннселлеерсы, Фанъ-Гансеворты, Фанъ-Розебоомсы и другіе друзья Фанъ-Деръ-Гейдена, слушать разсказы о новомъ его походѣ: онъ былъ Синдбадъ Альбани, и подвиги и похожденія его были любимымъ предметомъ разговоровъ между жителями Альбани. Когда старики засѣли подлѣ дверей и разсказывали другъ другу безконечныя исторіи, Дольфъ учтиво подсѣлъ къ дочери Герръ Антона, сидѣвшей на лавочкѣ у окошка. Они уже успѣли познакомиться между собою: въ тѣ счастливыя времена не знали еще притворной осторожности и пустыхъ околичностей, и притомъ всегда было и есть что-то чрезвычайно благодѣтельное для любовниковъ въ мракѣ длинныхъ

Digitized by Google

лѣтнихъ вечеровъ: таинственный сумракъ ободряетъ самый несмѣлый языкъ и не даетъ замѣтить щекъ, пышащихъ огнемъ робкой стыдливости. Однѣ звѣзды блистали на небѣ и фонари проходящихъ, по временамъ, слабо мелькали въ комнатѣ мимобѣгущимъ свѣтомъ.

Что говорилъ Дольфъ на прелестное ушко дочки Герръ Антона, пересказать не возможно: слова были такъ тихо, такъ неясно выговариваемы, что ни одно почти слово не дошло до ушей Дольфова историка. Вѣроятно, впрочемъ, что у Дольфа не недостало краснорѣчія. Притомъ, онъ былъ одаренъ природнымъ дарованіемъ нравиться дѣвушкамъ. Дольфъ и сосѣдка его совсѣмъ не замѣтили, что собесѣдники Герръ Антона, одинъ за другимъ, убрались изъ дома; Герръ Антонъ, утомленный разсказами, дремалъ въ своихъ креслахъ, какъ вдругъ пробудилъ его громкій поцѣлуй, которымъ Дольфъ Гейлигеръ неосторожно вздумалъ кончить одинъ періодъ своей рѣчи, и который отдался въ тишинѣ комнаты, какъ пистолетный выстрѣлъ. Герръ поднялся съ креселъ, велѣлъ подать огня и замѣтилъ, что пора разставаться и идти спать; но желая доброй ночи, онъ дружески пожалъ руку Дольфа, смѣючись поглядѣлъ на него и значительно покачалъ головою. Ахъ! добрый Герръ Антонъ хорошо помнилъ, что и самъ онъ бывалъ молодъ.

Digitized by Google

Комната, гдѣ помѣстили нашего г
роя, была обширна и обита дубомъ. І
ней главную мебель составляли шкафы
платьемъ и огромные коммоды, чисто вы
шертые воскомъ и украшенные мѣдным
скобками; въ нихъ набито было множ
ство бѣлья. Добрыя Голландскія хозяй
изстари любили похвастаться таким
домашнимъ богатствомъ передъ посѣт
телями.

Впрочемъ, душа Дольфа была такъ пол
на, что нѣкогда ему было замѣчать
что за предметы его окружали; но он
не могъ однакожъ удержаться, чтобы н
сравнить на досугѣ свободное, сердечно
житье-бытье Герръ Антона съ запачкан
нымъ, скучнымъ хозяйствомъ Доктор
Ниппергаузена; еще сверкнула у него мысл
разрушавшая всѣ его радости, мысль
что онъ скоро долженъ оставить своег
добраго хозяина и милую хозяйку и снов
быть одинъ одинёхонекъ на бѣломъ свѣ
тѣ. Остаться здѣсь надолго была-бы не
простительная глупость: онъ и безъ то
го уже влюбленъ по уши, а такому бѣд
няку, каковъ былъ онъ, мечтать о дочер
знаменитаго Герръ Антона-Фанъ-деръ-Гей
дена... и мысль объ этомъ казалась Доль
фу сущею глупостью! Самая ласковость
какую показала милая эта дѣвушка, п
нѣкоторомъ размышленіи, заставляла ег
ускорить отъѣздомъ: завоевать сердце до
чери Герръ Антона значило заплатит

му дерзкою неблагодарностью. Словомъ
ольфъ думалъ и размышлялъ какъ многіе
олодые мыслители, съ добрымъ сердцемъ
легкою головою, думаютъ сдѣлавши и
ѣлаютъ иначе нежели придумали: вече-
омъ рѣшатся превосходнымъ образомъ, а
тромъ забудутъ на что рѣшились.

»Но, право, мое путешествіе не дур-
о-же кончилось!« сказалъ Дольфъ, погру-
каясь въ мягкую постелю и закрываясь
ѣлымъ, чистымъ одѣяломъ. »Вмѣсто то-
го, чтобы мнѣ возвратиться домой съ
мѣшкомъ денегъ, меня бросило на чужую
сторону; въ карманѣ ни одного шшивера,
а сверхъ того, я влюбленъ въ такую не-
ровню, что и подумать страшно! Да
что до этого« (прибавилъ онъ, потягива-
ясь и перевернувшись на одинъ бокъ):
квартира у меня теперь славная, а
отамъ . . . будемъ думать о томъ, что
есть: придетъ день, будетъ умъ. Не да-
ромъ говорится: *той-ли дорогой, другой-
ли, а все къ лучшему.*«

Говоря такъ, онъ протянулъ руку и
хотѣлъ затушить свѣчку, какъ вдругъ
остановился и испугался: онъ увидѣлъ —
привидѣніе Заколдованнаго дома, стоявшее
передъ нимъ въ темномъ углу комнаты...

Другой взглядъ разувѣрилъ его: онъ
узналъ, что принятое имъ за привидѣніе,
въ самомъ дѣлѣ былъ только Голландскій
портретъ, висѣвшій надъ коммодомъ въ
углу. Впрочемъ, портретъ этотъ былъ

Digitized by Google

точное изображеніе ночнаго посѣтителя Заколдованнаго дома: такой-же клокъ, такая-же сѣдая бородка и выпученные глаза; такая-же шляпа, съ перомъ на одной сторонѣ! Дольфъ вспомнилъ теперь о сходствѣ, какое замѣчалъ онъ столько разъ между Герръ Антономъ и старикомъ Заколдованнаго дома, и вполнѣ убѣдился, что между ними было что-то общее и что какой-то таинственный жребій управлялъ ею путешествіемъ. Онъ смотрѣлъ на портретъ почти съ такимъ-же страхомъ, какъ прежде смотрѣлъ на таинственный подлинникъ его, пока звонкій бой стѣнныхъ часовъ не возвѣстилъ ему, что уже давно наступила ночь. Дольфъ потушилъ огонь; но долго оставался онъ въ раздумьѣ о всѣхъ любопытныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ; все вертѣлось у него въ головѣ, пока онъ не заснулъ. Ему привидѣлся сонъ, и сонъ этотъ былъ сообразенъ бродящимъ его мыслямъ. Снилось Дольфу, что онъ все еще смотритъ на портретъ старика и что портретъ постепенно оживляется, сходитъ со стѣны, идетъ по комнатѣ, а Дольфъ слѣдуетъ за нимъ и оба очутились — у колодца въ Заколдованномъ домѣ! Тутъ старикъ указываетъ пальцемъ на колодецъ, усмѣхается и исчезаетъ.

Проснувшись поутру, Дольфъ увидѣлъ у постели своей Герръ Антона. Весело пожелалъ онъ Дольфу добраго утра

Digitized by Google

и спросилъ: каково гость его ночевалъ? Дольфъ отвѣчалъ ему и скорѣе спѣшилъ разспросить о портретѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ. »Ахъ!« сказалъ ему Герръ Антонъ, »это портретъ стараго Киліана Фанъ-деръ-Шпигеля, одного изъ бургмейстеровъ Амстердамскихъ, который, по случаю какого-то смятенія, оставилъ Голландію и переѣхалъ въ здѣшнюю сторону, во время губернаторства Петра Стюйвезанта. Онъ былъ предокъ мой, по женскому колѣну, и старый скупяга. Когда Англичане захватили Новый Амстердамъ, въ 1664 г., онъ удалился въ деревню; тамъ впалъ въ задумчивость, безпрестанно мечтая, какъ-бы не отняли у него имѣнія и какъ-бы не сдѣлаться ему подъ старость бѣднякомъ. Онъ обратилъ все въ наличныя деньги и спряталъ; годъ, или два, послѣ того бродилъ еще по разнымъ мѣстамъ, переодѣвался, скрывался, все думая, что Англичане его преслѣдуютъ и хотятъ отнять у него деньги. Наконецъ, нашли его однимъ утромъ мертваго въ его постелѣ, и до сихъ поръ никто не знаетъ, гдѣ спряталъ онъ большую часть своихъ сокровищъ.“

Герръ Антонъ вышелъ изъ комнаты и Дольфъ нѣсколько времени былъ погруженъ въ размышленія. Вся душа его была наполнена слышаннымъ разсказомъ. Онъ вспомнилъ, что Фанъ-деръ-Шпигель было родовое имя его матери и что ему разска-

Digitized by Google

зывали когда по точно о Киліанѣ Фанъ-деръ-Шпигелѣ, какъ объ одномъ изъ его предковъ. Дольфъ слыхалъ даже отъ матери, что мужъ ея, Дольфовъ отецъ, былъ законный наслѣдникъ этого старика Киліана; но что старикъ умеръ, не оставя ему ничего въ наслѣдство. Теперь увидѣлъ Дольфъ, что Герръ Антонъ также потомокъ, а можетъ быть и наслѣдникъ этого бѣднаго богача, и что слѣдовательно Фанъ-деръ-Гейдены и Гейлигеры между собой родня. „Что,“ думалъ Дольфъ, »если послѣ всего этого, вотъ и изъясненіе моихъ сновъ; если я долженъ былъ »сдѣлаться счастливымъ поѣздкой въ Альбани и если я найду забытое богатство »старика въ колодцѣ Заколдованнаго дома? »Но каковъ-же крюкъ сдѣлалъ этотъ старый скряга для обьясненія своей тайны! »Что-бы ему разсказать мнѣ тогда-же у »колодца, не заставляя меня плыть въ »Альбани, купаться въ рѣкѣ — и все для того только, чтобы выслушать здѣсь разсказъ объ немъ и отправиться опять »старымъ путемъ?“

Такъ думалъ Дольфъ одѣваясь. Онъ сходилъ по лѣстницѣ, въ нѣкоторомъ сомнѣніи, когда вдругъ мелькнуло передъ нимъ прелестное личико Маріи Фанъ-деръ-Гейденъ и улыбка ея, казалось, разрѣшила всѣ сомнѣнія Дольфа. „Да!“ подумалъ онъ, »старикъ правъ. Если онъ дѣлаетъ меня »своимъ наслѣдникомъ, вѣрно ему хотѣ-

Digitized by Google

лось, чтобы и прелестная внучка его также досталась его наслѣднику. Оба семейства родныя могутъ вновь соединиться и богатство старика достанется всѣмъ тѣмъ, кому должно."

Только что пришло это въ голову Дольфа, какъ онъ былъ уже совершенно убѣжденъ. Теперь нетерпѣливо желалъ онъ поскорѣе ѣхать назадъ и завладѣть богатствами, которыя, какъ не сомнѣвался онъ болѣе, лежали на днѣ колодца; онъ трепеталъ, чтобы прежде его не открылъ ихъ кто нибудь другой. „Кто знаетъ," думалъ Дольфъ, „если у этого посѣтителя Заколдованнаго дома въ обычаѣ являться каждому посѣтителю и если онъ все разскажетъ такому-же какъ я бродягѣ, а тотъ прогуляется не до Альбани, а только до колодца?" Тысячу разъ желалъ Дольфъ, чтобы на это время старикъ Заколдованнаго дома сдѣлался такимъ-же сиднемъ, какъ портретъ его на стѣнѣ у Герръ Антона. У Дольфа была точно лихорадка ѣхать. Два или три дня прошло однакожъ, пока представился ему случай отправиться въ Мангаттое. Какіе тяжелые были эти дни! Цѣлые вѣка, не смотря на то, что миленькая Марія улыбалась ему весело и что Дольфъ каждый день болѣе и болѣе въ нее влюблялся.

Наконецъ шлюпъ, съ котораго такъ удачно слетѣлъ Дольфъ, приготовился къ отплытію. Дольфъ неловко разсказалъ

Digitized by Google

хозяину своему о причинахъ скораго отъѣзда. Герръ Антонъ изумился. Онъ было распоряжалъ уже полдюжины поѣздокъ въ окрестности и Американцы его готовились къ большой экспедиціи на одно изъ дикихъ озеръ. Герръ отвелъ Дольфа въ сторону и истощилъ все краснорѣчіе, убѣждая его оставить помышленія о дѣлахъ и побыть еще съ нимъ, но напрасно. Герръ принужденъ былъ наконецъ замолчать, и только замѣтилъ, что »жаль, очень жаль, если такой отличный молодой человѣкъ принужденъ попусту терять свое время.« Впрочемъ, Герръ Антонъ дружески сжалъ руку Дольфа на прощанье и подарилъ ему любимое свое ружье, вмѣстѣ съ приглашеніемъ: считать его домъ за свой собственный, когда еще вздумается посѣтить Альбани. Марія не сказала ни слова; но когда Дольфъ поцѣловался съ нею на прощанье, щеки ея побѣднѣли и слезы сверкнули на глазёнкахъ.

Тотчасъ побѣжалъ Дольфъ на корабль. Паруса подняли, вѣтеръ задулъ; скоро пропалъ вдалекѣ Альбани, съ его зеленѣющими горами и веселыми островами. Быстро проплыли Каатскилльскія горы, у которыхъ очарованныя вершины были на тотъ разъ свѣтлы и безоблачны. Благополучно миновали владѣнія Дондербергскаго духа и его подчиненныхъ. Миновавъ Аверстраусскій заливъ, Кротонскій мысъ,

Digitized by Google

переплывъ Таппаанское море, на третій день послѣ обѣда плаватели наши увидѣли Обокенъ, чернѣвшій вдали, какъ облако, и вскорѣ послѣ того, крышки домовъ Мангаттойскихъ появились изъ волнъ рѣки.

Первая мысль Дольфа была бѣжать къ своей доброй матери; ему покою не давала мысль: какъ перенесла она потерю сына; онъ не зналъ однакожъ и того, какъ и объяснить ей отъѣздъ свой, не открывая тайны Заколдованнаго дома, а этой тайны онъ никому не хотѣлъ ввѣрять. Въ такомъ-то раздумьѣ Дольфъ вошелъ въ улицу, гдѣ былъ домъ его матери... но каково было изумленіе его, когда на мѣстѣ дома онъ увидѣлъ только кучу развалинъ!

Тутъ узналъ Дольфъ, что во время его отсутствія страшный пожаръ истребилъ множество большихъ домовъ: и бѣдная хижинка госпожи Гейлигеръ подверглась разрушенію вмѣстѣ съ ними. Дольфъ едва могъ распознать нѣкоторые слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство. Не смотря на опустошеніе пламени, каминъ подлѣ котораго игрывалъ Дольфъ, еще торчалъ въ обгорѣлыхъ стѣнахъ дома, украшенный Голландскими изразцами, съ разными изображеніями, на которыя съ такимъ удивленіемъ смотривалъ прежде Дольфъ. Между обломками домашняго скарба нашелъ онъ остатки креселъ, на которыхъ сиживала прежде добрая мать его, давая сыну своему полезныя нравоученія.

Digitized by Google

Даже и исчитанная книга проповѣдей Гуса Фанъ-деръ-Шлагфершпанда, полуобгорѣлая, валялась на родимомъ пепелищѣ.

Страшное зрѣлище это ужаснуло Дольфа, когда онъ подумалъ, что мать его погибла въ пламени. Но скоро вывелъ его изъ ужаснаго сомнѣнія одинъ сосѣдъ, случайно шедшій мимо и сказавшій ему, что госпожа Гейлигеръ еще жива.

Впрочемъ, добрая старушка потеряла все въ этомъ несчастіи. Народъ, сбѣжавшійся на помощь, такъ занятъ былъ таскальемъ имѣнія изъ домовъ богатыхъ ея сосѣдей, что небольшая хижинка и все что имѣла бѣдная старушка сгорѣло безъ всякой помѣхи; безъ усердной помощи стараго друга, Питера Грудта, вѣроятно и сама бѣдная мать Дольфа, съ своимъ котомъ не избѣжала-бы участи, постигшей домъ ея и все имѣніе.

Испугъ, горе сразили госпожу Гейлигеръ и она сдѣлалась больна. Публика оказала къ ней впрочемъ, все свое благорасположеніе. Кромѣ того, что когда спасли все, что было возможно, у богатыхъ сосѣдей ея, люди, тушившіе огонь, рѣшились было помогать и госпожѣ Гейлигеръ, но увидѣвъ, что у нее уже нѣчего спасать, всѣ сошлись къ обгаркамъ дома, жалѣли объ ея участи, и тутъ-же положили собрать ей что нибудь на бѣдность. Несчастный жребій ея сдѣлался предметомъ всеобщаго сострадания. Всѣ жалѣли объ ней болѣе не-

Digitized by Google

жели когда нибудь прежде, и если-бы сожалѣніе можно было перебить въ деньги. . . Боже милостивый! какъ богата сдѣлалась-бы госпожа Гейлигеръ!

Наконецъ, рѣшено было на самомъ дѣлѣ, что надобно чѣмъ нибудь пособить ей въ крайности. Въ слѣдствіе этого Доминусъ торжественно объявилъ въ первое воскресенье, что благочестивые его слушатели не должны отказать въ помощи бѣдной вдовѣ старушкѣ, и всѣ благочестивые слушатели тотчасъ изъявили самыми разительными словами свое участіе. Даже Альдерменъ Кобужъ Гроссбикъ и Герръ Милльдоллеръ, богатый Голландскій купецъ, встали съ своихъ скамеекъ и присоединили свои голоса къ Доминусову. Само по себѣ разумѣется, что состраданіе столь знаменитыхъ гражданъ было весьма важно. Докторъ Ниппергаузенъ тогда-же посѣтилъ по званію своему госпожу Гейлигеръ, ссудилъ ее, безъ всякой платы, множествомъ добрыхъ совѣтовъ и всѣ хвалили Доктора за его человѣколюбіе. А что дѣлалъ старый другъ, Питеръ Грудтъ? Что могъ сдѣлать этотъ бѣднякъ, и къ чему-бы годилось его состраданіе, увѣщаніе и совѣты! Да онъ и *не говорилъ* ни слова, а *сдѣлалъ* только что могъ: далъ у себя пріютъ бѣдной старушкѣ.

Къ смиренному жилищу Питера Грудта тихонько побрелъ Дольфъ. Идя, онъ

Digitized by Google

вспомнилъ всю нѣжность и любовь своей добродушной матери, ея снисходительность къ его проступкамъ, ея забывчивость его шалостей, и когда привелъ онъ себѣ на память свою безпечную, шалостливую жизнь, »я былъ негодяй!« вскричалъ онъ и печально опустилъ голову. »Такъ! признаюсь въ этомъ! Но,« прибавилъ Дольфъ, сложа руки и смотря на небо, »но пусть только она останется жива, пусть только будетъ жива . . . я докажу, что я сынъ, достойный своей доброй матери!«

Когда Дольфъ приближился къ дому Питера Грудта, старикъ этотъ вышелъ нечаянно изъ дверей и съ ужасомъ отступилъ отъ Дольфа, не зная: не привидѣніе-ли какое явилось передъ нимъ! Но какъ тогда было еще на дворѣ свѣтлёхонько, Питеръ скоро опомнился отъ ужаса, вспомнивъ, что мертвецы въ такую пору не ходятъ. Дольфъ узналъ отъ почтеннаго ключаря о страхѣ и слухахъ, какія произвела въ городѣ нечаянная пропажа его. Единогласно рѣшили всѣ, что Дольфа унесъ некошной, гостившій въ Заколдованномъ домѣ, и старикъ Абрагамъ Фанъ-Дозеръ, жившій неподалеку отъ ужаснаго этого дома, увѣрялъ, что въ ту самую ночь, когда пропалъ Дольфъ, слышенъ былъ въ воздухѣ страшный крикъ, точно, какъ будто огромное стадо дикихъ гусей летѣло подъ облаками. Въ слѣдствіе всего этого, на Заколдованный домъ начали

Digitized by Google

смотрѣть еще съ большимъ ужасомъ, нежели прежде. Ни за что въ свѣтѣ, никто не хотѣлъ уже въ немъ остаться на ночь, а Докторъ, даже и днемъ пересталъ туда ѣздить.

Надобно было взять нѣкоторыя предосторожности, чтобы матери сказать о пріѣздѣ Дольфа. Бѣдняжка уже считала его погибшимъ, а притомъ душа ея была еще безпрестанно терзаема усердіемъ посѣтителей и посѣтительницъ, приходившихъ къ ней съ разсказами о мертвецахъ и людяхъ, унесенныхъ нечистыми духами. Дольфъ нашелъ старушку въ постелѣ, съ послѣднимъ остаткомъ величія дома Гейлигеровъ, старымъ котомъ: бѣднякъ мурлыкалъ по прежнему, хотя въ пожарѣ спалилъ свои усы, придававшіе такое величіе его физіогноміи. Добрая старушка заплакала, крѣпко обвила руки свои около шеи Дольфа и только могла воскликнуть: »Дитя мое! ты еще живъ!« — На минуту, казалось, она забыла всѣ свои потери и несчастія, отъ радости, при видѣ сына. Старый котъ тотчасъ показалъ явные знаки, что и онъ радуется возвращенію молодаго своего хозяина.

Глаза старушки еще болѣе оживились, когда она увидѣла, что кромѣ ее самой, есть еще твореніе, которое радуется возвращенію ея сына. »Тибъ узналъ тебя! бѣдняжка!« сказала она, поглаживая шелковистую шерсть своего любимца; но вдругъ

Digitized by Google

поглядѣла на себя, печально опустила голову и прибавила: »Ахъ! милый мой Дольфъ! »матери твоей нечѣмъ будетъ помогать »тебѣ! не знаю, какъ я и сама буду пи»таться! Что-же будетъ съ тобою, дитя »мое!«

— Не говорите мнѣ объ этомъ, маменька! вскричалъ Дольфъ. Я долго былъ вамъ въ тягость, и теперь пришелъ мой чередъ успокоить васъ на старости. Ободритесь, не грустите! Вы, и я, и Тибъ доживемъ еще до веселыхъ дней. Вы видите, что я молодъ, здоровъ и крѣпокъ. Я не сомнѣваюсь, что все пойдетъ хорошо, и вѣрьте, что *той-ли дорогой, другой-ли, а на свѣтѣ все къ лучшему!*“

Пока все это происходило въ домѣ Питера Грудта, вѣсть долетѣла къ Доктору Ниппергаузену, что ученикъ его возвратился живъ и здоровъ по прежнему. Маленькій человѣчекъ самъ не зналъ: радоваться-ли ему или печалиться при этой вѣсти. Правда, появленіе Дольфа опровергало страшные разсказы объ его загородномъ помѣстьѣ, но ему, страхъ какъ досадно было, что ученикъ, отъ котораго онъ почиталъ уже себя освобожденнымъ, опять, какъ съ неба свалился, ему на руки. Такъ колебался Докторъ между двумя различными чувствами, пока совѣты Фрау Илзе рѣшили его, что гораздо выгоднѣе упереться на самовольное отсут-

ствіе Дольфа и захлопнуть ему навсегда двери.

Вотъ, къ тому времени, какъ, по всѣмъ разсчетамъ, бѣглый ученикъ долженъ былъ явиться на старое гнѣздо свое, все приготовлено было къ его принятію. Дольфъ наговорился съ своею матерью, успокоилъ ее, отправился къ дому своего quondam наставника и дрожащею рукою постучался въ двери. Едва только раздался первый, скромный ударъ его, какъ Докторова голова, въ красномъ спальномъ колпакѣ, высунулась въ одно окошко, а голова управительницы, въ бѣломъ ночномъ чепчикѣ, въ другое. Дольфъ осыпанъ былъ страшнымъ множествомъ упрековъ и выговоровъ, смѣшанныхъ съ неоцѣненными совѣтами, какими люди обыкновенно ссужаютъ друзей въ несчастіи и человѣка въ бѣдѣ. Черезъ нѣсколько минутъ не было ни одного окошка въ цѣлой улицѣ, въ которомъ не появилась-бы какая нибудь голова въ спальномъ колпакѣ и не слушала звонкое щебетанье Фрау Илзе и хриплое кваканье Доктора Ниппергаузена. Отъ окошка къ окошку летала одна рѣчь: »А! вотъ Дольфъ Гейлигеръ явился и хочетъ приняться за старое ремесло!“—Короче: бѣдный Дольфъ увидѣлъ, что отъ Доктора нѣчего ждать, кромѣ добрыхъ совѣтовъ: этого добра, видно такъ много было у Доктора, что онъ даромъ кидалъ его за окно. Дольфъ по неволѣ ударилъ отбой и

Digitized by Google

на ночь принужденъ былъ просить себѣ ночлега у честнаго Питера Грудша.

На слѣдующее утро, чуть забрежжилось, какъ Дольфъ былъ уже въ Заколдованномъ домѣ. Тамъ все осталось точно такъ, какъ было въ послѣдній его ночлегъ. Поле вокругъ заросло густою травою и по всему можно было замѣтить, что ни одна душа человѣческая не приближалась сюда во время Дольфова отсутствія. Съ трепещущимъ сердцемъ подошелъ онъ къ колодцу, заглянулъ въ него и увидѣлъ, что колодецъ этотъ глубокъ и что въ немъ есть вода. Дольфъ запасся уже крѣпкою хворостиною, подобною тѣмъ, какими удятъ рыбу на отмеляхъ Ньюфаундленскихъ. На ней прикрѣпилъ онъ грузильцо и крючокъ. Такимъ орудіемъ началъ Дольфъ мѣрять колодецъ и удить что попадется. Онъ увидѣлъ, что глубина воды въ колодцѣ порядочная и что камни, упавшіе сверху колодца, завалили его. Много разъ крючекъ цѣплялся тамъ за каменья и едва не изломалось удилище. Но вотъ Дольфъ зацѣпилъ и вытащилъ — черепъ конской, еще . . . стремена! Уже давно ловилъ Дольфъ, а ничего еще не поймалъ онъ такого, что-бы могло разогнать его сомнѣнія, или подкрѣпить надежды. »Какой-же я дуракъ“ (вскричалъ онъ)! »повѣрилъ моему бреду“ . . . Дольфъ рѣшился бросить крючекъ свой въ колодецъ и отказаться отъ всѣхъ надеждъ своихъ.

Digitized by Google

»Еще разъ !“ вскричалъ онъ, »это будетъ послѣдній !“ Дольфъ еще разъ опускаетъ крючекъ, чувствуетъ, что грузильцо тонетъ между каменьями, и когда онъ хочетъ тащить свое удилище назадъ, видитъ, что крючекъ зацѣпился за что-то тяжелое. Со всею осторожностію началъ онъ вытаскивать, боясь чтобы прутъ, который такъ и гнется, не изломался. Мало помалу, камни закрывавшіе то, что прицѣпилось къ крючку, развалились на всѣ стороны. Дольфъ вытащилъ свою добычу на поверхность воды и — какова была радость его, видя, что на крючкѣ висѣло что-то, блестящее, какъ серебро! Едва дыша, Дольфъ тащилъ свою добычу, удивлялся необыкновенной ея тяжести и страшась безпрестанно, что она сорвется съ крючка и бухнетъ опять въ воду. Наконецъ Дольфъ вытаскиваетъ ее изъ колодца благополучно: это большая серебряная миса, старинной формы, богатой отдѣлки и съ гербами, точно такими, какіе были на каминѣ въ домѣ госпожи Гейлигеръ. Вся миса эта опутана была накрѣпко проволокою. Дрожащею рукою Дольфъ распутываетъ проволоку . . . распуталъ . . . глядитъ: миса полнёхонька большихъ золотыхъ монетъ, такого чекана, какого Дольфъ до того времени и не видывалъ! Явно, что онъ нашелъ скрытное мѣсто, гдѣ старый Киліанъ Фанъ-деръ-Шпигель спряталъ свои сокровища.

Digitized by Google

Боясь, чтобы какой нибудь проходящій его не замѣшилъ, Дольфъ тотчасъ убрался отсюда тихонько и спряталъ свою драгоцѣнную мису въ самомъ сокровенномъ мѣстѣ. Онъ побѣжалъ въ городъ и началъ распускать самыя страшныя исторіи о Заколдованномъ домѣ, остерегая всякаго, что не должно даже и подходить къ нему близко, а самъ между тѣмъ въ ненастные дни, когда никого не было на окрестныхъ поляхъ, всегда бывалъ тамъ, потому что, надобно сказать правду, ночью и самъ Дольфъ не смѣлъ туда показаться. Въ первый разъ въ жизни сдѣлался онъ дѣятеленъ и трудолюбивъ, продолжалъ свое новаго рода ловленье, постоянно, съ успѣхомъ, и въ самое короткое время наловилъ столько денегъ, что въ тѣ умѣренныя времена, могъ на цѣлую жизнь свою сдѣлаться однимъ изъ богатѣйшихъ бургеровъ.

Разсказывать-ли подробно остальную исторію Дольфа? Сами догадаетесь, что помаленьку постарался онъ перепродать всѣ свои сокровища, не возбуждая ни удивленія ни подозрѣній; что наконецъ, удовлетворивъ всѣ опасенія свои, онъ зажилъ славно, женился на миленькой Маріи фанъ-деръ-Гейденъ, съ Герръ Антономъ жилъ душа въ душу и весело разъѣзжалъ съ нимъ по окрестностямъ Альбани и Мангаттое.

Впрочемъ, не льзя не досказать вамъ, что Дольфъ взялъ старушку мать свою къ себѣ въ домъ и, какъ самый добрый сынъ,

Digitized by Google

лелѣялъ ее въ преклонныхъ лѣтахъ. Госпожа Гейлигеръ насладилась наконецъ тою радостью, что о сынѣ своемъ ни отъ кого не слыхала зловѣщихъ толковъ; напротивъ, онъ каждый день болѣе и болѣе приходилъ въ общее почтеніе, всѣ хорошо говорили объ немъ и объ его винахъ, и самый гордый бургмейстеръ никогда не отказывался отъ приглашеній къ Дольфову обѣду. Часто Дольфъ за столомъ разсказывалъ о своихъ шалостяхъ, заставлявшихъ цѣлый городъ ненавидѣть его; но тутъ всѣ соглашались, что эти шалости были самыя остроумныя шутки, и гости, самые степенные и важные, хохотали до упаду, слыша разсказы весельчака Дольфа. Никто такъ не былъ изумленъ неожиданными достоинствами Дольфа, какъ старый наставникъ его, Докторъ Ниппергаузенъ, но Дольфъ такъ былъ не злопамятенъ, что сдѣлалъ его своимъ домашнимъ Докторомъ, взявъ однакожъ предосторожность выкидывать за окошко все, что ни предписывалъ Докторъ. Мать Дольфа часто собирала въ зимніе вечера старыхъ знакомокъ своихъ пить чай, въ веселой небольшой комнаткѣ своей, и когда Питеръ Грудпъ, сидя тутъ у огонька и качая на колѣняхъ внучка ея, поздравлялъ ее съ тѣмъ, что Дольфъ сдѣлался такимъ великимъ человѣкомъ, добрая старушка всегда съ удивленіемъ покачивала головою и отвѣчала: «Ахъ, ты сосѣдъ сосѣдъ! Да не говорила-ли я

Digitized by Google

тебѣ всегда, что Дольфъ право будетъ лучше всякаго другаго?“

Такъ-то поживалъ Дольфъ, радостно и благополучно, и чѣмъ старѣе и умнѣе онъ становился, тѣмъ веселѣе былъ и совершенно разрушилъ старое повѣрье, что *кладъ нейдетъ впрокъ*. Онъ употреблялъ свои деньги на добрыя дѣла, сдѣлался почетнѣйшимъ гражданиномъ, а наконецъ и членомъ правительства. Онъ былъ великій покровитель всѣхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій, какъ то: *Общества бифштекса* и *Клуба пѣсельниковъ;* почетное мѣсто отводили ему на всѣхъ общественныхъ обѣдахъ; онъ первый ввелъ въ употребленіе черепаховые супы, улучшилъ породу скаковыхъ лошадей и драчливыхъ пѣтуховъ, и всегдашнимъ былъ покровителемъ скромныхъ дарованій: кто умѣлъ спѣть застольную добрую пѣсню или разсказать хорошую исторію, могъ быть твердо увѣренъ, что за Дольфовымъ столомъ вѣрно найдется для него мѣсто.

Дольфъ былъ также членомъ Общественнаго Комитета, издавшаго полезныя учрежденія объ устрицахъ, и подарилъ городовому совѣту большую пуншевую чашу, сдѣланную изъ той серебряной мисы, которую Дольфъ вытащилъ прежде всего изъ колодца; чаша эта и теперь хранится, какъ драгоцѣнный подарокъ.

Digitized by Google

Наконецъ, тихо и весело скончался нашъ Дольфъ въ глубокой старости и съ величайшею почестью погребенъ былъ на кладбищѣ маленькой Люперанской кирхи въ Садовой улицѣ, гдѣ можете еще и теперь видѣть его памятникъ, съ скромною эпитафіею, написанною въ Голландскихъ стихахъ другомъ его Герръ Юстусомъ Бенсономъ, стариннымъ и превосходнымъ поэтомъ Мангаттойской области.

Повѣсть, слышанная вами отъ меня, основывается на самыхъ вѣрныхъ фактахъ, какіе едва-ли можно предъявить для всякой другой повѣсти въ этомъ родѣ. Почтенный дворянинъ Іосія Фанъ-деръ-Мееръ слышалъ ее отъ своего дяди, слышавшаго ее отъ самого Дольфа. Окончаніе своего разсказа Дольфъ довѣрялъ только, за величайшую тайну, немногимъ испытаннымъ друзьямъ, за собственнымъ своимъ столомъ, и за большою, вышеозначенною, пуншевою чашею, и какъ странны и неимовѣрны ни были по видимому подробности разсказа, но никогда и ни одинъ изъ слышавшихъ не показывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Да! я и забылъ было сказать вамъ, что Дольфъ почитался однимъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ стрѣлковъ изъ лука, въ цѣлой области.

(*Съ Англійск. F.*)

Digitized by Google

II. СМѢСЬ.

Журналистика.

Подписчикамъ *Журнала Прений* присланъ былъ въ прошломъ мѣсяцѣ пробный листокъ *Вѣстовщика* (le Nouvelliste), Ахенской Газеты, ежедневно издаваемой Бобаромъ, Редакторомъ и типографщикомъ. Этотъ журнальный образчикъ не прельстителенъ и вѣроятно никого у насъ не соблазнитъ на подписку. Такъ и быть, ради домашняго издѣлья, можно подписываться на свои и худые Журналы; но кто-же велитъ за свои деньги покупать чужое, когда оно нехорошо? *Вѣстовщикъ* наружностью походитъ на Франкфуртскій Журналъ, но хуже напечатанъ; порядокъ внутренній, кажется, очень сбивчивъ; тому, который спроситъ о духѣ этой Газеты, можно отвѣчать, что образчикъ, намъ доставленный, надушенъ пространною статьею о происхожденіи, родословіи, качествахъ, и проч. и проч., трюфелей, которою, или которыми поживился одинъ изъ ученѣйшихъ Журналовъ нашихъ. Вотъ что называется лакомиться добромъ на перехватъ и не давать ничему спуска!

Между провинціяльными Французскими Журналами встрѣчаются такіе, которые могутъ поспорить въ достоинствѣ и съ столичными, или, по крайней мѣрѣ, идти непосредственно за ними. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ выходившихъ въ свѣтъ въ прошломъ году: *Просвѣтитель Роны* (l'Eclaireur du

Digitized by Google

Rhône), *Независимый* (l'Indépendant), печатались въ Лионѣ; *Указатель Бордосскій* (l'Indicateur Bordelais), *Журналъ Тулузскій* (le Journal de Toulouse), *Сѣверное Эхо* (l'Echo du Nord), *Другъ Хартіи* (l'Ami de la Charte), выходившіе въ Клермонъ-Фарранѣ и въ Нантѣ и *Листокъ Камбрейскій* (la Feuille de Cambrai). Впрочемъ, провинціяльные Журналы, также, какъ и Парижскіе, раздѣлены на мнѣнія. Правительство, по числу подписчиковъ каждаго Журнала, можетъ такимъ образомъ, безъ лишнихъ издержекъ и трудовъ, судить о большинствѣ голосовъ за такое-то или другое мнѣніе. Періодическія изданія, здѣсь упомянутыя, были въ большомъ расходѣ, за постоянное направленіе ихъ къ пользѣ общественной, за неуклонное служеніе истинѣ распространеніемъ мнѣній благонамѣренныхъ, тѣсно сопряженныхъ съ благосостояніемъ гражданскимъ и государственнымъ.

Подписчики *Кормчаго*, прекращеннаго, получаютъ въ возмездіе *Французскую Газету* (la Gazette de France); слѣдовательно: подозрѣнія наши и опасеніе, что подписныя деньги пропадутъ безъ зачета, оказались несправедливыми. *Французская Газета* слыветъ во Франціи Іезуитскою газетою. У насъ, слава Богу, Іезуитовъ нѣтъ, и по этому намъ до ееократическихъ мнѣній ея дѣла мало. Но все-же имѣетъ она болѣе правъ на любопытство наблюдателей, потому, что она рѣшительнѣе и въ своемъ направленіи прямѣе *Кормчаго*, который всегда лавировалъ и держался береговъ. Мы будемъ по временамъ знакомить читателей Телеграфа

Digitized by Google

съ листками Французской Газеты, а на первый разъ почерпнемъ въ ней примѣчательный отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, В. Скоттомъ изданной. Читателямъ Журналовъ извѣстно, что новый Историкъ нанесъ въ сочиненіи своемъ тяжкое обвиненіе на Генерала Гурго, приверженца Наполеона, товарища его въ ссылкѣ и извѣстнаго военными сочиненіями; что Генералъ написалъ очистительное опроверженіе; что В. Скоттъ подтвердилъ свой приговоръ и представилъ историческіе доводы. Изъ Журналовъ не видимъ полнаго слѣдствія и производства любопытной тяжбы, и потому не пристаемъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ, хотя для чести человѣчества и торжества неизмѣнной вѣрности несчастію, желаемъ Генералу Гурго оправдаться и разсѣять подозрѣнія, затмѣвающія блескъ его прежней жизни. Вотъ пока сущность тяжбы;

„Генералъ Гурго (слѣдуя за Наполеономъ на островъ Св. Елены) оставилъ во Франціи мать и сестру, нѣжно его любившихъ и къ которымъ онъ былъ сердечно привязанъ. Изъ дружбы къ нимъ и въ слѣдствіе желанія ихъ увидѣться съ нимъ, Генералъ Гурго захотѣлъ возвратиться въ свое отечество. Ревность и несогласія, господствовавшія между имъ и Графомъ Бертраномъ, еще болѣе утвердили его въ этомъ намѣреніи: онъ просилъ Губернатора и получилъ отъ него позволеніе ѣхать прямо въ Лондонъ. Оставляя островъ Св. Елены, говорилъ объ Сиръ-Гудзонъ-Лоу и Барону Стюрмеру, Австрійскому Коммисару, о тайныхъ надеждахъ и планахъ, коими занимались въ Лонгвудѣ. Пріѣхавъ въ Англію, весною 1818 года, онъ не менѣе откровененъ былъ съ Правительствомъ и увѣдомилъ его о разныхъ

Digitized by Google

предположеніяхъ побѣга, кои были представлены Наполеону, о удобствахъ и затрудненіяхъ сихъ плановъ и о причинахъ, побуждавшихъ Наполеона предпочесть пребываніе на островѣ покушеніямъ побѣга. Тогда думали, что Генералу Гурго хотѣлось попасть въ милость у Короля Французскаго; какъ-бы то ни было, какія ни были-бы его собственныя намѣренія, но черновыя подлинныя извѣщеній, данныхъ имъ Сиръ Гудзонъ-Лоу, Барону Стюрмеру и послѣ въ Лондонѣ Вице-Секретарю военному, хранятся въ архивахъ: извѣщенія сіи сходствуютъ между собою и достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію (et leur authenticité ne sauroit être mise en question). Всѣ подробности означены съ величайшимъ тщаніемъ; но въ именахъ соблюдена строжайшая осторожность, съ тѣмъ, чтобы никто не могъ подпасть отвѣтственности по приведеннымъ показаніямъ. Вообще эти подлинныя черновыя носятъ на себѣ, какъ и ожидать должно, отпечатокъ чистоты и правды.

„Намъ часто будетъ случай ссылаться на сіи документы, съ тѣмъ, чтобы читатель могъ противупоставить истинныя намѣренія Наполеона, рѣчамъ, способствующимъ ему для достиженія своей цѣли. Мы узнаемъ, что Генералъ Гурго, возвратившись на твердую землю, принялся за прежнюю свою нѣжность къ памяти Императора, и вѣроятно теперь жалѣетъ, что сообщилъ тайны заточенія его, ушамъ не совсѣмъ дружелюбнымъ; но сія перемѣна въ чувствахъ не можетъ ни сколько ослабить истины свидѣтельства его, ни уничтожить права нашего предать гласности доставленныя отъ него свѣдѣнія“ (томъ XVIII, глава 5, изданіе in 12).

Digitized by Google

»Генералъ Гурго (прибавляетъ къ тому Газета Лионская, изъ коей почерпнута статья сія во Французскую Газету) не можетъ-ли къ оправданію своему сказать, что личная преданность особѣ Наполеона не ослѣпляла его до той степени, что онъ готовъ былъ принесть въ жертву сему человѣку спокойствіе и выгоды Европы, которую новое покушеніе, подобное Эльбскому, могло еще разъ предать пламени?“

Едва-ли и это оправданіе очистило-бы обвиненнаго. Генералъ Гурго могъ, не входя въ разногласіе съ совѣстью своею, отклонить-ся отъ соучастія въ исполненіи предположеній, которыя казались ему предосудительными, но ничто не должно было побудить его предать человѣка, уже и такъ судьбою справедливо преданнаго, когда этотъ человѣкъ, уповая на свидѣтельства самоотверженія и величайшихъ пожертвованій, ему въ дань принесенныхъ Генераломъ Гурго и малымъ числомъ его товарищей, повѣрялъ имъ тайныя помышленія свои, какъ друзьямъ испытаннымъ въ горнилѣ несчастія, имъ общаго. Довольно найдется людей, которые во всѣхъ случаяхъ готовы поступать по разсчетамъ благоразумія и такъ называемой повелительной необходимости, но весело и утѣшительно встрѣчать изрѣдка исключенія, увлекающіяся романтизмомъ сердца, когда дѣло идетъ о своей собственной опасности и о вѣрности къ благодѣтелю въ несчастіи.

Digitized by Google

Какъ-же не признать, что есть *согласіе геніевъ*, по крайней мѣрѣ эпическихъ! Господа Критики! судите сами. Едва появилась у насъ *Александроида*— и у Французовъ печатные станки также застонали подъ поэмою въ двадцати четырехъ пѣсняхъ: *Александреида или отомщенная Греція*, сочиненіе Сильвана Фалантея. Александръ Македонскій, герой Фалантея-Омира. Не только *согласіе* въ подвигѣ, но и въ пріемахъ: и Французской поэмы на первый случай показалась только голова, изъ десяти пѣсней составленная, а хвостъ потянется въ непродолжительномъ времени. *Французская Газета* отзывается съ похвалою о представленномъ образцѣ: но отзывается-ли кто съ похвалою о литературномъ вкусѣ Французской Газеты? Вотъ вопросъ. И у насъ одинъ Журналъ ахалъ въ восхищеніи . . . Вотъ и здѣсь *стачка* журнальная! »N. N. ручается за умъ такого-то, «говорилъ П. . . ., а кто »ручается за умъ N. N.?« спросилъ онъ съ живостью.

На горизонтѣ Литтературы Французской еще носится эпическая туча: *Кловисіада*, героическая поэма, въ двадцати четырехъ пѣсняхъ Охота было Омиру подавать такой несчастный примѣръ! Сочинитель этой поэмы какой-то *Дародъ-де Лильбонъ*. Откуда берутся эти дородные Эпики? Достойно замѣчанія, что худые поэты принимаются охотнѣе хорошихъ запоэмы, трагедіи и Геркулесовскіе подвиги поэтическаго міра. Какъ часто тотъ, кто не чувствуетъ въ себѣ силы написать изящное посланіе, остроумную эпиграмму, замысловатую пѣсню, приступаетъ къ комедіи въ пяти актахъ,

Digitized by Google

въ стихахъ, чтобы запугать огромнымъ предпріятіемъ добросердечныхъ судей, которые спѣшатъ посторониться почтительно предъ пышнымъ цугомъ Парнасскаго Бригадира, только не Фонъ-Визинскаго.

Журнальный сыщикъ.

Парижскія моды (*).

Le gros de Naples uni ou broché, le mérinos broché, la popeline unie, la bourre de soie, sont les étoffes des robes et des redingotes. On voit plus de robes à carreaux que de robes à raies et à pois. Les étoffes rayées, dites *osagiennes* ou *missouriennes* ressemblent beaucoup aux *calmandes* qui étaient à la mode dans la jeunesse de la plus que centenaire Elisabeth Durieux. — Ventre de girafe, ou brun-osage, vert-antique sont les couleurs à la mode pour les robes de mérinos. Les volans sont brodés en soie de la même nuance. — Le matin, en négligé, les merveilleuses et les jeunes personnes portent des tabliers très-étroits et très-courts, *à la provençale*, en taffetas à carreaux. Ces tabliers, froncés du haut, sont dentelés tout autour, ou bordés d'une ruche découpée; ils ont deux petites poches. — Déjà, le soir, au spectacle, et même l'après-midi à la promenade, les élégantes ont repris leur *boa* de martre. — Les chapeaux de satin noir commencent à devenir nombreux : les uns sont garnis d'un grand biais qui entoure la forme et qui est doublé, ainsi que la passe, en satin couleur de feu.

(*) До ао Октября, 1827 г.

Digitized by Google

Souvent ce biais figure par devant, un croissant. A droite et à gauche, au bas de la forme, sont placés deux plumets couleur de feu, en plumes lisses. — Quelques chapeaux habillés, en velours noir ou jaune-girafe ont, au haut de la forme, deux plumets blancs, et entre ces plumets une longue plume blanche. Une rosette, ou plutôt une large cocarde en ruban de satin agrafe à la fois les plumets et la plume — Parmi les fleurs de fantaisie qui servent à orner des chapeaux et des bérets, nous citerons de l'avoine à feuilles d'or et à grains noirs; de la fougère dont la tige est en soie jaune-orange, et dont les feuilles sont en plumes noires; enfin une fleur, dont les tiges nombreuses et menues sont terminées par de petites boules noires et brillantes.— Grand nombre de bérets en gaze-mousseuse, en gaze-neige, en gaze-damassée, sont composés de grand plis, qui forment comme trois éventails. Entre ces plis on place les fleurs de fantaisie que nous venons de décrire, et de plus des cerceaux de ruban ou des rouleaux de satin. — Les merveilleux portent des boutons de chemise en cornaline rouge taillée à facettes. — Les nouveaux lorgnons sont à deux verres, se plient et se replient, pour entrer dans un étui d'écaille, d'où on les fait sortir en poussant un petit bouton d'or. L'étui doit être très étroit; les verres doivent le dépasser de chaque côté. On ne dit plus mon lorgnon, mais mon binocle.

Digitized by Google

Гроденапль, гладкій или вышитый, мериносовая ткань, вышитая, поплинъ гладкій, бур-де-суа — вотъ матеріи для платьевъ и реденготовъ. Платьевъ изъ матерій съ квадратами болѣе видно, нежели изъ матерій съ полосками и кружечками. Матеріи полосатыя, называемыя *Озажскими*, или *Миссурскими*, походятъ на *Кальмандскія*, бывшія въ модѣ лѣтъ за сто. — Цвѣтъ: *брюхо жирафа*, темно-озажевый и зеленый цвѣтъ змѣевика — вотъ модные цвѣта для платьевъ изъ мериносовой ткани. Воланы на нихъ вышиваютъ шелкомъ такого-же оттѣнка, какъ платье. — Утромъ, *запросто*, щеголихи и молодыя особы носятъ узенькіе, коротенькіе передники *Провансальскіе*, изъ тафты съ квадратами: они дѣлаются съ двумя карманчиками; сверху въ складкахъ; края ихъ вырѣзаны зубчиками, или обшиты срѣзаннымъ рюшемъ. — По вечерамъ, въ театръ, и даже послѣ обѣда на прогулкахъ, щеголихи начали уже носить тумаковыя *боа*.

Атласныя, черныя шляпки входятъ болѣе и болѣе въ употребленіе; иныя изъ нихъ убираютъ большимъ косякомъ, окружающимъ тулью и подбитымъ, также, какъ и поля шляпки, атласомъ огненнаго цвѣта; иногда косякъ этотъ составляетъ напереди шляпки полумѣсяцъ. Направо и налѣво, внизу тульи, два плюмажа изъ гладкихъ перьевъ, огненнаго цвѣта. — На нѣкоторыхъ нарядныхъ шляпкахъ, изъ бархата, цвѣта чернаго, или желто-жирафоваго, въ верху тульи, видите два бѣлые плюмажа и между ними длинное бѣлое перо. Розетка, или лучше сказать, широкая кокарда изъ атласныхъ лентъ служитъ аграфомъ, и плюмажамъ и перу. — Изъ

Digitized by Google

числа выдуманныхъ цвѣтовъ, служащихъ къ украшенію шляпокъ и беретовъ, упомянемъ объ овсѣ, съ золотыми листочками и черными зернушками; о папоротникѣ, у котораго стебелекъ шелковый, цвѣта желто-оранжеваго, а листочки изъ черныхъ перьевъ; наконецъ, объ одномъ цвѣточкѣ, у котораго многочисленные тоненькіе стебельки оканчиваются черными, блестящими шариками. — Большое число беретовъ изъ *пѣнистаго газа*, изъ *газа снѣжнаго*, изъ *газа камчатнаго*, состоитъ въ большихъ складкахъ, образующихъ, какъ будто три вѣера. Между сими складками находятся выдуманные цвѣты, о коихъ мы говорили, и сверхъ того, обручики изъ лентъ, или атласные витки.

Щеголи носятъ на рубашкахъ пуговки изъ краснаго, граненнаго à facettes, сердолика (корналина). — Новые лорнеты, съ двумя стеклами, складываются такъ, что легко можно помѣстить ихъ въ черепаховый футлярчикъ; стекла выходятъ, если подавите золотую пуговку на футлярчикѣ, который долженъ быть весьма плоскій. Стекла должны быть видны изъ него съ обѣихъ сторонъ. Теперь нѣтъ уже въ употребленіи слова: *lorgnon*, но говорятъ: *binocle*.

На страницѣ 119 й No 18 го Телеграфа, въ строкѣ 29 й, вмѣсто: *зелено-сѣрымъ* цвѣтомъ должно быть: *цвѣтомъ примѣдянки*.

Digitized by Google

На приложенной картинкѣ:

Атласная шляпка, убранная блондами, перьями и вѣнкомъ изъ гранатъ. Платье изъ морелевой матеріи; уборка: воланы, окруженные дугами изъ шелку.

Digitized by Google

Въ Парижѣ 10 Октября, 1827 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЕ

о вновь вышедшемъ Медицинскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ:

ВРАЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ,

издаваемомъ Докторомъ Медицины М. Маркусомъ, Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ, Московской Голицинской больницы Инспекторомъ.

Врачебная Наука и Искусство, основываясь на познаніи законовъ природы и ея дѣйствій на человѣческое тѣло, какъ въ здоровомъ такъ и болѣзненномъ состояніи, — представляетъ въ наши времяна кругъ свѣденій, распространяющій свои предѣлы ежедневно болѣе и болѣе отъ умножающихся наблюденій и опытовъ. На сихъ послѣднихъ съ отдаленнѣйшихъ временъ основывалось искусство врачевать, а посему, всякой новый опытъ, всякое новое наблюденіе, должно необходимо упрочивать сіе основаніе. Врачь, преслѣдующій усовершенствованіе своей науки, долженъ необходимо знать перемѣны, случающіяся въ кругу оной; но часто встрѣчаетъ къ тому большія затрудненія; ибо новѣйшія наблюденія и опыты заключаются, или въ особыхъ твореніяхъ, или въ періодическихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, коихъ пріобрѣтеніе стоитъ значительныхъ издержекъ.

Желая, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать къ устраненію столь важнаго препятствія къ распространенію врачебныхъ свѣденій въ нашемъ Отечествѣ, нижеподписавшійся намѣренъ издавать Медицинское сочиненіе подъ заглавіемъ: Врачебныя Записки, коего главнѣйшею цѣлію будетъ: собирая истинно-полезныя врачебныя свѣденія,

Digitized by Google

разсѣянныя по многочисленнымъ Иностраннымъ, особенно же періодическимъ сочиненіямъ передавать ихъ въ крашнихъ, но обѣемлющихъ сущность предмѣта извлеченіяхъ на языкѣ отечественномъ.

Другое, не менѣе полезное назначеніе сихъ Записокъ есть то: чтобы сдѣлать оныя со временемъ хранилищемъ наблюденій отечественныхъ Врачей.

Предмѣтомъ сихъ Записокъ будутъ Врачебная Наука и Искусство во всей обширности, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Практическая часть Медицины какъ полезнѣйшая представлялась преимущественно вниманію читателя, Теоретическая же ограничивалась бы только необходимымъ изложеніемъ тѣхъ предметовъ, кои нужны для Медицины основанной на опытахъ и наблюденіяхъ, путеводимыхъ здравымъ и строгимъ сужденіемъ.

Источники, изъ коихъ почерпнутся сообщаемыя свѣденія, кромѣ оригинальныхъ классическихъ твореній, будутъ всѣ лучшія иностранныя Періодическія изданія, Медицинскаго содержанія.

Статьи помѣщаются въ двухъ слѣдующихъ отдѣленіяхъ: первое отдѣленіе, заключая науки собственно Медицинскія, будетъ содержать статьи: изъ Патологіи, Терапіи, Хирургіи, Акушерства, Судебной Медицины, Медицинской Полиціи, Науки о Женскихъ, Дѣтскихъ и Глазныхъ болѣзняхъ. Во второе отдѣленіе, предназначаемое для вспомогательныхъ наукъ Медицины, помѣщаются статьи изъ разныхъ отраслей Естествовѣденія, какъ въ отношеніи Физіологическомъ такъ и Фармакологическомъ.

Въ заключеніи сообщаемы будутъ Литературныя, библіографическія. и разнаго содержанія любопытныя извѣстія.

Digitized by Google

Сочиненіе сіе издаваемо будетъ въ неопредѣленное время книжками, заключающими не менѣе 12 листовъ. — Благосклонное приняшіе онаго опредѣлитъ число книгъ, долженствующихъ выдши въ продолженіи будущаго 1828 года, впрочемъ Издашель предполагаетъ издавашь оныхъ до трехъ.

Цѣна каждой книжки или часши 5 руб. ассигнац.

Первая часшь уже выпла изъ печаши и роздаешся у Гна Полеваго, въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, на большой Дмишровкѣ въ домѣ Г. Селивановскаго, гдѣ принимаешся подписка и на слѣдующія часши. —

Д. М. Маркусъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

О

Продолженіи

МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

Ободренный трехъ-лѣтнимъ, постояннымъ вни-
маніемъ Публики и Литтераторовъ отечествен-
ныхъ и иностранныхъ, нижеподписавшійся будетъ
продолжать изданіе *Московскаго Телеграфа* и въ
будущемъ 1828 году.

Цѣль сего Журнала остается прежняя: по возмо-
жности полное изображеніе современнаго состоя-
нія Наукъ и просвѣщенія, въ Россіи и иностран-
ныхъ государствахъ, и взглядъ на успѣхи ума че-
ловѣческаго по главнѣйшимъ отраслямъ знаній. Но
какъ бы соединить пользу съ удовольствіемъ, Теле-
графъ заключаетъ въ себѣ отдѣленіе Изящной
словесности, Разныя Извѣстія и Смѣсь.

Расположеніе Телеграфа, заслужившее одобреніе
просвѣщенной Публики, остается прежнее.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА. Оригинальныя и
переводныя изъ новѣйшихъ иностранныхъ книгъ и
Журналовъ статьи, касательно Изящныхъ Ис-
кусствъ, Историческо - Политическихъ знаній
какъ-то: Исторіи собственно, Исторической Кри-
тики, Археологіи, Статистики, Политической
Экономіи, и проч).

II. КРИТИКА. Разборы важнѣйшихъ новыхъ
сочиненій, отечественныхъ и иностранныхъ, на-
сательно историческихъ и другихъ знаній; также
разборы важнѣйшихъ произведеній Изящной Слове-
сности, въ Литтературахъ: Русской, Французской,
Нѣмецкой, Англійской, Польской.

III. БИБЛІОГРАФІЯ. Извѣстія о новыхъ кни-
гахъ, издаваемыхъ въ Россіи, съ краткими о нихъ
замѣчаніями.

Библіографическія извѣстія о замѣчательнѣй-
шихъ явленіяхъ иностранныхъ Литтературъ.

Журналистика или разсмотрѣніе современныхъ
Журналовъ, отечественныхъ и иностранныхъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ. Историче-
скія обозрѣнія важнѣйшихъ событій современныхъ;
біографіи и некрологіи знаменитыхъ современни-
ковъ; ученыя извѣстія; новыя открытія, изобрѣте-
нія; путешествія. Вообще, въ семъ отдѣленіи при-
ложено будетъ стараніе (исключая политическія
извѣстія и изслѣдованія) представить картину
современной Исторіи, Географіи и Статистики.

Digitized by Google

V. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Произведенія, въ стихахъ и прозѣ, отечественныхъ Литераторовъ; Русскія повѣсти; отрывки изъ новѣйшихъ романовъ и повѣсти извѣстныхъ иностранныхъ писателей; нравы и проч.

VI. СМѢСЬ. Разныя литературныя извѣстія; переписка; извѣстія о театрахъ, о замѣчательныхъ событіяхъ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ мѣстахъ нашего отечества; Французскія и Англійскія моды, съ картинками новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, дамскихъ и мужскихъ. *Картинокъ приложено будетъ* (какъ прежде) *въ теченіе года тридцать шесть.*

Въ 1-мъ *отдѣленіи*, Издатель, сверхъ другихъ предметовъ, обратитъ вниманіе читателей на отечественныя фабрики, заводы, мануфактуры и коммерцію. — Военная исторія также доставитъ много матеріаловъ. — Событія прежнихъ временъ будутъ иногда представляемы въ занимательныхъ историческихъ повѣствованіяхъ.

Въ 3-мъ *отдѣленіи*, Издатель постараѣтся, сколько возможно полнѣе, помѣстить библіографію *всѣхъ Русскихъ книгъ и Журналовъ*, включая книги и Журналы, выходящіе въ Остъ-Зейскихъ и Польскихъ областяхъ Россійской Имперіи, для чего приняты Издателемъ предваритльныя мѣры.

Телеграфъ въ теченіе трехъ лѣтъ былъ украшаемъ произведеніями отличнѣйшимъ Литераторовъ нашихъ. Издатель надѣется, что и на будущее время они не оставятъ украшать Телеграфъ своими произведеніями. — Издатель имѣетъ нѣсколько драгоцѣнныхъ и донынѣ неизвѣстныхъ произведеній прежнихъ знаменитыхъ нашихъ писателей, также многіе историческіе акты и памятники, кои будутъ помѣщены въ Телеграфѣ.

Съ Новаго года будетъ еще издаваемо, при каждой книжкѣ Телеграфа, особенное Прибавленіе подъ названіемъ: *Изображенія новѣйшихъ мебелей, экипажей, уборки комнатъ, образцовъ матерій, узоровъ для шитья*, и проч. и проч. — Самое названіе показываетъ цѣль сего *прибавленія*: она состоитъ въ томъ, чтобы нашимъ фабрикантамъ, мастерамъ мебелей и экипажей и другимъ художникамъ доставить образцы, могущіе руководствовать ихъ вкусомъ и показывать имъ новѣйшія произведенія фабрикантовъ и художниковъ Парижскихъ, Лондонскихъ и Вѣнскихъ. При усовершенствованіи отечественныхъ издѣлій, мы чувствуемъ недостатокъ подобнаго изданія. У насъ есть превосходные

Digitized by Google

ашера и художники; только за недостаткомъ но-
вѣйшихъ фасоновъ и образцовъ, они отстаютъ
тъ иностранцовъ. Желая принесть всевозмож-
ую пользу въ семъ отношеніи, Издатель Теле-
рафа полагаетъ такую цѣну за *Прибавленіе*, кото-
ая только окупила-бы собственныя его издержки
а выписку иностранныхъ журналовъ, нарочно для
его предмета, гравировку и раскрашиванье рисун-
овъ. *Прибавленіе можно получать и отдѣльно отъ
Телеграфа.*

Цѣна Телеграфа, *отдѣльно отъ Прибавленія*,
тается прежняя: за 24 книжки, съ 36 картинка-
и Парижскихъ модъ, дамскихъ и мужскихъ, и дру-
ими гравюрами, снимками почерковъ, поршрета-
и и картами, *въ Москвѣ, тридцать пять рублей
ассигнаціями; съ пересылкою*, во всѣ другіе города
оссійской Имперіи, *сорокъ рублей ассигнаціями.*
Цѣна Прибавленія, *отдѣльно отъ Телеграфа*,
4 картинки, хорошо гравированныя и раскрашен-
ыя, съ описаніями), *въ Москвѣ, десять рублей ассиг-
націями; съ пересылкою*, во всѣ другіе города Рос-
йской Имперіи, *пятнадцать рублей ассигнаціями.*
Но особы, выписывающія Телеграфъ, *въ Москвѣ
съ пересылкою, платятъ за Прибавленіе только
ять рублей ассигнаціями*, то есть: *за Телеграфъ и
рибавленіе въ Москвѣ сорокъ рублей; съ пересылкою
орокъ пять рублей.*

Желая привесть въ лучшій порядокъ разсылку
елеграфа и доставить болѣе удобства подписчи-
амъ при раздачѣ книженъ, Издатель учредилъ
дѣсь въ Москвѣ особенную *Контору Телеграфа*, въ
артирѣ своей, состоящей *на Дмитровкѣ, въ домѣ
-жи Селивановской, подъ № 58*; входъ въ Контору
улицы, подлѣ ворота. Въ сію Контору благово-
тъ адрессовавшіеся особы живущія въ Москвѣ и ино-
родныя, которыя могутъ также выписывать
елеграфъ чрезъ Газетную Экспедицію Москов-
каго Почтамта. Въ Санктпетербургѣ подписка
инимается у Книгопродавца А. Ф. Смирдина, въ
абліошенѣ для чтенія, подлѣ Синяго моста. Всѣ
исьма, посылки и требованія на имя Издателя
елеграфа, благоволятъ адрессовать въ вышеозна-
енную Контору Телеграфа.

Н. Полевой.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Содержаніе и форма Изящной Словесности (*).

Если Изящная Словесность возможна, какъ наука, то она должна имѣть извѣстное *содержаніе* и *форму*.

Мы принимаемъ изящное за совокупность истины и доброты; а изящными произведеніями почитаемъ тѣ творенія духа, въ которыхъ видимъ совокупность безконечныхъ идей съ конечными формами. Изъ сего начала предлежитъ намъ вывести рѣшеніе нашего предложенія.

Первое дѣйствіе разумнаго существа, начало всѣхъ прочихъ дѣйствій, есть *самопознаніе*; безъ самопознанія мы не могли-бы отличать себя отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Вмѣстѣ съ познаніемъ о томъ, что мы существуемъ,

(*) Статья, содержащая продолженіе изслѣдованій о Теоріи Изящныхъ Искуствъ, начатыхъ въ No XVI. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

рождается познаніе и о томъ, что внѣ насъ существуютъ предметы. Изъ сего заключаемъ, что *познавать* и *существовать*, или знаніе и бытіе сливаются и одно другимъ опредѣляется; такія понятія называются *тожественными*.

Самопознаніе, обнаруживающееся въ умѣ, волѣ и чувствѣ, называемъ *мыслью*; ибо познавать, дѣйствовать и чувствовать есть потребность мыслящаго существа. Мысли, служащія первообразами во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческаго духа, суть идеи. Разсмотрите все разнообразіе человѣческихъ наблюденій, дѣяній и произведеній: найдете, что мудрецы изыскиваютъ предвѣчныя идеи въ видимой природѣ; законодатели стремятся обратить дѣянія въ идеи; наконецъ писатели и художники соединяютъ безконечныя идеи съ конечными формами. Какая цѣль трудовъ и подвиговъ Великаго Петра или Фридриха? Приведеніе всѣхъ и каждаго къ совершенству идеальному. Какое заключеніе всѣхъ изслѣдованій Ньютона и Лапласа? Существованіе въ природѣ единаго закона, по которому вращаются тѣла небесныя и происходятъ явленія на нашей планетѣ и котораго идея первоначально существуетъ въ умѣ нашемъ. Что представляютъ намъ произведенія Омира, Рафаеля, Моцарта? Безконечныя идеи истины и доброты, выраженныя или словомъ, или образами, или звуками. Въ дѣяніяхъ вели-

Digitized by Google

кихъ, въ наукахъ, словесности и искуствахъ, видно развитіе мыслящаго существа; простолюдины почитаютъ оныя токмо средствами для пріятностей жизни, а просвѣщенные принимаютъ ихъ за цѣль жизни духовной.

Мысль, обращенная на природу и согласующая представленія свои съ бытіемъ всего насъ окружающаго, становится способностью познавательною, умомъ, котораго характеръ есть истина. Мысль, обращенная на себя отъ существенности, переходитъ въ способность хотѣнія, волю, которой отличительное свойство доброта. Соединеніе мысли съ видимыми формами предметовъ природы есть твореніе искуства, котораго признакъ изящество.

Видимые предметы заключаются въ извѣстномъ пространствѣ; ощущаемыя явленія происходятъ въ извѣстномъ времени: отъ того мы называемъ и тѣ и другія конечными. Мыслъ, свѣтъ міра духовнаго, внѣ пространства и времени, и потому называется безконечною. Сверхъ сего міръ физическій представляется въ разнообразіи; духъ всегда являетъ единство. По симъ предположеніямъ, мы можемъ выразиться такимъ образомъ: истина есть отношеніе безконечнаго къ конечному, или единства къ разнообразію; доброта — конечнаго къ безконечному, или разнообразія къ единству; наконецъ изящество —

Digitized by Google

совокупность безконечнаго съ конечнымъ, или единство въ разнообразіи.

Изъ сего явствуетъ, что изящное не есть истина; оно не есть также и доброта, но полное соединеніе той и другой. Высокія умозрѣнія и добродѣтельные подвиги еще не составятъ произведенія изящнаго; для сего потребны такія явленія, въ коихъ соединяются силы умственныя и нравственныя. Если истинѣ приписываемъ мы условіе необходимости, добротѣ — условіе пользы: то изящное и необходимо и полезно.

Совершеннѣйшее выраженіе мысли есть слово; но мысленіе заключаетъ въ себѣ дѣйствія ума, воли и чувства; посему въ словѣ выражается умъ, воля и чувство. Система таковыхъ выраженій или знаковъ составляетъ языкъ. Выраженіе мысленія всѣхъ и каждаго, говорящаго какимъ-либо языкомъ, содержится въ Словесности.

Все, происходящее во времени и являющееся въ пространствѣ, равно самое пространство и время, могутъ быть предметомъ Словесности. Всякое мысленіе по какому-либо изъ сихъ предметовъ есть произведеніе *Словесности*. Но таковыя произведенія представляютъ одни только снимки съ человѣка или природы; напротивъ творенія, носящія на себѣ отпечатокъ духа и выраженныя способами, изъ природы заимствованными — сіи творенія принадлежатъ къ искусству изящ-

Digitized by Google

наго. Подражаніе звукамъ, какіе слышимъ, и очертаніямъ, какія встрѣчаемъ въ природѣ, не составитъ Музыки и Живописи; но Гайденова мысль сотворенія міра, звуками выраженная, или Рафаелева Мадонна, въ образѣ смертнаго представленная — суть изящныя произведенія Музыки и Живописи. Такъ и сочиненія по Натуральной Исторіи, Анатоміи, Психологіи, Физикѣ, Математикѣ, заключающіяся въ области Словесности, не принадлежатъ къ Изящной Словесности: это изложеніе представленій и понятій, составляющихъ область ума. Но мысль наша имѣетъ высшія созерцанія, кои будучи облечены въ формы видимыхъ предметовъ, представляютъ идеалы: *изображеніе* сихъ *идеаловъ посредствомъ слова есть предметъ Изящной Словесности.* Очевидно, что здѣсь нѣтъ подражанія; напротивъ, это отраженіе человѣческаго духа, безсмертнаго, безконечнаго.

Разсматривая произведенія Изящной Словесности, находимъ, что они обратны прочимъ произведеніямъ Словесности: въ нихъ поступаемъ не отъ предметовъ къ представленіямъ, не отъ многоразличія къ единству, но отъ созерцанія къ предметамъ, отъ единства къ многоразличію. Сочиненія, взятыя по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ и содержащіяся въ области Словесности, заключаютъ или описанія того, что суще-

Digitized by Google

ствуетъ, или того, что должно быть; произведенія-же Изящной Словесности показываютъ вмѣстѣ и что есть, и что должно быть, или короче, что возможно; ибо возможность есть совокупность дѣйствительности существенной и необходимости умственной. Характеры эпопеи, чувствованія оды, дѣйствія драмы, не имѣя ничего совершенно соотвѣтственнаго въ дѣйствительной природѣ и человѣкѣ, однако кажутся возможными. Духъ нашъ, созерцающій человѣчество и міръ физическій, носящій въ себѣ не понятія окружающей насъ видимости, а идеи вселенной, не довольствуется ни явленіями природы, ни дѣйствіями человѣка: стремясь къ совершенству, онъ творитъ и свою природу, и свое человѣчество. Сей новый міръ, населенный иными существами, твореніе духа, образъ и подобіе божества имѣющаго, есть *міръ эстетическій*. Предметы, изъ сего міра заимствованные и выраженные словомъ, составляютъ произведенія Изящной Словесности; тѣ-же самыя идеи, выраженныя образами и звуками, производятъ Изящныя Искуства.

Возможность, сказали мы, отличительное свойство произведеній Изящной Словесности, заключаетъ въ себѣ условія и необходимости и дѣйствительности: отсюда происходитъ, что и произведенія Изящной Словесности носятъ отпечатокъ преимущественно или необходимо-

Digitized by Google

ии, или дѣйствительности: одни состав-
ляютъ *Поэзію*, другія — *Витійство*. Въ
одныхъ видимъ представленія характе-
ровъ, чувствованій и дѣйствій, какія
должны быть по превосходству духа на-
шего; въ другихъ характеры, чувствова-
нія и дѣйствія изображаются особенно
такими, какими они являются по ограни-
ченности веществennаго нашего бытія.

Для описанія того, что происходитъ
во времени и пространствѣ, довольно од-
ного наблюденія; описанія того, что дол-
жно быть, производятся умозрѣніемъ;
творенія-же изъ міра эстетическаго от-
личаются *изобрѣтеніемъ*, дѣйствіемъ
творческой мыслящей способности.

Съ перваго взгляда разность между
Исторіей и Эпопеей, разсужденіемъ и ди-
дактической поэмой, рѣчью и драмой,
разность, говорю, между сими произведе-
ніями столь велика, что они, кажется,
въ одной категоріи находиться не могутъ.
Это подтверждается и обыкновеннымъ
предубѣжденіемъ вразсужденіи вымысла,
или изобрѣтенія стихотворнаго и цѣли
Поэзіи, несправедливо ограниченной удо-
вольствіемъ. Но имѣя высшее воззрѣніе на
изящное и изящныя произведенія, убѣж-
даемся, что Изящное Искусство, какъ тво-
реніе духа, заключаетъ въ себѣ условія
не одного скоропреходящаго удовольствія,
а необходимости и пользы. Изъ сего-же
происхожденія Изящной Словесности и

Digitized by Google

Изящныхъ Искуствъ заключаемъ и о ложности поняшія, какое нѣкоторые имѣютъ о вымыслѣ въ искуствахъ. Представлять людей съ конскими ногами, или съ рыбьимъ хвостомъ не значитъ вымышлять; такихъ представленій нѣтъ въ природѣ и они существовать не могутъ, пока существуютъ извѣстные намъ законы природы. Напротивъ человѣкъ со всѣми совершенствами тѣла, сердца и души хотя не находится въ природѣ; но идеалъ его существуетъ въ духѣ нашемъ — и, отвлекая отъ человѣка все бренное, увѣряемся, что совершенный человѣкъ былъ-бы возможенъ. Сей идеалъ человѣка не противорѣчитъ идеѣ человѣка вообще: и это не вымыселъ, а твореніе духа, его изобрѣтеніе. Изображеніе таковыхъ идеаловъ назначается не для удовольствія, а для облагородствованія нашего, возвышенія, совершенствованія.

Такимъ образомъ обозначаются сами собою предѣлы изобрѣтенія въ изящномъ, а вмѣстѣ съ симъ опредѣляется *содержаніе Изящной Словесности*. Міръ эстетическій, видимъ изъ предыдущаго, касается съ одной стороны видимости, или того, что есть; съ другой простирается до того, чего нѣтъ въ природѣ и быть не можетъ: въ немъ все возможное, то есть все, что умъ представляетъ необходимымъ и въ тѣхъ формахъ, какія существуютъ. Отсюда выводится об-

Digitized by Google

ширнѣйшее значеніе изобрѣтенія въ Изящной Словесности. Исторія природы и человѣка входитъ въ область эстетическаго міра, когда творческій умъ, оставляя внѣшнія явленія въ пространствѣ и времени, проникаетъ въ сокровенную сущность предметовъ и дѣяній человѣческихъ, открывая взаимную связь существъ въ природѣ и сцѣпленіе происшествій въ человѣчествѣ. Такъ Бернарденовы Ученія природы и Гердерова Исторія человѣчества принадлежатъ къ произведеніямъ изящнымъ. Цицероновъ Ораторъ, въ которомъ изображенъ идеалъ витіи, и Гораціево Посланіе къ Пизонамъ суть творенія изящныя. Димосѳенова Рѣчь о вѣнцѣ и Томасово Похвальное слово Декарту также изящны: здѣсь видимъ человѣка не только такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть или былъ, но какимъ онъ-бы могъ быть. Произведенія Поэзіи, Живописи, Музыки и другихъ Изящныхъ Искуствъ исключаютъ все, что отрицается умомъ, какъ несуществующее и недолженствующее существовать. Невидимки, Волшебные стрѣлки, отдѣляя ихъ отъ Музыки, Радклифины романы, не могутъ назваться изящными; потому что они не заключаютъ изображеній совершенства.

Еще возразятъ: Исторія занимается происшествіями истины; какъ-же согласить цѣль ея съ опредѣленіемъ Изящной

Digitized by Google

Словесности? Но изящное, сказали мы, именно состоитъ изъ истины и доброты. Изслѣдованія одной истины въ событіяхъ человѣка и народовъ не составятъ Исторіи: это будетъ лѣтопись; соединеніе-же всѣхъ частныхъ происшествій въ одно цѣлое есть твореніе духа. Такія творенія видимъ въ Ѳукидидѣ, Тацитѣ, Гюмѣ, Миллерѣ, Карамзинѣ. Въ сихъ писателяхъ, изучая народы въ ихъ дѣйствительномъ состояніи, заключаемъ и о томъ, каковыми они-бы должны быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Исторія также различествуетъ отъ эпопеи, какъ разнится мужество отъ юности: въ одной болѣе величія и спокойствія; другая отличается блескомъ и движеніемъ; Исторія ближе къ дѣйствительности, эпопея — къ изобрѣтенію; въ одной преимущественно господствуетъ чувство, въ другой фантазія. Таково различіе между Боссюэтовой Исторіей и Фенелоновымъ Телемакомъ, не говоря о формѣ изложенія.

Сближая различные роды Изящной Словесности, мы можемъ съ большею точностью опредѣлить обширность изобрѣтенія въ изящномъ. Мысль, сказано прежде, обнаруживается въ умѣ, волѣ и чувствѣ; посему высшее, духовное созерцаніе, или эстетическое изобрѣтеніе объемлетъ всѣ сіи дѣйствія мыслящей способности. Димосѳенъ, возбуждающій Аѳи-

Digitized by Google

янъ противъ Филиппа, Сократъ, въ Платоновыхъ разговорахъ разсуждающій о безсмертіи души, Пиндаръ, воспѣвающій побѣды на Олимпійскихъ играхъ, различны и по существу предметовъ, и по формѣ, и наконецъ по цѣли; но источникъ непреклонной воли одного, умствованій другаго и чувствованій третьяго, источникъ, говорю, одинъ и тотъ-же: самопознаніе, самосозерцаніе духа, святилище всѣхъ идеаловъ. Симъ еще болѣе убѣждаемся въ ложности мнѣнія, по которому Изящныя Искусства называются подражаніемъ природѣ. Напротивъ о превосходствѣ естественныхъ произведеній судимъ мы единственно, примѣняя оныя къ тѣмъ идеаламъ изящества, кои въ насъ существуютъ; ибо въ насъ самихъ предначертано мѣрило изящнаго.

Поелику всякое изящное выраженіе, посредствомъ-ли образовъ, или звуковъ, или слова, есть не иное что, какъ совокупность сущности и формы, то явствуетъ, что изобрѣтеніе въ области изящнаго обнаруживается и въ сущности, и формѣ, наконецъ въ ихъ совокупности, или въ выраженіи. Это обыкновенно разумѣютъ подъ названіемъ изобрѣтенія, расположенія и украшенія, и оно относится равно къ Изящной Словесности и къ Изящнымъ Искусствамъ. Моцартовъ Донъ-Жуанъ, Мартосовъ Мининъ и Пожарскій, Озерова Димитрій Дон-

Digitized by Google

екой, составлены по законамъ изобрѣтенія, расположенія и украшенія.

Гдѣ-же, спросятъ, общіе законы изящнаго и правила, изъ нихъ выводимыя? Одни указываютъ на Аристотеля, извлекшаго правила изъ образцовъ; другіе, вмѣстѣ съ Цицерономъ, предписываютъ условія для такого витіи, какой еще не существовалъ. Изъ чего-же составится наука Изящной Словесности? Отвѣчаемъ: въ изящномъ произведеніи заключается теорія изящнаго; она къ произведенію относится, какъ части къ цѣлому. Въ умѣ творца Иліады находились и законы, по коимъ сія эпопея, какъ твореніе ума, должна была выразиться. Иной, одаренный высшимъ созерцаніемъ, проникаетъ въ святилище сихъ законовъ и доходитъ до возможности изящнаго по онымъ произведенія. Такъ написанъ Цицероновъ Оратор. Другой, разлагая изящное произведеніе, обратнымъ путемъ доходитъ до первоначальнаго дѣйствія мыслящей способности. Такъ написана Аристотелева Піитика. Въ мірѣ физическомъ и нравственномъ все происходитъ по извѣстнымъ законамъ. Если мы удивляемся инымъ писателямъ, которые, по видимому, не слѣдовали правиламъ нашихъ Риторикъ и Піитикъ: то это ни мало не отвергаетъ необходимости правилъ, а обличаетъ Риторики и Піитики въ недостаткахъ и несовершенствѣ. Изслѣдовать идеалъ, по коему про-

Digitized by Google

зведено изящное твореніе, значитъ по-
азать его правила, или, выходя изъ само-
ознанія, вывести законы, по коимъ про-
зводится изящное твореніе. Вотъ *форма*
Изящной Словесности, какъ науки.

Содержаніе и форма Изящной Словесно-
сти, убѣждающія въ возможности оной,
какъ науки, опредѣляютъ и ея *цѣль* или
предметъ. Показать законы изящныхъ
произведеній, единство ихъ во всѣхъ Изящ-
ныхъ Искуствахъ и Изящной Словесно-
сти, связь различныхъ родовъ ея, завися-
щую отъ сего единства, и обратно опре-
дѣлить содержаніе и форму для каждаго
сочиненія, дабы по сему судить о превос-
ходствѣ сочиненій: въ этомъ состоитъ
предметъ Изящной Словесности, какъ
науки.

Изъ сего начертанія содержанія и фор-
мы Изящной Словесности заключаемъ, что
наука оной будетъ имѣть двѣ части: *об-
щую*, или теоретическую, и *частную*,
или прикладную. Въ первой должно быть
изъяснено изящное вообще; во второй —
Изящная Словесность въ особенности. Изящ-
ное можетъ быть разсматриваемо: 1)
въ духѣ человѣческомъ, какъ часть нрав-
ственнаго его бытія; 2) въ произведеніи
искуства; отсюда 3) выведутся общіе
законы изящныхъ произведеній. Въ Изящ-
ной Словесности надобно показать: a) об-
щіе законы оной, какъ слѣдствіе законовъ
изящнаго; b) изслѣдовать роды Витій-

Digitized by Google

ства и с) Поэзіи. Первая часть, общая, есть не иное что, какъ часть Идеальнаго Любомудрія, именно *Эстетика;* во второй заключаются такъ называемыя: *Риторика*, *Ораторія* и *Піитика.*

Но какъ совершенная теорія должна доводить до первоначальной мысли, служащей основаніемъ: то обратное преслѣдованіе таковыхъ размышленій составитъ теорію Эстетической *Критики.*

Не говоря о прочихъ писателяхъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ разсужденіи *о возможности Изящной Словесности, какъ науки*, сдѣлаемъ одно замѣчаніе объ Астѣ и Бутервекѣ. По первому ни Димосѳенъ, ни Цицеронъ, ни Тацитъ, не принадлежатъ къ писателямъ Изящной Словесности, хотя Астъ имѣетъ высшій взглядъ на изящное. Второй нерѣшительно даетъ имъ право на писателей изящной прозы, какъ онъ выражается. Если бы, говоритъ Бутервекъ, Поэзія могла отдѣляться отъ прозы явственною чертою, тогда бы не было изящной прозы; ибо все, что можетъ назваться изяществомъ рѣчи, соединяется въ Поэзіи. Далѣе онъ не почитаетъ Краснорѣчіе изящнымъ искуствомъ; прозѣ приписываетъ только правильность языка, чистоту, ясность. По этому Димосѳенъ и Платонъ должны-бы стоять въ одной категоріи съ Эвклидомъ и Гиппократомъ. Затрудненіе въ рѣшеніи сего вопроса состоитъ именно

Digitized by Google

въ назначеніи предѣловъ Изящной Словесности, опредѣленіи отличительныхъ признаковъ оной и настоящемъ понятіи объ изобрѣтеніи Эстетическомъ, что было предметомъ изслѣдованій сего разсужденія.

Рѣчь, при закладкѣ перваго шлюза на соединительномъ каналѣ между Москвою и Волгою, 29 Сентября 1827 года (*).

Мм. Гг.

Мы находимся теперь на отлогой высотѣ, отдѣляющей бассейнъ рѣки Москвы отъ Волги; сія высота есть отрасль той великой плоской возвышенности въ сѣверовосточной части Смоленской Губерніи, изъ коей текутъ воды Западной Двины и Волги и почти изъ одного мѣста берутъ направленіе къ Балтійскому,

(*) Съ совершенною благодарностію къ Сочинителю, спѣшу помѣстить сію Рѣчь въ Телеграфѣ. Каждое новое, для блага Отечества предназначенное предпріятіе, должно получать всевозможную и быструю извѣстность: радуя сыновъ Отечества, оно веселитъ ихъ надеждами на благодѣтельное вниманіе Правительства, не упускающее ничего, что можетъ увеличить благосостояніе и пользы народа. Изъ статьи, помѣщенной въ No 86 Московскихъ Вѣдомостей, читатели видѣли предназначеніе и средства сооруженія соединительнаго канала между Вол-

Digitized by Google

Черному и Каспійскому морямъ; сія высота простирается между Волгою, Москвою и Клязьмою, до Нижняго-Новагорода, и на хребтѣ своемъ имѣетъ многія озера, коихъ истоки обращены, то къ Волгѣ, то къ Москвѣ рѣкѣ.

По сдѣланнымъ измѣреніямъ, мѣсто, на коемъ мы находимся, есть самый низкій пунктъ, по протяженію сей высоты; но за всѣмъ тѣмъ, оно до 34 саженъ выше Москвы рѣки, противъ Кремля, и болѣе 35 саженъ надъ Волгою, при впаденіи Дубны.

Озеро Гущино и Печениково болото, за Подсолнечною горою простирающіяся, составляютъ одинъ изъ тѣхъ природою образованныхъ водоемовъ, кои, наполнены будучи весенними водами и разными протоками, могутъ снабжать судоходство, въ теченіе лѣта, водою. И сіи-то озеро и болото, посредствомъ огромной плотины, обращаются въ пространное водо-

---

гою и Москвою; съ большею подробностію они исчислены въ присланной намъ Рѣчи Господина Подполковника Сомова. Каналы и рѣки суть жилы, по коимъ переливается народное богатство, и нигдѣ столько не чувствуютъ потребности сихъ государственныхъ жилъ, какъ въ Россіи, гдѣ величайшія пространства столь много препятствуютъ свободному обращенію произведеній земли и народа. Соединительный каналъ Волги съ Москвою производится подъ главнымъ надзоромъ Господина Маіора Корпуса Инженеровъ путей сообщенія, М. Н. Бугайскаго. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

хранилище для новаго сообщенія. Изъ него вытекаетъ рѣка Сестра, идущая мимо города Клина въ Дубну, впадающую въ Волгу, а здѣсь по близости течетъ рѣка Сестра и идетъ мимо Воскресенска въ Москву.

Пространство, между рѣками Сестрою и Истрою, на разстояніи семи верстъ прорѣзано каналомъ (почти уже оконченнымъ), коего часть вы могли обозрѣть на пути къ сему мѣсту; каналъ пересѣкаетъ Петербургское шоссе, и сія часть онаго, какъ самая возвышенная, составляетъ раздѣльный бассеинъ.

Малыя рѣки Сестра и Истра, мѣстами расчистятся и изгибы оныхъ прорѣзаны будутъ каналами; вода задержана будетъ въ надлежащей глубинѣ плотинами и шлюзами, для пропуска судовъ вверхъ и внизъ. Посредствомъ таковыхъ водяныхъ уступовъ, отдѣленныхъ плотинами и соединенныхъ шлюзами, откроется новый судоходный путь чрезъ сію высоту, получающій воду изъ общаго водохранилища, въ самомъ возвышенномъ пунктѣ лежащаго.

Плотинъ и каменныхъ шлюзовъ, подобныхъ устройствомъ нынѣ закладываемому, потребно вообще 37; длина всего водянаго пути, отъ рѣки Москвы до Волги, составляетъ 214 верстъ. Издержки на устроеніе, по смѣтнымъ исчисленіямъ,

Digitized by Google

простираться должны до 5 милліоновъ 340 т. рублей.

Размѣръ судовъ принятъ тотъ-же, какой употребляется на Тихвинскомъ каналѣ, для того, чтобы Тихвинскія лодки, приходящія изъ С. Петербурга въ Рыбинскъ, могли, поднявшись Волгою до устья Дубны, идти чрезъ сей каналъ въ Москву, безъ перегрузки.

Ограничиваясь симъ краткимъ обозрѣніемъ, не смѣю останавливать вниманія вашего на техническихъ подробностяхъ сего великаго и сложнаго предпріятія: оно есть плодъ великихъ трудовъ и соображеній, и приведеніе его въ дѣйствіе должно распространить по строительной части многія открытія полезныя, но у насъ неизвѣстныя доселѣ. Сими изобрѣтеніями обязаны мы знаменитымъ инженерамъ, кои въ послѣднее время съ такимъ успѣхомъ трудились при важныхъ гидравлическихъ сооруженіяхъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. Они счастливыми трудами своими заставили науку сдѣлать великіе и невѣроятно быстрые шаги къ совершенству.

Успѣхи сей общеполезной науки тѣмъ болѣе утѣшительны, что послѣдствіями ихъ должно быть не одно рѣшеніе трудной задачи, не одно удовлетворенное умозрѣніе, не одно открытіе новыхъ истинъ; но практическое приложеніе сихъ истинъ и умозрѣній къ общественной жизни и

Digitized by Google

дѣйствительная, существенная польза человѣчества. Сіи успѣхи даютъ средства употребить въ пользу руки и способности бѣднаго и трудящагося класса народа, а богатства природы, вездѣ съ избыткомъ, но въ грубомъ видѣ у насъ находящіяся, обратить въ капиталы общественнаго благосостоянія. Они доставляютъ возможность ободрить и вознаградить трудъ землепашца, развернуть промышленность и дать новую силу и жизнь торговлѣ.

Возможно-ли предусмотрѣть заранѣе всѣ полезныя дѣйствія судоходства, въ краю, гдѣ его прежде не было! Возможно-ли исчислить, какой разнообразный и живой размѣнъ произведеній и издѣлій откроется можетъ, когда устроеніе кончится, если самое производство работъ, самое начало оныхъ, родило такую живость и дало движеніе трудолюбію, расчетливости и капиталамъ!

Лѣсъ, камень, известь, глина, отъ вѣковъ безъ пользы лежавшіе, получили цѣнность; множество рукъ трудятся для обработанія, доставленія и употребленія ихъ въ пользу; множество способныхъ людей практически образуются для предбудущихъ великихъ предпріятій того рода, въ коемъ пространная и юная Россія имѣетъ толикую нужду. Сколько новыхъ полезныхъ введеній, основанныхъ на удачныхъ опытахъ краевъ отдаленныхъ, вой-

Digitized by Google

дутъ у насъ въ общее употребленіе сколько трудныхъ и сложныхъ изобрѣтеній иностранныхъ, при исполненіи на самомъ дѣлѣ и очевидности примѣра, сдѣлаются достояніемъ всякаго способнаго ремесленника и, вѣроятно, по сродной Русскимъ людямъ догадливости, у насъ послѣ изыщутъ средства сдѣлать тоже проще и дешевле.

Нужно-ли послѣ сего распространяться о пользѣ судоходства, и не довольно-ли будетъ упомянуть объ одной, опытомъ дознанной истинѣ, что по хорошему водяному пути, лошадь въ 40 разъ болѣе можетъ везти, нежели по хорошей дорогѣ? По сей-то причинѣ, даже въ древнія времена, когда Россія имѣла сообщеніе съ Европою только чрезъ Архангельскъ и Новгородъ, доставленіе тяжестей производилось по возможности вдоль судоходныхъ рѣкъ, какъ и понынѣ въ Сибири. Товары отъ Новагорода въ Москву шли сперва рѣкою *Мстою*, вверхъ до Боровицкихъ пороговъ, гдѣ перевозились въ первый разъ и продолжали путь до *Вышняго Волочка*; тутъ перетаскивались на *Тверцу* и по ней плыли въ Волгу; изъ Волги-же поднимались въ *Шошу* и по рѣкѣ *Ламѣ* вверхъ до *Волока-Ламскаго;* тутъ снова переправлялись на рѣку *Рузу* и по сей рѣкѣ уже плыли въ Москву рѣку. Нынѣ учреждаемое сообщеніе лежитъ почти въ направленіи сего древняго торговаго пути, соединяя

Digitized by Google

ту выгоду, что идетъ ближе къ большому сухопутному тракту, отъ Москвы къ Санктпетербургу.

Наконецъ, для удостовѣренія въ истинѣ, что никогда сообщенія не могутъ быть излишними, и что потребность въ нихъ всегда возрастаетъ, по мѣрѣ учрежденія новыхъ путей и по мѣрѣ распространенія отъ того промышленности и торговли, стоитъ только бросить взоръ на Великобританію. На семъ островѣ, столь малаго пространства, не смотря на пособіе самаго свободнаго и оживленнаго мореплаванія вокругъ береговъ, найдено нужнымъ прорѣзать хребетъ горъ, по всей длинѣ его простирающійся, *двадцатью однимъ* судоходнымъ каналомъ, для чего пробито сквозь горы 48 подземныхъ судоходныхъ галлерей и выкопано до 3600 верстъ открытыхъ каналовъ, и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ теченіе неболѣе 50 лѣтъ, кончено устройство до 30 т. верстъ новыхъ искуственныхъ дорогъ, но потребность въ сообщеніяхъ не уменьшалась и усердіе Британцовъ не охладѣло. И нынѣ, сверхъ великихъ суммъ, употребляемыхъ для сего предмета Правительствомъ, 33 коммерческія компаніи занимаются устройствомъ новыхъ каналовъ, по разсчетливой предусмотрительности изъ собственныхъ выгодъ.

Первою мыслію о вновь учреждаемомъ у насъ судоходномъ каналѣ одолжены мы

Digitized by Google

ченію Петра Великаго; въ царствованіе-ж блаженныя памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕК САНДРА I, мысль сія обработана, созрѣл и составленъ проэктъ, который, по до кладу, совокупно поднесенному отъ Главно управляющаго Путями сообщенія, Гер цога Александра Виртембергскаго и Мо сковскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Князя Голицына, въ 1825 году удостоен ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія.

Нынѣ благополучно царствующій ИМ ПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, по восшествіи на Престолъ Предковъ Своихъ, усмотрѣлъ вы годы сего предпріятія, даровалъ всѣ нуж ные способы и повелѣлъ приступить къ исполненію, и въ прошломъ 1826 году, Самъ удостоилъ обозрѣніемъ начатыя работы. Одушевленные присутствіемъ Великаго МОНАРХА и ободренные милостивымъ ЕГО вниманіемъ, храбрыя Россійскія войска, геройскими подвигами и доблестію своею удивлявшія Европу, съ новымъ рвеніемъ приступили къ новому мирному подвигу на пользу отечества. Ихъ мощными ру ками раздвинуты горы и чрезъ непрохо димые лѣса и болота проложенъ путь для плаванія. Природа побѣждена! и благодар ное потомство, съ чувствомъ благогове нія, вспоминать будетъ о тѣхъ легіо нахъ, кои среди мира совершили сіи благо дѣтельныя завоеванія.

И такъ, исполняя волю трехъ вели кихъ Государей, мы собрались здѣсь для

Digitized by Google

заложенія въ первомъ шлюзѣ канала доски, долженствующей возвѣстить отдаленному потомству благополучное царствованіе, лѣто, день закладки и имена исполнителей сего важнаго предпріятія. Принесемъ моленіе Всевышнему! Да поможетъ Онъ совершить сіе, столь великое для пользы общей, дѣло; да ниспошлетъ Онъ щедроты свои на главу Вѣнценоснаго Монарха, любезное отечество, добродѣтельныхъ вельможъ, радѣющихъ о благѣ народа, храброе Россійское воинство и всѣхъ трудящихся для общаго блага!

II. КРИТИКА.

Хозяйственная Статистика Россіи, составленная Васильемъ Андроссовымъ, и проч. М. 1827 г. in 8.

Хотя кругъ Историческо-Политическихъ знаній опредѣленъ уже въ наше время общими рѣзкими чертами, но мы еще не видимъ точнаго распредѣленія сихъ знаній, вѣрныхъ границъ ихъ и полнаго взаимныхъ отношеній. Такъ Политическая Экономія подвергается различнымъ системамъ; такъ и Статистика донынѣ не опредѣлена и не отдѣлена вполнѣ и безспорно. Французскіе ученые почти не принимаютъ сего знанія, соединяя его съ Политическою Географіею; Англичане относятъ его къ весьма ограниченному, а Нѣмцы къ весьма обширному кругу. Ахенваль, почитаемый родоначальникомъ Статис-

Digitized by Google

ериковъ, называетъ ее (*) *познаніемъ дѣйствительныхъ достопамятностей какого нибудь государства*; Мейзель *наукою настоящаго состоянія государствъ* (**); не приводимъ другихъ опредѣленій, ни остроумнаго (но несправедливаго) опредѣленія, что *Статистика есть остановившаяся Исторія, такъ какъ Исторія есть текущая Статистика.* Мы видимъ, что въ понятіи Нѣмецкихъ ученыхъ предѣлы Статистики чрезвычайно раздвигаются. Англичане, какъ мы сказали, сближаютъ ихъ. Со времени Дж. Синклера (1790 г.), оказавшаго столько заслугъ на поприщѣ Политическихъ Знаній, почти установилось у Англичанъ опредѣленіе Статистики, и сіе опредѣленіе можно выразить такъ, что *Статистика составляетъ* у нихъ *практику Политической Экономіи*, точно, какъ Полит. Экономія составляетъ *теорію Статистики.* Со временъ Адама Смита тѣмъ легче можно было опредѣлить такимъ образомъ Статистику, ибо основные предѣлы Полит. Экономіи были означены симъ великимъ писателемъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей, какъ-то: Дюпенъ, Шапталь и другіе, принимаютъ почти подобное опредѣленіе. Здѣсь не встрѣчаемъ такой темноты, какъ у Ахенваля и его послѣдователей, ибо къ чему другому, если не къ смѣшенію понятій, ведутъ предметы, включенные въ Статистику Ахенвалемъ: Исторія, Право наслѣдства, Государственное чиносостояніе, или Шле-

(*) Abriß der Staatswißenſchaft der Europäiſchen Reiche. Геттингенъ, 1749 г.

(**) Anleitung zur Kentniß der europäiſchen Staatenhiſtorie. Лейпцигъ. 1810 г. (5 изд).

Digitized by Google

деровъ остроумный парадоксъ, что предметы Статистики опредѣляются словами: vires unitae agunt? — Отнеся въ объемъ Политической Географіи полный status государствъ, должно необходимо *собственно-Статистику* назвать начертаніемъ *вещественной жизни народа*. Иначе, должно совершенно уничтожить Географію, отнеся къ Космографіи Географію Математическую, къ Геологіи Естественную и къ Статистикѣ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, Политическую.

Не входя въ разсмотрѣніе удобствъ и неудобствъ того и другаго раздѣленія, скажемъ, что можно разсматривать Статистику тѣмъ и другимъ образомъ; въ сочиненіяхъ иностранныхъ ученыхъ мужей находимъ оба рода воззрѣнія. У насъ въ Россіи, гдѣ всѣ знанія еще не такъ зрѣлы, ничего общаго и положительнаго о Статистикѣ не было издано донынѣ и тѣмъ менѣе не было полнаго приложенія Статистики къ Россіи. Наши курсы Статистики суть сокращенные, и большею частію неудачные переводы Нѣмецкихъ, а иногда смѣсь изъ множества разнородныхъ книгъ. Всѣ-же труды нашихъ Статистиковъ, касательно приложеній къ Россіи, суть частные опыты. Такихъ опытовъ мы имѣемъ довольно и довольно есть изъ нихъ удачныхъ. Сочиненія Германа, Шторха и Зябловскаго заслуживаютъ наше *преимущественное* вниманіе, *особенно* двухъ первыхъ, обработывавшихъ отдѣльныя части точно и систематически. Есть-ли нынѣ возможность составить что нибудь общее, полное о Россіи? По нашему мнѣнію у насъ матеріяловъ можно сыскать весьма большое количество и весьма драгоцѣнныхъ. Множество актовъ издано отъ

Digitized by Google

Правительства; много находится важныхъ извѣстій въ Путешествіяхъ по Россіи, Газетахъ, Журналахъ Русскихъ и проч. и проч.

Но при всемъ томъ, не льзя не сознаться, что сочиненіе статистическаго описанія Россіи есть дѣло весьма немаловажное. Кромѣ того, что должно собирать матеріялы изъ множества отрывковъ и свѣдѣній, разбросанныхъ въ тысячѣ книгъ (впрочемъ на это и жаловаться не надобно, ибо какой ученый предметъ можно обработать порядочно, если не будемъ имѣть подъ рукою сколько возможно большаго количества матеріяловъ?), важнѣйшее заключается въ приготовленіи самаго статистика нашего. Ему въ высшей степени должно знать теорію политическихъ знаній вообще и опредѣлить себѣ вѣрную систему науки. Этого большею частію недостаетъ у насъ. Мы, кажется, донынѣ думаемъ, что безъ всякаго приготовленія можно сдѣлаться историками, географами, статистиками: совершенно несправедливое предположеніе, которое вредитъ успѣхамъ знаній! Статистикъ долженъ имѣть глубокія предварительныя познанія вообще и кромѣ того большую опытность въ способахъ воззрѣнія на предметы; быть чуждъ многихъ народныхъ предразсудковъ, простительныхъ въ простомъ гражданинѣ и неизвинительныхъ въ ученомъ наблюдателѣ; сверхъ всего этого, не должно ли ему и практически знать изслѣдываемый имъ предметъ?

Мы думаемъ, что безъ сихъ предварительныхъ приготовленій не льзя приниматься за Статистику Россіи, ибо, иначе Авторъ умножитъ число книгъ, безпрестанно выходящихъ у насъ подъ именемъ Статистикъ, Географій, Исторій, заключаю-

Digitized by Google

цихъ повтореніе стараго, сборники, безъ системы и цѣли, ни сколько не распространяющіе круга познаній нашихъ и не приводящіе насъ ни къ какимъ важнымъ результатамъ.

Ученое сочиненіе есть рѣшеніе какой нибудь задачи. Что слѣдуетъ рѣшить статистику Россіи? Настоящее состояніе государства сличить съ способами и средствами его; руководствуясь фактами, представить Россію, *какъ она есть*, дабы политикъ могъ рѣшить, *что она можетъ быть*, а полит. экономъ, *какъ она должна достигать* высшей степени жизни государственной, если не живетъ еще полною жизнію въ настоящемъ времени.

Обозрѣвая книгу, изданную Г-мъ Андроссовымъ подъ названіемъ: *Хозяйственная Статистика Россіи*, мы надѣялись найдти въ ней цѣль, подобную предположенной нами и стараніе достичь сей цѣли, стараніе всегда похвальное, хотя-бы оно и не было сопровождаемо полнымъ успѣхомъ. Судя по объему книги Г-на Андроссова, подробностямъ въ нее включеннымъ и образу воззрѣнія на предметы, не льзя предполагать, чтобы Авторъ хотѣлъ составить только легкую ручную книгу для учениковъ. Такимъ образомъ, будемъ мы разсматривать сочиненіе Г-на Андроссова, какъ *сочиненіе ученое*.

Авторъ принимаетъ Статистику въ меньшемъ объемѣ, слѣдуя статистикамъ Англійскимъ; но названіе книги его довольно темно. Разумѣется, что называя свою Статистику *хозяйственною*, Авторъ имѣлъ въ виду *Государственное хозяйство;* въ такомъ случаѣ, главное, намъ кажется, что онъ не обнялъ своего предмета вполнѣ. Въ Государственномъ

Digitized by Google

хозяйствѣ представляются два отношенія: *производящее*, т. е. Правительство и народъ, дѣйствующія на физическія средства общественнаго благосостоянія, и *производимое*, т. е. самыя средства сіи, разсматриваемыя какъ отдѣльный предметъ отъ производящаго. Въ такомъ объемѣ входитъ въ Статистику разсмотрѣніе государства, какъ члена семейства народовъ, по *времени* его существованія и *мѣсту*, имъ занимаемому; потомъ status in statu, части государства, какъ члены общей махины его; послѣ того, средства физическія, коими и чрезъ кои дѣйствуетъ государство. Наконецъ, *образъ дѣйствія (промышленность* во всѣхъ отношеніяхъ).

Авторъ объясняется во Введеніи, что предметъ его гораздо сокращеннѣе: *дѣйствительная степень хозяйственныхъ отношеній государства, настоящій бытъ народной промышленности*, отъ чего совершенно *отдѣляется* (по мнѣнію Автора) *политическій составъ государства, постановленія, коими дѣйствуетъ Правительство для достиженія цѣли гражданственности.* — О *политическомъ* состояніи ни слова; но какимъ же образомъ можно отдѣлить статистическое образованіе *производящаго* отъ *производимаго?* Анатомія, разсматривающая мертвое тѣло, будетъ изображеніемъ такой Статистики, когда напротивъ, Статистика должна походить на Физіологію, говорить о вещественности, но вмѣстѣ и объ оживляющемъ ее духѣ. Видимъ, что Авторъ не отдалъ себѣ полнаго отчета о цѣли своей книги. Вотъ весь объемъ его:

А. *Мѣстность:* положеніе, величина, горы, равнины, воды, почва, климатъ.

Digitized by Google

Б. *Промышленность;* 1-е, производящая; 2-е, обрабатывающая; 3-е, передающая. Подъ именемъ 1-й Авторъ разумѣетъ промышленность, собственно такъ называемую, *агрикольную*; подъ именемъ 2-й *мануфактурную;* подъ именемъ 3-й *Торговлю*. Вотъ все содержаніе хозяйственной Статистики Г-на Андроссова. Изъ онаго можно уже видѣть недостатокъ плана. Авторъ не ввелъ главнѣйшаго въ свое сочиненіе, именно: *народа*. Мѣстность есть *производимое;* промышленность *образъ произведенія;* но гдѣ-же *то, что производитъ?* Гдѣ мѣрило духовнаго дѣйствователя на вещественность? А безъ него, можно-ли изобразить картину быта государственнаго? Это завело Автора въ дальнѣйшую сбивчивость. Предложивъ географическое описаніе мѣстности, на которой существуетъ Россія, онъ не говоритъ потомъ отдѣльно, *что* на этой мѣстности производитъ природа. Прямо отъ географическаго обзора переходитъ онъ къ *промышленности*, и исчисляетъ состояніе земледѣлія, садоводства, лѣсоводства, скотоводства, звѣроловства, птицеводства, пчеловодства, шелководства, рыболовства, горныхъ и соляныхъ промысловъ, что все входитъ у него въ *производящую* промышленность. Отъ этого теряется изъ вида, *что дѣлается* и *что можетъ дѣлаться въ Россіи;* Статистика сбивается въ реэстры посѣвовъ и обработки полей и высшіе взгляды потеряны для Автора и читателей его.

Если-бы Авторъ, обозрѣвши мѣстность *статистически*, обозрѣлъ потомъ, что производятъ всѣ три царства природы на сей мѣстности; одушевилъ картину, изобразивъ намъ состояніе, граж-

Digitized by Google

данскій бытъ народа, и наконецъ, перешелъ къ изображенію промышленности народной, обративъ взоръ первоначально на *производителей* и *потребителей*, и потомъ, раздѣливъ производимость на агрикольную, мануфактурную и торговую, разсматривалъ все, и частно и обще, Россію, какъ гражданина въ семействѣ народовъ и каждое званіе Русскихъ, какъ граждань одного частнаго семейства, тогда все пришло-бы у него въ свой порядокъ и сочиненіе его могло-бъ быть предметомъ особеннаго вниманія; въ настоящемъ-же его видѣ и расположеніи оно мало обогащаетъ нашу Литтературу. Думаемъ, что почтенный Авторъ убѣдится нашими замѣчаніями и почтя книгу свою первымъ опытомъ Хозяйственной Статистики Россіи, постарается со временемъ усовершенствовать ее и тѣмъ сдѣлать истинный подарокъ *своимъ* соотечественникамъ. Въ сей пріятной надеждѣ мы осмѣливаемся на нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Мы сказали, что Авторъ описываетъ мѣстность *географически*. Разность Географіи отъ Статистики собственно въ томъ, что Статистика смотритъ на все относительно къ statum государства, и потому номенклатура рѣкъ и горъ совсѣмъ не относится къ Статистикѣ, и ей нѣтъ дѣла, на прим. до 37 названій рѣкъ (стр. 18), впадающихъ въ Волгу, а надобно знать только сообщенія по рѣкамъ приволжскимъ. Не странно-ли, что вводя въ Статистику Географическую подробность, совсѣмъ ненужную, Авторъ только *именовываетъ* моря Россійскія; не вводитъ въ Статистику острововъ Тихаго и Сѣвернаго океановъ; забываетъ Цар-

Digitized by Google

ство Польское, Бессарабію, Грузію, Финляндію? У него находимъ, напротивъ, исчисленіе земледѣльческихъ орудій, рыболовныхъ снастей, рѣчныхъ судовъ (стр. 75,133,233), и проч., какъ будто это Статистика!

Отъ неполноты системы произошло то, что всѣ почти статьи у Г-на Андроссова перемѣшиваются, повторяются и вездѣ замѣтенъ недостатокъ. По видимому Авторъ, не то, чтобы хотѣлъ упустить что нибудь, но не имѣлъ плана, въ слѣдствіе коего все стало-бы на свое мѣсто. За чѣмъ ему было вводить въ торговлю исчисленія, съ кѣмъ торгуетъ Россія, если нѣтъ взгляда на физическія средства торговли нашей? Къ чему представлять реэстры таможенъ, портовыхъ городовъ, Управленія путями сообщенія, тарифовъ, обществъ торговыхъ, обществъ для поощренія промышленности, если нѣтъ взгляда на гражданское состояніе быта народнаго и степень образованности; или статьи о банкахъ и монетной системѣ, если нѣтъ обзора *капиталовъ народныхъ*; или представлять таблицы привоза и вывоза товаровъ изъ Россіи въ 1825 и 1826 гг., если нѣтъ общихъ обзоровъ Россійской торговли?

Система, высшій взглядъ: вотъ два требованія наукъ, необходимыя въ нынѣшнемъ ихъ высокомъ состояніи. Вообще, выходящія у насъ ученыя сочиненія страдаютъ недостаткомъ въ семъ отношеніи. Мы привыкли повторять одно и то-же; не раздвигаемъ предѣловъ знанія; мало трудимся сами, мало стараемся не отставать отъ современнаго состоянія наукъ въ другихъ странахъ. Но списываніе стараго не есть новое приобрѣтеніе, повтореніе обветшалаго не можетъ обогатить

Digitized by Google

насъ. Потому и Авторъ Хозяйственной Статистики заслуживаетъ строгій приговоръ Критики, за тотъ *способъ*, *какимъ онъ собралъ факты своей книги*. Надобно сказать откровенно, что Авторъ составилъ большую часть своей книги, просто *списывая* у своихъ предшественниковъ, слово въ слово, цѣлыми страницами, дополняя кое-гдѣ вставками изъ новѣйшихъ журналовъ, газетъ и актовъ, безъ всякой системы. Отъ этого находимъ у него противорѣчія, особливо потому, что Авторъ сокращаетъ многое, выкидываетъ, и отъ того-то что у предшественника его было ясно, дѣлаетъ темнымъ и сбивчивымъ. Статья: *Почва*, вся цѣликомъ, на 18 страницахъ, выписана изъ статьи Германа: Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie, помѣщенной въ I-мъ Т. Mémoires de l'académie de S. Pétersbourg (см. стр. 685—711). Изъ сей-же статьи взято описаніе Земледѣлія въ Россіи. Но все это, въ иныхъ мѣстахъ невѣрно переведено; въ другихъ перемѣшано съ прибавками, такъ, что оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи. На прим. Германъ говоритъ: Les terres des Cosaques du Don forment une plaine élevée où l'on ne voit de collines qu'aux bords des rivières; Авторъ переводитъ: »Земля Донскихъ Казаковъ образуетъ возвышенную »равнину, гдѣ видны *только холмы* при берегахъ »рѣкъ.« Германъ, говоря единственно о Европейской Россіи, систематически раздѣлилъ всю поверхность ея на *семь равнинъ* (plateaux); Авторъ, списывая у Германа, переводитъ слово: plateau, *полосой*, чрезъ это совсѣмъ сбиваетъ понятія, и кромѣ того, высчитавъ *шесть* равнинъ, уничтожаетъ *седьмую*, считаемую Германомъ, и присовокупляетъ свою;

Digitized by Google

но какую же? *всю Сибирь;* вѣроятно, выписывая эту прибавку изъ какой нибудь книги, ибо въ одной этой новоприбавленной равнинѣ находимъ у Автора *четыре.* Авторъ забылъ между тѣмъ, что за 13 страницъ, онъ уже описывалъ Сибирь и Южную Россію, въ статьѣ: *равнины*, и какъ это описаніе вѣроятно выписка еще изъ какой нибудь книги, то и насчиталъ онъ *девять* равнинъ въ одной Сибири и Сѣверной и Южной Россіи!

Описанія фабрикъ взяты Авторомъ изъ сочиненія Г-на Зябловскаго: *Статистическое описаніе Россійск. Имперіи*, 5 частей, 2 е изданіе Спб. 1815 г. — Къ нимъ прибавляетъ Авторъ иногда новыя свѣдѣнія. Но все это сдѣлано въ совершенномъ безпорядкѣ, сокращено, измѣнено, такъ, что едва-ли можетъ дать полное понятіе о фабричной нашей промышленности.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ, что такое смѣшеніе разнородныхъ выписокъ составило довольно странную пестроту, особливо при выпускахъ Автора. Для бо́льшаго понятія, *какъ* заимствовалъ Авторъ, приводимъ примѣръ.

Хоз. Стат. (стр. 1). »*Не имѣя картъ*, »точно означающихъ весь берегъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, восточныхъ острововъ и южныхъ границъ государства, географы не согласились въ »пространствѣ Россіи.«

Это выписано изъ статьи Германа (Mémoir. de l'Acad. de S. Pétersbourg., т. I, стр. 663); но Германъ писалъ въ 1807 г., а послѣ того *въ теченіе 20-ти лѣтъ* вышли прекрасныя карты, и если только *неимѣніе картъ Ледовитаго моря* и проч. препятствовало узнать пространство Россіи, то

Digitized by Google

препятствіе это давно уничтожено. За тѣмъ Авторъ выписываетъ далѣе изъ Германовой статьи: »Крафтъ полагаетъ оное (пространство Россіи) »въ 330,000, Эбелингъ въ 350,000, *Жоржъ* — не»опредѣленно — вдвое противъ Европы; Германъ »въ 320,000.« — Вотъ подлинныя слова Германа: »Büsching (1787) lui donne 309,000 mill. carrés, »Hermann (1790) 320,000, Krafft 330,006, Ebeling »350,000, *Georgi* (1797) se borne à dire que la »Russie est au moins deux fois aussi grande que toute »l'Europe.“ Тутъ Г-нъ Андроссовъ, по ошибкѣ, Академика *Георги* назвалъ *Жоржемъ*. Германъ далѣе упоминаетъ объ исчисленіи пространства Россіи, коимъ занимался Шубертъ въ 1794 году, и которое помѣщено было въ Tableau de la Russie, Шторха, а также объ исчисленіи приобрѣтеній Рускихъ, съ 1794 по 1803 г., которое сдѣлалъ Генералъ Опперманъ. Изъ обоихъ вычисленій Германъ все пространство Россіи выводитъ въ 310,113 миль кв. — Г-нъ Андроссовъ оставляетъ здѣсь на время Германа и предлагаетъ отъ себя слѣдующее: »Зябловскій въ 310,000; Мальтебрёнъ, Европ. часть въ »75,154, Сибирь *съ посторонними владѣніями* (?) »въ 295,339. . . .«

Это говоритъ совсѣмъ *не Мальтебрёнъ* а *Гассель*, у котораго заимствовалъ Мальтебрёнъ (см. Précis de la géogr. Мальтебрёна, T. VI, стр. 680); Гассель-же опять взялъ у Крафта, Максимовича и Зябловскаго (см. Гасселя, Vollständiges Handbuch der neuesten Erdbeschreibung, T. XI, стр. 9).

За симъ Авторъ опять переводитъ Германа, слѣд. образомъ: »А Шубертъ, по послѣднимъ »исчисленіямъ,« . . . Но въ выпискѣ изъ Германовой

статьи мы видѣли, что этому *послѣднему исчисленію* прошло 24 года. Гдѣ-же собственныя соображенія Автора? И притомъ тутъ, на 2-й стр., Авторъ находитъ въ Европейской Россіи 476,652,604 десятины, а на 76-й стр. 420,353,431 дес. — Куда дѣвались 50,000,000 десятинъ?

Много можно-бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на книгу Г-на Андроссова; но не входя въ подробности, мы заключимъ, что всѣ *ошибки въ подробностяхъ* происходятъ отъ того, что Авторъ мало трудился самъ, не соображалъ старыхъ извѣстій съ новыми и переписывалъ все безъ дальнѣйшихъ справокъ. *Такъ* не должно дѣлать! Мы сказали уже, что Царство Польское, Грузія, Финляндія, Бессарабія, какъ будто и не составляютъ частей Россіи, если судить по Статистикѣ Г-на Андроссова, а отъ чего это? Отъ того, что предшественники ничего не говорили, а самъ Авторъ не потрудился сообразить и изложить всѣхъ статистическихъ фактовъ заново.

При будущемъ изданіи Автору непремѣнно должно привесть въ большій порядокъ расположеніе, улучшить систему, свѣдѣнія сообразить, исправить, поновить, обратить вниманіе на выводы, уничтожить противорѣчія. Надобно, чтобы все составило у него нѣчто цѣлое; и чтобы въ этомъ цѣломъ не было видно слѣдовъ компиляціи. Не худо-бы вообще на точность ученыхъ сочиненій обращать болѣе вниманія. Для чего въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ не прилагаютъ реэстра матеріяламъ, изъ коихъ что взято? Это необходимо и важно для показанія цѣны свѣдѣній. Извѣстно-ли нашимъ Историкамъ, Статистикамъ и Географамъ, что взглянув-

Digitized by Google

ши только на такой реэстръ, можно уже судить о достоинствѣ сочиненія? Г-нъ Андроссовъ не хотѣлъ приложить даже означенія страницъ въ реэстрѣ статьямъ, отъ чего въ книгѣ его съ трудомъ сыскиваете, что надобно. Замѣтимъ еще удобство имъ забытое: цыфирные выводы непремѣнно должно печатать въ видѣ таблицъ, ибо помѣщаемые въ текстѣ исчисленія и неясны и затрудняютъ въ соображеніяхъ. Всѣ подобные, такъ сказать, *типографическія* удобства давно извѣстны въ Европѣ; долго-ли мы еще будемъ не знать ихъ?

Мы хотѣли-было поспорить съ Г-мъ Андроссовымъ о мнѣніяхъ его касательно теоріи Государственной промышленности Россіи, на примѣръ, нашедши на стр. 47, будто *Россія есть Государство земледѣльческое.* Не уже-ли у насъ должно еще опровергать такія устарѣлыя мнѣнія? Автору Статистики должно знать основанія Политической Экономіи. Иначе это похоже будетъ на нѣкоторыя частныя ошибки въ книгѣ Г-на Андроссова, когда, на примѣръ, онъ подробно описываетъ неуспѣшное шелководство наше въ Южной Россіи и забываетъ, что у насъ *матка шелку* Грузія; заставляетъ Рускихъ торговать въ Кантонѣ (стр. 120); заставляетъ ловить *Камчатскихъ бобровъ* въ Архангельской и Вятской Губерніи (стр. 119); полагаетъ, что рыбная ловля потому важна для Россіи, что у насъ много постныхъ дней (стр. 127), и полагаетъ привозъ сельскихъ издѣлій на Коренную ярмарку въ 30 т. р., когда самъ-же говоритъ, что однихъ крестьянскихъ кушаковъ продается въ ней на 150 т. рублей (стр. 242). Такія ошибки слишкомъ явны, и ихъ можно извинить развѣ только

Digitized by Google

поспѣшностью работы, хотя, кажется, никакой причины не было Автору спѣшить своимъ трудомъ.

Н. П.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 года.

213. *Mémoires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences de St. Pétersbourg*, avec l'Histoire de l'Académie, pour les années 1821 et 1822 (*Записки ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ*, съ присовокупленіемъ Исторіи сей Академіи за 1821 и 1822 гг.). Т. X. Спб. 1826 г., in 4, 48 и 819 стр., съ 22-мя рисунками и чертежами и *двумя* географич. картами.

Девятый томъ Записокъ Академіи выданъ былъ въ 1824 г. (Тел. Т. II, стр. 36). Съ удовольствіемъ можемъ объявить просвѣщеннымъ читателямъ о выходѣ въ свѣтъ *десятаго* тома трудовъ нашего знаменитаго Ученаго Сословія.

И сей томъ начинается, по принятому порядку, въ какомъ съ 1807 г. издаются Записки Академіи, обозрѣніемъ занятій и важнѣйшихъ событій въ Исторіи Академіи. Въ числѣ ихъ означены потери Академіи: смерть Почетныхъ Членовъ, Аббата *Р. Ю. Гаюи*, сконч. въ Парижѣ, 1822 г. Іюня 1-го; славныхъ Астрономовъ: *І. Б. І. Деламбра*, скончавш. въ Парижѣ, 1822 г. Августа 24, н. с. и *Гершеля*, сконч. въ Англіи, 1822 г. Августа 27 д. — Изъ Академиковъ скончались

Digitized by Google

въ 1821 и 1822 гг. *Карлъ Габлицъ*, извѣстный своими описаніями Тавриды, и *В. М. Рихтеръ*, Авторъ Исторіи Медицины въ Россіи и другихъ сочиненій. Изъ Корреспондентовъ Академія лишилась: *І. Э. Ф. Гизе*, бывшаго Профессора Химіи въ Харьковѣ и Дерптѣ, Коллеж. Сов. и Кавалера, сконч. въ Митавѣ, 1821 г. Мая 22 д. — *І. Х. Шваба*; *Р. А. Сикара* (преемника Аббата Л'Эпе), сконч. въ Парижѣ 1822 г. Мая 16 д. и *А. І. Араухо*, Лиссабонскаго Профессора. Вновь, въ 1821 и 1822 гг., приняты были въ Адъюнкты Академіи: Зоологъ, *Докторъ Пандеръ* и элевъ Академіи, Астрономъ, *Тарханевъ*, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, съ Капитаномъ Васильевымъ, возвратившимся 1822 г. Августа 28 д. Изъ представленныхъ въ Академію ученыхъ диссертацій особенно замѣчательны слѣд. сочиненія: Академика Круга — *Замѣчанія на Ибнъ-Фоцлапово описаніе языка, религіи, нравовъ и обычаевъ идолопоклонныхъ Руссовъ, въ X вѣкѣ*; *Изысканія объ островѣ Левкѣ, на Эвксинскомъ морѣ*; *Идеи о древнемъ устройствѣ и управленіи Русскихъ государствъ*; *О языкѣ Руссовъ въ IX и X вѣкѣ* (всѣ на Нѣмецкомъ языкѣ). Академика Френа: *Критическое изслѣдованіе извѣстій, переданныхъ Арабскими писателями, о Руссахъ древнихъ временъ и Географіи Руссіи и сопредѣльныхъ сѣверныхъ областей* (на Нѣмецк. языкѣ); Inscriptiones Arabicae vel primo explanatae vel novis curis retractatae; Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn-Foszlano, Ibn-Haukale et Schems-ed-dino-Damasceno. Item de Baschkiris, *etc.* De Choresmia, *etc.*; *О происхожденіи названія Хазарскаго города Саркела* (на Нѣм. яз.); *Изыска-*

Digitized by Google

нія о времени жизни и сочиненіяхъ многихъ, о древней Россіи писавшихъ, большею частію, Магаммеданскихъ писателей (на Нѣм. яз.). Академика Севастьянова: *Описанія нѣкоторыхъ новыхъ рыбъ, въ Россіи водящихся; Описанія двухъ новыхъ породъ млекопитающихъ, пріобрѣтенныхъ въ путешествіе Беллинсгаузена.* Академика Вишневскаго: Опредѣленія долготы Оренбурга, Екатеринбурга, Кіева и Тамбова. Академика Шерера: Ueber die chemische Verbindung in Beziehung auf die chemische Proportions-lehre; *Оригтогностическія замѣчанія о Неліомѣ Царскаго Села; Матеріалы для составленія систематическаго обозрѣнія цѣлебныхъ водъ Россійск. Государства; О естественной системѣ минераловъ* (всѣ на Нѣмец. языкѣ). Академика Кёллера: »Ueber die Murhhee und die Murhhinischen Gefässe; Die Königliche Burg des Eumelus und die Stadt Gargaza. Не исчисляемъ другихъ важныхъ диссертацій, Г-дъ Грефе, Шторха, Шультена, Загорскаго, Базена, весьма любопытныхъ для Математиковъ, Физіологовъ, Политич. Экономовъ и проч. — Изъ числа замѣчаній и опытовъ, сдѣланныхъ Академіею, или сообщенныхъ въ Академію, въ 1821 и въ 1822 гг., чрезвычайно замѣчателенъ опытъ надъ несгараемою соломенною кровлею, устроенною Г-мъ Цигрою; опытъ доказалъ, что сіе изобрѣтеніе можетъ быть весьма важно и полезно (стр. 39); извѣстіе Г-на Добронравова о льдѣ въ Грузіи (въ Горійскомъ уѣздѣ, при подошвѣ Осетинскихъ горъ, въ двухъ верстахъ отъ городка Дзхинвала), представляющемъ странное явленіе, ибо въ жаркое время оный является, а въ холодное пропадаетъ; извѣстіе Г-на Рикорда, о землетрясеніи въ Камчат-

Digitized by Google

ціе, бывшемъ 1821 г. Мая 31 д. — Г-нъ Шерер представилъ свои опыты надъ кускомъ бѣлаго золота, присланнымъ изъ Бразиліи; слѣдствіемъ опытовъ было открытіе, что бѣлое золото есть смѣсь платины съ обыкновеннымъ золотомъ. Академикъ Кругъ представилъ мнѣніе свое о переводѣ Гербершгейновыхъ Записокъ о Россіи, сдѣланномъ Г-мъ Фовинскимъ. »Какъ ни желательно (говоритъ »Г-нъ Кругъ), чтобы явился вѣрный и обогащенный »изъяснительными примѣчаніями переводъ сего клас»сическаго сочиненія о Россіи,“ но изданіе перевода Г-на Фовинскаго, сей ученый мужъ не почитаетъ полезнымъ и еще менѣе находитъ приличнымъ изданіе его на счетъ Правительства, ибо такое отличіе могло-бъ быть свидѣтельствомъ его превосходства, между тѣмъ, какъ онъ невѣренъ, сдѣланъ съ большою небрежностью и при недостаточномъ знаніи языка Латинскаго, такъ, что все показываетъ въ семъ переводѣ трудъ молодаго человѣка, который имѣлъ хорошую мысль заняться полезнымъ и похвальнымъ трудомъ, но не имѣлъ дарованій исполнить надлежащимъ образомъ свое предпріятіе, или не хотѣлъ употребить ихъ, какъ-бы слѣдовало. Мнѣніе Г-на Круга можетъ подтвердить пользу и важность предпріятія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Русскихъ, которое, болѣе года тому, положило приступить къ переводу и изданію Гербершгейновыхъ записокъ, съ примѣчаніями. Жаль, если сіе прекрасное предпріятіе не будетъ исполнено; по крайней мѣрѣ, донынѣ, ни мало не приступлено къ его исполненію. Другое замѣчаніе Г-на Круга касается надгробія, найденнаго на старинномъ памятникѣ, близъ Мин-

Digitized by Google

жа, и которое почитали относящимся ко временамъ Владиміра Святославича, Г-нъ Кругъ объясняетъ, что надпись сія не восходитъ далѣе XVI или, по крайней мѣрѣ, окончанія XV вѣка.

Сочиненія, находящіяся въ семъ томѣ Записокъ Академіи, по обыкновенію, раздѣляются на *четыре* отдѣленія: *Знанія Математическія* (15 статей), *Знанія Физическія* (8 статей), *Знанія Политическія* (3 статьи) и *Знанія Историческо-Филологическія* (4 статьи). Имена Г-дъ Сочинителей суть: Л. Эйлеръ, Н. Фуссъ, Вишневскій, Шубертъ, Шультенъ, Пауккеръ, Петровъ, Тунбергъ, Эшшольцъ, Маннергеймъ, Тилезіусъ, Триніусъ, Шторхъ, Френъ, С. С. Уваровъ и Кёллеръ. Подробное разсмотрѣніе 28 статей, ученаго и пажнаго содержанія, не можетъ быть предметомъ краткаго библіографическаго извѣстія.

Н. П.

214. *Опытъ руководства къ судно-врачебной наукѣ*, съ соображеніемъ существующихъ по сему предмету Россійскихъ узаконеній и начальственныхъ предписаній. Сочиненіе Василья Тиле, Доктора Медицины, и проч. *Отдѣленіе первое*, содержащее введеніе и часть обрядную. М. 1826 г. in 8, IV, IV и 100 стр.

Россійская Врачебная Литтература конечно обогатится симъ новымъ сочиненіемъ Г-на Доктора Тиле, который, приступивъ къ изданію Опыта руководства къ судоврачебной наукѣ, съ соображеніемъ существующихъ по сему предмету Россійскихъ узаконеній и начальственныхъ предписаній выдалъ нынѣ *Отдѣленіе первое* своего сочиненія. Сочиненіе сіе

Digitized by Google

будетъ первое въ семъ родѣ въ Россіи и весьма важно для судебныхъ врачей Отечества нашего. Оно не безъ недостатковъ, какъ на пр. въ исчисленіи Литературы своего предмета Авторъ не упомянулъ о нѣкоторыхъ хорошихъ сочиненіяхъ; также упомянуто имъ только о правилахъ, которыя при наружномъ осмотрѣ труповъ наблюдать должно, а тѣ правила, которыя касаются до различныхъ полостей, Сочинителемъ оставлены для другаго Отдѣленія его сочиненія, когда по сущности предмета о нихъ обоихъ слѣдовало-бы упомянуть вмѣстѣ; многое въ семъ сочиненіи почерпнуто изъ важныхъ сочиненій, какъ-то: Генке, Клоссе и проч., но слогъ могъ-бы быть чище. Сказавъ о недостаткахъ сей книги, съ другой стороны должно отдать Сочинителю полную справедливость за предпринятый имъ трудъ, которымъ онъ не токмо первый открываетъ путь къ подобнымъ сочиненіямъ, но и замѣняетъ величайшій по сей части недостатокъ нашей Литературы. Россійскій Судебный Врачъ не токмо найдетъ въ книгѣ Г-на Тиле правила для руководства, почерпаемыя изъ врачебныхъ наукъ, но и всѣ до сего предмета относящіеся Указы и предписанія Начальства. Кромѣ сего, читатель встрѣтитъ въ семъ сочиненіи много любопытнаго, какъ-то: историческіе отрывки, относящіеся до Судебной Медицины въ Россіи, объясненіе относящихся къ ней законовъ и пр. п.; словомъ сказать, видно, что Сочинитель не токмо теоретикъ, но и свѣдущій практикъ по своей части. Искренно благодаря его за полезный трудъ, мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать послѣдующихъ отдѣленій.

А. П — ъ.

Digitized by Google

215. *Искуство быть любимымъ своею женою.* Соч. Графа П***. Перев. съ Французскаго. М. 1826 г. in 16, 90 стр.

1827 года.

112. *Добрый совѣтъ при избираніи невѣстъ въ законное супружество, или искуство быть щастливымъ супругомъ.* Соч. Ами. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 16, 137 и 111 стр.

Теорій бывало на бѣломъ свѣтѣ такъ много, что многіе нынѣ совсѣмъ не вѣрятъ теоріямъ. »Покажи намъ на опытѣ!» твердятъ эти недовѣрчивые люди. Но какъ-же намъ узнать: практически-ли знаетъ Графъ П*** *искуство быть любимымъ своею женою*, а Г. Ами *искуство быть счастливымъ супругомъ*? Повѣрьте имъ на слово, Мм. Гг. Впрочемъ, въ переводѣ названій книгъ вмѣшалась, кажется, привычка нашихъ переводчиковъ передѣлывать названія. Слова: *Добрый совѣтъ при избираніи невѣстъ въ законное супружество* отзываются что-то Русскою придѣлкою. Читателямъ вѣроятно извѣстно, что на Руси безъ *или*, названіе не въ названіе и книга не пойдетъ съ рукъ, а кому не хочется, напечатавши книгу, продать?

Сочиненіе Графа П*** должно быть въ подлинникѣ *поэма*, хотя по-Русски является *въ прозѣ*. Графъ *поетъ* Искуство быть любимымъ своею женою. Что-жь? Если писывали поэмы на коровью оспу, слезы, жалость, три царства природы, солнце, Астрономію, почему Графу П*** не воспѣвать Искуства быть любимымъ своею женою, если онъ мастеръ въ этомъ искуствѣ и мастеръ въ поэзіи? Переводчикъ погрѣшилъ одна-

Digitized by Google

ложь, не сказавъ своимъ читателямъ, что перевелъ *поэму*, а не учебный курсъ.

Другая книга есть систематическое изложеніе правилъ, *какъ выбирать себѣ жену*. Сочинитель (или переводчикъ) говоритъ, что »выборъ супруги есть самое важное *обстоятельство мущины*, »что жена *принадлежитъ своему мужу тогда, когда она не можетъ быть принадлежна другому*;« совѣтуетъ выбирать жену хорошую, здоровую; бѣдному брать съ деньгами, богатому безъ денегъ; блондину брать брюнету, брюнету блондинку, моложе себя, изъ хорошаго семейства; на лѣто имѣть деревню, гдѣ можно-бы жить весело и удалять жену отъ молодыхъ вѣтренниковъ; не влюбляться въ свою невѣсту, выбирать не по любви и не одному, а съ помощію родни и друзей, и — *много кой-чего еще*. Бездѣлица! Архимедъ хотѣлъ повернуть землю, но включалъ только небольшія условія, Г-нъ Ами выдаетъ Искуство быть счастливымъ супругомъ: это потруднѣе Архимедовскаго подвига; правда, но и условія Г-на Ами потяжеле условій Архимеда. Русскій переводъ напечатанъ прекрасно.

113. *Хозяйственная Статистика Россіи*, составленная Васильемъ Андроссовымъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства Дѣйствительнымъ Членомъ. М. 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго. in 8, X и 282 стр.

Разборъ сей книги помѣщенъ выше сего, въ отдѣленіи *Критики*.

114. *Le tombeau d' Alexandre*. Par C. Lamartinière Ex. adjud. maj. de cavalerie et chev. de la légion d'honneur. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 4, 6 стр.

Digitized by Google

115. *Trois odes* par St. Thomas. M. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 8, 27 стр.

Прекрасно напечатанная книга. Въ первой Одѣ поэтъ описываетъ, бывшее въ 1824 году, наводненіе Петербургское; во второй онъ удивляется, Кремлю, видитъ на вершинѣ башни какую-то молнію: это *тѣнь Пожарскаго*, которая говоритъ поэту, что Москва скоро помрачитъ великолѣпіемъ своимъ Петербургъ.

L'airain sacré résonne et se mêle à sa voix;
Silence! . . Je l'entends, et, *la tête inclinée*,
J' écoute, *avec respect*, quelle est la destinée
Dont Moscou doit subir les immuables loix.

Въ третьей Одѣ, какой-то иностранецъ (étranger) жалуется, что ему все худо кажется на свѣтѣ и плохо приходитъ жить, бросается въ Волгу и — утопаетъ.

116. *Езоповы басни.* Aesop's Fabeln. *Fables d'Esope.* Часть I, книжка 1. *У Фердинанда Эльснера.* 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 8, XX и 18 стр., съ 6 ю картинками.

Г-нъ Эльснеръ издаетъ весьма полезную книгу для дѣтей: выборъ изъ Езоповыхъ басенъ, на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Не смотря на то, что нынѣ больше прежняго является книгъ, полезныхъ и необходимыхъ для дѣтей, хорошее у насъ долго еще не будетъ лишнимъ, а Г-нъ Эльснеръ началъ свое предпріятіе очень хорошо: разсказъ басенъ на всѣхъ трехъ языкахъ простъ и понятенъ для дѣтей. Картинка слѣдуетъ при каждой баснѣ, и по расположенію и исполненію онѣ такъ хороши, что мы немного ви-

Digitized by Google

дамъ подобныхъ гравюръ въ нашихъ и не дѣтскихъ книгахъ: всѣ картинки гравированы въ Вѣнѣ, по заказу Издателя. Мы нѣсколько разъ уже говорили о неудобствѣ давать дѣтямъ для изученія языковъ читать и выучивать разговоры, и порадуемся, когда родители и наставники, обдумавши причины нашего мнѣнія, изгонятъ совершенно изъ курсовъ ученія разговоры старые Вегелиновскіе и всякіе. Напротивъ, не льзя не сказать, что выборъ повѣстей или басенъ нравоучительныхъ полезенъ для дѣтей во всѣхъ отношеніяхъ. Г-нъ Эльснеръ предполагаетъ издать 30 басенъ, въ I-й части. Нынѣ вышедшая 1-я книжка заключаетъ 6 басенъ. Книга напечатана весьма опрятно, и можно пожелать, чтобы предпріятіе Г-на Эльснера было ободрено благосклоннымъ вниманіемъ публики, отъ чего зависитъ изданіе другихъ частей сего собранія, могущаго составить довольно большую, но недорогую ручную книжку для дѣтей.

Н. П.

117. *Едуардъ.* Сочиненіе Герцогини Дюра, Автора Урики. Переводъ съ Французскаго. 2 Части. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 12, 143 и 129 стр.

Русскіе читатели поблагодарятъ Переводчика за то, что онъ потрудился передать имъ прекрасный этотъ романъ. Мы говорили уже о подлинникѣ (см. Телегр. X, 169); переводъ *могъ - бы быть* лучше: излишнее стараніе передать точнѣе подлинникъ, кажется, много вредитъ слогу Русскаго переводчика, и вообще замѣтны у него въ слогѣ нечиствость и неловкость, особливо въ раз-

Digitized by Google

говорахъ. Приведемъ нѣсколько строкъ. (Ч. II стр. 104): »Изъясненія *безполезны* между нами, сказалъ »мнѣ Маршаль; дочь моя *открылася* мнѣ во всемъ. »Ея подруга, *узнавъ* прежде меня о клеветахъ, »*которыми ее очернили*, пріѣхала изъ Голландіи, »*что-бы избавить* ее *отъ* бездны, *въ которую* она »готова была повергнуться.« . . . . Будто *такъ* говорятъ, особливо люди высшаго образованія!

Ѿ

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

О послѣднемъ необыкновенномъ переломѣ въ Англійской торговлѣ и промышленности (*). Причины не обыкновенныхъ переломовъ, отъ времени до времени потрясающихъ мануфактурныя земли и приводящихъ въ упадокъ богатыхъ негоціянтовъ и мануфактуристовъ муземныхъ: вотъ важнѣйшій предметъ, о которомъ всего необходимѣе публикѣ имѣть надлежащее понятіе. Но какъ ни важно разысканіе о семъ предметѣ, онъ, кажется, донынѣ мало обращалъ на себя настоящее вниманіе. Замѣчательно, что послѣдній переломъ въ нашей торговлѣ и промышленности, столь тяжко нами испытанный, печальныя слѣдствія коего, по види-

(*) Сочиненіе Мак' коллока, сокращенно взятое изъ Edinburgh Review. Мы не совсѣмъ соглашаемся съ Авторомъ и потому въ окончаніи позволяемъ себѣ нѣсколько замѣчаній. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

мому, еще долго будутъ для насъ продолжаться, не былъ предвидѣнъ нашими негоціянтами, и донынѣ встрѣчаемъ мы величайшее разногласіе въ мнѣніяхъ о причинѣ его. Все это рѣшило насъ предложить публикѣ слѣдующія замѣчанія; за неимѣніемъ другихъ достоинствъ, они, по крайней мѣрѣ, теперь очень кстати.

Прежде всего различимъ два рода необыкновенныхъ переломовъ въ промышленности и торговлѣ: *одни* происходятъ отъ политическихъ обстоятельствъ, и слѣдственно могутъ быть разсматриваемы, какъ совершенно случайные; *другіе* происходятъ отъ ошибочныхъ соображеній частныхъ людей. Первые не входятъ въ кругъ Политической Экономіи. Она можетъ указывать путь, по которому должно слѣдовать для пріобрѣтенія богатствъ государству; но невозможно ей a priori сказать, по какому пути они будутъ слѣдовать. Она неможетъ, ни предвидѣть мѣръ, которыя кому нибудь угодно будетъ принять, не можетъ и предувѣдомлять, что̀ произойдетъ отъ принятія сихъ мѣръ. И такъ, мы не будемъ здѣсь говорить о коммерческихъ бѣдствіяхъ, необходимо слѣдующихъ изъ того или другаго, вольнаго или невольнаго теченія, политическихъ обстоятельствъ, и ограничимся единственно тѣми, которыя встрѣчаются при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, и, какъ мы горестнымъ опытомъ узнали, бываютъ столь-же неожиданны, какъ и тѣ, которыя происходятъ отъ неожиданной войны или страшной революціи.

Сіи переломы могутъ быть: 1 е отъ ложныхъ разсчетовъ мануфактуристовъ; 2 е, отъ ошибоч-

Digitized by Google

ихъ спекуляцій торговцовъ; 3 е, отъ возвышенія
ѣнъ, причиняемаго перемѣною въ количествѣ, и
лѣдственно, въ цѣнности денегъ. Изслѣдуемъ
собо каждую изъ сихъ причинъ.

Перевороты отъ ложныхъ разсчетовъ произ-
водителей бываютъ вообще въ тѣ времена, когда
произойдетъ перемѣна въ обыкновенной пропорціи
требованій и количествѣ готовыхъ товаровъ. По-
ложимъ, на примѣръ, что по причинѣ открытія
новыхъ торжищъ для сбыта, появленія новой моды,
или по другой какой причинѣ, бумажныя ткани
болѣе прежняго потребовались: слѣдствіемъ сего
будетъ мгновенное возвышеніе цѣнъ и большіе
барыши фабрикантамъ. Но разсчетъ прибылей
въ разныхъ производствахъ заключаетъ въ самомъ
себѣ постоянное стремленіе *уравниваться*, и если
монополія не предупредитъ или не попрепят-
ствуетъ дѣйствію состязанія, разсчетъ прибылей
не можетъ долго оставаться, выше или ниже извѣ-
стной мѣры, въ одномъ какомъ-либо родѣ производ-
ства, противъ другихъ. Такъ, если возвысится цѣ-
на бумажныхъ тканей, то немедленно начнутъ
производители употреблять новые капиталы на
ихъ выдѣлку, извлекая большую или меньшую часть
капиталовъ изъ другихъ производствъ, дабы дать
имъ новое выгодное направленіе.

Къ несчастію извѣстно, что сіе перемѣщеніе
капиталовъ никогда не остановится на надлежащей
степени, для возстановленія прежнихъ цѣнъ, и все-
гда будетъ произведено съ такимъ увеличеніемъ,

Digitized by Google

что скоро обременитъ торжища, и въ послѣдствіи причинитъ переломъ, бѣдственный для производителей. Множество причинъ споспѣшествуютъ сему результату. Прибыли, полученныя какими нибудь фабрикантами отъ приращенія требованій на ихъ товаръ, всегда бываютъ увеличены, какъ тѣми изъ нихъ, которые стараются умножить свой кредитъ увѣреніемъ, что они получили барыши значительные, такъ и фабрикантами другихъ произведеній. Люди характера зыбкаго и предпріимчиваго, особенно-же расположенные почитать *omne ignotum pro magnifico* (*все неизвѣстное за великое*), не замедлятъ пуститься въ такое занятіе, въ которомъ, кажется имъ, видятъ они вѣрнѣйшее и скорѣйшее средство разбогатѣть. Толпы подражателей поторопятся въ свой чередъ слѣдовать ихъ примѣру и броситься по ихъ слѣдамъ. Увѣренный въ своемъ счастьѣ и своей ловкости, каждый спекулянтъ оставитъ занятіе, въ которомъ воспитанъ, которое хорошо знаетъ, и пойдетъ на новое поприще, между тѣмъ, какъ люди, прежде еще на сіе поприще вступившіе, стараются пользоваться своимъ кредитомъ, сколько возможно распространить дѣла свои и увеличить количество произведеній. Всякій здравомыслящій легко можетъ предвидѣть, каковы должны быть слѣдствія сего порядка вещей. Увеличеніе капиталовъ въ одномъ родѣ дѣлъ, скоро будетъ послѣдуемо заваломъ торжищъ и упадкомъ цѣнъ, неминуемымъ слѣдствіемъ излишка.

Негоціанты никогда не должны терять изъ вида сихъ истинъ. Истины сіи непреложны, и кто

Digitized by Google

изучитъ Исторію промышленности, въ той или другой землѣ, тотъ убѣдится, что необыкновенное преуспѣяніе въ какой нибудь торговой частной отрасли всегда предвѣстникъ сильнаго перелома. Земледѣліе можетъ намъ представить неоспоримое доказательство того, что мы здѣсь утверждаемъ. Высокія цѣны 1800 и 1801 гг. дали сильный порывъ земледѣльческой промышленности. Въ 1802 г. почти вдвое, противъ предшествовавшихъ годовъ, выдано было отъ Парламента позволеній осушать болота и разчищать мѣста. Распространеніе земледѣлія и усовершенствованныя методы, принятыя мызниками, унизили въ 1804 г. цѣны хлѣба ниже обыкновенныхъ и жалобы земледѣльцовъ рѣшили Парламентъ издать актъ, коимъ оказано было преимущественное покровительство отечественному земледѣлію, противъ состязанія иностранцовъ. Высокія цѣны 1810, 1811, 1812 и 1813 гг. имѣли слѣдствія точно такія-же. Новые капиталы были обращены на обработываніе земли, и землепашество такъ раздвинулось, что въ 1812 и 1813 гг. собственнаго хлѣба достаточно было для нашего потребленія. Неминуемо послѣдовалъ значительный упадокъ цѣнъ, хотя гавани наши совершенно заперты были для привозовъ иностраннаго хлѣба. Слѣдующая таблица среднихъ цѣнъ пшеницы въ Англіи и числа позволеній, Парламента на разчистку мѣстъ и осушеніе болотъ, выдаванныхъ ежегодно съ 1791 по 1820 г., въ ясномъ свѣтѣ подтвердятъ истину замѣчаній нашихъ. Направленіе, даваемое высокими цѣнами минувшаго года распространять земледѣліе въ слѣдующемъ году, было неизмѣнно, въ чемъ можно увѣриться по увеличенію позволеній, или биллей, Парламента.

Digitized by Google

Годы.	Цѣна.	Число биллей.	Годы.	Цѣна.	Число биллей.
1791—	47 2 —	38	1806—	79 0—	71
1792—	42 11 —		1807—	73 3—	76
1793—	48 11 —	46	1808—	79 0—	91
1794—	51 8 —	42	1809—	95 7—	92
1795—	74 2 —	39	1810—	106 2—	122
1796—	77 1 —	75	1811—	94 6—	107
1797—	53 1 —	86	1812—	125 5—	133
1798—	50 3 —	52	1813—	108 9—	119
1799—	67 6 —	65	1814—	73 11—	120
1800—	113 7 —	63	1815—	64 4—	81
1801—	118 3 —	80	1816—	75 10—	47
1802—	67 5 —	122	1817—	94 9—	34
1803—	56 6 —	96	1818—	84 1—	46
1804—	60 1 —	104	1819—	73 0—	44
1805—	87 10 —	25	1820—	65 7—	40

Исторія Вестъ-Индской торговли также служитъ подкрѣпленіемъ нашихъ мнѣній. Разрушеніе прекрасныхъ Сенъ-Домингскихъ плантацій, взбунтовавшимися Неграми, сначала уменьшивши, а потомъ совсѣмъ уничтоживши выходъ 115,000 екгр. сахару, который Франція и твердая земля Европы получала изъ сей обширной колоніи, причинило необыкновенное возвышеніе цѣнъ на сахаръ и дало соразмѣрное побужденіе къ увеличенію произведенія сахара на другихъ островахъ. Сіе побужденіе было такъ сильно, что Ямайка, въ прежнее время не выпускавшая болѣе 83,000 екгр., выпустила 286,000 въ 1801 и 1802 гг., слѣдовательно по 143,000 на каждый годъ! Но сіе преуспѣяніе было столь-же кратковременно, сколь блестяще; одинакая причина скоро произвела

Digitized by Google

одинакія слѣдствія въ колоніяхъ твердой земли Европы, какъ равно и на Англійскихъ Антильскихъ островахъ. Количество сахара и кофе, выпущенное Кубою, Порторико, Мартиникою, Гваделупою, Бразиліею и другими мѣстами, не замедлило пополнить недостатокъ, причиненный возмущеніемъ Сенъ-Домингскимъ, и даже завалить торжища. Значительныя требованія, сдѣланныя иностранцами на сахаръ нашихъ плантацій, уменьшались со дня на день въ 1805 и 1806 гг., и мало помалу совсѣмъ прекратились. Изъ сего вышло, что почти вся сложность Ямайкскаго сахара была ввезена въ Англію, и то что въ 1798 г. стоило 66 шиллинговъ, въ 1806 г. продавалось не дороже 34: цѣна недостаточная, не только принесть барышъ хозяевамъ плантацій, но даже окупить ихъ издержки. Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ Парламентомъ, дабы торговлѣ дать насильственный ходъ, очень некстати поддержали огромное произведеніе сахара, безъ всякаго соображенія съ настоящимъ его требованіемъ, такъ, что за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, хозяева плантацій не выходили изъ безконечной цѣпи затрудненій и убытковъ, и это состояніе не кончилось для нихъ донынѣ.

Такія же доказательства можно найдти въ исторіи дистиллировки вина въ Шотландіи. И теперь Шотландскіе дистиллаторы находятся въ величайшемъ замѣшательствѣ, не зная: куда дѣть безмѣрное количество спиртовъ, приготовленныхъ ими, въ надеждѣ, что послѣднее уменьшеніе пошлинъ чрезвычайно увеличитъ потребленіе оныхъ въ Англіи. Потребленіе дѣйствительно увеличилось, но не

Digitized by Google

въ такой пропорціи, какой ожидали дистиллаторы наши.

Всеобщее правило: чѣмъ болѣе вдругъ начнетъ преуспѣвать какая нибудь частная отрасль промышленности, тѣмъ сильнѣе и страшнѣе будетъ переломъ, всегда почти слѣдующій за необыкновеннымъ распространеніемъ. Если увеличеніе требованій на товаръ возвысило цѣну его на 10 процентовъ болѣе цѣны обыкновенной, его скоро произведутъ въ большомъ количествѣ, а это необходимо причинитъ ему обратный переворотъ. Если возвышеніе сдѣлалось на 30 или 40 процентовъ, капиталисты тотчасъ бросятся на это дѣло съ своими капиталами, и тогда переворота должно ожидать и скорѣйшаго и раззорительнѣйшаго.

Переломы, о коихъ мы говоримъ, могутъ быть скорѣе или медленнѣе, смотря потому, какая система управляетъ общимъ ходомъ торговли государства. Ничто не уменьшало-бы столько числа и жестокости переломовъ, какъ свободная торговля. Будь торговля свободная, мы занимались-бы только такими дѣлами, въ которыхъ видимъ свое естественное или приобрѣтенное превосходство, и которыя по сему самому болѣе безопасны отъ неблагопріятныхъ переворотовъ, нежели тѣ, кои поддерживаются натянутыми средствами и ограниченіями. Положимъ, на прим., что торговля шелковыми тканями не подвержена никакимъ ограниченіямъ: въ такомъ случаѣ, мы вывезли-бы за границу часть тканей нашихъ шерстяно-шелковыхъ, нашихъ чулковъ и перчатокъ, въ которыхъ намъ приходитъ неоплатный барышъ, и въ тоже время, изъ за гра-

Digitized by Google

ницы привезли-бы къ намъ тѣхъ шелковыхъ тканей, которыя выдѣлываютъ иностранцы лучше или дешевле. Если при семъ предположеніи, новая мода, или другая какая нибудь причина, вдругъ увеличили-бы требованіе на сіи ткани, состязаніе иностранныхъ купцовъ воспрепятствуетъ имъ дойдти до необычайной цѣны, и слѣдственно предупредитъ напряженное расширеніе нашихъ фабрикъ и замѣшательства, въ которыя неминуемо вводитъ сіе расширеніе. Если-бы напротивъ, требованіе на шелковыя ткани уменьшилось внутри государства, множество внѣшнихъ торжищъ, на которыхъ продавали-бы наши фабриканты, дало-бы имъ способы распорядить излишествомъ своихъ товаровъ, по цѣнамъ, гораздо болѣе выгоднымъ, противъ тѣхъ, какими они ограничиваются, сбывая ихъ только на своихъ торжищахъ. Сіи основанія не тщетныя теоріи, и они подтверждены самыми обширными опытами. Нѣтъ въ Лондонѣ ни одного негоціянта, который не согласится, что измѣненія въ цѣнахъ хлѣба были-бы гораздо постояннѣе и состояніе нашихъ земледѣльцовъ болѣе улучшилось, если-бы ограниченія, законами нашими предписываемыя торговлѣ хлѣбомъ, были уничтожены. Точно тоже со всѣми другими отраслями. Ограниченія и запрещенія всегда приводили торгующихъ въ затруднительное положеніе касательно цѣнъ, и производили потрясенія болѣе или менѣе сильныя. Искуственныя возбужденія, къ какой-бы они отрасли промышленности ни прилагались, непосредственно производятъ неблагопріятныя дѣйствія на всѣ другія отрасли, и всегда оканчиваютъ вредомъ, даже и той, которой посредствомъ ихъ хотѣли благопріят-

Digitized by Google

ствовать. Никакое установленіе, никакой законодательный актъ не можетъ увеличить капитала государственнаго; разлить его въ новые каналы: вотъ все, что они могутъ сдѣлать. Но когда сіи каналы довольно наполнены, отъ этого начинается только противудѣйствіе. Если нѣтъ торжищъ внѣшнихъ, каждый разъ, когда перемѣна во вкусѣ потребителей причиняетъ уменьшеніе требованій, магазины заваливаются товарами, которыхъ, при свободной торговлѣ, и не заготовляли-бы. Невѣжды и люди увлекаемые корыстными видами не обинуясь приписываютъ излишество произведеній употребленію машинъ и недостаточному покровительству отечественнымъ произведеніямъ противъ состязанія иностранцовъ. Напротивъ: это есть слѣдствіе необходимое и неизбѣжное запретительныхъ системъ и приложенія тѣхъ опасныхъ лекарствъ, которыя безпрестанно измѣняютъ ходъ промышленности, ко вреду внутренней экономіи политическихъ тѣлъ.

Не нужно сказывать, что наши замѣчанія касаются только излишества произведеній, въ нѣкоторыхъ частныхъ отрасляхъ. Относительно-же *произведенія вообще*, мы увѣрены, по несомнѣннымъ доказательствамъ, что оно никогда не можетъ быть излишне и идея о *всеобщемъ излишкѣ* есть противорѣчіе здравому смыслу. Всякій согласится, что каковъ-бы ни былъ объемъ произведенія, оно всегда потребится, ибо иначе должно предположить произведеніе безъ цѣли, дѣйствіе безъ причины. Только тогда, когда товары назначаются для перевозки на какое нибудь торжище, они могутъ излишне скопляться. Но когда они уже пере-

Digitized by Google

везены на торжище, значитъ, что они назначены къ промѣну, и если ихъ будетъ излишекъ, это безспорное доказательство, что не ихъ излишне много, но товаровъ, на которые ихъ промѣнять должно, напротивъ, количество недостаточно. Тутъ не въ томъ ошибка, что *много произвели*, но что *худо произвели*, ибо произвели то, что не требуется тѣми, кому хотѣли продать, а мы сами потребить произведеннаго не можемъ. Завалка всегда происходитъ отъ того, что люди, занимающіеся какимъ нибудь родомъ произведеній, умножаютъ количество ихъ въ пропорціи, несоразмѣрной съ потребностями. Это было причиной замѣшательствъ, испытанныхъ хозяевами плантацій Антильскихъ въ 1807 г., Англійскими земледѣльцами въ 1816 г. и фабрикантами шелковыхъ тканей въ послѣднее время. Произведенія сихъ людей представляются во всѣ три означенныя эпохи въ пропорціи несоразмѣрно огромной противъ тѣхъ товаровъ, на которые должно было мѣняться.

Установивши свободную торговлю, чтобы еще лучше воспрепятствовать переломамъ торговымъ, Правительству Англійскому надобно-бы поставить правиломъ, кромѣ необыкновенныхъ случаевъ не вмѣшиваться въ торговлю и промышленность и не помогать тѣмъ частнымъ производителямъ, которые безразсчетно входятъ въ дѣла. Такое правило, конечно, покажется излишне суровымъ, но однакожь, это единственное правило для Правительства, которому можно послѣдовать съ успѣхомъ. Всѣ почти ограниченія и монопольныя запрещенія, стѣсняющія свободу движеній Англійской торговли

Digitized by Google

и подкрѣпляющія духъ спекуляцій, происходятъ отъ того, что Правительство наше излишне заботится помогать тѣмъ производителямъ, которые затѣваютъ спекуляціи неудачныя или безразсудныя. Отъ того, значительная часть Англійской промышленности установилась на невѣрныхъ основаніяхъ, и негоціянты и фабриканты, освободясь отъ естественной отвѣтственности, съ которою каждый долженъ дѣйствовать, научились полагаться на пособіе Правительства, когда ихъ спекуляціи пойдутъ худо. Если-бы Правительство могло помогать частнымъ людямъ безъ вреда остальному обществу, тутъ нѣчего было-бы и спорить; но дѣлается напротивъ, а потому Министръ, здравомыслящій политикъ и филантропъ, долженъ отказать въ пособіи при семъ случаѣ, ибо пособія во сто разъ причиняютъ болѣе вреда, нежели отвращаютъ его. Съ удовольствіемъ приводимъ здѣсь въ доказательство мнѣніе практика, знаменитаго негоціянта нашего, А. Беринга (A. Baring), столь извѣстнаго всѣмъ важнѣйшимъ негоціянтамъ Европы и Америки по его обширнымъ дѣламъ. Вотъ что говорилъ Г-нъ Берингъ, въ небольшомъ сочиненіи своемъ, изданномъ въ 1808 году: »Вообще покровительствовать во время войны и мира, уничтожать договорами запрещенія другихъ державъ и ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать ограниченій и запрещеній: вотъ все, чего должна требовать торговля отъ Правительства. Если-бы установленія нынѣшнія, касательно внѣшней и внутренней торговли, были уничтожены, нѣтъ сомнѣнія, что отъ того произошли-бы величайшія выгоды для всей Англіи и для купцовъ Ан-

Digitized by Google

лійскихъ въ особенности. Твердая рѣшительность: ставить всѣ обстоятельства торговли естественному ихъ ходу, не вмѣшиваясь въ нихъ по росьбѣ того или другаго званія гражданъ, когда ошибка въ разсчетѣ заводитъ ихъ въ невыгодныя дѣла, сія рѣшительность, скорѣе, нежели искуственныя лекарства, установила-бы настоящее равновѣсіе между произведеніемъ и требованіемъ. Если жадность къ прибыли часто нарушаетъ равновѣсіе, таже причина, когда оставятъ торговлю и промышленность свободно дѣйствовать, непремѣнно возстановитъ его.

«Когда политическіе уравниватели вмѣшиваются въ дѣла какой нибудь отрасли промышленности, это не только вредно другимъ отраслямъ, но и той, которой хотятъ пособить. Положимъ, на примѣръ, что въ Ямайкѣ надѣлали много сахару а въ Манчестерѣ много бумажныхъ тканей: потеря людей, погнавшихся за корыстью, скоро остановитъ зло. Но если Правительство употребитъ искуственную помощь, дабы доставить, первымъ изъ нихъ средство къ необыкновенному сбыту ихъ произведенія, средство, коего ничто не можетъ упрочить на будущее время, то, хотя косвенно, оно ободритъ ихъ продолжать свои дурныя спекуляціи и чрезъ то, пособивъ на время, приведетъ ихъ къ гораздо худшимъ и болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ. Съ другой стороны, если оно постарается отвратить слѣдствія неблагоразумныхъ распоряженій фабрикантовъ бумажныхъ тканей, оно сдѣлаетъ только вредъ фабрикамъ суконъ, полотенъ, или шелковыхъ

Digitized by Google

ціаней, но ничѣмъ не оградитъ бѣдствія фабрикантовъ Манчестерскихъ.

»Если какой нибудь классъ фабрикантовъ или негоціянтовъ проситъ помощи Правительства, обыкновенно съ величайшимъ великолѣпіемъ выставляетъ онъ заслуги, оказанныя имъ отечеству. Ость-Индская и Вестъ-Индская торговля, оружейники, суконные фабриканты, и проч., и проч., постепенно успѣвали заговорить Правительство симъ образомъ въ свою пользу; но слушая ихъ, должно-бы помнить, что выгоды государства состоятъ въ общемъ благоденствіи; что не должно помогать развитію какой нибудь отрасли, иными средствами, кромѣ тѣхъ, кои она заключаетъ въ самой себѣ, а тѣмъ менѣе помогать ей на счетъ другихъ отраслей, и что, дабы заключить ее въ надлежащихъ границахъ, надобно предоставить ей самой попеченіе о своемъ направленіи.“

Намъ нѣчего прибавлять къ симъ превосходнымъ замѣчаніямъ опытнаго гражданина, и мы обращаемся къ переломамъ торговли и промышленности другаго рода, т. е. происходящимъ отъ ложныхъ разсчетовъ негоціянтовъ, или, чтобы выразиться не такъ точно, но болѣе употребительнымъ образомъ, отъ слишкомъ обширной торговли.

Сего рода переломы бываютъ въ то время, когда продажныя цѣны, или цѣнность, какую они представляютъ, находятся въ надлежащемъ состояніи и держатся на прочномъ основаніи; и въ то вре-

Digitized by Google

ı, когда цѣнность сія находится въ величайшемъ
овышеніи и худо обезпечена, слѣдственно, подвер-
ена испытанію разительныхъ измѣненій въ своемъ
урсѣ, прибавкѣ и убавкѣ.

Множество причинъ способствуютъ перело-
амъ, когда они бываютъ при состояніи продаж-
ой цѣны въ надлежащемъ положеніи. Если купцы
олагаютъ, что товаръ, коего потребленіе повсе-
ѣстно, производится не въ достаточномъ коли-
ествѣ, или, если и дѣйствительно недостаточно
ываютъ имъ снабжены торжища, спекулянты ста-
аются требовать его вездѣ, гдѣ только добыть
ожно. Тоже бываетъ, если вдругъ откроются для
его новыя и значительныя торжища. Подобное
величеніе требованій необходимо причиняетъ воз-
вышеніе цѣнъ, и разумѣется, что большое число
покупателей, вдругъ появившихся на торжища, вы-
ведетъ цѣны изъ надлежащихъ границъ, а это не
замедлитъ произвесть противодѣйствіе, болѣе или
менѣе сильное.

Переворотъ, коему подвергаются люди, дающіе
необыкновенныя цѣны за товаръ, бываетъ отъ труд-
ности или совершенной невозможности дѣйствитель-
но увѣриться, что этого товара недостаетъ, или что
требованіе на него прибудетъ. Въ способѣ, какимъ
рѣшаетъ сіи вопросы истинно-умный негоціянтъ, мож-
но видѣть его ловкость. Послѣднія спекуляціи, на при-
мѣръ, хлопчатою бумагою произведены были отча-
сти потому, что необдѣланную бумагу полагали въ
большомъ требованіи, и въ Англію и на твердую

Digitized by Google

землю Европы. Если-бы сіи предположенія были точны, если-бы состязаніе покупщиковъ не слишкомъ возвысило цѣны, спекуляціи кончились-бы хорошо. Но въ самомъ дѣлѣ было совсѣмъ не то, и ничто не было такъ ложно, какъ предположенія спекулянтовъ: не только что не настояло недостатка въ хлопчатой бумагѣ, а напротивъ вышло ее огромное излишнее количество; да если-бы и въ самомъ дѣлѣ урожай ея былъ недостаточенъ, то необыкновенное возвышеніе цѣнъ долженствовало уменьшить потребленіе оной, а это должно было обратно произвесть величайшее пониженіе цѣнъ.

По вѣрному счету выходитъ количество, хлопчатой бумаги, ввезенной въ Англію въ 1823, 1824 и 1825 годахъ, ужасное, а именно:

Въ 1823 г.	191,402,593
— 1824 »	149,380,122
— 1825 »	228,005,291

Напротивъ, вывезено ее было:

Въ 1823 г.	9,318,403
— 1824 «	13,299,505
— 1825 »	18,004,953

Слѣдовательно, осталось для внутренняго потребленія:

Въ 1823 г.	182,184,100
— 1824 »	136,090,617
— 1825 »	210,000,338

Не смотря на сей огромнѣйшій привозъ, возвышеніе цѣнъ было такъ велико, что сорть бума-

Digitized by Google

ии Американской (Georgie), продававшійся въ 1823 году по $10\frac{1}{2}$ ден. за фунтъ, въ 1825 г. продавался $18\frac{1}{2}$; сорты Индійской (*Бенгалъ* и *Сурать*), опытъ цѣнъ 1823 г., $8\frac{1}{4}$ д., дошли въ 1825 г. до $13\frac{1}{2}$ д. Со времени упадка, первый остановился на 7, а другіе на 5 д. Потеря, какую спекулянты должны были понесть въ три года, по самому малому разсчету, должна простираться до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ ф. с.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Вновь найденныя стихотворенія Ломоносова (*).

I.

Отмщать зависти́нику меня́ вооружаютъ,
Хотя́ мнѣ отъ него́ вреда́ совсѣмъ не чаютъ.
Когда́ Зоилова́ хула́ мнѣ не вредитъ,
Могу́-ли на него́ за то́ я быть серди́тъ?
Однакожъ, осержусь! Я всталъ, ищу́ обуха;
Ужь поднялъ, я махну́! А кто́ сидитъ тутъ? Муха!
Какъ жаль мнѣ для нее́ напра́снаго труда́;
Бѣдняжка, ты́ лета́й, ты́ пой: мнѣ нѣтъ вреда́!

II.

Искусные пѣвцы́ всегда́ въ напѣвахъ тща́тся,
Дабы́ на буквѣ А всѣхъ долѣ остоя́ться;
На Е, на О притомъ умѣ́ренность имѣ́ютъ;
Чрезъ У и черезъ И съ поспѣ́шностью лета́ютъ:

(*) Мы получи́ли отъ одной почтенной особы сіи, донынѣ бывшія неизвѣстными стихотворенія Ломоносова и спѣшимъ сообщить ихъ публикѣ, предполагая, что самыя малыя подробности жизни и твореній сего великаго человѣка важны для каждаго уважающаго память людей, коими гордится наше отечество. Сообщенный намъ подлинникъ сихъ стиховъ весь писанъ самимъ Ломоносовымъ. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Чтобъ онымъ нѣжному была пріятность слухў,
А сими не принесть несносной скуки уху.
Великая Москва въ языкѣ толь нѣжна,
Что А произноситъ за О велитъ она.
Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
Природа насъ блюсти законъ сей научила.
Безъ силы *береги*, но съ силой *берега*
И *снѣги* безъ нея мы говоримъ *снѣга*:
Довольно кажутъ намъ толь ясные доводы,
Что ищетъ нашъ языкъ вездѣ отъ И свободы.
Или ужь стало *иль*; *коли* ужь стало *коль*;
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*.
За *спиши*, *спишь* и *спать* мы говоримъ за *спатк*.
На что-же, Трисотинъ, къ намъ тянешь И не кстати?
Напрасно злобный сей ты предпріялъ совѣтъ,
Чтобъ льстя тебѣ когда Россійскій принялъ свѣтъ
Свиныи визги всѣ и дикіи и злыи
И истинныи ти и лживы и кривыи.
Языка нашего небесна красота
Не будетъ никогда попранна отъ скота.
Отъ яда твоего онъ самъ себя избавитъ,
И предъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставитъ
Скончать твой скверный визгъ стонаніемъ совы,
Негоднымъ въ Русскій стихъ и пропастнымъ *увы!*

Digitized by Google

Подражанія Корану.

I.

огачъ, своимъ гордясь имѣньемъ,
бывъ Всесильнаго Творца,
къ нищему сказалъ съ презрѣньемъ:
Іое блаженство безъ конца. . . .
моихъ садахъ древа съ плодами
увядаемо цвѣтутъ! . . .
нѣ-ль Бога умолять дѣлами:
вѣрю я въ Господній судъ! . . .«
Онъ мещетъ громъ рукою смѣлой —
у смиренно нищій рекъ. . .
отри, строптивый человѣкъ,
тобъ надъ тобой не загремѣло! . . .
то, что длань Его дала
ебѣ дары свои обильно. . . .
ты строптиваго чела
е преклонилъ предъ дланью сильной! . . . —
инула ночь; возставъ съ зарёй,
огачъ увидѣлъ горделивый
пустошенные грозой
ады цвѣтущіе и нивы!
онъ воспомнилъ близость дня,
ь который вѣруютъ народы,
ь которой будетъ вся земля
авна, какъ равны моря воды! . . .

Digitized by Google

2.

О Мугаммедъ! благое слово,
Какъ древо пальмы возростетъ!
Его услышавъ, твой народъ
Да укрѣпится силой новой! . . .
Мной посланъ дивный Соломонъ,
Да озаритъ онъ землю свѣтомъ:
И въ сердцѣ мною разогрѣтомъ
Ко мнѣ горѣлъ любовью онъ!
Ему, избранному со славой,
Созданья тайну я открылъ;
Ему я бурю покорилъ;
Безгласенъ сталъ предъ нимъ лукавой:
Онъ погружался въ глубь морей,
По мановенью Соломона,
Или прикованный у трона
Онъ трепеталъ Царя Царей!
О Мугаммедъ! реки шворенью:
»Сильна Велицкаго рука!«
Да не созиждутъ храмъ спасенья
На брегѣ зыбкаго песка!

А. Ротчевъ.

Digitized by Google

Три брата.

Китайская сказка (*).

Есть и добро и зло,
За ними идутъ чувствительное благополучіе или несчастіе;
Вотъ что отвращаетъ отъ порока,
Вотъ что оживляетъ добродѣтель!

Бѣдная званіемъ семья жила въ Ву-си, городкѣ, зависящемъ отъ округа Чангъ-чу, въ области Кіангъ-Нань. Эта семья состояла изъ трехъ братьевъ: старшій назывался Лю-ю (или *яшма*); второй Лю-пао (или *драгоцѣнный*); третій Лю-чинъ (или *жемчужина*). Послѣдній еще не созрѣлъ для женитьбы, а двое другихъ были женаты. Жена перваго называлась Вангъ, жена втораго Янгъ. У обѣихъ были всѣ прелести, украшающія женщинъ.

Лю-пао страстно любилъ только игру и вино; никакой склонности къ добру въ немъ не замѣчали; жена его была та-

(*) Переводъ изъ *Contes Chinois*, изданныхъ Абель-Ремюза, знатокомъ Китайскаго языка. (Парижъ. 3 Т. 1827 года.) Любопытство, возбуждаемое Китайскою Литтературою, обратилось у Французовъ, нѣкоторымъ образомъ, въ моду. Это новое доказательство жадности нашего вѣка къ свѣдѣніямъ и вмѣстѣ причина, побудившая насъ помѣстить произведеніе Китайской Литтературы, хотя, правду сказать, мы видимъ въ немъ только предметъ любопытства и хотимъ только показать читателямъ нашимъ, что нравится нынѣ Парижанамъ. *Пер.*

Digitized by Google

кая-же: совсѣмъ не заботилась о добродѣ
шели, и весьма отличалась она отъ Вангъ
своей невѣстки; та была примѣръ скро
мности и порядка въ жизни. Такимъ обра
зомъ, хотя эти двѣ женщины жили до
вольно согласно, но сердца ихъ были со
единены слабо.

У Вангъ былъ сынъ по имени Ги-эль
(сынъ наслажденія). Этому ребенку счи
тали еще не болѣе шести лѣтъ, когда въ
одинъ день, остановившись на улицѣ съ
другими сосѣдскими дѣтьми, посмотрѣть
одно торжественное шествіе, онь исчезъ
въ толпѣ и вечеромъ не возвратился
домой.

Такая потеря ужасно опечалила отца
и мать: они велѣли вездѣ прибить запи
сочки; не осталось ни одной улицы, гдѣ-бы
не поискали; но всѣ разысканія ихъ были
напрасны: они не могли услышать ника
кого извѣстія о своемъ миломъ сынѣ.
Лю-ю, отецъ его, былъ неутѣшимъ. Въ
такой тяжести печали онъ вздумалъ уда
литься изъ своего дома, гдѣ все безпре
станно приводило ему на память милаго
его Ги-эля. Онъ занялъ у одного изъ дру
зей своихъ деньги на производство небольшой торговли, въ той и другой сторонѣ
вокругъ города, льстясь, что въ краткія
и частыя поѣздки, онъ найдетъ наконецъ
свое потерянное сокровище.

Будучи занятъ только своимъ сыномъ,
онъ мало чувствовалъ удовольствія отъ

Digitized by Google

выгодъ, какія приносила ему торговля. Однакожъ, онъ продолжалъ ее въ теченіе пяти годовъ, не слишкомъ удаляясь отъ своего дома; наконецъ, не находя своего сына, послѣ столькихъ лѣтъ, и почитая его потерявшимся безвозвратно, къ тому-же видя, что жена его Вангъ не приноситъ ему другихъ дѣтей, вздумалъ онъ разсѣять свои печальныя мысли, и какъ онъ собралъ маленькій запасецъ, то и рѣшился поѣхать торговать въ другой области.

Дорогой, онъ присоединился къ одному богатому купцу, который, узнавъ его способности и ловкость въ торговлѣ, далъ ему выгодную долю. Желаніе разбогатѣть избавило его отъ безпокойствъ.

Только что пріѣхали они, тотъ и другой, въ область Шань-си, какъ все удалось имъ по желанію: они скоро сбыли свои товары и получили порядочный барышъ. Платежи, затянувшіеся по причинѣ двухъ-лѣтней засухи и голода, посѣтившаго ту землю, сверхъ того продолжительная болѣзнь, постигнувшая Лю-ю, все это удержало его въ сей области три года; поправивши свое здоровье и получивъ деньги, онъ поѣхалъ отсюда въ свою сторону.

Во время пути онъ остановился подлѣ одного мѣста, называемаго Чинь-ліу, отдохнуть отъ усталости, и увидѣлъ поясъ изъ голубаго полотна, сдѣланный

Digitized by Google

наподобіе небольшаго мѣшка, длиннаго и узкаго, какіе носятъ вокругъ тѣла, подъ платьемъ, и гдѣ бываютъ деньги. Поднявши мѣшокъ этотъ, онъ почувствовалъ въ немъ что-то довольно тяжелое. Тотчасъ отощелъ онъ въ сторону, открылъ мѣшокъ и нашелъ въ немъ около двухъсотъ таэльсовъ (*).

При видѣ сего сокровища онъ подумалъ: »Счастливая судьба моя даетъ мнѣ въ руки эти деньги; я могу удержать ихъ и употреблять на свои надобности, не боясь ничего непріятнаго. Однакожъ, тотъ, кто потерялъ ихъ, какъ скоро замѣтитъ свою потерю, то будетъ въ ужасномъ страхѣ и какъ можно скорѣе воротится отыскать ее. Не говорятъ развѣ, что наши прародители, находя деньги, не смѣли почти дотрогиваться до нихъ и брали ихъ только для того, чтобъ возвратить прежнему хозяину? Эта справедливость кажется мнѣ прекрасна, хочу подражать ей, тѣмъ болѣе, что я уже старъ и у меня нѣтъ наслѣдниковъ. Чтобы и сдѣлалъ я изъ денегъ, которыя приходятъ ко мнѣ непрямыми путями!"

Въ туже минуту, воротясь назадъ, онъ сѣлъ подлѣ того мѣста, гдѣ нашелъ деньги, и ждалъ тамъ весь день: не придетъ-ли кто за ними? Никто не показы-

(*) Таэльсъ есть унція серебра и стоитъ около $7\frac{1}{2}$ франк. *Аб. Рем.*

Digitized by Google

вался, и на другой день онъ продолжалъ свой путь.

Послѣ пяти дней путешествія, прибывши около вечера въ Су-чу, онъ остановился въ гостинницѣ, гдѣ было много другихъ купцовъ. Въ разговорѣ рѣчь пала на выгоды торговли и одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: »Пять дней тому, какъ ѣхавши изъ Чинь-ліу, я потерялъ двѣсти таэльсовъ, хранившихся у меня въ нижнемъ поясѣ. Я снялъ этотъ поясъ и положилъ подлѣ себя, во время небольшаго отдыха; но вдругъ увидѣлъ, что ѣдетъ Мандаринъ, со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Боясь обиды, я удаляюсь съ дороги и забываю взять свои деньги. Уже при захожденіи солнца, скидая свои платья, я замѣтилъ сдѣланную мною потерю. Я зналъ, что мѣсто, гдѣ я потерялъ свои деньги, посѣщается столь многими людьми, что напрасно замедлилъ-бы я свое путешествіе нѣсколькими днями, воротившись отыскивать то, чего конечно не найду.“

Каждый жалѣлъ о немъ. Лю-ю тотчасъ спросилъ его объ имени и мѣстѣ жительства. «Вашъ слуга называется Чинь,“ отвѣчалъ купецъ, »и живетъ въ Янгъ-чу, гдѣ у него есть лавка и довольно хорошій амбаръ. Но смѣю-ли я, въ очередь свою, спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить?« Лю-ю назвалъ себя и сказалъ, что онъ житель города Ву-си. »Самая ближайшая дорога туда,« прибавилъ онъ, »ведетъ меня

Digitized by Google

въ Янгъ-чу; если вамъ угодно, я буду имѣть удовольствіе проводить васъ до вашего дома.“

Чинъ, какъ слѣдовало, отвѣчалъ на эту учтивость. »Очень охотно,“ сказалъ онъ, »поѣдемъ вмѣстѣ; почитаю себя счастливымъ, что нашелъ такого пріятнаго сопутника!“ На слѣдующій день, очень рано утромъ, они поѣхали вмѣстѣ. Путешествіе не было продолжительно и они скоро прибыли въ Янгъ-чу.

Послѣ обыкновенныхъ вѣжливостей, Чинъ пригласилъ своего дорожнаго товарища ласково къ себѣ въ домъ и велѣлъ подать небольшой завтракъ. Тогда Лю-ю обратилъ разговоръ на деньги, потерянныя въ Чинъ-лiу. »Какого цвѣта,« сказалъ онъ, »былъ поясъ, въ который спрятали вы свои деньги, и какъ былъ онъ сдѣланъ?« — Онъ былъ изъ голубаго полотна, отвѣчалъ Чинъ. А чѣмъ онъ былъ очень примѣтенъ, то, это буквой *Чинъ*, означающей мое имя; она была вышита на одномъ концѣ бѣлымъ шелкомъ. —

Послѣ сихъ объясненій сомнѣнія не осталось никакого, и Лю-ю воскликнулъ съ веселымъ лицомъ: »Я потому спрашиваю васъ, что проѣзжалъ черезъ Чинъ-лiу и нашелъ тамъ такой поясъ, какой вы описали.“ Въ то-же время онъ вынимаетъ его. »Смотрите,« говоритъ онъ: »вашъ-ли это?« — Онъ самой, говоритъ Чинъ. Тутъ Лю-ю, держа еще поясъ въ своихъ

Digitized by Google

рукахъ, съ почтеніемъ передаетъ его настоящему хозяину.

Чинъ, исполненный признательности, сильно настоялъ, чтобы Лю-ю принялъ половину той суммы, которою даритъ его; но убѣжденія были напрасны: Лю-ю не хотѣлъ ничего принять. »Сколько одолжаете вы меня!« возразилъ Чинъ. »Гдѣ найдти подобную вѣрность и великодушіе!« — Онъ тотчасъ велѣлъ набрать богатый столъ, за коимъ оба съ величайшими изъявленіями дружбы приглашали другъ друга пить.

Чинъ сказалъ самъ себѣ: »Гдѣ найдти нынѣ человѣка столь честнаго, какъ Лю-ю? Такіе люди очень рѣдки. Но что? получивъ отъ него столь великое добро, не уже-ли не найду, чѣмъ ему доказать мою признательность? У меня есть дочь двѣнадцати лѣтъ: пусть союзъ дѣтей соединитъ меня съ столь честнымъ человѣкомъ. Но есть-ли у него сынъ? Вотъ этого я не знаю. „Любезный другъ!» сказалъ онъ Лю-ю, »сколько лѣтъ теперь вашему сыну?«

При этомъ вопросѣ слезы потекли изъ глазъ Лю-ю. — Увы! у меня былъ одинъ только сынъ и безконечно мнѣ драгоцѣнный! отвѣчалъ онъ. Семь лѣтъ тому, какъ это юное дитя, вышедши изъ дому, посмотрѣть торжественное шествіе, исчезло, такъ, что съ тѣхъ поръ я не могъ получить о немъ никакого извѣстія. Для

Digitized by Google

пополненія несчастія, жена моя не приносить мнѣ болѣе дѣтей. —

При этомъ повѣствованіи Чинъ на минуту задумался, и потомъ сказалъ: »Братъ мой и благодѣтель! Какихъ лѣтъ было это милое дитя, когда вы потеряли его?» — Шести лѣтъ, отвѣчалъ Лю-ю. — »Какъ называли его? Какой онъ былъ изъ себя?« — Мы называли его Ги-эль, сказалъ Лю-ю. Онъ избѣжалъ отъ опасностей оспы: никакого слѣда ея не было на его лицѣ, цвѣтущемъ и бѣломъ. —

Такія подробности принесли великую радость Чину, и онъ не могъ скрыть ея: радость явилась въ его глазахъ, во всей его осанкѣ. Онъ тотчасъ призвалъ одного изъ слугъ своихъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Слуга, сдѣлавъ знакъ, что немедленно исполнитъ приказанія своего господина, идетъ во внутренность дома.

Лю-ю, внимательно наблюдая связь вопросовъ и веселость, явившуюся на лицѣ его хозяина, превожимъ былъ различными подозрѣніями, какъ вдругъ увидѣлъ, что входитъ молодой слуга, возрастомъ лѣтъ пятнадцати. Онъ одѣтъ былъ въ длинное платье и въ балахонъ, простой, но опрятный. Его прекрасный станъ, его видъ, осанка, правильныя черты лица, прекрасныя черныя брови, подъ коими видны были живые и проницательные

Digitized by Google

глаза, прежде всего поразили сердце и глаза Лю-ю.

Когда этотъ юноша увидѣлъ, что за столомъ сидитъ чужой человѣкъ, онъ обратился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ и учтивыми привѣтствіями; потомъ, приближившись къ Чину и скромно ставъ противъ него, сказалъ нѣжнымъ и пріятнымъ тономъ: »Отецъ мой! вы призвали Ги-эля. Что угодно вамъ приказать мнѣ?« — Я тотчасъ это объявлю тебѣ, возразилъ Чинъ; въ ожиданіи этого стой подлѣ меня.

Имя: Ги-эль, какъ называлъ себя юноша, возродило новыя подозрѣнія въ умѣ Лю-ю. Тайное впечатлѣніе объяло его сердце; удивительными дѣйствіями природы сердце въ минуту изобразило передъ нимъ образъ его сына, его станъ, лицо, видъ и всѣ пріемы. Онъ видитъ все это въ томъ, котораго разсматриваетъ. Только одно названіе отца, данное имъ Чину, разстроиваетъ предположенія. Не прилично было спросить у Чина: точно-ли это сынъ его, что однакожъ очень могло быть, потому что не невозможно двумъ дѣтямъ получить одинакое имя и походить другъ на друга.

Лю-ю такъ былъ занятъ сими размышленіями, что совсѣмъ не думалъ о томъ, какъ прекрасно его угощали. На лицѣ его можно было читать странное недоумѣніе, въ коемъ онъ находился. Какое-то очарованіе привлекало его къ этому

Digitized by Google

юношѣ: онъ безпрестанно глядѣлъ на него и не могъ никуда болѣе отвесть глазъ своихъ. Ги-эль съ своей стороны, не смотря на робость и скромность своего возраста, неподвижно смотрѣлъ на Лю-ю и, казалось, сама природа открывала ему въ сію минуту, что это его отецъ.

Наконецъ Лю-ю не могъ долѣе удерживать волненія своего сердца и вдругъ прервалъ молчаніе, спросивъ у Чина: Точно-ли это его сынъ? — Не отъ меня получилъ онъ жизнь, отвѣчалъ Чинъ, хотя я почитаю его какъ-бы собственнымъ моимъ сыномъ. Семь лѣтъ назадъ одинъ человѣкъ, проходя черезъ нашъ городъ, велъ за руку это дитя и случайно обратился ко мнѣ съ просьбою: помочь ему въ чрезвычайной его нуждѣ. Жена моя умерла, сказалъ онъ, и оставила мнѣ одно это дитя. Худое состояніе моихъ дѣлъ заставило меня на время оставить свою землю и удалиться въ Гоай-Инганъ, къ одному моему родственнику. Отъ него надѣюсь получить сумму денегъ для своего возстановленія; но мнѣ нечѣмъ продолжать путешествія до этого города. Будете-ли сострадательны и дадите-ли мнѣ впередъ три таэльса? По возвращеніи моемъ я вѣрно отдамъ ихъ вамъ, а въ залогъ моего слова оставляю здѣсь то, что у меня есть драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ, то есть, моего единственнаго сына. Только что

Digitized by Google

дойду я до Гоай-Ингана, какъ возвращусь взять обратно это милое дитя.

Довѣренность незнакомца тронула меня; я далъ ему въ руки сумму, какую онъ просилъ для себя. Оставляя меня, онъ залился слезами, доказывая тѣмъ, что разстается съ сыномъ въ чрезвычайной горести. Удивило меня то, что при этомъ разставаньѣ, дитя, казалось, совсѣмъ не было въ смущеніи; но видя, что называвшій себя отцомъ его не возвращается, я сталъ подозрѣвать и хотѣлъ объяснить свои подозрѣнія. Призвавъ дитя, разными вопросами я узналъ отъ него, что онъ родился въ городѣ Ву-си; что однажды, смотря на торжественное шествіе въ своей улицѣ, онъ удалился отъ дома, былъ обманутъ и похищенъ незнакомцомъ. Онъ сказалъ мнѣ также имена своего отца и матери: имя отца его принадлежитъ вамъ. Я тотчасъ понялъ, что это бѣдное дитя было похищено, и продано мнѣ какимъ нибудь плутомъ, почувствовалъ къ нему состраданіе и онъ умѣлъ совершенно привлечь къ себѣ мое сердце. Съ тѣхъ поръ обходился я съ нимъ также, какъ съ моими собственными дѣтьми, и посылалъ его въ школу вмѣстѣ съ моимъ сыномъ учиться. Много разъ намѣревался я нарочно ѣхать въ Ву-си, дабы освѣдомиться о его родителяхъ; но всегда было у меня какое нибудь дѣло, заставлявшее откладывать это путешествіе, отъ ко-

Digitized by Google

тораго однакожъ я не навсегда отказывался. Къ счастію, за нѣсколько минутъ, вы случайно сказали мнѣ о вашемъ сынѣ. Нѣкоторыя слова, случаемъ брошенныя, пробудили мои мысли. По удивительному отношенію того, что я зналъ, съ тѣмъ, что вы сказали мнѣ, я велѣлъ придти Ги-элю, желая видѣть, узнаете-ли вы его.

При сихъ словахъ Ги-эль началъ плакать отъ радости, а его слезы скоро заставили Лю-ю пролить обильныя слезы. „Его можно узнать," сказалъ Лю-ю, „по странному знаку: немного повыше локтя у него есть двойной знакъ чернаго цвѣта." Ги-эль тотчасъ поднимаетъ рукавъ своего платья и показываетъ два знака, повыше локтя, о которыхъ была рѣчь. Увидя это, Лю-ю бросился на шею къ юношѣ, обнялъ его и поднялъ на своихъ рукахъ. „Мой сынъ!" вскричалъ онъ, „мой милый сынъ! Какое счастіе для твоего отца снова найдти тебя послѣ столь долгаго отсутствія!"

Изловишь иглу въ глубинѣ воды: чудо;
Но потеряешь сокровище, бывшее въ рукахъ, и снова найдя его послѣ: это другое чудо, гораздо большее!
О, прекрасенъ тотъ міръ, гдѣ происходитъ сладостное узнаніе!
Оба они еще боятся, что-бы это не былъ только сонъ.

Можно-ли постигнуть, какимъ восторгамъ радости предались въ сіи сладостныя минуты отецъ и сынъ! Послѣ тысячи

Digitized by Google

нѣжныхъ обниманій, Лю-ю вырвался изъ объятій своего сына и подошелъ съ привѣтствіями къ Чину. „Сколько обязанъ я вамъ,“ сказалъ онъ, »за то, что вы приняли къ себѣ и воспитали съ такою благостью эту драгоцѣнную часть самого меня! Былъ-ли-бы я когда нибудь съ нимъ вмѣстѣ, если-бы не вы!“

— Любезный мой благодѣтель, — отвѣчалъ Чинъ, вставая,— вы поступили со мною такъ великодушно, добродѣтельно, возвративъ мнѣ двѣсти таэльсовъ, что это тронуло Небо; оно привело васъ ко мнѣ, и вы обрѣли то, что потеряли и что напрасно искали въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Теперь я знаю, что это прекрасное дитя принадлежитъ вамъ, и жалѣю, что не оказывалъ ему еще болѣе дружбы.— »Поклонись, мой сынъ,« сказалъ Лю-ю, „и благодари твоего несказаннаго благодѣтеля.«

Положеніе тѣла, какое принималъ Чинъ, показывало, что онъ хотѣлъ отвѣчать поклонами на поклоны ему дѣлаемые; но Лю-ю, смущенный этимъ излишествомъ учтивости, тотчасъ приближился и не допустилъ его наклониться. Окончивъ сіи обряды, снова сѣли за столъ и Чинъ посадилъ Ги-эля на сѣдалище подлѣ Лю-ю, отца его.

Тогда Чинъ, снова обратившись къ Лю-ю, сказалъ: »Братъ мой! у меня есть дочь двѣнадцати лѣтъ; я намѣренъ от-

Digitized by Google

дашь ее за твоего сына и этимъ залогомъ тѣснѣе соединиться съ тобою.“ Предложеніе сдѣлано было съ такимъ искреннимъ видомъ, что Лю-ю не почелъ нужнымъ употреблять обыкновенныхъ извиненій, требуемыхъ учтивостью; онъ пренебрегъ ими и тотчасъ изъявилъ свое согласіе.

Было уже поздно и они разлучились. Ги-эль легъ въ той-же комнатѣ, гдѣ и отецъ его. Можно судить, сколько утѣшительнаго и нѣжнаго говорили они другъ другу во время ночи. На другой день Лю-ю хотѣлъ проститься съ своимъ хозяиномъ, но не могъ воспротивиться привѣтливости, съ какою его удерживали. Чинъ велѣлъ приготовить другой пиръ, гдѣ не пощадили ничего, для лучшаго утѣшенія будущаго свекра дочери и новаго зятя его, также и для утѣшенія въ ихъ отъѣздѣ. Пили хорошо и предавались радости.

При окончаніи стола Чинъ вынимаетъ свертокъ съ двадцатью таэльсами и смотря на Лю-ю, говоритъ: »Любезный мой зять конечно претерпѣлъ безъ моего вѣдома и намѣренія нѣкоторыя непріятности въ то время, какъ жилъ у меня. Вотъ небольшой подарокъ отъ меня, въ ожиданіи того времени, когда могу существеннѣе изъявить ему мою нѣжную привязанность; не желаю, что-бы онъ отказалъ мнѣ.“

Digitized by Google

— Какъ! возразилъ Лю-ю, когда я заключаю столь почетный для меня союзъ, и по обычаю долженъ-бы самъ дать брачные дары за моего сына, увольняю себя отъ нихъ потому только, что я въ дорогѣ, вы осыпаете меня вашими подарками? Это уже слишкомъ! это приспыжаетъ меня.“

»Э,« сказалъ Чинъ, »кто думаетъ подносить вамъ такую бездѣлицу? Не свекру моей дочери, но зятю моему хочу отдать этотъ небольшой подарокъ. Однимъ словомъ: если вы станете упорствовать въ своемъ отказѣ, я почту это вѣрнымъ знакомъ, что вамъ непріятенъ союзъ со мною.«

Лю-ю увидѣлъ, что непремѣнно надобно согласиться и что упорство будетъ безполезно: онъ принялъ подарокъ, велѣлъ своему сыну встать изъ за стола и пойдти поблагодарить Чина, отдавъ ему поклонъ. — »Что даю вамъ теперь,« сказалъ Чинъ поднимая Ги-эля, »это бездѣлица, не стоющая благодаренія.« Послѣ сего Ги-эль пошелъ во внутренніе покои, благодарить свою тещу. Весь день прошелъ въ пированіи и увеселеніяхъ; одна ночь разлучила бесѣдующихъ.

Лю-ю совершенно предался размышленіямъ, родившимся у него отъ сихъ происшествій. »Надобно признаться,« вскричалъ онъ, »что обратная отдача найденныхъ мною денегъ есть дѣло, очень угодное Небу, потому

Digitized by Google

что чрезъ нее нашелъ я моего сына и заключилъ столь почетный союзъ. Это счастіе къ счастію ; это золотые цвѣты на прекраснѣйшей шелковой ткани. Чѣмъ я изъявлю признательность за такія милости? Вотъ двадцать таэльсовъ, подаренные родственникомъ моимъ Чиномъ: что могу сдѣлать лучшее, какъ употребить ихъ на поддержаніе жизни нѣсколькихъ добродѣтельныхъ бонзовъ? Это значитъ бросить ихъ въ землю благословенную.“

На другой день, хорошо позавтракавъ, отецъ и сынъ приготовляютъ свою поклажу и прощаются съ своимъ хозяиномъ. Они идутъ къ пристани и нанимаютъ тамъ барку. Едва они отъѣхали полмили, какъ приближились къ одному мѣсту рѣки, откуда происходилъ ужасный шумъ, какъ будто возмущенная вода кипѣла. Это была барка съ путешественниками; она тонула. Бѣдные несчастливцы кричали: *Помогите! спасите насъ!* Жители ближняго берега, встревоженные симъ крушеніемъ, кричали съ своей стороны многимъ близъ стоявшимъ лодочникамъ и просили спѣшить скорѣе на помощь несчастнымъ, оспоривавшимъ у волнъ свою жизнь; но лодочники, грубые и корыстолюбивые люди, требовали, чтобы ихъ увѣрили напередъ въ хорошей наградѣ.

Видя этотъ споръ, Лю-ю сказалъ самъ себѣ: »Спасать жизнь человѣку есть дѣло не менѣе священое и не менѣе доброе, какъ

Digitized by Google

украшеніе храмовъ и содержаніе бонзовъ. Посвятимъ двадцать таэльсовъ на это доброе дѣло; поможемъ бѣднымъ утопающимъ людямъ!« Тотчасъ онъ объявляетъ, что даетъ двадцать таэльсовъ тѣмъ, кто приметъ въ свою лодку сихъ полуутонувшихъ людей.

При этомъ предложеніи всѣ лодки въ минуту покрыли рѣку; даже нѣкоторые изъ зрителей, бывшіе на берегу и умѣвшіе плавать, поспѣшно бросаются въ воду, и безъ исключенія всѣ утопавшіе тотчасъ были спасены. Лю-ю раздалъ послѣ этого обѣщанное лодочникамъ награжденіе.

Бѣдные люди, извлеченные изъ средины волнъ, подошли благодарить своего избавителя. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на Лю-ю, вдругъ воскликнулъ: »Какъ? Это ты, мой старшій братъ! Какимъ благополучіемъ встрѣчаю тебя здѣсь?« Лю-ю, обратившись къ незнакомцу, узналъ своего третьяго брата Лю-чина. — Какое чудо! какое счастіе! — воскликнулъ онъ, сложивъ руки. Небо привело меня сюда въ назначенный часъ спасти жизнь моему брату. — Тотчасъ онъ протягиваетъ къ нему руку, приводитъ его на свою барку, помогаетъ ему скинуть измокшее платье его и даетъ другую одежду.

Пришедши въ себя, Лю-чинъ кланяется своему старшему брату, а тотъ, послѣ взаимнаго привѣтствія, приказываетъ Гиалю отдать почтеніе дядѣ; потомъ раз-

Digitized by Google

сказываетъ ему исторію пояса, возвращеннаго первому хозяину, и то, какимъ образомъ онъ нашелъ своего сына. Лючинь не могъ придти въ себя отъ изумленія при этомъ разсказѣ. — Растолкуй мнѣ наконецъ, сказалъ ему Лю-ю, что привело тебя въ эту страну?

»Невозможно нѣсколькими словами исчерпать подробностей, которыхъ желаешь ты,« отвѣчалъ ему Лю-чинъ. »Три года уже, какъ ты оставилъ свой домъ, и къ намъ пришло печальное извѣстіе, что ты умеръ отъ болѣзни въ области Шанъси. Второй братъ мой освѣдомлялся и увѣрялъ, что извѣстіе справедливо. Это было ударомъ грома для моей невѣстки: она была неутѣшима и тотчасъ облеклась въ глубокій трауръ. Что касается до меня, я ни сколько не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію.

»Черезъ немного дней, мой второй братъ сталъ напоминать моей невѣсткѣ, что ей надобно думать о новомъ замужствѣ. Она всегда далеко отъ себя отвергала это предложеніе; наконецъ заставила меня съѣздить въ Шанъ-си, для поисковъ и полученія извѣстій о тебѣ. Когда я совсѣмъ не предполагалъ, когда готовъ былъ погибнуть въ волнахъ, встрѣчаю моего возлюбленнаго брата, спасающаго меня отъ смерти. Неожиданное счастіе это не есть-ли благодѣяніе Неба? Но, братъ! повѣрь мнѣ, что не льзя терять времени:

Digitized by Google

спѣши возвратиться домой и успокоишь мою невѣстку. Малѣйшее замедленіе можетъ быть причиною невозвратныхъ несчастій.«

Этотъ разсказъ ужаснулъ Лю-ю: онъ велѣлъ призвать хозяина барки, и хотя было очень поздно, приказалъ поднять паруса и плыть во всю ночь.

Стѣсненное сердце летитъ, какъ стрѣла и негодуетъ на медленность;
Лодка бѣжитъ какъ челнокъ шкача, и бѣгъ ея все еще слишкомъ тихъ.

Услышавъ печальную вѣсть о смерти своего мужа, Вангъ сначала сомнѣвалась въ истинѣ этого сказанія; но наконецъ, когда Лю-пао успѣлъ увѣрить ее въ томъ, надѣла траурное платье.

У Лю-пао было дурное сердце и онъ способенъ былъ къ самымъ злымъ дѣламъ. »Я не сомнѣваюсь: братъ мой точно умеръ,« сказалъ онъ. »Невѣстка моя молода и прекрасна; къ тому-же, теперь нѣкому поддержать ее. Мнѣ надобно принудить ее снова выйдти за-мужъ, а это доставитъ мнѣ деньги.«

Тотчасъ сказываетъ онъ о своемъ намѣреніи женѣ своей Янгъ, и заставляетъ ее говорить объ этомъ невѣсткѣ. Но Вангъ съ ужасомъ отвергаетъ такое предложеніе; Лю-чинъ, своими безпрестанными упреками, представляетъ также новыя препятствія этому браку. Такъ, всѣ упо-

Digitized by Google

пребленныя хитрости оставались безъ успѣха. «Извѣстіе, пересказанное тысячью человѣкъ, говорила Вангъ сама себѣ, «не стоитъ показанія одного личнаго свидѣтеля. Хотя говорятъ, что мужъ мой умеръ за тысячу лю отсюда; но, кто знаетъ? можетъ быть этотъ слухъ, пришедшій столь издалека, не имѣетъ никакого основанія? Попрошу моего деверя Лючина самого поѣхать въ область Шанъ-си и забрать на мѣстѣ достовѣрныя свѣдѣнія. Если въ самомъ дѣлѣ я столь несчастлива, что потеряла своего мужа, то, по крайней мѣрѣ, деверь принесетъ мнѣ драгоцѣнные остатки его.

Она просила Лю-чина ѣхать и онъ отправился. По отъѣздѣ его, Лю-пао сталъ безпокойнѣе въ своихъ преслѣдованіяхъ. Сверхъ того, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, приведенный въ отчаяніе несчастливою игрою, онъ самъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ достать денегъ. Въ такомъ замѣшательствѣ, онъ встрѣтился съ купцомъ изъ Кіангъ-си, который лишился жены и искалъ себѣ другую. Лю-пао воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ ему свою невѣстку. Купецъ соглашается на его предложеніе, впрочемъ принявъ предосторожность, то есть, освѣдомившись, тихонько, молода-ли и хороша-ли предлагаемая особа. Какъ скоро онъ увѣрился въ этомъ, то не теряя времени, вручилъ придцать шаэльсовъ для заключенія дѣла.

Digitized by Google

Получивъ эту сумму, Лю-пао сказалъ купцу: »Я долженъ васъ предупредить, что невѣстка моя горда и надменна: она окажетъ много затрудненій, когда придется ей оставить домъ, и очень трудно будетъ вамъ заставить ее рѣшиться на это. И потому, вотъ что должны вы сдѣлать: сего дня, при наступленіи ночи, будьте съ портшезомъ, идите тихонько и станьте подлѣ нашихъ воротъ. Если покажется женщина въ траурномъ головномъ уборѣ, то знайте, что это моя невѣстка; не говорите ей ни слова и не слушайте того, что она вздумаетъ вамъ сказать; но тотчасъ схватите ее, бросьте въ портшезъ, отнесите на вашу барку и плывите.« Этотъ способъ очень понравился купцу, и исполненіе его показалось ему легко.

Между тѣмъ Лю-пао возвратился домой, и не желая подать какого-либо подозрѣнія невѣсткѣ о своемъ намѣреніи, умѣлъ хорошо притвориться въ ея присутствіи. Какъ скоро Вангъ вышла, онъ ввѣрилъ женѣ то, что имъ задумано, и наименовавъ свою невѣстку, съ презрительнымъ движеніемъ сказалъ: »Надобно, чтобы этотъ товаръ сего дня ночью вышелъ изъ нашего дома; но я не хочу быть свидѣтелемъ ея слезъ и воздыханій и выйду напередъ; какъ-же скоро наступитъ ночь, то одинъ купецъ изъ Кіангъ-си придетъ похитить ее и унесетъ въ портшезѣ на свою барку.«

Digitized by Google

Едва Лю-пао окончилъ сіи слова, какъ вдругъ услышалъ шумъ, производимый кѣмъ-то, шедшимъ подъ окошками. Онъ поспѣшилъ выйдти, и скорость, съ какою онъ удалился, не позволила ему прибавить подробности о траурномъ головномъ уборѣ. Безъ сомнѣнія, по особенному провидѣнію Неба это обстоятельство было имъ упущено.

Вангъ легко замѣтила, что Лю-пао вдругъ принужденъ былъ прервать разговоръ, услышавъ шорохъ ея шаговъ подъ окошкомъ. Выраженіе голоса его ясно показывало, что ему надобно было сказать еще что-то; но она уже довольно слышала, потому, что когда Лю-пао входилъ въ домъ, она по виду его узнала, что ему хотѣлось сказать женѣ своей нѣчто въ тайнѣ и сдѣлала видъ, будто вышла, но тихонько, приложивъ ухо къ окну, ясно разслушала сіи слова: »*Ее похитятъ, ее бросятъ въ портшезъ.*«

Послѣ сихъ словъ увѣрилась она въ своихъ подозрѣніяхъ, и вошедши въ комнату, приближилась къ Янгъ. Сначала она объявляетъ ей о своихъ безпокойствахъ. »Сестрица!« сказала она, »ты видишь несчастную вдову, соединенную съ тобою самыми тѣсными узами дружбы, всегда бывшей искреннею. Заклинаю тебя нашею старинною дружбою, объяви мнѣ откровенно: не упорствуетъ-ли мой деверь въ прежнемъ своемъ намѣреніи принудить

меня къ замужеству, столь для меня тягостному?«

При такой рѣчи Янгъ сначала пришла въ смущеніе, покраснѣла; потомъ, съ видомъ болѣе увѣреннымъ, сказала ей: »Что это вздумала ты, сестрица, и что за мысли у тебя въ головѣ? Если-бы дѣло шло о второмъ замужествѣ твоемъ, не уже-ли ты думаешь, что отъ этого были-бы въ большомъ замѣшательствѣ? Къ чему бросаться въ воду, прежде нежели барка готова разрушиться.«

Какъ скоро Вангъ услышала эту пословицу о баркѣ, то еще лучше поняла смыслъ тайнаго разговора своего деверя. Тотчасъ начинаетъ она жаловаться, вздыхать, и предавшись всей своей горести, запирается въ своей комнатѣ, плачетъ тамъ, страдаетъ, рыдаетъ. »Какъ я несчастлива!« восклицаетъ она, »я не знаю, что сдѣлалось съ моимъ мужемъ! Мой деверь и другъ Лю-чинъ, на котораго я могла положиться, въ дорогѣ. Отецъ мой, мать, родственники, далеко отъ здѣшней земли. Если это дѣло пойдетъ скоро, то могу-ли я дать знать имъ о немъ? Отъ сосѣдей нѣчего и ожидать, потому, что Лю-пао навелъ собою ужасъ на весь околотокъ и никто не осмѣлится поддержать меня или защитить. О я несчастная! Я не избѣгну отъ сѣтей, и если не попадусь въ нихъ сего дня, то это сдѣлается завтра, или очень скоро какъ нибудь. Окон-

Digitized by Google

чимъ эту слишкомъ тягостную жизнь, умремъ одинъ разъ: лучше умереть, нежели страдать тысячью смертей.

Такъ рѣшилась она, но исполненіе этой рѣшимости отложила до вечера. Какъ скоро настала ночь, она удалилась въ свою комнату и заперлась тамъ; послѣ этого, взяла веревку; одинъ конецъ ея привязала къ переводинѣ, а изъ другаго сдѣлала петлю; придвинула скамью, взошла на нее и вскричала: »Всемогущее Небо! отомсти за меня!« Послѣ сихъ словъ и нѣсколькихъ вздоховъ, вылетѣвшихъ изъ груди ея, она сбрасываетъ свой траурный головной уборъ, влагаетъ голову и шею въ петлю, наконецъ отталкиваетъ ногою скамью и виситъ на воздухѣ.

Кажется, все кончилось для этой несчастной женщины. Случилось однакожь, что веревка, на которой она повѣсилась, вдругъ оборвалась. Вангъ, полумертвая упала на землю; ея паденіе произвело ужасный стукъ.

На стукъ прибѣжала Янгъ, но нашедши дверь накрѣпко задвинутою, подумала, что это не можетъ быть хитрость полупомѣшанной женщины. Тотчасъ схвативъ ломъ, она вышибла дверь. Ночь была очень темная; вошедши въ комнату, Янгъ запуталась ногами въ платьѣ своей невѣстки, и упала навзничь. Отъ этого головной уборъ ея слетѣлъ съ нее и она пришла въ такой ужасъ, что нѣсколько

Digitized by Google

минутъ находилась въ безпамятствѣ. Пришедши въ себя, она тотчасъ вспала, пошла сыскать лампу и возвратившись въ комнату, нашла Вангъ, лежащую на землѣ безъ движенія и почти безъ дыханія.

Но вдругъ услышала она, что кто-то стучится тихонько у воротъ. Не сомнѣваясь, что это купецъ изъ Кіангъ-си, пришедшій за купленною имъ женою, она бѣжитъ скорѣе принять его и ввести въ комнату, чтобы онъ могъ быть свидѣтелемъ случившагося. Но подумавши, что на ней не было головнаго убора и что неприлично являться простоволосою, она поспѣшно схватила валявшійся у ногъ ея траурный головной уборъ Вангъ и побѣжала узнать, что такое тамъ было.

Она узнала купца изъ Кіангъ-си, который, исполняя приказанія Лю-пао, явился похитить обѣщанную ему женщину. У него былъ готовъ брачный поршнезъ, украшенный шелковыми тканями, лентами, цвѣтами и множествомъ прекрасныхъ фонарей; его окружали слуги съ зажженными факелами и толпа музыкантовъ съ дудками и свирѣлями. Весь этотъ поѣздъ дожидался на улицѣ, не играя на инструментахъ и не дѣлая никакого шуму. Купецъ стукнулъ легонько въ ворота, и нашедши ихъ отпертыми, вошелъ въ домъ съ нѣсколькими человѣками, освѣщавшими ему дорогу.

Digitized by Google

Какъ скоро Янгъ показалась, купецъ, увидя на ней траурный головной уборъ, бывшій условленнымъ знакомъ, устремился на нее, какъ жадный ястребъ на маленькую птичку. Прибѣжали его люди, схватили Янгъ и заперли ее въ портшезъ, уже совсѣмъ приготовленный. Напрасно кричала она: *ошибаются, не меня искали!* Тотчасъ раздался звукъ инструментовъ и заглушилъ ея голосъ. Между тѣмъ носильщики летѣли, а не шли, желая поскорѣе принесть ее къ баркѣ.

Толпа музыкантовъ входитъ на барку чужестранца;
Ошибка въ траурномъ головномъ уборѣ имѣетъ слѣдствіемъ
браkъ.
Когда супруга плачетъ и рыдаетъ, выходя за другаго мужа,
Въ то время и судьбу и настоящаго мужа своего прокли-
наетъ она.

Между тѣмъ, Вангъ, облегченная страніемъ своей невѣстки, опомнилась и снова стала различать предметы. Сумашоха, которая слышалась ей у воротъ дома, возобновила ея безпокойство и привела ее въ смертельное смущеніе; но замѣтивъ, что звукъ музыки и смѣсь голосовъ и инструментовъ ежеминутно удалялись, она разувѣрилась, и по прошествіи почти полу-четверти часа, осмѣлилась даже пойдти посмотрѣть: въ чемъ заключалось дѣло?

Тщетно кликнувши два или три раза свою невѣстку, она поняла, что купецъ обманулся и увезъ не ту, кого искалъ. Но

Digitized by Google

страшась какой нибудь новой непріятности, если Лю-пао узнаетъ объ этой ошибкѣ, заперлась она въ своей комнатѣ и подобрала съ полу шпильки, серьги и головной уборъ. Послѣ этого хотѣла она отдохнуть, но не могла сомкнуть глазъ во всю ночь.

На разсвѣтѣ встаетъ, умывается, и въ то время, когда ищетъ своего траурнаго головнаго убора, вдругъ слышитъ она шумъ у воротъ дома. Тамъ сильно стучатся и кричатъ: *отворите!* Это былъ точно Лю-пао: она узнала его по голосу. Тотчасъ рѣшившись и давши ему волю стучать, она не отвѣчала ничего. Лю-пао заклинялъ, шумѣлъ, кричалъ до того, что охрипъ. Наконецъ Вангъ подошла къ воротамъ и не отворяя ихъ сказала: »Кто тамъ стучится и шумитъ такъ ужасно?« Лю-пао совершенно узналъ голосъ своей невѣстки и сталъ кричать еще сильнѣе; но видя, что она не хочетъ отпереть ему воротъ, онъ рѣшился на такое средство, которое удалось ему. »Сестра (сказалъ онъ)! Добрая и счастливая новость: младшій братъ мой Лю-чинъ возвратился, а старшій находится въ полномъ здоровьѣ; отвори скорѣе.“

При словахъ, что Лю-чинъ возвратился, Вангъ побѣжала надѣть головной уборъ, оставленный ей невѣсткою, и послѣ этого тотчасъ отворила ворота; но тщетно глаза ея ищутъ милаго Лю-чина: она видитъ одного Лю-пао, который прежде

Digitized by Google

всего вошелъ въ свою комнату; но не видя тамъ жены, и сверхъ того видя черный головной убора на своей невѣсткѣ, снова впалъ въ страшныя подозрѣнія. Наконецъ онъ воскликнулъ: „А гдѣ-же твоя невѣстка?“ — Ты долженъ это знать лучше меня, отвѣчала Вангъ, потому что ты самъ сплёлъ эту прекрасную сѣть. — „Но скажи мнѣ,“ возразилъ Лю-пао: »почему ты теперь уже въ черномъ головномъ уборѣ? Развѣ ты сняла трауръ?« Вангъ разсказала ему все, что безъ него случилось.

Едва окончила она слова свои, какъ Лю-пао жестоко ударяетъ себя въ грудь и мечется, какъ отчаянный. Но оправившись мало помалу, онъ говоритъ самъ себѣ: »У меня еще осталось средство въ этомъ несчастіи. Продамъ опять невѣстку и на вырученныя за нее деньги куплю себѣ другую жену; никто не узнаетъ моего несчастія, никто не узнаетъ, что я продалъ мою собственную жену!«

Онъ игралъ всю прошедшую ночь и проигралъ тридцать таэльсовъ, полученные отъ купца изъ Кіангъ-си, который былъ уже далеко съ новою своею супругою.

Лю-пао готовъ былъ выйдти изъ дому, для того, чтобы устроить это дѣло, когда увидѣлъ, что къ воротамъ подъѣхали пять или шесть человѣкъ и спѣшили войдти въ домъ. Это былъ старшій братъ его Лю-ю, младшій Лю-чинъ, племянникъ его Ги-эль и двое слугъ съ поклажею. Уви-

Digitized by Google

дя ихъ, Лю-пао пришелъ въ ужасъ, и не имѣя силъ выдержать ихъ присутствія, вышелъ изъ дому по задней двери и исчезъ, какъ молнія.

Вангъ, въ восторгѣ радости, вышла встрѣтить своего милаго мужа. Но какъ увеличилась ея радость при видѣ своего сына, котораго едва узнала она: такъ онъ выросъ и сталъ хорошъ. „Какимъ счастіемъ,“ вскричала она, »привели вы этого милаго сына? Я почитала его потерянным!“

Лю-ю подробно разсказалъ свои приключенія, а жена его Вангъ очень продолжительно пересказала, въ свою очередь, всѣ обиды отъ Лю-пао и гибель, къ какой онъ приводилъ ее.

Лю-ю отдалъ справедливую хвалу вѣрности своей жены. »Если-бы« вскричалъ онъ, »по слѣпой страсти къ богатству я удержалъ двѣсти таэльсовъ, случайно найденные мною, какъ могъ-бы я найдти нашего милаго сына? Если-бы скупость помѣшала мнѣ употребить двадцать таэльсовъ на спасеніе утопавшихъ, мой милый братъ погибъ-бы въ волнахъ, и я никогда бы не увидѣлъ его; если-бы, по неожиданному стеченію обстоятельствъ, я не встрѣтилъ этого любезнаго брата, то могъ-ли бы во время узнать о смятеніи и безпорядкахъ, какіе происходили въ моемъ домѣ? Безъ этого, милая жена моя, мы никогда-бы не увидѣлись! Все это

Digitized by Google

есть дѣйствіе особеннаго провидѣнія Неба, управлявшаго сими различными происшествіями. Что касается до моего другаго брата, брата безчувственнаго, продавшаго собственную жену свою, не зная того, онъ справедливо привлекъ на себя несчастіе, его обременяющее: всесильное Небо награждаетъ людей по достоинству; да не думаютъ злые избѣгнуть отъ его правосудія!"

Научимся изъ сего, какъ выгодно быть добродѣтельнымъ. Отъ добродѣтели съ каждымъ днемъ болѣе процвѣтаетъ домъ.

Въ послѣдствіи времени Ги-эль поѣхалъ за своею супругой, дочерью Чина. Заключенный ими бракъ былъ очень счастливъ. У нихъ было много дѣтей; они видѣли у себя толпу внучатъ, изъ коихъ многіе возвысились на пути знаній и достигли выгодныхъ должностей.

Такъ прославилось это семейство.

Должный возвратъ способствуетъ найдти потеряннаго сына;
Продавая невѣстку, братъ теряетъ свою собственную жену.
Пути Неба въ дѣлахъ міра истинно удивительны:
Оно умѣетъ различать добрыхъ отъ злыхъ: его не обманутъ!

Digitized by Google

II. СМѢСЬ.

Журналистика.

Вотъ любопытныя литтературныя извѣстія, найденныя нами во Французскихъ Журналахъ. Король Баварскій, покровитель всего изящнаго и великаго, нечаянно обрадовалъ старца Гёте: онъ пріѣхалъ въ Веймаръ, совсѣмъ неожиданно, въ самый тотъ день, когда цѣлый городъ праздновалъ тамъ 76-й годъ рожденія Гёте. Просвѣщеннымъ читателямъ конечно извѣстно, что Гёте наслаждается въ Германіи славою, какой бывало немного примѣровъ: вся Германія каждогодно торжествуетъ день его рожденія! Какимъ восторгомъ должно было исполниться сердце маститаго Поэта, когда явился къ нему неожиданный, знаменитый гость его! Король обнялъ Гёте, крѣпко прижалъ его къ груди своей и потомъ спросилъ: «Не осталось-ли на груди Гёте мѣстечка для скромнаго Баварскаго ордена?« снялъ съ самого себя ленту и надѣлъ ее на Гёте. Возвратясь въ Минхенъ, онъ написалъ прекрасные стихи и послалъ ихъ къ Гёте. Къ сожалѣнію, мы должны перевесть ихъ съ Французскаго перевода, желая поскорѣе доставить читателямъ удовольствіе видѣть восхитительное изъявленіе чувствъ вѣнценоснаго Поэта.

»Обольщеніе прекрасной жизни, дни протекшіе въ Веймарѣ! съ какимъ наслажденіемъ шѣснитесь вы въ душу мою. Все измѣнится окрестъ меня: таковъ законъ времени; но память моя сохранитъ вѣрно обольстительное воспоминаніе, и придастъ прошедшему всю прелесть настоящаго.

Digitized by Google

»И что-же? Блѣдный отблескъ воспоминанія: не въ немъ-ли все счастіе, сужденное здѣсь человѣку? Яркій лучъ, играющій на поверхности волнъ, что ты другое, какъ не померкшій лучъ солнца? И гласъ великаго Поэта, по мѣрѣ того, какъ онъ раздается въ мірѣ, теряетъ свое очарованіе и могущество.

»Я былъ на семъ великомъ зрѣлищѣ, гдѣ могъ видѣть генія величайшаго, почтеннаго, любимаго тѣмъ, кто всѣхъ достойнѣе понять всю цѣну такого сокровища! Я видѣлъ Августа, и видѣлъ — болѣе нежели Виргилія. Ихъ благородный союзъ будетъ вѣченъ на землѣ. Нѣтъ! его ничто не разрушитъ, кромѣ неумолимаго кадуцея Эрміева, когда придетъ время воззвать на мрачные берега великаго старца, или его порфироднаго друга!

»Прелестныя воспоминанія обвились вокругъ сердца моего, какъ вѣнокъ, сплетенный изъ всего, что есть въ мірѣ изящнѣйшее: Римъ, прославленный пребываніемъ Гёте, Веймаръ, гдѣ цвѣла юность и зацвѣтаютъ преклонныя лѣта его, вы, счастливые берега Рейна! гдѣ впервые отозвался голосъ Поэта великаго!

»Солнце, скрывши лучезарную главу свою въ нѣдрахъ Океана, могущественнымъ гласомъ вѣщаетъ землѣ, еще не остывшей отъ полудневнаго зноя, вѣщаетъ, что придетъ вновь животворить его. Такъ и въ глаголахъ Поэта, мы чувствуемъ силу, которая, вопреки времени и пространству, покоритъ ему позднѣйшее потомство!

»Такъ, великіе мужи! Родъ человѣческій навсегда обогащенъ благодѣяніями, какія получилъ онъ въ Веймарѣ! Ваша слава покорила вамъ безсмертіе и не-

Digitized by Google

гибнущимъ величіемъ одѣла мѣста, гдѣ вы существуете! Туда придутъ нѣкогда народы и поколѣнія. Привѣтствую тебя, Веймаръ, привѣтствую вѣчное святилище Германіи!«

Еще другое замѣчательное стихотвореніе помѣщено теперь въ разныхъ Журналахъ: Despedida de mi espose Fernando para sa viage a Cataluna (*Прощанье съ супругомъ моимъ Фердинандомъ, при отъѣздѣ его въ Каталонію*), сочиненное Королевою Испанскою, когда Король Фердинандъ недавно самъ отправился усмирить буйныя толпы мятежниковъ Каталонскихъ. Стихи сіи помѣщены были въ придворной Мадритской Газетѣ и отрывками переведены въ Русскихъ нашихъ Газетахъ. Говорятъ, что во Франціи сочинили на нихъ прекрасную музыку. Полагая, что подлинникъ не можетъ быть любопытенъ въ Россіи, гдѣ Испанскій языкъ такъ мало извѣстенъ, мы помѣщаемъ, для читательницъ Телеграфа, Французскій переводъ сего романса, трогательнаго и унылаго, какъ звуки Эоловой арфы.

Du départ déjà l'heure sonné. . .
Ferdinand! reçois mes adieux,
Faisons au peuple, à ta couronne,
Un sacrifice impérieux.
Vas! mon époux, sauver l'Espagne
Des partis en proie aux fureurs:
Toujours l'Erernel accompagne
Les princes pacificateurs.

Et malgré ma paupière humide,
Qui trahit l'impuissant effort

Digitized by Google

D'une femme aimante et timide,
O Dieu ! je me soumets au sort.
C'est sur mon époux que j'appelle,
Et tes grâces et tes bienfaits.
Ah ! puisse une gloire éternelle,
L'immortaliser à jamais.

Que sont des torrens de mes larmes,
Au prix du sang de tes vassaux ;
Lorsque par tes royales armes,
Tu voles terminer leurs maux ?
D'un pas ferme, suis ta carrière,
Illuminé par l'Esprit Saint,
Et qu'à l'aspect de ta bannière
Le fatal brandon soit éteint.

Réunis sous ton sceptre auguste,
Ce peuple, égaré dans sa foix,
Qu'il sente la main forte et juste
D'un roi libre, agissant en roi.
De l'olivier, doux présage,
Va donc ceindre ton front royal,
Moi, je demeure . . . comme un gage
D'amour public et conjugal.

Au pied de la croix prosternée
Je reste . . . implorant à genoux
Mon Sauveur sur la destinée
De l'Espagne et de mon époux ;
Dieu remplira mon espérance :
Les peuples rendus à la paix,
Sauront, que sans l'obéissance
Le bonheur n'existe jamais.

Digitized by Google

D'un trône tranquille et prospère,
Bientôt, Fernand, tu jouiras;
Et, sur tes sujets, comme un père,
Monarque aimé tu régneras.
Puisse, de l'antique Hespéride,
Bientôt renaître l'âge d'or,
Et que l'Eternel, qui nous guide,
Ne nous sépare qu'à la mort.

Валтеръ Скоттъ издалъ уже новый романъ: *Кенонгетскія Лѣтописи*, о которомъ говорили мы въ No 17 Телеграфа. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ, по крайней мѣрѣ, во Французск. переводѣ, вышедшемъ въ одно время съ подлинникомъ. Тутъ, въ первомъ томѣ опять В. Скоттъ мистифируетъ читателя: является новый Джедедія Клейшботемъ, мастеръ разсказывать старину, какой-то Крейстель Крафтенгри, лѣтописатель Кенонгетскій. Слѣдуютъ три повѣсти; между прочими: *Вдова Гейгленская* и *Дочь лекаря*. Но самое любопытное, какъ пишутъ Французы, объясненіе В. Скотта, которымъ письменно признаетъ онъ себя *Авторомъ своихъ романовъ* и объявляетъ причины, по которымъ таился онъ отъ публики. »Знающимъ Исторію Италіянскаго театра (говоритъ онъ) извѣстно, что Арлекинъ Италіянскихъ комедій не былъ, такъ какъ нынѣ на Англійскихъ театрахъ, простой прыгунъ, иногда колдующій своею деревянною шпагою; но что сначала былъ онъ умный и колкій товарищъ другихъ лицъ, забавлявшій шутками и острыми словами зрителей. Достовѣрно неизвѣстна эпоха, когда

Digitized by Google

надѣлъ онъ на себя черную маску, закрывающую лицо его; но маска эта, придающая ему физіогномію кошки, сдѣлалась неотъемлемою и всегдашнею принадлежностью его костюма, особливо послѣ слѣдующаго анекдота. Одинъ изъ актеровъ Итальянскаго театра, игравшій роль Арлекина на Сенъ-Жерменской ярмаркѣ, славился удачными и умными своими шутками. Кто-то, изъ людей болѣе снисходительныхъ, нежели смѣтливыхъ, совѣтовалъ ему снять маску, не разсчитывая того, что противоположность между неподвижностью чернаго лица Арлекинова и живостью разговоровъ и колкостью шутокъ его, составляли почти главное его достоинство. Что-жь вышло? Актеръ показался холоднымъ; увѣренность его на самого себя пропала и онъ принужденъ былъ снова надѣть маску. Что случилось съ Арлекиномъ, можетъ случиться и съ *Авторомъ Веверлея*, который, можетъ быть, повредитъ извѣстности, уже нѣсколько заслуженной симъ именемъ, когда самъ перестанетъ быть неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ дѣлается не по волѣ, какъ было съ Арлекиномъ, ибо намѣреніе мое было, во время жизни моей никогда не признавать своихъ сочиненій; для того-то рукописи мои тщательно сберегались (не мною, правда, а другими), съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ надлежащее время доказать ими истину моего признанія послѣ моей смерти. Но въ послѣднее время дѣла издателей моихъ романовъ перешли въ чужое управленіе; я не могъ уже полагаться на сохраненіе тайны съ ихъ стороны, и маска моя начинала спадать съ меня; тогда захотѣлось мнѣ лучше снять ее самому, пока

Digitized by Google

не сорвали другіе. Но, что касается до того, какимъ образомъ открылъ я мою тайну, увѣряю, что открытіе это не было приготовлено, и все, что произошло при семъ открытіи между мною и моимъ почтеннымъ и ученымъ другомъ, Лордомъ Медоубанкомъ, было-нечаянно. 23 Февраля, помнится, положили мы собраться для установленія кассы, предназначенной поддержать Эдимбургскій театръ. Не задолго передъ обѣдомъ, Лордъ Медоубанкъ спросилъ меня: »Не уже-ли я всегда хочу сохранять мое incognito, въ разсужденіи *Повѣстей Автора Веверлея*?« Я не понялъ вдругъ цѣли вопроса, хотя легко можно было разгадать ее, и отвѣчалъ, что тайну эту знаетъ уже столько народа, что я долженъ быть равнодушенъ въ этомъ отношеніи. Послѣ такого отвѣта Лордъ Медоубанкъ сдѣлалъ мнѣ честь, предложивъ тостъ за мое здоровье, и сказалъ нѣсколько словъ о повѣстяхъ моихъ, прибавивъ мое имя, такъ, что я былъ въ необходимости: или отвѣчая ему, признать ихъ, или, что еще было хуже, остаться въ подозрѣніи, что я принимаю похвалу, безъ всякаго права. Такимъ образомъ, безъ приготовленій, вдругъ приведенъ я былъ, какъ будто къ исповѣди: имѣлъ только время сообразить, что меня привела къ ней дружеская рука, и что можетъ быть я не найду уже лучшаго случая сбросить мое переодѣванье, начинавшее походить на узнанную маску. Такимъ образомъ принудили меня, предъ собраніемъ, столь-же почтеннымъ, сколь и многочисленнымъ, къ признанію, что я, единственный, безъ всякаго посторонняго пособія, сочинитель повѣстей, объ Авторѣ коихъ было не мало споровъ. Почитаю необходимымъ сказать, что

Digitized by Google

принимая на себя все, что есть хорошаго и дурнаго въ сихъ произведеніяхъ, я съ благодарностію долженъ объявить о предметахъ и преданіяхъ, мнѣ переданныхъ и служившихъ мнѣ, смотря по надобности, основою, или эпизодомъ, во многихъ моихъ произведеніяхъ. Особенно должно мнѣ упомянуть о благосклонности Г. Іосифа Трайна, смотрителя Думфрійской церкви, которому одолженъ я многими любопытными преданіями и важными остатками старины. Г-ну Трайну особенно обязанъ я исторіею, послужившею основою для *Шотландскихъ Пуританов*, хотя послѣ его разсказовъ я вспомнилъ еще много подробностей объ этомъ, слышанныхъ мною давно отъ знаменитаго путешественника Петерсона. Другой долгъ надобно заплатить мнѣ неизвѣстному корреспонденту, дамѣ, сообщившей мнѣ описаніе характера и поступковъ Дженни Динсъ, въ *Эдинбургской тюрьмѣ*: ея отказъ спасти жизнь сестры своей ложью и путешествіе въ Лондонъ, переданы были мнѣ, какъ истинныя событія, любезною, обязательною особою и дали мнѣ мысль о возможности сдѣлать интереснымъ выдуманное лицо, за простое благородство его характера, вѣрность правилъ, здравый разсудокъ, не давая ему ни обширнаго ума, ни красоты, ни пріятности, словомъ: ни одного изъ тѣхъ преимуществъ, коими такъ щедро надѣляютъ своихъ героинь сочинители романовъ. Если я успѣлъ въ этомъ, отдаю честь, кому она принадлежитъ, и жалѣю, что не могу сдѣлать извѣстнымъ оригинальное, прелестное повѣствованіе, служившее основою моей повѣсти. Старинныя книги и легенды представляли мнѣ столько матеріяловъ, что скорѣе могли истощиться силы

Digitized by Google

романиста, нежели сіи драгоцѣнные матеріялы. Такъ, на примѣръ, ужасное окончаніе *Ламмермурской невѣсты*, есть истинное происшествіе, бывшее въ одной Шотландской фамиліи, высшаго званія; но всѣ подробности происшествія были мною только вѣроятно, но не исправно описаны, и я могу отдать самому себѣ справедливость, что бравши въ основаніе разсказовъ замѣчательнѣйшія по мнѣнію моему черты истинныхъ событій, никогда не нарушалъ я тайнъ семейственныхъ."

В. Скоттъ упоминаетъ о разныхъ подробностяхъ происшествій, служившихъ ему матеріялами, и прибавляетъ потомъ: »Когда я открылъ (ибо для меня это точно было открытіе), что, находя удовольствіе въ самомъ трудѣ моемъ, я могу также доставить другимъ занимательное развлеченіе, я боялся быть постигнутымъ завистью и мѣлочными сплетнями, которыя часто безобразятъ и унижаютъ характеръ многихъ Литтераторовъ: другъ простой жизни, я рѣшился оградить себя такимъ оплотомъ, который не могли-бы разрушить, даже досада и грусть, слѣдующія за литтературными неуспѣхами. Пусть припишутъ грубой нечувствительности или смѣшному чванству, но я признаюсь, что не столько былъ я чувствителенъ къ похваламъ и признательности, какихъ удостоились мои сочиненія, сколько радовался тѣмъ дружескимъ связямъ, какія они мнѣ доставили, связямъ, какъ я люблю вѣрить, утвержденнымъ нынѣ на основаніи болѣе прочномъ, нежели тѣ слабыя побужденія, какія были ихъ причиною. Питая глубокое чувство уваженія и признательности къ публикѣ, могу сказать, что я пилъ изъ упои-

Digitized by Google

тельной чаши похвалъ со всею скромностію и никогда ни словами, ни письмами, не старался возбуждать литтературныхъ преній на мой счетъ. Въ успѣхи литтературные, по моему мнѣнію, вмѣшивается — столько моды, въ нихъ бываетъ такая непродолжительность времени, что глупо было-бы ими тщеславиться.

«Сочинитель, столь долгое время и такъ громко призываемый, наконецъ, повинуясь публикѣ, являюсь я передъ нею. Въ надеждѣ, что читатель, теперь меня уже знающій, продолжитъ ко мнѣ свое благорасположеніе, которымъ пользовался я, когда меня не знали, осмѣливаюсь, подписывая сіи замѣчанія, объявить себя моимъ читателямъ покорнымъ и благодарнымъ слугою. *Валтеръ Скоттъ. Абботсфортъ, 1-го Октября 1827 года.*

Надобно признаться, что умнѣе и добродушнѣе не льзя было, кажется, написать подобнаго объявленія, и мы охотно вѣримъ, что В. Скоттъ говоритъ искренно. Какъ не повторить послѣ этого словъ извѣстнаго писателя: »Слава! слава! что »ты такое? Какъ гоняется слава за тѣмъ, кто о »ней не думаетъ, и какъ бѣжитъ она отъ тѣхъ, кто »гонится за нею!« Сколько явочныхъ прошеній подавано было о бѣгствѣ славы отъ людей, которые цѣплялись за нее обѣими руками! И сколько людей спали спокойно, а слава молча подкрадывалась къ нимъ!

Мы вѣрно не наскучимъ читателямъ, выписавши еще отрывокъ изъ письма В. Скотта (отъ 2-го Августа, 1827 года, изъ Абботсфорта) къ другу его Фергуссону, который рекомендовалъ ему Италіянца Бальмано, желавшаго выгравировать

Digitized by Google

эстампъ, съ картины, писанной славнымъ Вилькіе и бывшей на выставкѣ Королевской Парижской Академіи Живописи, въ 1818-мъ году. На этой картинѣ изображенъ былъ В. Скоттъ со всѣмъ своимъ семействомъ. »Г-нъ Бальмано (пишетъ В. Скоттъ) требуетъ отъ меня еще разсказовъ о самомъ мнѣ и моихъ ближнихъ, желая, какъ говоритъ онъ, вполнѣ и безъ наряда показать меня: жаль, что у меня нѣчего разсказать такого, что было-бы достойно вниманія публики. Ей, вѣроятно, мало нужды знать, что, на примѣръ, въ послѣднюю поѣздку мою въ Парижъ перемѣнилъ я старую мою *robe de chambre* на прекрасную douillette. Право, нѣтъ человѣка, сколько нибудь извѣстнаго въ Литтературѣ, котораго частная жизнь была-бы такъ незамѣчательна какъ моя; мнѣ ничего не случилось преодолѣвать, ни по рожденію, ни по воспитанію моему, и у меня столько же найдется предметовъ для разсказа, сколько у того человѣка, который говаривалъ: «Моя «исторія? Слава Богу! у меня нѣтъ исторіи разсказать вамъ!«

»Что касается до людей, изображенныхъ на картинѣ, изъ нихъ . . . такъ всегда почти бываетъ съ бѣдными смертными, когда оглядываются они на прошедшее! . . . изъ нихъ, въ пять или шесть лѣтъ, уже нѣсколькихъ не стало: они оставили намъ только грустное воспоминаніе.

»Вилькіе представилъ мое семейство, въ костюмѣ обитателей южной Шотландіи, занятое приготовленіемъ небольшаго праздника. Мѣсто дѣйствія терраса Кейсидская, откуда прекрасный видъ

Digitized by Google

на Эйльдонскіе холмы. Я, Сиръ В. Скоттъ, сочинитель нѣсколькихъ дюжинъ томовъ, владѣтель Абботсфортскаго помѣстья, въ Графствѣ Руксбургскомъ, занимаю первое мѣсто въ картинѣ; No 2й, напереди картины, добрый другъ мой, Сиръ Фергуссонъ, хранитель Королевской Шотландской печати; No 3й, почтенный старикъ, бывшій почти 84-хъ лѣтъ, въ то время, какъ писана картина, и принадлежавшій къ обширному клану Скоттовъ: онъ изображенъ въ платьѣ Шотландскаго пастуха и всегда отличался между ими тѣмъ, что въ жизнь свою не бывалъ ни разу fou, не ударилъ никого въ досадѣ, и всегда имѣя много денегъ, которыя давали ему для раздачи другимъ, употреблялъ ихъ всегда хорошо. Онъ недавно умеръ въ Абботсфортѣ.

»Слѣдуютъ изображенія трехъ особъ женскаго пола. Одна изъ нихъ была мать, оплакиваемая нынѣ всѣмъ семействомъ. Подлѣ нее Миссъ Софія, Шарлотта Скоттъ, нынѣ Г-жа Локкартъ, и младшая сестра ея Миссъ Анна Скоттъ, обѣ въ костюмахъ молочницъ.

»Что касается до двухъ мальчиковъ, изображенныхъ на картинѣ, одинъ теперь Капитанъ гусарскій; другой, Карлъ Скоттъ, младшій изъ всего нашего семейства, учится въ Оксфордскомъ Коллегіумѣ. Живописецъ не забылъ и двухъ большихъ собакъ, бывшихъ любимицами всей семьи; изъ нихъ одна называлась *Мадда* и была изъ старинной породы Гейглендскихъ собакъ, нынѣ весьма рѣдкихъ, а подарена была мнѣ Глейрерскимъ старшиною; другую звали *Уискъ:* это Гейглендская ищейная собака, особливой породы, также рѣдкой, и

Digitized by Google

подарена была мнѣ Мистриссою Сшюаршъ Маккензи.«

»Бѣдная Мадда, увы! не существуетъ болѣе! Она преселилась къ знаменитымъ собакамъ, каковы были: Бренъ, Луатъ, и проч., и, также какъ онѣ, удостоилась надгробія, въ которомъ, къ чести надгробной Словесности Шотландской, въ двухъ строчкахъ, только *одна* ложь.«

Журнальный сыщикъ.

Парижскія моды (*).

Une des couleurs à la mode pour le gros de Naples, ainsi que pour la popeline unie ou brochée, pour le mérinos broché, surtout pour la popeline, est *biche.*

Les élégantes portent en demi-toilette, tant à la promenade qu'au spectacle, et en soirée, des robes en foulard des Indes. Il y en a de toutes nuances, de tous dessins.

Quelques jeunes personnes portent des spencers de velours noir plain, à corsage en guimpe, et lacés par derrière. Les merveilleuses joignent à un spencer pareil une pélerine en dentelle d'Angleterre, froncée du haut et terminée par une grosse ruche de tulle.

Il y a des turbans nouveaux dont la calote est en velours noir plain, et la torsade en velours noir à raies de cachemire. Cette torsade comme séparée en deux, est, à gauche, beaucoup moins grosse que du

(*) Въ 31 Октябрѣ (н. с.), 1827 г.

Digitized by Google

côté opposé. Deux gances en or passementé, terminées par des glands, tombent sur l'épaule gauche.

Les modistes font beaucoup de bérets en petit velours jaune-girafe, à grandes losanges rose vif en satin: une rosette orne le milieu de la calote; et, par devant, deux oiseaux-de-paradis sont placés de manière que la queue s'incline vers l'oreille gauche.

Toutes les élégantes ont déjà leur manteau au spectacle; on voit même des *colliers* en fourrure et des *boas*. En chinchilla, un boa coûte 150 francs.

Les nouvelles pélirines, pareilles aux robes pour l'étoffe, ont les pointes du derrière et du devant assez longues pour que la ceinture passe par dessus. Au haut des manches, ces pélerines sont fendues comme un jockei *à la persane*.

Цвѣтъ *лани* — вотъ модный цвѣтъ для гроденапля, попелина, гладкаго и узорчатаго, мериносовой ткани узорчатой, особенно-же для попелина.

Въ полунарядѣ, на прогулкахъ, въ театръ и на вечера, щеголихи являются въ платьяхъ изъ Остъ-Индской тафты. Узоры и цвѣта оной различные.

Нѣкоторыя изъ молодыхъ особъ носятъ спенсеры изъ гладкаго, чернаго бархата, у которыхъ корсажъ до самой шеи, и зашнуровывается на спинѣ. Щеголихи прибавляютъ къ такому спенсеру пеллерину изъ Англійскихъ кружевъ, со складками вверху и большимъ тюлевымъ рюшемъ на краяхъ.

Появились новые тюрбаны: тулья у нихъ изъ чернаго гладкаго бархата, торсада изъ чернаго бархата, съ шалевыми полосами. Торсада, какъ-бы раздѣлена надвое и на правой сторонѣ гораздо огром-

Digitized by Google

нѣе, чѣмъ на лѣвой. Двѣ петлицы изъ золотаго галуна, съ шариками на концахъ, падаютъ на лѣвое плечо.

Модныя торговки дѣлаютъ много беретовъ изъ бархата желто-жирафоваго цвѣта, съ большими атласными ромбоидами ярко-розоваго цвѣта; по срединѣ тульи сихъ беретовъ розетка, а напереди двѣ райскія птички, приколотыя такъ, что хвосты ихъ склоняются къ лѣвому уху.

Въ спектакляхъ, всѣ щеголихи являются уже въ плащахъ; нѣкоторыя носятъ даже мѣховые воротники и *боа*. Шиншилловая боа стоитъ 150 франковъ.

Углы новыхъ пеллеринокъ, дѣлаемыхъ изъ тойже матеріи, какое бываетъ платье, такъ длинны, что напереди и назади поясъ идетъ сверхъ ихъ. На плечахъ сіи пеллерины разрѣзаны какъ jockei *à la persane*.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама*. Гроденаплевая шляпка, съ углами изъ газовыхъ лентъ, сосшивающими наискось кружокъ около всей тульи. Гроденаплевое платье, убранное воланами. Кисейная канъзу. Галстухъ, шелковый платочикъ, спереди прикрѣпленный эмалевою бабочкою. *Озажскій* поясъ.

2. *Мужчина*. Пуховая шляпа. Фракъ съ однимъ рядомъ металлическихъ пуговицъ. Казимировый жилетъ съ позолоченными пуговками. Казимировые брюки, застегнутые внизу перламутровыми пуговками.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стр.

Театральное Искуство.

Нѣсколько мыслей о Лекенѣ и Театральномъ Искуствѣ (*Соч. Тальмы*). - - 5 и 149

Исторія.

Піемонтская кампанія Французовъ, въ 1796 г. (отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, соч. В. Скоттомъ). - - - - - - 69

Теорія Изящ. Иск.

Содержаніе и форма Изящной Словесности. 237

Статистика.

Рѣчь, при закладкѣ перваго шлюза, на соединительномъ каналѣ, между Москвою и Волгою, 29 Сентября 1827 г. (соч. Г-на Подполковника Сомова). - - - - 251

II. КРИТИКА.

Замѣчанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave, et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (*Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и Литературы въ Россіи*). - - 23 и 102

Критическое обозрѣніе Русской Литературы, помѣщенное въ Revue Encyclopédique. 182

Хозяйственная Статистика Россіи, составл. В. Андроссовымъ. М. 1827 г. - - 259

Digitized by Google

Стр.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1826 и 1827 годовъ. 38, 129, 197 и 273

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ и вновь предполагаемыя. 52, 137 и 226

О послѣднемъ, необыкновенномъ переломѣ въ Англійской торговлѣ и промышленности. 283

Digitized by Google

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

		Стр.
В—о М. —	Отрывокъ изъ Байронова сочиненія: *Манфредъ* (съ Англ.).	65
Вяземскаго, Князя П. А. —	Выдержка.	122
Илличевскаго А. Д. —	Куплеты.	72
Л. М. Н. —	Пѣсня Миньоны (изъ Гёшева *Вильгельма Мейстера;* съ Нѣм.).	74
Ломоносова М. В. —	Вновь найденныя стихотворенія.	169
Ротчева А. Г. —	Подражанія Корану.	171

Цвѣты изъ Греческой Анѳологіи (съ Греческаго). 3

Проза.

Заколдованный домъ (Повѣсть Ирвинга Вашингтона). 14, 75 и 125

Три брата. Китайская сказка. 173

II. СМѢСЬ.

Отрывки писемъ изъ Парижа (Я...Т.). 52 и 106

Литтературныя извѣстія. 54 и 112

Журналистика. 55, 114, 158 и 203

Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). 63, 119, 164 и 215

Къ сей части принадлежатъ: *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ, *портреты*: *Байрона* и *Георга Каннинга*, бывшаго Министра Великобританскаго.

Digitized by Google